

Дуглас Рид

Хотел ли Гитлер войны: к истокам спора о Сионе

ВСТУПЛЕНИЕ

Казалось, ответ на вопрос о том, кто начал войну, определен раз и навсегда. Война у нас — для всей страны — была одна: Великая Отечественная, Вторая мировая. Начала Германия. Другие страны Запада сначала попустительствовали, потом выжидали. Мы немцев победили, тысячелетний *Drang nach Osten* в военном плане потерпел провал. Цена была уплачена колоссальная. Помним до сих пор.

Вроде все ясно: белое — это белое, черное — это черное, и даже книги разных перебежчиков роли не играют. О том, где дали маху или почему «просели», знаем и сами. Чего-чего, а самокритики, переходящей в самоунижение, нашему человеку не занимать.

Но все ли мы знаем о начале войн XX столетия и уж тем более о войнах наших дней? Все ли мы понимаем правильно, не так, как нас учат понимать СМИ и разного рода ньюсмейкеры, вколачивающие в наше сознание нужные им стереотипы?

За время, прошедшее с окончания Второй мировой, было много локальных конфликтов. И каждый раз мы, увы, не замечаем, как во многих из них проявляется то, что называют «мировыми тенденциями». Мы не понимаем их по одной причине: нас вводит в заблуждение форма, внешний вид, обертка, хотя направленность этих тенденций вечна и неизменна.

Но есть и другая сторона — наличие того, что принято называть тайной дипломатией, а также существование интересов экономических, политических, национальных групп, которые преследуют сугубо свои корпоративные цели. Автор этой книги изучал именно эту, закулисную, сторону мировой политики, в том числе и накануне Второй мировой.

Сегодня часто говорят: зачем копать в прошлом, ведь все равно на дворе другое время? Время и правда другое, но только на календаре. Но мы видим, что, когда европейским государствам и их патрону, США, нужно решить свои геополитические проблемы в Европе, они действуют точно так же, как действовали Англия и Франция накануне Мюнхенского соглашения. Война против Югославии, война в Ираке, проникновение в Закавказье... это только некоторые из примеров последнего десятилетия. И в этой ситуации поражает то, насколько сходятся цели и информационное сопровождение этих агрессий, а визуальный ряд вызывает крайне неприятные ассоциации. Во время натовской агрессии в Югославии на телеэкране промелькнули кадры, снятые в танковом подразделении немецкого контингента. Картинка просто резанула по сердцу — они стояли так же, как их прадеды в 41-м где-нибудь на Смоленщине, так же улыбались, так же чувствовали себя хозяевами над подмятой гусеницами их танков не своей земле.

Отдельно стоит вопрос о фальсификации истории. Можно сколько угодно смеяться над российским руководством, которое создает специальные комиссии по борьбе с фальсификаторами, но проблема-то есть! Уже политическая система СССР приравнена к нацизму, уже действия в отношении Польши перед Второй мировой объявлены геноцидом, уже Парламентская ассамблея народов Европы (!) перелагает ответственность за развязывание Второй мировой исключительно на Советский Союз и Германию... куда же дальше?

Все эти демарши имеют далеко идущие последствия. То, что происходит очередная попытка со стороны ряда европейских государств и США найти козла отпущения и окончательно дистанцироваться от событий войны, не видно только слепому. Но пересмотр итогов войны на словах вполне может завершиться пересмотром европейских границ на деле. Причем границ, определенных по итогам Второй мировой. Пробная попытка в Югославии уже была сделана. Сколько еще надо таких попыток, чтобы все нормальные люди поняли, что в действительности происходит вокруг них и чем все это чревато?

Книги Дугласа Рида отвечают на этот вопрос, заставляя каждого из нас думать и не верить в белозубые улыбки и очередные PR-заклинания о «цивилизованных странах», желающих всем не похотим на них исключительно добра и счастья.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга об одном немце. Его зовут Отто Штрассер. Протолкавшись, если можно так сказать, к сцене в двух своих других книгах^{1}, в этой я хочу сыграть роль этакого конференсье — человека, который открывает представление, а затем прячется за кулисами. Представление идет своим чередом, а этот тип время от времени, в перерывах между действиями, выходит на авансцену, чтобы напомнить вам о своем присутствии и о том, что именно он распоряжается всем действием и что без него ничего толком и не случится.

Сегодня, когда война уже началась и самый сложный вопрос, терзавший нас на протяжении многих лет, наконец-то получил ответ, со всей очевидностью встают новые и новые вопросы. Их очень много, но заслоняет все один-единственный: «Какой выйдет из этой войны Германия?» В поисках ответа на него мы неизбежно должны обратиться к фигуре Отто Штрассера, человека, о котором до войны знали разве что единицы. А между тем фигура эта очень важна.

Он может сыграть весьма существенную роль в ответе на поставленный мною вопрос. Я говорю «может» потому, что война — штука менее предсказуемая, чем мир; это как перерубленный кабель высокого напряжения, конец которого мотает во всех направлениях, и вы никогда не знаете, где, как и кого он заденет; и рубильник тут уже бесполезен.

Многие люди, писавшие на эту тему, вполне аргументировано показали, что события, приведшие к войне, можно было весьма точно предсказать заранее: строго говоря, это — их ремесло, и они вполне могли сделать это подобно доктору, который по особым признакам может рассказать о перспективах развития болезни. И лорд Галифакс, выразивший в одной фразе общую позицию большинства британцев, всего лишь облек в словесную форму ложный посыл, пусть и звучавший крайне убедительно. Он сказал: «Мы не верим людям, которые точно предсказывают грядущие события». Но это всего лишь обычная расхожая фраза, которая служит оправданием для прикрытия собственной бездеятельности и привычке откладывать все на завтра. Не более^{2}.

Политика в мирное время — очень точная наука. Об этом знают все, кто знаком с политиками. Война, эта «политика, реализуемая другими средствами», набрасывает на будущее своего рода дымовую завесу. Но сейчас, в начале 1940-го года, я бы заключил такое пари: Германия не выйдет из этой войны в виде государства, в котором безраздельно властвует Адольф Гитлер; не победит она и всех врагов. Ближайшие несколько месяцев или год-два покажут, что и в Германии происходят изменения. К власти в рейхе начнут приходить новые люди. Но это отнюдь не будет

означать, что нашим тревогам и беспокойствам придет конец — напротив, это, возможно, будет только началом.

Отто Штрассер наделен особыми качествами, и он имеет некий шанс — если, конечно, воспользуется им. Ведь не так давно и Гитлер, который сегодня единолично восседает на троне, был никому не известной фигурой; нынешний Отто Штрассер — малоизвестный эмигрант, но в недалеком будущем и он сможет вступить на путь, ведущий вверх.

Став мужчиной — а для моего неистового поколения это было в самом начале последней войны, в 1914 году, я больше прожил в Германии, чем в какой-либо другой стране, в том числе и у себя на родине. Я был поглощен изучением этой необычной, словно история про доктора Джекилла и мистера Хайда, страны, этого проклятия нашего времени. За несколько месяцев до того, как разразилась теперешняя война, уже будучи охваченным чувством, что она тут, она надвигается, я начал собирать материал об Отто Штрассере. Я верил, что когда война таки начнется, то это потерянное колено немцев, политэмигранты неизбежно станут важным фактором, неизбежно наберут политический вес, и что Отто Штрассер станет самым главным среди них. В то время в голове моей уже строились некие предположения о том, какой будет Германия после Гитлера, однако на тот момент общественное мнение в Англии не заглядывало так далеко, и эта книжка была бы несколько преждевременной.

Но вот война началась, и об этом человеке сразу заговорили. Это с новой силой возбудило мой интерес, и идея переросла в намерение. В ходе вечерних прогулок по улицам покоренного, но не выключившего иллюминации Парижа, закрытые магазины которого говорили о том, что вот война уже третий раз на жизни одного поколения приходит в этот город и изгоняет людей оттуда; во время посещения парижских ресторанов, среди господ со сверкающими лысыми и их блондинистых спутниц в мехах; долгими днями и вечерами в ходе непрерывной работы, сидючи в номерах отелей, я изучал Отто Штрассера, спорил с ним, вопрошал его, исследуя его боевое прошлое и его планы на будущее.

Результат этой работы настолько захватил меня, что справиться с желанием описать все это я просто не смог. Не только из-за политических принципов и планов Отто Штрассера; не только даже из-за силы его личности, хотя его присутствие было приятным и стимулировало к работе, да и к нему я относился очень хорошо, как, впрочем, к каждому отдельно взятому немцу, но из-за содержания его жизни, которое возбуждало во мне инстинкт рассказчика и тянуло меня к пишущей машинке.

За дни, прожитые в Париже, я как бы заново пережил жизнь человека С-Другой-Стороны; жизнь, гораздо более наполненную приключениями и событиями, чем моя собственная, которую очень трудно назвать монотонной; жизнь другого человека нашего неистового времени, человека, подпавшего под все возможные бури. Жизнь, по моему мнению, гораздо более увлекательную, чем жизнь Гитлера. С его помощью, через его личность я вновь прочувствовал пульс той бурлящей, беспокойной Германии, которая не дает нам успокоиться, той вызывающей неприязнь и в то же время очаровательной земли, где я прожил много лет.

Эта история изложена в настоящей книге. Меня в равной степени интересовали как приключения из жизни Отто Штрассера, так и его политические изыскания. Для меня было непривычно описывать жизнь и мысли другого человека в тот момент, когда мне самому было что сказать. Строго говоря, мне пришлось даже ограничить себя — я не мог время от времени выбегать на сцену или оттаскивать главного персонажа в сторону. Кто-то заметил по поводу моих предыдущих книг, что самым большим моим просчетом в них было то, что я все время выпирал

свое «я» на первый план — в этом, собственно, и было чуть ли не главное их достоинство. Тем не менее, на этот раз я, едва не заработав инсульт, справился с собой и затушевывал свою авторскую сущность.

История, которую я должен рассказать, весьма важна. Гитлер почти отыграл свое. Он долго портил нам кровь. Он был чем-то вроде опереточного Наполеона с настоящей гранатой в кармане; словно нелепый ребенок, нарисованный карикатуристом, внезапно сошел с бумаги и предстал перед ошеломленной публикой, стреляя настоящими пулями из своего пистолета.

Еще немного мелодраматических поз, жестов и публичных речей — и он уйдет. А из-за кулис уже выглядывают кандидаты в преемники, и среди них двое основных: Геринг, толстый, этакий гибрид Фальстафа и Нерона, безжалостный, коварный, известный всему миру. И Отто Штрассер, бедный, неизвестный, изгнанник, но не запуганный. Они оба значимы для вас, как были значимы Австрия, Чехословакия и Польша. Об этом я писал в «Ярмарке безумия» и «Безмерном позоре» — и оказался прав. Думаю, что и написанное ныне — тоже правда.

Ваше мужество, ваша решительность, ваше «то да се» не помогут вам, если ваши руководители упустят из рук мир. Если они сделают это, то вы окажетесь в самом незавидном положении. Человек по имени Гитлер не принесет вам пользы, а ваши страдания, ваши жертвы и ваше мужество в этой новой войне окажутся напрасны, так что последующие двадцать лет будут куда хуже, нежели только что пережитое нами двадцатилетие. Будущий мир гораздо важнее самой войны, и на своем собственном опыте вы сейчас видите, что значит потерять мир или, точнее, бездумно отбрасывать победу только потому, что вам не нравится напрягаться и собраться с силами последний раз, и вы намерены довериться громиле, потому что убоялись несуществующего призрака. Вот в чем важность этой истории, которую я расскажу в своей книге.

Глава 1

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Весной 1939 года, проведя много лет за границей, я вернулся домой, в Англию. Я был свидетелем немецких вторжений в Австрию и Чехословакию. А поскольку я возвращался домой через Польшу, то со всей очевидностью узрел, что следующей жертвой будет именно эта страна. О чем и написал в «Безмерном позоре». Тогда я знал (и писал), что наша неизбежная дилемма, ставшая таковой благодаря нашей внешней политике, уже не просто требует решения, а вопиет о нем: либо мы должны вступить в войну с Германией, либо мы должны капитулировать и встречать в Лондоне немецкие войска.

Я видел, что пройдет несколько месяцев и мы будем вынуждены так или иначе принять решение. Я решил использовать это время для того, чтобы осмотреться вокруг и понять, что думает по этому поводу моя родная страна, поведение которой, тем не менее, сбивало меня с толку больше, нежели политика какой-нибудь другой державы. Я никак не мог понять, откуда берется этот ленивый скептицизм, сводящий на нет любые усилия, направленные на то, чтобы разбудить эту страну и, таким образом, избежать войны. Я не мог понять, откуда берется боязнь приложить хоть какие-то усилия, боязнь, которая, казалось, лежит в основании такой позиции. Я не мог понять, почему эта страна, с одной стороны, совершенно пассивно дает вовлечь себя в войну, которой можно избежать, а с другой стороны, открывает настежь ворота для притока не

ассимилирующихся в этой среде иностранцев, намерение которых, с началом войны, стало очевидным: устроиться на местах, оставленных молодыми британцами, которые не сегодня завтра уйдут на поле брани.

Кроме того, смутно рисовавшееся состояние Англии после войны было полно опасных призраков, причем надеяться на пробуждение общественного мнения в этой ситуации было бы так же глупо, как на его пробуждение ввиду грозящих опасностей войны. Все, что было хорошего в Англии, оказалось погребено под чужеродным, принесенным извне образом жизни и образом мыслей, который завоевал неслыханно прочные позиции в литературе и прессе, в театрах, на киноэкране, в радиопередачах и ресторанных меню, в искусстве, парламентских дебатах — одним словом, везде.

Мы собирались вступить в войну, чтобы в очередной раз сохранить целостность Англии и не допустить неприятеля на ее землю. И в то же время мы открыли свои границы чуждым влияниям, подобных которым они никогда не видели. И самой безумной, выходящей за пределы здравого рассудка вещью, которой я не видел даже в сумасшедшем доме Ярмарки безумия, было то, что мы собирались дать этим чужакам преференции по отношению к нашим, своим, коренным жителям. Их нужно было назначать на места, освобожденные молодыми людьми, ушедшими на фронт. А уж если они сами изъявляли желание «пойти на военную службу», то они могли даже получить британское гражданство — но условием этой, с позволения сказать, «службы» (давайте будем честны!) было то, что их никогда не посылали на передовую! Их жизни нужно было хранить любой ценой, дабы после войны они могли жить в Англии мирно и обеспеченно; а тем временем жизни молодых англичан бездумно пускались на ветер.

У меня нет подходящих слов, чтобы описать это умопомешательство. Я видел то, что нас ожидает, и описал это в «Безмерном позоре». И вот оно свершилось. Две вещи, которые я предвидел и которых боялся — война, которая пожрет в своем горниле еще одно поколение британцев, и чужеродное влияние, которое поражает гнилью самые корни британской жизни, стали реальностью. Перспектива мрачна. И при таком раскладе мы не станем лучше по окончании войны — и даже не важно, выиграем мы или нет. Но для этих, вновь прибывших, это будет игра в «орла или решку». Я видел, как эти люди подбрасывают монетку в Берлине и Вене.

Похоже, что мы крепко-накрепко привязали себя к политике, суть которой — делать ошибку за ошибкой. И состояние дел в Англии не сулит ничего хорошего.

И вот, находясь в таком неудовлетворительном состоянии, я отправился в поездки по Англии. Свои впечатления я опишу в другой книжке. Патриоту, радеющему за свою землю, они не прибавили смелости; напротив, его опасения лишь усилились, так что по окончании войны, в случае если эта политика будет продолжена, вы увидите, что они были совсем небеспочвенны. В этих поездках я увидел много интересного, побывал в незнакомых и странных местах, в одном из которых, кстати, самом странном, я и принял решение написать книгу об Отто Штрассере.

Итак, настроившись на новый лад, я двигался вдоль пустынного побережья и вдруг наткнулся на голдсмитовскую «покинутую деревню»{3}, загадочное, полное тайн место, скрывающееся за утесом. Оно появилось передо мной словно из ниоткуда.

Разрушенная гостиничка; дома без стен и крыш; пустынные, усыпанные дранкой улицы; случайный цветок, выглянувший из развалин, словно желающий показать, что когда-то здесь был сад; куски старых обоев; ржавые каминные решетки, за которыми когда-то горел огонь, согревая усталых рыбаков; пара цыплят, клюющих какой-то сор; одинокая взлохмаченная женщина с одним здоровым глазом и единственным зубом во рту. Она стояла, прислонившись к стене и смотрела,

как я иду по улице. Это было самое жуткое место, в котором я когда-либо бывал. Я шел по дранке, и из-под моих ног вылетали резкие, неприятные звуки. И хотя солнце еще стояло высоко в небе, ощущение было не из приятных.

Я увидел, что женщине просто не терпится поговорить со мной, и поздоровался. Она ответила: «Добрый день, господин», после чего поведала мне простую историю. Когда-то здесь была вполне зажиточная рыбацкая деревня. Но как-то ночью сюда нахлынула волна, да такая, какой никто никогда не видывал, и разрушила деревню. Никто, правда, не погиб, однако все рыбаки предпочли переселиться в дома, которые построило правительство в более безопасном месте, примерно милей выше от этого утеса, отсюда его не видно. Так что все уехали, все — кроме нее.

Она же предпочла (почему, об этом я так и не узнал) отстроить свой дом на прежнем месте, и вот уже много лет она живет здесь, одна-одинешенька в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки. Здесь был хороший пляж, поэтому летом у нее жили какие-то постояльцы; порой к ней заезжали любопытствующие автомобилисты, которым она подносила чашку чая. Но сейчас все прекратилось — власти считают, что ведущая сюда с вершины холма дорога слишком опасна, а потому перекрыли ее шлагбаумом. Так что всякие путешественники останавливаются уже на холме и не спускаются вниз, в разрушенную деревню. А теперь еще война и никаких тебе отдыхающих. Да еще эта светомаскировка...

Светомаскировка! Только ее окно светилось посреди этих руин, отбрасывая отблески на волны, плескавшиеся чуть ли не у крыльца. Через это окно ей был виден свет от большого маяка, что стоял на мысу в миле отсюда. Он и теперь, во время войны, как и в часы мира, обходил дозором окрестности, представляя на всеобщее обозрение и шхуны британских рыбаков, и подлодки немцев. «Я тут, я тут, я тут», казалось, говорила крыша ее дома, попадая под его слепящий луч.

Свет был ее другом. Но теперь по ночам она могла его и не увидеть. И хотя в ее доме уже не было никаких гостей, да и зима приближалась, так что сюда почти никто не забредал, тем не менее, человек, ответственный за светомаскировку, приходил к ней сверху и приказывал тушить огни. Как же смеялся Большой Огонь, когда исчез его товарищ, Маленький Огонек, который он видел столько лет! И вот теперь она сидела одна-одинешенька в своей маленькой комнате, в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки, посреди этих кирпично-цементных призраков, и затемняла свое маленькое окно. Ее комната не была защищена от газов, она ничего не понимала в этом. Но как же она ненавидела светомаскировку!

— А вы берете постояльцев в это время года? — спросил я ее после того, как она закончила свой рассказ.

— Да, господин, — с удивлением в голосе ответила она.

— Знаете... у меня есть пара свободных дней, так что я останусь у вас, — сказал я. — Мне просто надо кое-что обдумать.

Это было очень странное место. «Что ж, была не была», — подумал я, оглядываясь по сторонам. В комнате было сыро, как в колодце, она была невелика — в ширину словно входные двери в храм. Впрочем, я бывал и в худших, хотя и не в таких странных местах.

Очень хорошее место для размышлений. Я думал о войне, о том, что будет после нее, стоя на волнорезе, и, помешивая носком ботинка дранку, глядел на чаек. Ночью мы беседовали и как!

Мы сошлись на том, что рыбаки были правы, что Большая Волна пришла из-за того, что власти графства выбирали слишком много песка с побережья (разве мы не говорили, что к добру это не приведет?). Мы говорили о немке-поварихе, работавшей в гостинице, что наверху — она уступила мольбам всех знавших ее: люди просили ее не уезжать из-за войны. Мы сошлись на том, что,

принимая во внимание все обстоятельства, мы бы на ее месте, скорее всего, уехали бы домой, как бы нас ни уговаривали. А уж что мы говорили о светомаскировке! Старуху как прорвало, она болтала без умолку. Ей это нравилось.

Я тоже был не против, но в конце концов сказал:

— Теперь я пойду. Я собираюсь написать книгу об Англии и Германии, о Геринге и Отто Штрассере, о том, как закончится эта война и что будет после нее. Быть может, я снова появлюсь у вас ближе к Рождеству. А пока — прощайте.

— Эх, жаль, что вы уходите, господин, — сказала она. — С вами было хорошо. А вы собираетесь написать книгу? Вот прямо вот так?

— Ну да, — ответил я. — Я раб привычки. Кто-то может взять книгу, кто-то — обойтись без нее. Я не таков. Я как алкоголик — каждый последующий бокал уж точно будет последним! Я всегда готов повернуть какую-нибудь Treppenwitze{4}.

— А что это такое? — спросила она.

— Шутка или что-то в этом роде, о чем вы думаете после вечеринки, спускаясь по лестнице, — сказал я. — Вы говорите о том, чего вы хотите. Но у меня есть преимущество над этими тормозящими шутниками — я возвращаюсь и реализую свои шутки, пусть и в другой книге. Никто не скроется от меня. Так-то вот!

— Хм... это интересно, — проговорила она, стрельнув в меня своим светлым, но пустым глазом. — До свидания, господин.

Поднимаясь в гору по тропинке, я буквально чувствовал, как этот глаз сверлит мне спину. Добравшись до верхушки, я оглянулся и помахал рукой. Она стояла перед домом, посреди остовов других домов, в которых когда-то жили друзья ее детства. Под ногами у нее копошились цыплята.

В поисках Отто Штрассера я отправился во Францию. Я ехал поездом и плыл на пароходе. Поезд то и дело останавливался. Пароход отчалил на несколько часов позже. Так как все каюты были заняты, ночь я провел, расхаживая по палубе. На следующий день я был уже во Франции — я наслаждался бокалом Дюбонэ, ел омлет с грибами, потягивал Клико, для контраста вкусов заедал кусочком Бри, пил кофе с ликером «Гранд Марнье». О, земля гастрономического совершенства, земля искусства жить!

Радостный и беззаботный, я ненадолго заскочил в Париж. Мне казалось, что его улицы полны призраков британских солдат, рванувших сюда в 1918-м с передовой, чтобы отпраздновать победу. Победа!

Вдохнув таким образом полной грудью парижского воздуха, я побрел на Монпарнас. Я искал Отто Штрассера. В итоге я нашел его в скромной комнатке отеля, расположившегося на одной из тихих улочек.

Я видел простых беглецов, которые становились королями. Я видел королей, которые, находясь в ссылке, становились обычными людьми. Я видел президентов в дворцах и на съемных квартирах. Я видел, как доходят до пика популярности и уходят в небытие политики — словно целлулоидный мячик, что пляшет на струе фонтанчика в тире. Передо мной был человек, которому только что не удалось сыграть большую роль, человек, который назвал Гитлера обманщиком в то время, когда все остальные аплодировали ему и называли гением, человек, которому, возможно, в ближайшее время все-таки придется сыграть роль очень заметную.

Я с головой окунулся в изучение этого человека по имени Отто Штрассер. И вот он перед вами. И так — занавес!

Глава 2

НАБРОСОК К ПОРТРЕТУ

На некоторых снимках фотографы ставили Отто Штрассеру суровый взгляд, он сжимал губы подобно диктаторам всех времен, принимая вид сильного-человека-кандидата-на-победу.

Отто Штрассер и правда может быть таким, однако обычно он не носит на себе подобную личину. Обычно он энергичен и улыбочиво дружелюбен. Я не имею в виду, что у него с лица не сходит улыбка, нет, но его естественное состояние — это веселость и сердечность. У него нет внутренней ненависти к жизни и к своим соратникам, что явно есть у Гитлера и что придает последнему облик человека подозрительного, якобы все и вся контролирующего и пресекающего любые попытки самостоятельности.

Штрассер в гораздо большей степени боец, чем Гитлер. Никто не скажет, что он будет распускать нюни и терзаться от того, что самого главного врага человечества, марксизм, нельзя засадить в концлагерь; он сражается даже тогда, когда ситуация складывается не в его пользу, хотя в его сердце живет неутрачиваемая ненависть к людям, за которыми числится суровый, даже кровавый должок, и уж если они попадутся ему, то заплатят по самому высшему разряду.

Однако все это никак не проявляется у него на лице, ибо его внутреннее «я» выглядит совершенно иначе. Двадцать пять лет борьбы, предательства, разочарований, расстройств, непрекращающегося поиска и балансирования на грани смерти не запечатлелись на нем вопреки тому, как обычно бывает с людьми, достигшими высшей власти. Он остается таким веселым парнем, которому живется нелегко, но который любит от души, пьет и ест тоже от души, выполняет свое предназначение с удовольствием, никогда не забывает про свой револьвер, парнем, которому надо переделать кучу дел, который любит свою страну и еще — любит смеяться.

Он являет собой полную противоположность Гитлеру. Гитлер — это любитель пирожных, проповедующий спартанский образ жизни; Гитлер — сторонник безбрачия, одновременно ратуящий за большие семьи; Гитлер — любитель передвигаться на машине и покоиться в кресле, ратуящий за физкультуру и спорт; Гитлер — это некурящий и непьющий вегетарианец, стоящий во главе одной из самых любящих поесть и выпить наций в Европе. Гитлер — проповедник борьбы до последнего и человек, отдающий приказ о самозатоплении даже неповрежденным кораблям. Гитлер, написавший книгу под названием «Моя борьба», в жизни этой самой борьбы практически не знавший. К вершинам власти он прибыл в мягком сиденье автомобиля, как Ал Капоне в окружении телохранителей.

Штрассер же не прекращал борьбы с 1914 года.

Я бы назвал его типичным немцем — но не в том смысле, в каком это слово сегодня используют в Британии люди, которые не знают Германии и в сознании которых просто живет некий образ вульгарного и напыщенного толстяка. Словосочетание «типичный англичанин», используемое такими же людьми, но в Германии, также имеет нелестный оттенок. Англичане поистине

изумились бы, если б узнали, что рядовой немец находит в их внешности что-то от Raubtier{5}, нечто плотоядное.

Я очень долго прожил в Германии и полагаю, что обычный немец — это необъяснимая смесь хорошего и плохого, стойкости, энергичности, трудолюбия, юмора, таланта, с одной стороны, и грубости, зависти и бесчувственности — с другой. Однако, как ни странно, немцы обладают замечательным чувством юмора, и я частенько думал о том, что моим соотечественникам, у которого его слишком мало, стоит у них поучиться{6}.

Разница между Штрассером и Гитлером, который не похож ни на одного человека и практически не похож на немца, достаточно хорошо показана Германом Раушнинггом, некогда близким другом Гитлера, в его книге «Гитлер говорит» (на примере брата Отто, Грегора Штрассера):

«В Данциге да и на большей части Северной Германии Грегора Штрассера всегда уважали больше, чем Гитлера. Натура Гитлера была непонятна немцам севера. А тут — высокий, крупный Штрассер, чревоугодник и любитель выпить, чуть самолюбивый, практичный, с ясной головой, быстрый на действия, никакого пафоса и напыщенности, со здоровой крестьянской логикой — это был человек, которого мы понимали. Я присутствовал на последнем митинге перед тем, как мы пришли к власти. Дело было осенью 1932-го в Веймаре. Весь митинг определял Грегор Штрассер. Гитлер просто потонул в море растерянности и обвинений. Положение партии было отчаянным. Штрассер хранил спокойствие; уверенно и методично он добился того, что панические настроения были заданы. И именно он вел тогда партию. Гитлер же просто отошел в сторону».

В принципе, данное описание справедливо и для Отто Штрассера, потому что два брата были очень похожи. И если бы не интриги и резня, перед которыми бледнеют все средневековые козни итальянских князей и гангстерские войны Чикаго, то именно Штрассеры, а не Гитлер могли стать руководителями Германии. И тогда Германия никогда не узнала бы приятной, но истеричной и псевдопатриотичной жалости к себе и не пережила бы того самолюбования, которые она увидела при Гитлере. Возможно, что тогда удалось бы избежать войны. Быть может, скоро придет время, и Отто Штрассер подхватит дело своего брата.

Отто был достаточно симпатичным юношей — это мы видим на его фотографиях времен призыва в армию. Сегодня это мужчина средних лет, почти лысый, полный той неутомимой энергией, что удивляет всех иностранцев и утомляет многих имеющих дело с немцами. Я не лентяй, но после долгих часов дискуссий, споров, изысканий, сравнений мне зачастую уже хотелось крикнуть «хорош!», между тем как Отто Штрассер, казалось, только принимался за дело. Мне нравится эта энергия, я даже восхищаюсь ею. Кстати, то же самое можно сказать и о самом главном сопернике Отто Штрассера — Германе Геринге. Все это продукт немецкого климата и немецкого образа жизни.

А теперь представим, что Отто Штрассер идет быстрым шагом по темным парижским улицам. Человек среднего роста, в меру грузный, в меру коренастый, тяжеловатое, немецкого покроя пальто, такого же немецкого вида шляпа. Вы вряд ли обратите на него внимание, но он может сделать так, что вы его заметите. В нашем мире, этом театре марионеток, невидимая рука Судьбы в последнее время мягко, но постоянно подергивает за нити, ведущие к этой фигуре, проверяя их на прочность.

Это единственный человек из всех, покинувших Германию, который сражался! Беглецы рассеялись по многим странам. Кто-то тихо ушел в полное забвение. Другие, особенно эмигранты-евреи, развязали оглушающую всех и вся словесную войну. Они ведут себя очень дерзко — но в прессе, на радиостанциях Парижа и Лондона.

Но этот человек вступил в сражение, причем в одиночку, против Гитлера. Где бы он ни был, была ли у него какая возможность или нет, он мог бы совершенно спокойно и с полным основанием описать свои деяния в книге и назвать ее «Моя борьба» — потому что это была именно борьба. Борьба с морозами и туманами, полицией и паспортами, борьба с тайными преследователями и ложными друзьями, с убийцами и преступниками, с бедностью и поношениями, борьба с пулями и ядом.

Я не знаю, принесут ли ему удача и его личные качества то место, за которое он борется. Когда я первый раз встретил его, он читал книгу о Наполеоне, и в какой-то момент я спросил его: «Надеюсь, вы не хотите подражать Наполеону?» Он улыбнулся в ответ. Он часто говорил о новой Германии, которую он хотел бы построить и видеть Четвертым рейхом. Тут я опять удивился — хорошее новое название гораздо лучше модифицированного старого, тем более дискредитировавшего себя. А однажды он сказал мне, что весь этот продуманный и детально проработанный план создания нового рейха явился ему неожиданно, как видение. В душе моей появились какие-то сомнения — нам и так хватало видений, посещавших Гитлера.

Но будущее — за ним, и все зависит от него. Его прошлое полно усилий, мужества. Оно заслуживает уважения и того, чтобы о нем помнили. Если он достигнет желаемого, все это войдет в историю со страниц сотен книг. Но даже если он потерпит поражение, то это в любом случае — громкая и хорошая история.

Глава 3 НАЧАЛО

По-настоящему жизнь Отто Штрассера началась — подобно многим мужчинам, родившимся в Европе на рубеже веков, — с началом в 1914 году мировой войны. С момента ее приостановки, то есть с 1918 года, в его жизни, как говорят, было всего лишь пара минут покоя в год. Война вовлекла его в водоворот событий тех бурных лет, которые до сих пор каким-то особым образом воздействуют на нас.

Если сегодня мы посмотрим на тот тихий семейный круг, в котором вырос Отто, то увидим, что он совершенно типичен для большинства семей того времени. Старший брат, Грегор, мертв — его убил человек, которого он сам и выпестовал — Гитлер. Второй брат, Пауль, монах-бенедиктинец, последнее время живет в Бельгии; в Германии ему жить не давали, но ему удалось бежать оттуда целым и невредимым. Вообще о Пауле нужно сказать особо. После прихода Гитлера к власти он отправился в паломничество в Рим с группой молодых немцев. За это в газетах против него была развязана настоящая кампания, и на обратном пути его арестовали прямо на границе. Выйдя из заточения, он решил не давать своим преследователям нового шанса и уехал в Австрию, а оттуда, незадолго до вторжения Гитлера, в Бельгию.

Сам Отто находится в ссылке. Он — вне закона, и на протяжении многих лет за ним гоняются в разных странах мира. Самый младший брат, появившийся на свет на десять лет позже Отто, адвокат по профессии, служит младшим офицером в гитлеровской пехоте. Его зять, муж младшей и единственной сестры, является полковником той же армии. Грегор, Пауль и Отто служили на офицерских должностях во время Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Отто Штрассер родился 10 сентября 1897 года в баварском городке Виндсхейм. А за девять лет до этого неподалеку, в Браунау, что лежит аккурат напротив через границу с Австрией, появился на свет Адольф Гитлер. Однако эти два человека жили в совершенно разных мирах. Для того чтобы понять кого-то, нужно знать его происхождение. Так сказать, корни. Никто не может сказать что-то о корнях Гитлера. А вот у Отто Штрассера таких корней было три: глубокий немецкий патриотизм, унаследованная религиозность и сильные социалистические, отчасти также наследственные, убеждения.

Эти три аспекта и сформировали этого человека. Патриотизм был воспитан в нем местностью, в которой он родился, одним из самых красивых и замечательных мест во всей Германии — Франконскими землями Баварии. Здесь один потрясающий город соседствует с другим, не менее замечательным. В нескольких километрах от Виндсхейма лежит Ротенбург — потрясающий «живой» образец средневекового города, со стенами и башнями; мать Отто родилась в Динкельсбюле, по своей красоте соперничающем с Ротенбургом, и выросла в знаменитом деревянном Deutsches Haus^{7}, посмотреть на который съезжаются туристы со всего мира. Ее отец держал в этом родовом гнезде благородного баварского семейства гостиницу. Дед Отто Штрассера также был весьма тесно связан с Баварией, землей, вторая религия которой — пиво. Он делал чудное пиво, ибо был преуспевающим крестьянином и владельцем пивоварни. Место, где рос Отто Штрассер, было поистине чудесным; иностранец может всю жизнь думать и так и не найти ответа на вопрос о том, как соотносятся между собой эти благолепные города, благодатные и возделанные земли и то, что творит сегодня государство Германия.

Обитатели этих мест были благочестивыми католиками, и Штрассеры не отличались в этом от всех. Как, впрочем, и в остальном. Здесь-то и зародилось его религиозное чувство.

Третий из корней Отто Штрассера, политический, явился на свет достаточно необычно.

Политическая мысль, словно плоды на дереве, традиционно «процветает» во Франконии, которая дала Германии больше политиков, чем любая другая немецкая земля. Среди них — Штейн, Меттерних, барон фон Дальберг, Франц фон Зиккинген, Ульрих фон Гуттен и Флориан Гейер. Внешне отец Отто Штрассера был образцом тихого, прилежного, государственного чиновника не самого высокого ранга, служившего по судейской части. Но сердцем он был революционером и социалистом — но на христианской, не марксистской платформе.

Его ум, скрывавшийся за оболочкой рассудительного, рядового обывателя, был недоволен тем, что видели его глаза. Ему не нравились все эти придворные, вся эта роскошь, а потому он написал и анонимно напечатал (как и должен поступать госслужащий, если он хочет выразить свои мысли) книжку под названием Der Neue Weg (Новый путь), в которой изложил свои политические идеи в отношении Новой Германии. В то время, да и долгие годы после, многие немцы думали о Новой Германии. Пройдет всего несколько лет, и молодой Адольф Гитлер тоже начнет думать о ней. Книга была напечатана под псевдонимом «Пауль Вегер», хотя звали автора Петер Штрассер.

Политический зуд не давал Петеру покоя, и вскоре он пишет вторую книгу, однако тут за этим занятием его застаёт жена. Она была типичной супругой чиновника — со свойственным женщинам порывом она боролась за спокойное, прозаическое существование своих детей, за пенсию в конце жизни, на которую ее муж мог, как госчиновник, вполне рассчитывать, если только он будет держать язык за зубами и не рассказывать никому о своих убеждениях. В эту минуту в доме Штрассеров можно было услышать звуки легкой перебранки, однако, в конце концов, Петер Штрассер, человек мирный, отказался от своей затеи и запер рукопись в ящике стола.

И тем не менее, именно тут и появился тот политический «микроб», который, несмотря на все противостояние Hausfrau{8}, некоторое время спустя обнаружился в крови сыновей Петера. Точно такой же спор состоялся позднее и в жизни Отто Штрассера. Он привел к разводу с первой женой (сегодня он женат уже в третий раз). Однако, в отличие от отца, Отто Штрассер вышел победителем в этом домашнем споре, решив скорее расстаться с супругой, нежели поступиться своими политическими убеждениями. Он был непоколебимым революционером и социалистом, а его отец — разочарованным революционером и социалистом. Именно поэтому впоследствии отец всегда принимал сторону Отто во всех спорах.

Я написал здесь обо всем этом потому, что подобные детали помогают нам понять Отто Штрассера сегодняшнего: родная Южная Германия, религиозное воспитание, унаследованный интерес к политической проблематике.

Остальное — до тех пор, пока в воздухе не запахло порохом — к делу не относится. Почти. Школу он закончил в 1913 году, и поскольку отец не мог позволить себе платить денег за учебу (а он уже платил за учебу Грегора в университете и Пауля в гимназии), то Отто поступил учеником на текстильную фабрику.

«Это был ужасный год, — вспоминает он, — шесть месяцев при бухгалтерии и шесть месяцев в цехах». В первые полгода он научился только наполнять чернильницы (печатные машинки еще не добрались до этой фабрики), переписывать письма, приносить еду клеркам и рабочим в 10 утра и гасить штемпелем марки. За вторые полгода, уже будучи на фабрике, он научился лишь паковать продукцию. «Сегодня я могу упаковать товар как вам угодно... никогда не утеряю этого навыка». В сентябре 1914-го он смог продолжить обучение, — к тому моменту появились деньги, но в воздухе уже слышались залпы орудий Первой мировой.

Отто Штрассеру было 16 лет и 10 месяцев. 2 августа 1914 года, будучи в Аугсбурге, он записался добровольцем на фронт. В этот же день то же самое сделал и Гитлер, но только в Мюнхене. Штрассер хотел попасть в легкую кавалерию — о, эти длинные шинели, тяжелые сабли, бряцанье шпор! — однако, когда его вместе с тремя сотнями других добровольцев заперли на трое суток в казарме при школе верховой езды, забыв о них, он круто поменял решение и был зачислен в Четвертый артиллерийский полк. Причем взяли его туда только на испытательный срок в шесть недель — Штрассер показался слишком хилым для этого! Однако шесть недель превратились в пять лет.

Тогда он был шестнадцатилетним юношей. И именно в эти годы сформировались его характер и личность. И хотя война закалила его любовь к родине и к своей армии, он, тем не менее, с ужасом думал о том опыте, который он получил, будучи в шкуре новобранца и молодого бойца армии имперской Германии. Его описания пережитого лишь углубляют растерянность, царящую в душе иностранца, размышляющего о двойственности немецкого характера, о существовании в одной природе одного народа двух крайних противоположностей, когда самые высокие военные и гражданские человеческие качества стоят бок о бок со звериной жестокостью.

В глубине души Штрассер был настоящим солдатом, однако он считает офицеров запаса того времени самыми отталкивающими созданиями, когда-либо встречавшимися на его пути. Из 300 человек, числившихся в его подразделении, было около 180 студентов. И эти офицеры от всей души вымещали на них свою злобу и раздражительность. Причем делалось это таким образом, что в душе Штрассера поселилось неискоренимое неприятие этого сорта людей, ныне, к слову, составляющих верхушку командования чернорубашечников.

Но дадим слово самому Штрассеру. Пусть он расскажет об этом своими устами. «Как-то субботним днем, дело было в октябре 1914 года, когда мы готовились к увольнительной в город и надели было самую лучшую форму, причем девушки уже ждали нас снаружи, к нам зашел громила сержант, выгнал нас на плац и буквально заорал: «Кто говорит по-английски или по-французски — встать справа, кто играет на пианино — слева». В то время в войну только что вступила Турция, и мы, по простоте душевной, подумали, что тех, кто может понимать команды, отдаваемые турецкими офицерами на английском или французском, отправят в Восточную армию. Поэтому большинство встало справа. Тогда этот толстяк сержант выпятил свое пузо, злобно глянул на нас и сказал: «Значит, так. Сейчас любители играть на фортепьянах отправятся скрести полы, а умники-зазнайки, которые справа, до ужина будут драить сортиры. Остальные могут идти. Разойдись!» И с тех пор я никогда не заявлял в армии о своих каких-то умениях и способностях интеллектуального плана. Я пошел в туалет, увидел, что там все забито и вообще, кругом бардак. Тогда я попросил у нашего капрала длинный кусок толстой проволоки с крючком на конце, чтобы было легче чистить сортир. Когда я чистил нужник, капрал подошел и спросил: «А что это ты делаешь?» Я по уставу ответил: «Согласно приказу, чищу туалеты». «Ах ты, хитроумная тварь... встань на колени и чисти руками, как это делают солдаты». Мне пришлось просто лечь в это дерьмо и выгребать оттуда все руками. С того дня я возненавидел этих людей, которых не пронять ничем. Сегодня они все в СС. Эсэсовский дух родился именно там и тогда».

(Эсэсовцы, о которых говорит Штрассер, это одетые в черную униформу члены Schutzstaffel, бывшего элитного подразделения чернорубашечников, позднее занимавшиеся охраной концлагерей, пытками, убийствами и борьбой с «внутренним врагом».)

В четыре часа утра поднимали, чтобы идти в конюшни — чистить солому. Штрассер случайно предложил использовать вилы — тогда навоз падал на землю, а на вилах оставалась чистая солома. Но тут опять пришел тот же капрал, ненавидевший «проклятых умников», и приказал проделать всю работу руками. Один такой же тип заставил молодого призывника пить из плевательницы с окурками. Парень не смог вынести такого позора и застрелился.

В такие вещи практически невозможно поверить, но они происходили в Германии, и вы слышите рассказ о них, исходящий из уст немецкого патриота. Я знал о них, да и многие иностранцы знали об этом, и понимали, что этот дух, эти ничтожества окажутся в первых рядах, если национал-социалисты Гитлера одержат победу. Так и случилось; и хотя я не верю, что подобное происходит в немецкой армии сегодня, они проявились — как совершенно справедливо заметил Отто Штрассер — в другом виде: в зверствах СС и концентрационных лагерях. (Почти о том же самом я писал в своей «Ярмарке безумия».)

Хуже всего было Штрассеру из-за того сержанта, который особенно ненавидел его, видимо, из-за того, что тот был «умником».

В апреле 1915-го, уже на фронте, когда батарея стояла на позиции, он заставлял Штрассера ежедневно, в четыре часа утра, начищать ему сапоги. Он выставлял их на улицу и говорил: «Ну не пойду же я сам за ними на холод». Позднее, когда часть находилась в резерве, он поручил Штрассеру, хотя тот уже был капралом и не должен был ухаживать за лошадьми, почистить больных лошадей, некоторые из которых были настолько завшивлены, что их проще было пристрелить. При первом прикосновении к животным вши оказывались и на человеке, так что его товарищи по оружию не допускали его даже в палатку и он был вынужден ночевать на открытом

воздухе. Это и случилось со Штрассером. Его, пытавшегося хоть как-то уснуть, обнаружил один из офицеров, Он выслушал его рассказ и приказал никогда больше не использовать его на этой работе. Сержант же получил 14 суток ареста. Отбыв наказание и возвратившись в расположение, он случайно столкнулся со Штрассером. Он двинулся на юношу, изрыгая проклятия на том непечатном жаргоне, которым общались в те дни с нижними чинами подобные типы. «Сейчас я твои мозги по стене размажу», — орал он.

Штрассер вытащил револьвер и приготовился стрелять, на что сержант закричал: «Ага! Вот ты и попался! Ах ты..» — и он подал жалобу в военный суд. Но Штрассер был оправдан, а сержант вновь получил наказание.

Эта история имела свое продолжение. В январе 1918 года Штрассер уже командовал на фронте артиллерийской батареей. И однажды к нему прислали пополнение. Среди солдат оказался и тот человек. Штрассер спокойно сказал ему, что о давнем инциденте можно забыть, но что если он хоть раз неуважительно поведет себя в отношении к капралу, то его разжалуют. Сержант батареи получил указание пристально следить за этим человеком, который, к слову, впоследствии был все-таки пойман за руку. Он предстал перед трибуналом, его разжаловали и он получил пять лет исправительных работ.

Когда все это начиналось, Отто Штрассеру было семнадцать лет. События эти крайне важны для понимания человека, который мог оказаться в горниле истории — потому что они объясняют и проясняют слова, которые он произносит сегодня: «Именно с тех пор во мне жила неизбывная ненависть к милитаризму как явной противоположности солдатской профессии вообще, ведь это совершенно разные вещи». Они также объясняют и его ненависть к гитлеризму, который для него означал лишь одно — что Германия оказалась в тисках человека, обращавшегося с ней так же, как с ним в 1914 году.

В октябре 1914-го, боясь, что война закончится, а он так и не попадет на фронт, Штрассер, будучи уже вполне подготовленным артиллеристом, решил перейти в пехоту. В то время 6-я Баварская пехотная дивизия резерва состояла из четырех полков — 16-го, 17-го, 20-го и 21-го. Адольф Гитлер служил в 16-м полку, ординарцем при штабе, и находился за линией фронта. Штрассер попал в 20-й полк и семнадцати лет от роду сразу оказался в окопах Фландрии. Против них сражались британские войска, на первых парах сикхи. Дело было при Витшете и Варнетоне.

Более половины добровольцев составляли студенты. Все они были примерно одного возраста со Штрассером. В бой они шли, подражая героям иллюстрированных книжонок, распевая Deutschland &ber Alles — и в результате, при Варнетоне полк, в котором сражался Штрассер, потерял 70 % личного состава. «Огонь англичан, — говорит он, — был просто убийственным».

Там он пробыл до марта 1915-го. Затем его батальон перебросили на русский фронт. Ночные марши давались тяжело — было очень холодно, и даже кофе застывал во флягах. Люди без сил валились на обочины дорог, и даже угрозы офицеров, размахивавших над их головами саблями и пистолетами, ни к чему не приводили. Сутки они проспали в заброшенной фабрике — и не успели они подняться, как тут же пришел приказ возвращаться. Англичане начали наступление при Невшателе.

В марте 1915 года Штрассера вернули в артиллерию. После небольшого разбирательства его отправили под Армантьер, где он и получил свой Железный крест 2-го класса, сдерживая в конце лета ожесточенные атаки англичан. В сентябре того же года он был уже сержантом; в мае 1916-го его тяжело ранило осколком снаряда. В канун Рождества 1916-го, в самый разгар подготовки к празднику, он получает приказ перейти на службу в новый, Третий дивизион Первого Баварского

резервного артиллерийского полка. В сражении при Вердене он отвечал за телефонную связь между своей батареей и остальными подразделениями. В мае 1917-го он уже был унтер-офицером, а в октябре того же года — лейтенантом артиллерии.

На Западном направлении шли жестокие бои — армии противников сцепились намертво. И вот началась его служба уже в качестве офицера немецкой армии. И сегодня его ненависть к тогдашним офицерам запаса не уступает его восхищению офицерским корпусом немецкой армии. В нем он нашел и, как говорится, больше демократии, и более здоровый человеческий дух. Здесь он открыл и свое призвание — быть солдатом.

Командиром его батареи был граф фон Хертлинг, племянник и тезка тогдашнего канцлера Германии. Отто Штрассер так рассказывает о человеке, которым он восхищался:

«В офицерский корпус — то есть начиная с лейтенантского звания — не допускался никто, если на это не было единодушного согласия всех офицеров подразделения. Это было что-то вроде клуба, и его правила соблюдались крайне ревниво. Без такого единогласного одобрения со стороны офицерского корпуса даже сам король Баварии (Штрассер все время служил в баварских подразделениях. — Авт.) не мог назначить этого офицера. Тогдашний военный министр Баварии был крайне раздражен, что его сын, назовем его граф N, не был принят в ряды офицеров. Командир того полка спросил графа фон Хертлинга, командира батареи, почему он выступил против кандидата. На что Хертлинг ответил: «Он ничего не может, трусоват, и толку от него никакого». Через несколько недель от военного министра Баварии пришла срочная телеграмма. В ней он спрашивал, почему граф N не получил офицерского звания — ведь Его Величество хотел, чтобы тот стал офицером аккурат к Рождеству. Тогда комполка собрал офицерское собрание — он хотел, чтобы остальные офицеры провалили инициативу графа Хертлинга. Он выступил перед офицерами, рассказал о случившемся, после чего произнес: «Итак, господа, это — сын военного министра. Да и к тому же у нас в армии и так достаточно глупых офицеров... ну, будет еще один — какая нам разница. И вообще, этого желает Его Величество. Ну просто папа его так сказал. В Мюнхене при дворе зреет большой скандал». Граф Хертлинг ответил: «Я, конечно, могу понять, что господин папа беспокоится по этому поводу, но жизни солдат, которые окажутся под командой графа N, если он станет офицером, гораздо важнее, чем недовольство придворных в Мюнхене». После этого все присутствующие офицеры проголосовали — и «за» позицию Хертлинга оказалось гораздо больше офицеров, так что предложение полковника было отвергнуто. Его Величеству королю Баварии и военному министру не оставалось ничего иного, как отозвать молодого графа N и перевести его в более послушный полк — но Первый Баварский арtpолк был лучшим в государстве; он стоял на одном уровне с гвардией. В конце концов, граф N, конечно же, получил свои погоны лейтенанта, но произошло это в каком-то дальнем и обычном полку под номером 46 или что-то в этом роде».

Это еще один пример, дающий представление об этой стране, Германии, и о немце Отто Штрассере. Во время политических потрясений, последовавших за войной, Штрассеры всегда поддерживали армейских и имели друзей в самых высших эшелонах военного командования. И действительно, когда Гитлер пришел к власти, то именно военные хотели свергнуть его и передать это место Грегору Штрассеру. Что и послужило одной из причин большой чистки 30 июня 1934-го и убийства Грегора Штрассера. Нити этой дружбы никогда не порывались и, возможно, в будущем они еще сыграют свою роль.

И вот произошло последнее великое потрясение Первой мировой войны, последняя победа Германии в этой войне великих немецких побед, но не войне победоносной. Царская Россия

развалилась, страна переживала муки большевистской революции, зараза которой посредством Ленина и толпы окружавших его иностранцев была послана туда именно из Германии. В немецком тылу стало тихо; вся мощь немецкого оружия могла быть обращена на запад — нужно было успеть до того, как на континент высадятся американцы. Людендорф предпринял свой последний великий бросок к победе. Пятая армия англичан ощутила на себе в полной мере всю мощь германского удара. Снова немецкая волна набегала на Париж, берег, о который она так часто плескалась, но так и не могла накрыть целиком.

В тот знаменательный день, 21 марта 1918 года Отто Штрассер находился в гуще событий, на передовой к югу от Сен-Кантена. Он был офицером связи у артиллеристов. В его обязанности входило поддержание связи между продвигавшейся вперед пехотой и находившимися позади артиллерийскими батареями. В этот день была впервые применена новая тактика — пехоту посылали в атаку сразу после артподготовки. То есть она шла буквально вплотную за удалявшимися в расположение врага взрывами собственных же снарядов.

Не потеряв почти ни одного человека и воспользовавшись утренним туманом, немецкие войска в вверенном Штрассеру секторе, на самом острие атаки, преодолели две линии британских окопов и увидели, что примерно в 350 метрах от них расположена артиллерийская батарея англичан. Командир пехотинцев отказался идти дальше. Тогда Штрассер спросил, кто пойдет с ним. Вызвалось семнадцать человек, и именно с ними Штрассер захватил батарею. В ходе схватки он ранил командира англичан из его же собственного пистолета и, когда тот, раненый, лежал на земле, спросил у него, где находится следующая батарея. «Я не скажу ничего», — отвечал офицер. «Тогда я перебинтовал его, — рассказывает Штрассер, — и приказал его же подчиненным унести его с поля боя. Потом я развернул одно из британских орудий и подавил пулеметное гнездо противника, находившееся неподалеку».

За этот поступок и за другие подвиги, совершенные в те решающие дни, включая захват в плен штаба одной из британских бригад, Штрассер, который к тому моменту уже имел на груди Железный крест первого класса, баварский орден «За отличную службу», был дважды представлен к баварскому ордену Макса Йозефа. Это была очень редкая немецкая награда за доблесть, которую хотят получить даже больше, чем прусский орден Pour le Merite, который носит Геринг, и которая как бы обозначает принадлежность к аристократии. Отто Штрассер мог бы вполне себя называть «рыцарь Отто фон Штрассер», точно так же, как Джон Браун превращается в сэра Джона Брауна. Но послевоенные события в Германии и исчезновение Баварской монархии положили конец его надеждам на получение этой награды.

Таковы были дни величия Отто Штрассера. Он познал приятное возбуждение от победоносного продвижения вперед, когда, казалось, за каждым новым объектом находится желанная победа. И в нем самом, и в его подчиненных жила очень сильная надежда. Он крайне уважительно относился к английской армии, против которой, в основном, и сражался, и к британцам как противнику. «Если англичане что-то начнут, — писал он тогда, — то они уже не отступятся». И я думаю, что тут он прав: сравнение с бульдогом порой действительно справедливо. Командир «Графа Шпее» скажет то же самое двадцать один год спустя...

Но той весной, ведя своих людей в атаку, он думал, что война складывается для Германии наилучшим образом. Ее армии захватили почти всю Европу; они сокрушили Россию, и вот теперь снова рвались к Парижу.

В такую весну молодой офицер просто не мог думать иначе. Людендорф обязательно выиграет эту игру! Какой же он полководец, с восхищением думал Штрассер и его друзья-офицеры. (Сегодня Штрассер говорит, что приходит в ужас, когда видит, как Гитлер повторяет ошибки Людендорфа. Людендорф завоевал одну страну, победил одного врага, одерживал победы одну за другой, много побед, но в итоге так и не победил. Гитлер делает то же самое, говорит Штрассер. Он проглотил две страны, он может хапнуть еще десяток, может идти от победы к победе, но он никогда не придет к большой Победе.) Оглядываясь назад, Штрассер склонен считать, что Людендорф совершил ошибку, направив после победы над Россией все оставшиеся силы против французских и английских армий на Западном фронте. Было бы лучше, считает он, если бы Людендорф использовал хотя бы часть сил, чтобы захватить Италию. Эта победа стоила бы несравненно меньших усилий, и тот эффект, который она бы вызвала, дал бы Германии весьма хорошие возможности, чтобы выторговать для себя оптимальные условия мирного договора.

Сейчас трудно что-либо сказать об этом. Но тогда, к лету, наступление германских войск замедлилось, американцы все прибывали и прибывали во Францию, и на душе у Отто Штрассера становилось как-то не так. К июню 1918-го стало ясно, что обещания германского Адмиралтейства остановить переброску американских войск во Францию через Атлантику, используя против кораблей противника подводные лодки, не сбылись. В Европе уже находилось около полумиллиона американцев, и каждый последующий месяц могло прибывать еще по двести пятьдесят тысяч человек.

«И они были неплохие солдаты! — говорит Штрассер. — Никогда не забуду впечатления от первого столкновения с американцами. Дело было 25 августа 1918 года. Моя батарея плюс несколько пехотинцев и пулеметчиков обороняла мост через канал недалеко от Суассона. Уже несколько дней мы отходили под натиском стремительно наступавшего, да к тому же численно превосходящего нас противника. У нас уже не хватало пищи и боеприпасов, мы не могли вывезти раненых и больных. У нас не было нормальной связи ни со штабом, ни с соседями на флангах. Мы окопались у этого моста и должны были сдерживать наступающую французскую армию — против нас действовали африканские подразделения, из колоний. Нам поручили продержаться как можно дольше, чтобы прикрыть отступление основных сил. И вот прошло несколько часов, а мы, к своему изумлению, так и не увидели противника. Вместе с ординарцем мы поскакали через мост и выехали на пустырь за ним, достаточно большой, километра два примерно.

Внезапно я увидел, как прямо передо мной, метрах в восьмистах, за скрытым деревьями поворотом бесконечные колонны солдат. Они шагали в колонны по четыре, такие бодрые, распевали песни... Одеты все были с иголочки — от касок до ботинок. Они шли и пели, молодые, радостные парни... словно и войны вокруг нету. Четыре года назад, летом 1914-го мы точно так же шли на фронт.

И вот когда я смотрел на них, у меня в душе впервые зародился страх. Я боялся, что мы проиграем войну. Что нам с того, что сейчас наши снаряды и пулеметные очереди покосят этих храбрых ребят в солдатских обмотках — точно так же, как косили во Фландрии нас английские снаряды и патроны в 1914-м? Этот людской поток был таким мощным и непрерывным, что неизбежно поглотил бы нас.

И, — добавляет Отто Штрассер (и это очень важно), — ни один немецкий солдат, переживший подобное, который своими глазами видел разницу между голодными, истрепанными, уставшими бойцами нашей тающей армии и накормленными, прекрасно снаряженными, хорошо обученными и отдохнувшими парнями этой бесчисленной американской армии, никогда бы не

поверил в глупую и вредную сказку про то, что подобные разговоры, мол, злословие и предательство».

(Я сказал, что это замечание Штрассера важно, потому что Гитлеру удалось, благодаря нерешительности и бездействию, с которым остальной мир принял его успешные военизированные путчи, заставить немцев поверить в то, что они никогда не терпели поражений на поле брани, а проиграли ту войну только потому, что их предали забастовщики и всякие внутренние враги.)

И вот, вслед за триумфальной весной и полным сомнений летом пришла осень разочарования и отчаяния. Это был первый по-настоящему горький период в жизни Отто Штрассера.

Перед вами картина, переданная человеком, который, в отличие от Гитлера, всегда был в самой гуще схватки вне зависимости, был ли это обычный бой, наступление или отступление:

«Где бы ни атаковали нас войска союзников, наше Верховное командование защищало каждый клочок земли и траншеи ценой необычайно высоких потерь. Затем войска отводили на несколько километров, чтобы ослабить напряжение, и все повторялось сначала. Немецкие орудия уже выработали свой ресурс, а новые пушки не успевали поставлять в том количестве, которое было нужно. Немецкая артиллерия несла невосполнимые потери. Например, в батальоне немецкой армии по штату должно быть 500 человек. Через пару дней боев в нем оставалось уже 200–300 человек от списочного состава. Но и оставшиеся в живых уже были на грани физических возможностей. Теперь, например, дивизия была не сильнее, чем полк образца 1914 года, а может, даже и слабее. Личный состав пополняли за счет безусых юнцов или тех, кому стукнуло пятьдесят, отцов, дедов, больных, инвалидов. Форму шили из плохой материи, обувь была пошита из отходов кожевенного производства да к тому же полугнилыми нитками, кожаное снаряжение уступило место самоделкам из конопляных веревок. Еда, и без того плохая, постоянно уменьшалась в количестве».

Германия проиграла. «Тогда-то я и понял, что надежды уже нет, — говорит Отто Штрассер. — Повсюду царил дух отчаяния. В воздухе носились призывы к мятежу. Армия находилась в упадке. Игра закончилась».

Слава исчезала за горизонтом. Штрассер принимал участие только в арьергардных боях. Его батарея оказалась единственной в дивизии, которая не была захвачена противником. Он спас три своих орудия и еще три пушки прусского подразделения. В сентябре его настолько прихватил ишиас, что он не мог ни ходить, ни держаться в седле, так что его уже просто переносили. Бесславный конец столь торжественно начатого предприятия... Больной человек на носилках возвращался в поверженную в хаос Германию, которую он, юноша, сنداемый патриотизмом, оставил несколько лет назад благополучной и процветающей страной.

В канун германской революции Отто Штрассер оказался в мюнхенском госпитале; в другом госпитале, на другом краю Германии, в Пасевальке, лежал Адольф Гитлер.

6 ноября 1918 года Штрассер, ветеран войны двадцати одного года от роду, получил разрешение впервые выйти из здания госпиталя для самостоятельной прогулки, хоть и на костылях. Он использовал предоставившуюся возможность, чтобы навестить своих родителей, которые в тот момент проживали в Деггерндорфе. 7 ноября он должен был вернуться в больницу. Однако, приехав в Мюнхен, он стал свидетелем беспорядков на улицах города. Сотни восставших заполонили вокзал и захватил поезд, арестовав всех офицеров за исключением Штрассера, да и то потому, что он был инвалидом. Но они заставили его сорвать кокарду и офицерские погоны.

Тогда он выхватил револьвер — теперь он будет вынимать его то и дело на протяжении двадцати лет. Но к нему подошел какой-то солдат, доброжелательно попросивший не делать глупостей, взял револьвер и сказал толпе: «Я знаю его, он был моим командиром на войне. Он хороший человек, один из лучших. Оставьте его в покое».

Штрассер никогда не видел этого человека раньше. Он оказался членом революционного Совета рабочих, солдат и матросов. На рукаве у него была повязана красная лента. Он препроводил Штрассера до гостиницы и принес ему гражданскую одежду. Штрассер решил остаться в Мюнхене.

Такое возвращение домой разительно отличалось от того, которое немецкие солдаты рисовали себе в своих мечтах — традиционная, триумфальная встреча, девушки с цветами, радостные толпы встречающих, оркестры, охотничьи рожки и пиво. Нация, рванувшая на выстрел стартового пистолета, казалось, пришла к финишу. На самом деле, все только начиналось.

Глава 4

ЗАПОЗДАЛОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Итак, опираясь посреди этого хаоса на пару костылей, Отто Штрассер критически оценил свою жизнь и задумался о будущем. Во-первых, он решил возобновить обучение, прерванное в 1913 году по причине отсутствия денег, а в 1914-м — из-за начавшейся войны. Но теперь у него также не было ни времени, ни денег. Краткие курсы (год вместо трех) были доступны только для тех, кто прервал свое образование во время войны. Но для него даже год был слишком большим сроком. Он мог рассчитывать только на свое офицерское жалование, и то пока он лежал в госпитале, поэтому он решил, не мытьем, так катаньем, закончить годичный курс за полгода.

Однако сначала ему следовало поправить здоровье. С этой целью он отправился на скромный баварский курорт в Бад-Эйблинг, но и там, обретая, конечно, здоровье, он столкнулся с политикой. По случайному стечению обстоятельств именно здесь произошло его первое, пусть и не очень большое выступление на политической арене.

Однако прежде чем рассказать об этом, я хочу еще раз проследить эволюцию политических взглядов этого человека. Вначале ему (по наследству) досталась страсть к справедливому социальному устройству, которая есть во многих немцах. Досталась она от отца, баварского госслужащего, внешне спокойного, но внутренне очень импульсивного человека.

Затем во время войны, уже будучи офицером, он был вынужден давать своим подчиненным «патриотические наставления». Таков был приказ генерала Людендорфа, который уже в конце 1917-го чуял надвигающуюся катастрофу и хотел «поднять дух войск». В блиндажах и на квартирах солдаты собирались вокруг своего офицера, который, как предполагалось, должен был рассеивать их сомнения насчет войны, ее результатов, насчет того, за что сражается Германия. Он должен был убедить их, что все вопросы, сомнения, колебания находят свое разрешение в словах «кайзер», «фатерлянд», «патриотизм» и т. п.

В душе Отто Штрассер был социалистом — но социалистом особого порядка, как я уже говорил ранее — а потому вопросы, которые ему время от времени задавали подчиненные, хоть он и старался увильнуть от ответа или отделаться патриотическими лозунгами, терзали и мучили его.

Некоторые из них и правда могли бы повергнуть в прах всех профессоров мира своей лаконичностью, емкостью, простотой выражения мыслей, на которые нет ответа, своими остроумными и вместе с тем глубокими репликами. Вот лишь один пример, прозвучавший в момент разговора на тему фатерлянда:

«Sehen Sie, Herr Leutenant, Ich bin ein Tagelohner; Ich habe kein Land; mein Vater hat kein Land; also, was hast fur mich Vaterland?»

Весь аромат этой фразы, конечно, несколько уменьшится при переводе, но выглядит это так: «Смотрите, господин лейтенант, я — поденщик, и земли у меня нету. И у отца земли нету. И что такое для меня тогда — Отечество?»

А вот еще вопрос, заданный рядовым Баварской армии, который в мирной жизни был рабочим на текстильной фабрике в Аугсбурге: «Господин лейтенант, что такое для меня Германия? Я зарабатываю свое жалованье, и оно никогда не бывает больше, зато меньше — бывает. Я могу заработать его в любой стране мира. И какая мне разница, английский ли, французский, итальянский, немецкий капиталист платит мне зарплату. Когда я стану старым и буду не нужен, они в любом случае вышвырнут меня. Так что такое для меня — Германия?»

Представьте теперь, как Отто Штрассер где-нибудь в сарае, при свете свечных огарков, или вообще в блиндаже отвечал на все эти вопросы. И вот такая жизнь, подобные переживания, приправленные доставшимся в наследство, формировали человека, который превращался в антиинтернационального социалиста или, используя слово, впоследствии так искаженное Гитлером, в национал-социалиста.

Строго говоря, вот таким вот простым образом можно, на мой взгляд, объяснить ту глубинную разницу в мышлении, которая на долгие годы отвратила Отто Штрассера от союза с Гитлером, которая впоследствии заставила его порвать с Гитлером и которая привела его к долгой и нескончаемой борьбе против Гитлера — разницу между Национал-социализмом и Национал-социализмом.

Для Отто Штрассера слово «социализм» всегда было существительным, а «национал» — только прилагательным. И он очень четко предвидел те разрушительные последствия, к которым приведет стирание разницы между этими понятиями. В затянувшейся ссоре между ним и Гитлером этот вопрос действительно стал камнем преткновения — Гитлер, сам человек велеречивый, обвинил Штрассера в том, что тот дезориентирует людей своей... болтовней. Штрассер, однако, ответил — и снова совершенно справедливо — что это не вопрос словесной эквилибристики, но вопрос фактов и правды и тех понятий и вещей, на которые они работают. Глупо, говорил он, отрицать, что кресло для бассейна является креслом или что подполковник относится к полковникам. Следуя логике Гитлера, получается, что фельдмаршал относится к полю{9}. Штрассер хотел социализма на патриотической основе, а не милитаризма с припиленным на него словом «социализм» для одурачивания масс. Вот в чем заключался вопрос — как тогда, так и сегодня.

Подобные словесные стычки Штрассер обычно обсуждал в офицерской столовой. Он говорил, что правящие классы Германии заблуждаются, не допуская офицеров во главу социалистических масс, не давая тем самым, вместо попыток репрессивного подавления, направить в нужное русло их стремления к справедливому общественному устройству, которые уже бродили в душах немцев. «Мы, офицеры, а не евреи, должны повести рабочих», — говорил он. За это среди офицерского корпуса к нему относились с некоторым подозрением и за глаза порой называли «Красным лейтенантом».

Но вернемся назад, в Бад-Эйблинг, к первому появлению Отто Штрассера на политической арене. В Баварии была провозглашена республика. Находясь на курорте, Штрассер был вынужден скрывать тот факт, что он офицер, поскольку рабочие с торфяных разработок из соседнего Кольбермоора были яркими революционерами. Именно поэтому, кстати, в Бад-Эйблинг прибыл из Мюнхена лидер коммунистов, еврей по национальности Курт Эйснер^{10}.

Отто Штрассер, теперь уже передвигавшийся с помощью палок, пришел на один большой митинг, который состоялся в декабре 1918 года. Он наблюдал за происходящим в переполненном зале с галереи, где находился в окружении десятка своих единомышленников. Он слушал то, что «почти с ума сводило от ярости».

Длинноволосый и бородатый Курт Эйснер был похож на карикатуру на еврея из гетто. Он происходил из польских евреев и плоховато говорил по-немецки; он не был на войне, однако писал статьи для социалистической газеты *Vorwärts*. Стало быть, он был «социалистом». Им же был и рассерженный человек, сидевший на галерее. Эта зарисовка, пожалуй, может хорошо продемонстрировать разницу между двумя социалистами.

«Курт Эйснер говорил с ужасающим галицийским акцентом, сопровождая свою речь типично еврейской жестикulyацией. Он умело использовал незамысловатую методику общения с неотесанной аудиторией — подобно жулику на ярмарке. «Они упрекают меня за то, что я из Пруссии, — сказал он в ответ на доносившиеся с последних рядов крики «ага, ты — прусская свинья». — Если моя мать на девятом месяце приехала в Мюнхен и я родился здесь, то я должен считаться баварцем. Но (тут он развел руками) *ware ich ein anderer gewesen?* должен ли я быть кем-то иным?» Пара находившихся неподалеку крестьян поскребли в затылках и кивнули друг другу: «Да, это правда. Тут он правду говорит». Затем Эйснер продолжал: «И во-вторых, они говорят, что я — еврей (снова крики: «Ну да, еврейская свинья!»). Но разве Христос не был евреем? Человек, который поносит нас, евреев, поносит и Христа». Такой поворот окончательно приводит крестьян в замешательство. Они — истинные католики, но тут начинают как-то неловко мяться, с неуверенностью смотреть друг на друга, но в конце одобрительно кивают. Они видят, что здесь где-то зарыта ловушка, но понять никак не могут, где, а потому решают, что лучше всего остаться на стороне Церкви.

Затем он встает. Он кричит о том, что Германия была виновницей этой войны, что офицеры на фронтах лишь пили и жрали в то время, как солдаты шли под вражеские пули. И его речь, и выступление вышедшего ему на смену жирного скототорговца Гандорфера^{11} были направлены, главным образом, против офицеров. «Эти офицеры, эти *Schweinehunde*^{12}, ходили по шлюхам да по пьянкам, а вы должны были умирать за них»».

Это уже было чересчур для человека, который сидел с побагровевшим лицом на галерее. «Вы врете! Врете!» — прокричал он с такой силой, что ведущий митинга сказал ему: «Если вы хотите выступить, спуститесь и выступите потом, в ходе обсуждения». «Я выступлю», — отвечал Штрассер, и это было его первое публичное выступление.

До этого он никогда не выступал на публике, он то и дело сбивался (душило возмущение), ему был всего двадцать один год, он был слаб да и аудитория была настроена не дружелюбно. «Я выступил неважно, но эффект от этого был, — говорит Штрассер. — Я сказал им, что если пропорционально сравнить количество жертв среди офицеров и рядовых, то у офицеров оно выше в три раза. И не офицеры обогащались, сказал я, а спекулянты на армейских поставках, как этот пузырь Гандорфер. А где вы были во время войны, господин Эйснер? И вы где были в это время, герр Гандорфер? Я был на фронте, вы, сидящие в зале, тоже там были. Спросите всех этих

громкоголосых говорунов, где они были в это время, и, может, им тоже платили те гроши, которые платили нам?»

Пока Штрассер выступал, его оппоненты стали спешно узнавать, кто же это. И тут Гандорфер вскочил с места, оттолкнул Штрассера в сторону и крикнул: «Товарищи! Мы разоблачили этого оратора! Он — офицер!» В зале поднялся глухой ропот, рабочие с торфяных разработок, которые носили ножи за голенищем сапог, угрожающе подались в сторону сцены. Люди, находившиеся рядом со Штрассером, схватили его, подтащили к задней двери, выпихнули наружу и закрыли ее за ним.

Эти двое, Отто Штрассер и Курт Эйснер, называли себя социалистами. Я намеренно делаю упор на этом, дабы показать, сколь разные люди могут называться одним и тем же словом.

Вскоре Курт Эйснер был убит в Мюнхене графом Арко^{13}; после чего была провозглашена Баварская советская республика. До этого там существовало левое коалиционное правительство, в которое входили социалисты, независимые социалисты и коммунисты. Душой мюнхенского совета стал русский еврей по фамилии Левин, явный эмиссар Москвы^{14}. Были в его составе и другие евреи — Эрнст Толлер и Эрих Мюзам.

Самый известный баварский вояка, генерал фон Эпп, начал собирать добровольцев для свержения красного правительства в Мюнхене. Он имел опыт службы в колониях, был и на этой войне — сначала полковником Баварской гвардии, а затем командиром элитного подразделения — Баварского альпийского корпуса. Он уехал в Ордруф (Тюрингия) и там вместе с неким капитаном Эрнстом Ремом, занявшим пост начальника штаба, сформировал Добровольческий корпус фон Эппа, в который стремились вступить все патриотически настроенные баварцы.

Тем временем Красное правительство в Мюнхене, боясь нападений, поспешило арестовать сотни людей, главным образом, офицеров. И вот тут-то и произошло злое событие, касающееся места евреев в политической жизни и заслуживающее гораздо более внимательного рассмотрения, чем это принято до сих пор. Среди заложников оказались 22 человека из Общества Туле, небольшого и малозаметного общества, поощрявшего изучение и приверженность старой германской литературе, традициям, фольклору, легендам и т. п.^{15} Неотъемлемой частью идеологии этого общества был антисемитизм, равно как и отрицание христианства. Это была маловлиятельная группа людей, которые не имели ни сил, ни возможности претворить свои теории на практике. Среди ее членов не было ни одного политика, хотя и были престарелые профессора и дворяне.

Из всех заложников именно эти двадцать два человека, в том числе несколько женщин, включая графиню Вестарп, были выбраны для экзекуции чужестранным еврейским правительством Мюнхена. Они были расстреляны^{16}.

К тому моменту Добровольческий корпус фон Эппа уже был готов начать поход против красного Мюнхена. Все персонажи, которые впоследствии сыграли видную роль в общеевропейской драме, собрались для решения этой проблемы — за исключением Гитлера!

Гитлер был в Мюнхене. Он все еще числился в армии. Находясь в госпитале в Пасевальке, он (как впоследствии писал он сам в *Mein Kampf*) приносит страшную антибольшевистскую клятву. Он уже был полон решимости спасти мир от большевизма. Однако он не сделал ничего, чтобы спасти от большевиков хотя бы Мюнхен. Он не пошел и не присоединился к корпусу фон Эппа, хотя он прямо-таки горел жадной битвы. Он был в Мюнхене, и он был солдатом. А солдаты в

Мюнхене находились под командованием красного правительства, еврейского правительства, управляемого из Москвы. Если он находился в казармах, то, следовательно, он тоже был «красным»!

Впоследствии среди руководства национал-социалистов ходило немало слухов и сплетен и многие задумчиво качали головой, касаясь этой темы. Однако со стороны Гитлера ни разу не прозвучало и намек на то, что делал он в это время в Мюнхене. Глухо молчит об этом и Mein Kampf. Вообще, это один из самых темных моментов во всей его мрачной истории. Я бы, наверное, пожертвовал всем, что у меня есть, только бы узнать, на кого в действительности работал этот человек не только тогда, но и во все последующие годы.

Первым мое внимание к этому примечательному эпизоду из биографии Гитлера привлек именно Отто Штрассер. И хотя я весьма тщательно изучал эту проблему, я как-то упустил этот момент из виду. Думаю, что вряд ли кто обратил вообще на него внимание и уж тем более обсуждал его. И действительно, даже такой человек, как Отто Штрассер, который оказался, как говорится, в самой гуще этих бурных событий, вынужден ставить этот сюжет на должное место. Так что будущие историки должны благодарить его за это, потому что вроде бы о Гитлере мы знаем очень много, но есть такие вещи, которых мы не знаем вообще. А они очень важны. Потом, когда мы узнаем о нем еще что-нибудь и сможем более четко различать ту двойную или тройную игру, которую он вел, то окажется, что именно этого фрагмента и не хватало, чтобы составить до конца замысловатую мозаику его жизни.

Тут нужно поподробнее объяснить, почему это так важно. Советская власть в Мюнхене продержалась с ноября 1918-го по 1 мая 1919 года. Если верить словам Гитлера, как он писал в Mein Kampf, то жуткая ненависть к еврейско-коммунистической революции, разразившейся в Германии, переполняла его с самого ее начала, то есть с первых дней ноября. В конце ноября, уже вылечившись и выписавшись из госпиталя, он уже является на полковой склад — в тот самый Мюнхен, где красные были наиболее сильны.

Его собственный батальон выполнял приказы революционного солдатского Совета. Это настолько не понравилось ему, пишет он, что он как-то ухитрился сделать так, чтобы его направили в лагерь возле Траунштейна, находившийся в нескольких километрах от города. Он утверждает, что вернулся в Мюнхен только в марте. Красные были изгнаны из города фон Эппом и прусскими подразделениями в конце апреля. Следовательно, на протяжении двух месяцев Гитлер, тогда еще солдат, находился в Мюнхене во время расцвета Советской власти, когда городом правили засланные из Москвы евреи, когда там расстреливали заложников.

Приличные баварцы, которые в то время умудрились всеми мыслимыми и немыслимыми способами вырваться из Мюнхена и присоединиться к Эппу, вернулись с ним, чтобы изгнать красных. Этот же путь, ценой большого риска и преодолев много трудностей, проделал и Отто Штрассер.

Гитлер, уделивший множество страниц своей книги пустым оскорблениям в адрес советского правительства в Москве и международного большевизма в целом, в то время спокойно оставался в Мюнхене. Он ни словом не обмолвился о том, как он прожил в городе эти два месяца. Он не описывает тех ужасов, которые встречались там на каждом шагу, он не сообщает о том, что он там видел — и это он, кто позднее будет захлебываться обвинениями в адрес Москвы во времена массовых репрессий, организованных Советской властью.

Но, и это главное, он был солдатом, а солдаты, которые находились в Мюнхене, подчинялись приказам красного командования. Если им это не нравилось, то под покровом ночи они уходили

в Тюрингию, чтобы присоединиться к фон Эппу. Гитлер этого не сделал. Тогда получается, что он был красным! Возможно, он тоже носил красную повязку на рукаве. Быть может, вместе с остатками мюнхенского гарнизона он сражался и с войсками фон Эппа.

Интересно, обошел бы молчанием в своей книге такой знаменательный период иной человек, окажись он во главе партии, да не простой, а Национал-социалистической? А вот Гитлер ограничивается лишь невнятным упоминанием о том, что его за три дня до падения Советской власти «едва не арестовали». И далее за этим сразу следует предложение, начинающееся со слов: «Через несколько дней после освобождения Мюнхена я...» И ни слова о том, почему он остался в городе, ни одного упоминания о зверствах красного режима, свидетелем которых он был, ни слова о тех ожесточенных боях, что предшествовали освобождению Мюнхена, ни слова о триумфальном вступлении в город армии фон Эппа.

Каждый более-менее значимый руководитель национал-социалистов или штурмовиков в те дни сражался в составе добровольческих корпусов в том или ином уголке Германии. И именно это дало им основания претендовать на дальнейшее восхождение по партийной лестнице. Но сам фюрер — этот главный противник красных — был в Мюнхене. И это он, человек, якобы всегда преисполненный чуть ли не религиозной ненависти и презрения к большевикам, не сохранил ни единого, достойного быть занесенным в анналы истории воспоминания о жизни при них в городе, который он почитал для себя чуть ли не родным...

Полагаю, что будущим историкам неизбежно придется заняться изучением его жизни в Мюнхене в период с марта по май 1919 года, потому что, пока еще свежи в памяти людей эти события, они могут обнаружить массу непонятных вещей. Отто Штрассер говорит, что впоследствии на протяжении ряда лет — до тех пор, пока приход к власти не вознес Гитлера на пьедестал, возвышающийся над любыми подозрениями, которые, будь они услышаны, могли стоять сомневающемуся жизни — так вот, впоследствии предводители национал-социалистов, обсуждая между собой те или иные проблемы, частенько задавались вопросом «Что делал Адольф в Мюнхене в марте — апреле 1919-го?». Ответом было лишь недоуменное пожатие плечами, либо покачивания головой.

Но все остальные участники этих событий действовали так, как они и провозглашали. Фон Эпп и Рем организовали свои Добровольческие корпуса. Грегор Штрассер, вернувшись в фронты и оправившись от тяжелых ранений, также создает в Ландсхуте патриотический Добровольческий корпус (Verband Nationalgesinnter Soldaten Niederbayerns).

Этот крайне популярный человек, живое воплощение трагедии, постигшей Германию, к тому же обладавший даром разговаривать с каждым человеком на его языке, вскоре собрал под своим началом 2000 человек пехоты, три батареи полевой артиллерии и батарею 150-мм гаубиц, обеспечив их всем необходимым снаряжением и боеприпасами! Такие вещи тоже могли получаться в охваченной хаосом Германии...

На какое-то время Грегор Штрассер стал хозяином Нижней Баварии, но, поскольку днем он был простым аптекарем, а предводителем Добровольческого корпуса лишь по ночам, то он взял себе помощника. Молодого человека звали Генрих Гиммлер. Он не попал на фронт, потому что был слишком молод. Дома ему было присвоено звание прапорщика, но офицером он так и не стал. Он сильно страдал от этого, испытывая чувство «воинской» неполноценности. Именно его он пытался изо всех сил компенсировать, ведя себя нарочито шумно, воинственно и грозно. Он

пытался получить образование в области сельского хозяйства, но его первая профессия все-таки оказалась иной — он стал адъютантом Грегора Штрассера. Днем, когда Грегор Штрассер пропал в своей аптекарской лавке, Гиммлер был просто на пике величия.

Вместе со своей миниатюрной армией Грегор Штрассер присоединился к корпусу фон Эппа (Гиммлер, по ряду причин, этого не сделал). Отто Штрассер прервал свое обучение в Мюнхене, к которому он только приступил, и с большим трудом умудрился тайком выбраться из города и встретил войска фон Эппа у Ордруфа. Поскольку недостатка в офицерах у фон Эппа не было, Штрассер был принят на должность капрала механизированной артиллерийской батареи.

Поход на Мюнхен начался — туда направились Добровольческий корпус Эппа и регулярная дивизия из Пруссии. В Мюнхене в это время всем заправлял русский еврей Левин. После двух суток ожесточенных боев Мюнхен был взят. Левин предстал перед военным судом и был расстрелян. Отто Штрассер получил знак отличия на левый рукав — золотого льва Добровольческого корпуса Эппа.

Этот эпизод также важен для исследователей современности, которые так хотят понять, к какой группе социалистов относился Отто Штрассер. Интересно, что в эти дни Мы нигде не видим Гитлера — антиинтернационалиста, антимарксиста, антибольшевика, противника евреев, антисоциалиста. А вот Отто Штрассер, не только социалист, но и антимилитарист, был *dabei*¹⁷. Он был тут, он сражался против красных. И если как следует поразмыслить над всем этим, поставив все на свое место, да к тому же изучить и другие многочисленные деяния Гитлера, то в ваших убеждениях непременно произойдет настоящий переворот.

1 мая 1919 года состоялось торжественное вступление войск в Мюнхен. Долгих четыре года солдаты-баварцы мечтали о том, как они с почетом, с триумфом вернутся домой. Но вместо этого они увидели революционную, возглавляемую инородцами толпу, которая набрасывалась на каждого солдата, если у него не было на рукаве красной повязки, и срывала погоны у офицеров.

Но в этот день, когда в воздухе уже пахло летом, Мюнхен был полон цветов и ликующих людей. Входящие в город солдаты уступили радостному настроению горожан — они втыкали букетики цветов в дула винтовок, привязывали их к кончикам касок. Отто Штрассер со товарищи вернули разбитые мечты. Пусть и с небольшим запозданием, но они стали реальностью.

Глава 5

ПУТЬ СОЦИАЛИСТА

И вот наступил тот бурный, неистовый послевоенный период в жизни Германии, когда люди средних лет, особенно мужчины, увидели, что жизнь — не удалась; когда вернувшиеся из армии юноши пытались найти путь от хаоса к упорядоченному существованию, когда мальчишки, выходя из стен школы, напоминали стадо без пастуха — они стояли, с недоумением глядя на разлетевшийся вдребезги привычный порядок вещей. Они не понимали и не видели, как дожить до лучшего будущего.

Все ненужные барьеры были сметены, но одновременно жертвой этой бури пали также все традиции и условности. Жесткая регламентация жизни, слишком строгая и всеобъемлющая, уступила место свободе, переходившей во вседозволенность. Молодость стала жертвой шустрых лисиц, которых запустили в незапертый курятник. Целомудрие попало под удар литераторов и

деятели подмоштов, которые, на земле Гёте и «Майстерзингеров» оказались вдруг под влиянием чужеродных прощелыг и дельцов, маскировавшихся под великих писателей и высоко духовных импресарио.

«Гламур» обрел свое новое место прописки в Берлине; его жертвы, девушки и юноши, едва перешагнувшие порог отрочества, открыто продавались и покупались в храмах сексуального извращения, которые процветали в городах, укрывшись за блестящими неоновыми огнями. Слово «деньги» превратилось в пустышку, но в то время, когда сбережения, заработанные тяжким трудом, испарялись за одну ночь, всякие манипуляторы, эти стервятники от инфляции, делали на них свое состояние. Как-то, будучи в Лондоне, я купил за тридцать шиллингов коллекцию немецких банкнот, напечатанных как раз в те дни. Их номинальная величина составляла больше всех тех миллиардов, что хранились под сводами Банка Англии.

Финансовые скандалы следовали один за другим — сонмы спекулянтов и жуликов решали, что пришло время обанкротить того-то и того-то. Тут митинговали коммунисты, там — реакционеры, а эфемерные объединения добропорядочных людей с большим трудом удерживали шаткое равновесие в стране.

Посреди всей этой сумятицы Отто Штрассер, революционер и социалист, начал отыскивать свой, особый путь к будущему. Он торжественно заявляет, более того — настаивает, что он является именно революционным социалистом, но в связи с тем, что слишком многие не могут различить разницы между словами и делами, между настоящим и искусственным жемчугом, между Церковью и Христианством, между воплем «Правь, Британия!» и настоящим патриотизмом, я постараюсь пояснить на страницах этой книги, что это был за человек.

Мало просто сказать, что Отто Штрассер — революционер-социалист. Если читатель понимает под этими словами что-то иное, не то, что понимал Отто Штрассер, и не то, что соответствует действительности, то он естественным образом впадет в заблуждение.

Если бы, например, меня силой заставили примкнуть к какой-нибудь политической партии, то я бы в таком случае выбрал социалистов. Но — в политическом плане я чувствовал бы себя крайне неуютно в компании мистера Рамсея Макдональда, лорда Сноудена и мистера Дж. Томаса{18}. Точно так же дело обстояло бы, окажись на их месте мистер Чемберлен или сэра Джон Саймон{19}, равно как и любой другой нынешний руководитель Британской социалистической партии. Я не вижу в Британии партии, которая бы отвечала желанию лучшего социального устройства, тому желанию, которое наполняет меня. Для меня все эти партии — группы, отражающие чьи-либо интересы, люди без реальных идей, которым чужд дух гражданственности и патриотизма применительно ко всей стране, ко всей нации.

Как я уже говорил, Отто Штрассер стал революционным социалистом, если можно так выразиться, по наследству. Он продолжал исповедовать свои взгляды, став настоящим офицером на фронтах войны. Он сохранил этот социализм и на следующем этапе, присоединившись к вооруженной борьбе за освобождение своей родины от чужеродного режима, который поначалу тоже претендовал на название социалистического. Позднее он вступил в соцпартию, а затем — в гитлеровскую национал-социалистическую партию. Сегодня он — самый грозный враг этой партии, однако одновременно Штрассер — антагонист и соцпартии, и фашистов, и, тем более, коммунистов. Просто он считает, что все они предали то или, точнее, не боролись за то, чего хотел он — за немецкий социализм.

Итак, Отто Штрассер — революционер-социалист. Казалось, понять это словосочетание не так-то и сложно, однако в мире, где люди воспитываются на лозунгах и броских обертках, сделать это

непросто. Тем не менее, я надеюсь, что моя книга в конце концов ясно покажет, чего хочет Отто Штрассер и кем он является. Ответ на этот вопрос будет крайне интересен.

После освобождения Мюнхена Штрассер снова начал борьбу за университетский диплом, который был ему очень нужен. Каким-то образом ему удалось сдать экзамены, и в июле 1919 года он поступает в Мюнхенский университет. Ему нужно было наверстать слишком многое, а потому, когда настало время каникул, он ринулся в Берлин, чтобы поучиться еще и там. Ему было двадцать два года.

Самой большой проблемой для него был в тот момент хлеб насущный. Время, как я говорил, было крайне беспокойное. У него не было денег, да и семья не могла ничем помочь. Инфляция уже шла вовсю, марка реально стоила 20 пфеннигов, а не 100. И ему нужно было как-то зарабатывать деньги, чтобы платить за учебу и получить желаемую докторскую степень.

Этот период его жизни демонстрирует нам необыкновенную энергию и способность к работе, о которых я уже говорил. Безусловно, эти черты свойственны всем немцам, однако Штрассер был наделен ими в исключительной степени. В восемь утра он приходил в университет. В полдень занятия заканчивались, и он отправлялся в рейхстаг. Заседания там начинались во второй половине дня, и, чтобы заработать на жизнь, Штрассер устроился стенографистом в парламентском корпункте — он работал для социалистических провинциальных газет. Здесь готовились сообщения и информации о прошедших дебатах — их переводили на человеческий язык, делали кое-какие выводы и общие заключения, после чего рассылали по редакциям этих самых газет.

Работа завершалась вечером, часов в шесть-семь. У Штрассера оставался час, чтобы слегка перекусить в заведении Эшенгера — в Берлине было много дешевых закусовых, входивших в эту торговую сеть. Затем с 8 до 10 вечера он проводил бесплатные занятия для рабочих — Штрассер преподавал стенографию и историю Германии. После этого он, наконец, приходил домой, где начинал готовиться к завтрашним занятиям в университете.

Через год вечерние занятия для рабочих закончились. У Отто появилось несколько часов свободного времени — и он с головой погрузился в изучение японского языка (занятия проходили в Восточном институте в Берлине). Учитывая напряженный ритм жизни, ему следовало бы ограничить свои порывы, но он не стал этого делать. Он нашел время на все. Он и правда работал не покладая рук (как и всю последующую жизнь), и никогда не жалел об этом.

В это время Штрассер никак не мог решить, чем ему заниматься. С одной стороны, его пожирала так и не удовлетворенная страсть к работе. С другой — состояние дел в университете привело его к мысли о необходимости создания Лиги студентов — бывших военнослужащих. Эта организация должна была защищать права тех, чей процесс обучения прервала война.

Разрушение привычных социальных ограничений и норм привело к тому, что университеты были переполнены. Даже интенсивные курсы, введенные специально для новой публики, были забиты до отказа девушками, евреями, теми, кто не ходил на фронт. Вчерашних солдат, как это обычно бывает после войны, быстро оттеснили в сторону оборотистые и энергичные шустряки. Ставшему во главе упомянутой Лиги Штрассеру удалось возвысить голос протеста и исправить ситуацию.

Но была в то время и другая беда. Речь идет о незавидном положении тысяч молодых людей, которые отказывали себе в последнем, лишь бы завершить образование, но в результате оказывались без работы; или о тех, кто никак не мог, хоть и старался, заработать достаточно

денег, чтобы завершить обучение. Проблема эта вылилась в настолько серьезный общественный скандал, что ведущие немецкие промышленные концерны объединились и создали Ассоциацию помощи студентам. В ее задачи входил поиск работы для множества отчаявшихся молодых людей, которые бесцельно шатались по улицам городов. Секретарем этой структуры был Генрих Брюнинг — впоследствии канцлер Германии, который приложил столько усилий (хоть и безуспешно), чтобы не пустить Гитлера к власти, и который теперь находится в ссылке. Штрассер очень тесно сотрудничал с ним.

Я привел эти примеры — о том, что делал Штрассер после войны и как он организовывал своих друзей-приятелей — потому, что пусть все это были и не такие уж масштабные политические акции, но они очень наглядно демонстрируют умонастроение и дух этого революционера-социалиста. Это были правильные действия, имевшие целью общее благо.

Вот и теперь, уже во второй раз, тот политический импульс, который впервые проявил себя в событиях в Бад-Эйблинге, толкал Штрассера в самую гущу событий. Он стал, уже официально, членом Немецкой социалистической партии — и тут же оказался на острие разногласий, которые в тот момент сотрясали организацию.

И тогда, и сегодня точка зрения Штрассера была неизменной. Именно она заставила его уехать из страны и стать непреклонным противником Гитлера. Именно убеждения заставили его в итоге покинуть ряды партии. Он мог бы иметь популярность, посты и всякие материальные выгоды, если бы пошел на компромисс, но — предпочел не поступиться принципами. И это заслуживает уважения.

Он повсюду искал и не находил немецкого социализма. Не того государственного социализма, когда вместо многих капиталистов мы получаем одного большого Капиталиста и орду чиновников. Не структуру, возвращенную на всяких международных связях, чуждую по своему происхождению и руководству. Наконец, не национал-социализм по версии Гитлера, который устроил псевдосоциалистический цирк, прикрывая на деле капитализм, густо замешанный на милитаризме. Насколько я мог заметить, Штрассер никогда не колебался — ни в начале, ни сегодня, в эмиграции. Похоже, что он действительно тот редкий, если не уникальный тип — тип настоящего национального социалиста.

В то время соцпартия (совершившая настоящее самоубийство, обратившись в момент революционного триумфа за помощью для защиты от коммунистов к регулярной армии и старым правящим классам) сформировала *Einwohnerwehr*, или Корпус гражданской самообороны. Ему отводилась роль орудия, которое правительство могло использовать в борьбе с коммунистами. Большинство руководителей местных отделений социалистической партии запретили своим коллегам вступать в ряды корпуса, мотивируя это тем, что они не хотят иметь ничего общего с «этими офицерами» и с военщиной вообще, потому что они пацифисты и интернационалисты. Отто Штрассер активно ратовал за членство в *Einwohnerwehr*. Он говорил о том, что если социалисты не возьмут его под свой контроль, то за них это сделают реакционеры. В своем районе Берлина, густонаселенном Штеглице, он одержал верх. Штеглиц вошел в *Einwohnerwehr*, а Отто Штрассер стал командиром штеглицкой *Hundertschaft*, «сотни» — так назывались подразделения в *Einwohnerwehr*.

Все это происходило весной 1920 года. А затем случился Капповский путч — первая попытка старых правящих классов Германии свергнуть правительство социалистов и центристов и силовыми методами уничтожить «новичков», прорвавшихся в этой стране к власти.

Капповский путч в целом скорее напоминал поход войск фон Эппа на Мюнхен. Правда, у него было совершенно иное оправдание. Берлинское правительство состояло, главным образом, из социалистов, причем не самых смелых. Но в нем не было коммунистов, оно не жаловало коммунистическую идеологию, да и людей из России в нем также не было. По иронии судьбы, аналогичного типа человек сопровождал именно капповцев — это был глава их пресс-службы, венгерский еврей по происхождению, впоследствии англиканский священник, член британского парламента, осужденный за предательство прожженный авантюрист Игнац Требич-Линкольн! Похоже, что подобные люди проявляются во всякое смутное время, которого хватало в Европе. Кстати, показатель антисемитизм Гитлера (и это я часто пытался объяснить разным людям) тоже не соответствует действительности; посмотрите на тех евреек, явно управляемых из-за рубежа, что выступали в качестве посредников в его переговорах с британскими политиками.

Вооруженные пулеметами солдаты Каппа правили в Берлине не больше двух суток — всеобщая забастовка, начатая по призыву бежавшего правительства социалистов, привела их авантюру к краху, и им пришлось с позором оставить город. Но они так и не осмелились сунуть нос в Штеглиц, где их ждали вооруженные и готовые к отпору социалисты из Hundertschaft Штрассера. В эти дни офицер, который во время войны читал своим солдатам «патриотические инструкции», который выступил против Курта Эйснера на «красном» митинге в Бад-Эйблинге, который помог изгнать коммунистов из Мюнхена, был командиром социалистической «сотни», готовой к самому жестокому бою с реакционерами. Капповцы предпочли не использовать силу против штеглицкой сотни. Штеглиц, окруженный, но так и не захваченный, оставался своего рода мирным социалистическим островком в капповском Берлине.

Когда капповцы ушли, идейные социалисты подумали, что наконец-то наступило время настоящего социализма. Правительство, слишком трусливое и слишком боявшееся реакционеров для того, чтобы реализовать свою социалистическую программу до этого момента, теперь обладало всей полнотой власти. В Билефельде состоялось подписание соглашения между правительством (его представлял Карл Зеверинг{20}) и делегатами от социалистов. Стороны договорились об отставке министра обороны Густава Носке, который слишком мягко относился к реакционерам и фактически довел ситуацию до Капповского путча. Кроме того, они договорились о социализации тяжелой промышленности и разделе больших земельных владений. Только при указанных условиях рабочие-социалисты сложили оружие.

Коммунисты и независимые социалисты, примыкавшие к коммунистам, отказались выполнить это указание, но были побеждены солдатами Каппа, которые захватили власть в Берлине. Но как только все события закончились, правительство отказалось от обещаний, данных Зеверингом.

Отто Штрассер, ни на йоту не уклонившийся от своего идеала немецкого социализма, увидел, что враги окружили его со всех сторон. Постоянно критикуя правительство за предательство социалистической политики и отказ от принятых обязательств, он навлек на себя гнев партийных боссов, которые хотели только одного — сохранить свои места. На митинге социалистов в Штеглице его прямо с трибуны назвали «полицейским агентом» (правда, подобное обвинение было нелогичным, ибо полицию возглавляли социалисты).

Да и в университете, где он также вел активную деятельность, отношение студентов к нему было, мягко говоря, не позитивное. Причина состояла в том, что большая часть их относилась к тем, кого мы сегодня называем фашистами или нацистами. Его буквально пригвоздили к позорному столбу, объявив предводителем «Красной сотни». Однажды утром, приехав в университет, он увидел на доске объявлений листок, в котором было написано, что он не допускается до

дальнейших занятий, «вплоть до окончания дисциплинарного расследования». Разгневанный Штрассер начал доискиваться до истинных причин, на что ему было сказано, что его сведения о службе в армии вызывают некоторое подозрение. Тогда он представил официальную историю его подразделения во время войны, еще кое-какие документы, в результате чего ему удалось заставить ректора пойти на попятную. Была по всей форме проведена официальная церемония, на которой в присутствии всех студентов университета было заявлено об ошибке руководства заведения.

Но человек, не идущий на компромиссы, был обречен на одиночество. Как тогда, так и сейчас. Возмущенный происходящим, он оставил ряды соцпартии. Второй период его политической жизни подошел к концу. Пять лет он стоял в стороне от всяких партий и почти три года — в стороне от политики. Однако полное невнимание к этим вещам для такого человека было просто невозможно.

И вот наконец в марте 1921 года, он получает диплом в Вюрцбурге и уже до конца своих дней будет везде значиться как доктор Отто Штрассер. Перед ним открылась возможность занять скромную должность в министерстве продовольствия, где он самым прозаическим образом представлял интересы государства в сфере производства искусственных удобрений^{21} и обработки бросовых земель. Это продолжалось два года. Но вот однажды в стенах министерства появился бывший фронтовой командир Штрассера, граф фон Хертлинг. Он уже был главой крупного промышленного концерна и, увидев Отто, предложил ему неплохую административную должность. Штрассер с благодарностью согласился. И вот, до 1923 года, он, по его собственным словам, «ich sass brav in meinem Ministerium und in meiner Industriestellung, und habe eigentlich keine Politik getrieben»^{22}.

Однако все изменилось в ноябре 1923-го. Именно тогда в Мюнхене произошел гитлеровский путч, и взгляды Отто Штрассера на Гитлера поменялись. Однако здесь нужно сделать небольшое отступление, чтобы сохранить всю логику нашей истории.

Впервые Отто Штрассер встретился с Гитлером осенью 1920 года, как раз в момент наивысшего разочарования всеми партиями. Был выходной, и он приехал к родителям в Баварию. И тут его брат, Грегор, пригласил его в Ландесхут, сказав, что к нему приедут генерал Людендорф, герой, которым Отто восхищался еще в годы войны, и некто Адольф Гитлер, тогда еще совсем не известный. Во время обеда, говорит Отто Штрассер, «Людендорф произвел на меня сильное впечатление. А вот Гитлер — нет. Он слишком подобострастно держал себя перед Людендорфом и вел себя, словно денщик перед генералом. Людендорф напоминал гранитную скалу; Гитлер же беспрерывно и нервически фонтанировал. Во всех политических проблемах у него был один общий момент — евреи. Я сказал Грегору, что не хочу вступать в эту партию и лучше подожду; единственное, что мне из всего этого понравилось, сказал я, было название — национал-социалистическая, und Du («и ты», то есть Грегор. — Авт.). В течение 1921–1922 годов, когда я не занимался политикой, мы с Грегором частенько спорили о Гитлере и об этой партии. У меня никогда не было тяги к ней, и я не собирался вступать в нее. После того обеда Гитлер всегда говорил обо мне как об Intellektbestie».

Слово Intellektbestie трудно перевести адекватно. Быть может, так — «из разряда интеллектуалов-оригиналов»^{23}. Это такой термин, который люди более чем скромных способностей обычно используют в отношении тех, чьи аргументы сбивают их с толку или раздражают. Гитлер не умеет

спорить; легчайший намек на несогласие или вызов на спор — и он начинает сердиться и впадает в истерику. Ему крайне повезло (или, может, он смог так вывернуть ситуацию), что ему никогда не приходилось сталкиваться в открытых дебатах с достойными противниками. Он вошел в парламент и стал диктатором уже тогда, когда вся оппозиция была уничтожена.

Однако вернемся к нашему рассказу: Грегор Штрассер узнал о Гитлере за несколько месяцев до этого обеда. Он поехал в Мюнхен, понял, что взгляды Гитлера в большой степени отвечают его чаяниям, после чего записал всю свою небольшую частную армию в состав национал-социалистической партии в качестве независимой Gau, или региональной организации, по Нижней Баварии. До этого момента национал-социалистическая партия существовала только в зачаточном виде и то лишь в Мюнхене. Вхождение в ее состав Verband Nationalgesinnter Soldaten Niederbayerns Грегора Штрассера стало первым шагом партии за пределы Мюнхена.

Грегор Штрассер стал региональным лидером, а его секретарем стал Генрих Гиммлер (сегодня он — наводящий ужас глава тайной полиции и СС). Грегор Штрассер уже понимал, что он не в силах бесконечно содержать в боеготовности свою частную пехотно-артиллерийскую мини-армию. Конечно, нельзя было сказать, что вокруг уже воцарился мир, однако военная атмосфера потихоньку шла на убыль, ситуация стабилизировалась, люди постепенно возвращались к своим привычным занятиям — они уже не так часто чистили ружья и выходили на построения. Грегор Штрассер понимал, что ему придется либо распустить свою организацию, либо сделать из нее какую-то политическую структуру. Как бы то ни было, но «красных» в Баварии уже не было; во всех остальных местах социалисты уже поделились властью.

В Баварии же делами заправляли фон Эпп и его начштаба Эрнст Рем. После триумфального изгнания «красных» в мае 1919 года, вместо восстановления законного, изгнанного правительства, они — вопреки воле Берлина и пожеланиям солдат рейхсвера, им помогавшим, — создали буржуазное правительство без участия социалистов. Они хотели превратить Баварию в некую базу, откуда должно было начаться «очищение» остальной Германии.

Реальным правителем Баварии был Рем — весьма активный и революционно настроенный солдат. Фон Эпп был отличным военным, но думал он слабо. Рем прибрал к рукам всех политиков и партийцев Мюнхена, создав для своих нужд целую армию агентов. Среди них был человек, которого звали Адольф Гитлер. Однажды Рем (которому сообщали обо всех политических мероприятиях, проходивших в городе) сказал Гитлеру: «Мне пришла информация о митинге некой НСДАП (National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei). Сходи туда и посмотри, что это такое».

Сейчас вы и увидите, как двадцать лет назад в одной из конторок Мюнхена зародился тот план, или заговор, который сегодня обрушился, если можно так сказать, на нас со всей своей дьявольской мощью. Фон Эпп, действительно замечательный по-своему солдат, возможно, никогда не руководствовался в своей жизни какими-то низкими побуждениями. Он просто очень хотел очистить свою страну — так, он это понимал, и снова ввести ее в круг великих держав. К Рему относились с неприязнью даже не самые щепетильные люди, однако, по признанию знавших его коллег, он был хорошим и надежным товарищем, храбрым солдатом и необычайно талантливым организатором.

Какой такой выверт судьбы заставил его подобрать этого эпилептика и полукровку Гитлера, добродетель коего меньше порока, а пороков у него нет вообще? Человека, который не мог внятно объяснить, что он делал в Вене до войны, чем занимался во время войны и что с ним происходило в Мюнхене после войны до того, как его подобрал Рем? Непонятно...

Сидя за своим столом, Рем сам выбрал себе палача — в виде этого незаметного человека, стоявшего в тот момент навтыжку перед ним по другую сторону стола. Более того, он выбрал человека, который ввергнет Европу в горнило новой войны. И наконец — он выбрал человека, который, в чем я сейчас почти уверен, целиком скроен из ненависти, причем больше всего он ненавидит тех людей, судьбой которых он полностью распоряжается. Ибо самые странные места в беседах с Гитлером (о которых сообщает Герман Раушнинг) — это те вербальные всплески, в которых он то и дело говорит о «принесении в жертву одного или двух миллионов немцев», о своей решимости, при определенных обстоятельствах, «принести в жертву новое поколение немцев» и т. д.

Итак, Гитлер отправился на тот митинг и сообщил потом Рему следующее (обо всем этом рассказывал Отто Штрассер): «Это партия рабочих. Штука неплохая, и мы могли бы ее использовать, герр гауптман». Рем очень страдал из-за того, что Германия была беззащитна и находилась в абсолютной изоляции от окружающего мира, и он был уверен, что стране нужна новая армия — тайная армия. Он видел, что ветеранские организации типа штрассеровского Verband и разные добровольческие корпуса по мере налаживания мирной жизни начинали распадаться. А потому он, равно как и Грегор Штрассер, хотел выстроить некое политическое движение, которое вдохнуло бы в эти структуры новые, свежие силы. Однако в действительности он хотел создать (в виде штурмовиков) новую армию, а данное политическое движение весь этот процесс прикрывало.

Гитлер с присущим ему инстинктом понял, что эта маленькая НСДАП может стать идеальным инструментом для достижения тех целей, которые ставили перед собой его хозяева и он сам. Отсюда и особенность фразы из рапорта: «Мы можем использовать ее, герр гауптман». Рем уже отметил для себя, что у Гитлера есть особый талант к ведению пропаганды и политической агитации — именно поэтому он и взял его к себе в агенты. Вот почему теперь он ответил ему: «Давай приберем к рукам эту контору. Мы с ней что-нибудь сделаем».

Единственным условием со стороны Рема было формирование армии штурмовиков, чернорубашечников. С их помощью он намеревался держать все движение под контролем. Он часто говорил: «Все остальное для меня не важно; мне нужна дисциплинированная, своя армия».

С этой целью он дал Гитлеру денег, чтобы тот напечатал плакаты, а заодно прикупил малоизвестную местную спортивную газетенку, в которой публиковались результаты футбольных матчей и различная информация о скачках. Газета называлась Volkischer Beobachter^[24]. Оказавшись с большими деньгами, Гитлер смог без особого труда отставить от дел основателей этой маленькой партии. Но он не стал вносить изменений в существовавшую на тот момент программу; более того — он никогда не будет устраивать дискуссий по ее поводу — хотя, по правде говоря, ни одно из ее положений им выполнено не было. Рем сформировал армию чернорубашечников; именно для нее Рем позаимствовал коричневую рубашку из формы одного из добровольческих корпусов (Россбаха) и свастику от униформы другого (Эрхардта).

Вот так этот солдат удачи подписал свой смертный приговор и принес Европе новые беды и разрушения. Все это, как я уже сказал, произошло в Мюнхене 20 лет назад. Однако я бы хотел привести еще несколько важных моментов, касающихся рождения гитлеровской партии (об этом знал только Отто Штрассер).

«У Гитлера было много всяких обманных вещей, связанных с его биографией, в частности, когда речь шла о том, что он стал «седьмым членом» НСДАП. В тот момент, когда Рем отправил его на собрание, чтобы разузнать что к чему, в партии уже насчитывалось несколько сот тысяч человек.

Он стал седьмым членом исполнительного комитета и отвечал за популярность партии. И вовсе не он изобрел «национал-социализм». Эту партию основали некто Харрар и Антон Дрекслер. Они полностью скопировали ее с австрийской партии, которая так же и называлась, национал-социалистическая партия. Ее основали судетские немцы Юнг и Книрш, которые, в свою очередь, позаимствовали саму идею у чехов. Примерно в 1892 году молодой лидер тамошних рабочих по фамилии Кловач откололся вместе с группой чешских рабочих от соцпартии, действовавшей в довоенной Австро-Венгрии. Причина была проста: он говорил, что руководство и методы работы были «еврейские, международные и германские». Он основал в Богемии первую национальную социалистическую партию, ее самым известными членами впоследствии стали Масарик и Бенеш. Единственным человеком в этой партии, у которого нет понимания, что такое настоящий национал-социализм, является Адольф Гитлер».

Все это записано со слов Отто Штрассера. Последнее предложение — его точные слова. И, на мой взгляд, это абсолютно верно.

Вот так зародилось движение, которое быстро укрепилось и стало расти вширь и вглубь — к несчастью Европы и под предводительством профессионального клятвопреступника — в то время как Отто Штрассер «сидел, словно добрым малый, в своем министерстве и в своей конторе и никоим образом не занимался политикой». В 1923 году Гитлер впервые попытался прийти к власти, и одного этого хватило для того, чтобы Отто Штрассер вернулся в политику.

Дело было так. К 1923 году Рем и фон Эпп больше не руководили Баварией — их устранили в пользу режима, более лояльного Берлину. К тому моменту Гитлер фактически уже отстранил Рема от всего (впоследствии, правда, он его вызовет из Боливии — кому-то нужно было возглавить армию чернорубашечников). Вместе с генералом Людендорфом и Герингом, командирами штурмовиков, Гитлер попытался силой сместить правительство Баварии, надеясь, как и в свое время фон Эпп и Рем, начать из Баварии победоносный путь к господству над рейхом. Грегор Штрассер в этой схеме занимал место командира батальона из Ландесхута. Гитлер, шедший со своими штурмовиками и полагавший, что никакого сопротивления ему оказано не будет, был встречен градом пуль со стороны регулярных войск. Он бежал, затем был арестован и посажен в тюрьму; Людендорф был ранен, получил рану и Геринг, но сумел скрыться за границей. Грегор Штрассер был приговорен к полутора годам тюремного заключения. Первый гитлеровский путч провалился.

Случившееся полностью перевернуло мнение Отто Штрассера о Гитлере. До этого момента он не воспринимал национал-социалистическую партию всерьез. Он считал их какими-то полуреакционерами, а следовательно, не партией революционных социалистов. Говоря его словами, это было «плохое издание реакции в красной обложке — для обмана покупателя».

Но 9 ноября 1923 года в Мюнхене пули реакционного режима летели в Гитлера и его людей. «Стало быть, мой брат Оказался прав, — думал Отто Штрассер. — Это именно революционное движение, это именно социалистическое движение. Теперь всякие заигрывания Гитлера с генералитетом и акулами бизнеса прекратятся».

Это мнение было подкреплено известной речью Людендорфа, с которой тот вскоре выступил — не следует забывать о том, каким авторитетом пользовался Людендорф у германских офицеров. И в этой речи он сказал: «Теперь я понимаю, что спасение и переустройство Германии невозможны в сотрудничестве с реакционными силами».

Тогда же Людендорф торжественно отказался от всякого рода кастового товарищества с представителями своего сословия. Подразделение, в котором служил Отто Штрассер, разослало всем офицерам (в том числе и Штрассеру) письмо, в котором говорилось, что они должны выбрать между кронпринцем Рупрехтом Баварским (наследником упраздненного престола) и генералом Людендорфом, заявив открыто о своей приверженности той или другой стороне. Отто Штрассер незамедлительно и решительно поддержал Людендорфа — и был тотчас исключен из числа офицеров своего подразделения.

Вот так Отто Штрассер, горячий почитатель немецкого офицерства, добровольческих корпусов, солдат, воевавший против красных в Мюнхене, глава социалистической сотни в Штеглице, бесстрашный и упорный сторонник «немецкого социализма», снова был втянут в самую гущу политических событий. Он подумал, что наконец нашел то, во что верил.

Его брат Георг просидел в тюрьме вместе с Гитлером до майских выборов 1924 года — тогда он был выбран в парламент и его освободили. Гитлер же остался в тюрьме, где, как он говорит, он продолжал писать *Mein Kampf* (еще одна ложь). Пока Гитлер находился в тюрьме, Грегор Штрассер взял на себя руководство всей партией, в том числе и на севере Германии — многочисленные сторонники партии были уже и там, их набрали из Völkische движения Грефе{25}.

Одним из первых шагов Грегора Штрассера стало изгнание из партии болвана Юлиуса Штрайхера. После этого Грегор продолжал проводить меры по укреплению позиций партии и усилению ее влияния. Он был ее вождем и оставался таковым даже тогда, когда Гитлер вышел из тюрьмы. Причин этому было две. Во-первых, несмотря на освобождение, Гитлеру запретили выступать на севере Германии — хотя бы поэтому он уже не мог участвовать в работе партии. И, во-вторых, (и это ясно говорит о финансовом положении человека, фактически сделавшего партию под Адольфа), Грегор Штрассер как депутат рейхстага обладал правом бесплатного проезда на железнодорожном транспорте. Что позволяло ему свободно ездить до Берлина и обратно — а для него в то время это было очень важно. Гитлер, будучи гражданином Австрии, не мог, даже если бы и захотел, вернуться в парламент. Ему снова несказанно повезло (поскольку в открытых дебатах его очень быстро разгромили бы в пух и прах) — ведь его путь к власти и полный триумф покажутся всем совершенно необъяснимы! Однако и этот миф будет развеян.

Гитлер в тот момент был совершенно дискредитирован и, казалось, выдворен с политической арены. Лидером национал-социалистической партии был Грегор Штрассер — его знали, понимали и любили многие. Но у Гитлера был хоть и один, но сильнейший источник власти. У него — в отличие от сотоварищей по партии — были деньги. Он получил их от крупных промышленников и прочих заинтересованных лиц и партий, которые предпочитали не засвечиваться. Им он в частном порядке продавал социалистические кусочки программы национал-социалистов, которой братья Штрассеры вместе со своими сподвижниками придавали огромное значение. Однако об этом стало известно значительно позже.

После мюнхенского путча Отто Штрассер начал снова потихоньку пробовать себя в политике — он писал передовицы в Völkischer Beobachter (разумеется, под псевдонимом). И вот как-то раз к нему пришел брат и снова завел речь о будущем. «На севере Германии мы абсолютно свободны, — сказал он, — и мы можем сделать эту партию реальной и влиятельной, мы можем придать ей форму и снабдить идеологией. Так что сейчас, дорогой Отто, тебе придется помогать мне. Мы построим и приведем в человеческий вид эту партию».

Вот так Отто Штрассер, революционный социалист, в своих непрерывных поисках революционного социализма вступил в 1925 году в Национал-социалистическую партию. И не Гитлер, этот найденыш от политики с мутным прошлым, но именно братья Штрассеры, люди с четко сформулированными идеями и безукоризненной биографией, были в то время настоящими лидерами этой партии. Поверив, что он, наконец, нашел ту политическую гавань, в которой можно надолго остановиться, Отто Штрассер приступил к работе.

Глава 6

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

С того самого момента, как Отто Штрассер присоединился к поклонникам Гитлера, и до того дня, как он распрощался с Адольфом, назвав его в лицо пустозвоном, мошенником и жуликом, после чего он продолжил в одиночестве свою борьбу за немецкий революционный социализм, прошло пять лет. (Кстати, нужно заметить, что ни Отто, ни Грегор в разговорах с Гитлером никогда не использовали обращение «мой фюрер». Братья были людьми независимыми, непреклонными и до самого конца называли его «господин Гитлер»).

Эти пять лет были наполнены борьбой между Штрассерами и Гитлером. Они вели борьбу за власть в национал-социалистической партии, за власть в Германии. Конечно, они не рассматривали происходящее именно в таком свете, они не чувствовали, что они работают против Гитлера. Они только видели, что Гитлер предавал то, что он должен был представлять, как отказывался от ранее данных им же обещаний, и они хотели «исправить» его. Поразительно, но случилось так, что люди, которые мыслили так же, как и братья, сплотились вокруг братьев Штрассеров. Но они не вели сознательной борьбы за власть — они боролись только за душу Гитлера и принципы своей партии.

Однако постепенно этот конфликт стал развиваться именно в направлении борьбы за власть, поскольку Гитлеру вовсе не были интересны те принципы, которые он провозглашал в борьбе за голоса избирателей. Для него это были не принципы вовсе, а всего лишь момент тактической борьбы. Он упорно стремился избавиться от всех, кто пытался, напоминая ему о принципах, сковать его в том, что он считал тактикой.

Именно поэтому он начал смотреть как на врагов на тех людей, кто искренне верил в провозглашенные догматы национал-социализма. Он считал их интриганам, внутренними врагами, а потому он направил против них всю свою энергию, желая убрать их со своего пути. Но эти люди не собирались сдаваться без боя — они чувствовали, что правы они, а вот он — неправ или просто сбился с пути. Они вложили в эту партию время, силы, деньги и веру и не позволяли никому просто так взять и сбросить себя на обочину. Вот так вот борьба за умы превратилась в борьбу за власть.

Борьба эта завершилась победой Гитлера и разгромом Штрассеров. Сегодня, оглядываясь на историю Германии последних нескольких лет, я думаю, что Отто Штрассер является единственным персонажем из всей когорты лидеров национал-социализма, который не просто видел, что это — дешевый мошенник, но и имел смелость сказать это в глаза и начать борьбу с ним.

Кстати, очень похоже на то, что Грегор так и не смог до конца дней разглядеть этот крайне важный момент. Его преданность Гитлеру пережила все испытания, а в бесчисленных спорах с неверующим Отто он постоянно приводил один и тот же аргумент: «Лошадь, конечно, брыкается, но все равно она идет по тому пути. Стало быть, и мы должны ставить на нее». На что Отто Штрассер с завидным постоянством отвечал: «Ты не прав; лошадь не брыкается, она просто идет не в ту сторону, а мы ничего не можем сделать».

У Грегора, несмотря на задиристый характер, была такая черта — условно назовем ее «легкостью», — по которой он в решающий момент всегда уступал под нажимом Гитлера. Это сильно повлияло на весь ход европейской истории. Потому что если бы он ушел от Гитлера вместе с братом, то национал-социалистическая партия неизбежно бы раскололась, а Германия и Европа смогли бы избежать того милитаристского кошмара, в котором они ныне пребывают. Но даже если бы партия и не раскололась, то противостоять претензиям Штрассеров на лидерство сегодня вряд ли бы кто-то смог. И даже только один брат, Отто, и тот удачно идет по этому пути, хотя, конечно, на это требуется больше времени и сил.

Весь этот спор, препирательства и борьба по сути вращались вокруг одного, но старого сюжета. В душе Отто Штрассера жили сомнения, которые, правда, рассеялись в день, когда реакционеры в Мюнхене открыли огонь по людям Гитлера — он не знал, в какой степени Гитлер предан принципам социализма, не знал, действительно ли тот хочет привести Германию к новому общественному устройству, к немецкому социализму, или же он просто марионетка в руках старых, выстроившихся в боевые порядки правящих классов Германии — крупных промышленников и землевладельцев.

Проведя пять лет рядом с Гитлером, Отто Штрассер снова утвердился в своих сомнениях, которые он было откинул после 1923 года. В 1930 году он совершил вытекающий из всего этого поступок — распрощался с Гитлером.

Его же легковверный брат, не убежденный Отто да и не желавший, как он думал, предавать коллегу, болтался где-то вокруг Гитлера. В душе у него, конечно, зрело некое дурное предчувствие, но он не решался порвать отношения, хотя, когда Гитлер пришел к власти, он и увидел, что Отто Штрассер говорил правду. Но было уже поздно — к тому моменту Грегор уже был внутренне сломлен и фактически обречен. Отто, более дальновидный и решительный (хотя и менее популярный), порвал связующие нити вовремя. Сегодня он живет, чтобы добиться поставленной цели — отомстить за Германию и отомстить за Грегора Штрассера.

История этих пяти лет — между своего рода полусознательным, но не без сомнений, подчинения уговорам Грегора Штрассера и окончательным разрывом — является, таким образом, скорее историей прямого конфликта между Гитлером и Отто Штрассером, при котором Грегор то и дело пытался примирить обе стороны, нежели историей столкновения Гитлера с братьями Штрассерами. Именно поэтому сегодня фигура Отто Штрассера с полным правом привлекает заслуженное внимание. Полагаю, что в будущем у него хватит капитала, чтобы занять самое видное место.

Ведь он оказался прав, а Грегор — нет. Неправ был и Гитлер, хотя точнее будет сказать так: Гитлер — настолько лживый человек, что мы не знаем, прав он был или нет, потому что мы не знаем (а может, и никогда не узнаем), чего он хотел на самом деле. Как бы то ни было, но борьба развернулась именно между ним и Отто Штрассером. Между ними в качестве миротворца

оказался Грегор Штрассер. На заднем плане, иногда выходя к рампе, чтобы вставить пару слов или вернуть ловкую, но пустую фразу, двигались другие фигуры — злобное пугало Геббельс, комичный, но мстительный Геринг и сверкающий очками, змеинодушный Гиммлер.

Пять грозных лет!

Когда Отто Штрассер примкнул к брату и стал, таким образом, вассалом Гитлера, Грегор был настоящим руководителем партии в самом большом и интересном регионе рейха — Северной Германии, куда Гитлеру доступ был закрыт{26}.

Партия шла по неверному пути — позорный провал мюнхенской авантюры уже полтора года лежал темным пятном на ее репутации — и братья начали усердную работу по возрождению партии. Грегор взял себе личного помощника, которому платил зарплату. Это был никому не известный человек, льстивый карлик, который позднее, во время падения Грегора, будет, как говорится, плясать над трупом и отпускать в его адрес гнусные колкости и злобные насмешки — доктор Йозеф Геббельс. Братья начали работу с того, что выпустили национал-социалистический бюллетень. Его готовили только для партийных функционеров. В нем были обстоятельно, с аргументами изложены принципы и доктрина социалистического (или штрассеровского) крыла партии.

В то время жизнь партии была целиком подчинена «борьбе с Мюнхеном», то есть борьбе между жившим в Мюнхене Гитлером-тактиком и обитавшими в Берлине убежденными социалистами Грегором и Отто Штрассерами. Геббельс, безусловно обладавший талантом к красивым, хоть и риторическим выступлениям, стал фактически главным публичным рупором Штрассеров. Подозрения и недоверие по отношению к Гитлеру были широко распространены среди партийцев, и наконец конфликт перешел в открытую стадию, апофеозом которой явилась известная «встреча руководителей» в Ганновере в октябре 1925 года{27}. Конференция была созвана для того, чтобы договориться о мерах по укреплению позиций партии во всех регионах Северной Германии и устранить разногласия. На ней присутствовали такие видные деятели современного нацизма, как Виктор Лютце, руководитель штурмовых отрядов СА; Руст, министр образования; Керрл, министр по делам церкви; Роберт Лей, глава Трудового фронта; Гильдебрандт, штатгальтер Мекленбурга и, конечно же, братья Штрассеры и Геббельс{28}.

Гитлер, которому доступ в Северную Германию был закрыт, направил туда своего представителя, Готфрида Федера. Встреча переросла в открытую демонстрацию недовольствия Гитлером. Принимавшиеся одна за другой резолюции явно показывали господствовавшее среди участников настроение.

Участники встречи были единодушны, за исключением доктора Лея, который то и дело говорил, что все решения и постановления, принимаемые без упоминания Гитлера, недействительны. Наконец Руст воскликнул: «Мы не потерпим Папу в нашей партии!», после чего Геббельс предложил исключить Гитлера из числа партийцев. Грегор Штрассер тактично оставил этот момент без внимания, заявив, что он — не кандидат, претендующий в пику Гитлеру на руководящий пост, а человек, заинтересованный в укреплении партийной организации в Северной Германии, руководить которой ему доверено.

На конференции было принято решение о том, что все северогерманские отделения партии необходимо объединить в единую северогерманскую организацию под руководством Грегора Штрассера. Всех функционеров этой части партии обязали внимательно изучить штрассеровский бюллетень на предмет понимания политической линии. Было также принято решение о создании в Берлине издательства (опять-таки под руководством Грегора и Отто Штрассеров), которое

займется всей рекламной и издательской деятельностью, необходимой для партии на территории Северной Германии. Далее участники конференции постановили (и это крайне важно) принять политическую программу (для «настоящего немецкого социализма») в варианте братьев Штрассеров, причем все руководители северогерманских отделений, за исключением Лея, торжественно поклялись на следующем общенациональном партийном съезде выступить за эту программу, которая должна была заменить известные, но крайне устаревшие и расплывчатые «Двадцать пять пунктов», унаследованные Гитлером от маленькой партии, купленной в 1919 году в Мюнхене на деньги Рема.

Упомянутые «Двадцать пять пунктов» были приняты Гитлером в качестве программы, а потому он никогда не позволял открывать по ним какую-либо дискуссию. Тем не менее, он добавил туда некое дополнение, по сути, уничтожавшее основной смысл документа. Это было дополнение к одному из самых важных пунктов, требовавших разукрупнения больших земельных владений для решения разных вопросов. Подобное изменение было сделано им в качестве уступки интересам крупных промышленников и землевладельцев, с которыми он уже давно находился в самых тесных личных отношениях. И тем не менее, это требование — об экспроприации земель — было одним из самых важных в «Двадцати пяти пунктах», именно оно оправдывало претензии партии на слово «социалистическая», которое значилось в ее названии. Из-за этого исправления подозрительность в отношении Гитлера усилилась — и особенно у такого человека, как Отто Штрассер. Поскольку конфликт идей и идеалов между Гитлером и братьями Штрассерами, между убежденными национал-социалистами и человеком, который просто хотел стать у руля партии, играет важную роль и сегодня — как в развитии Германии, так и в истории, о которой идет речь в этой книге, — то я воспроизвел эти «Двадцать пять пунктов» в приложении IV, дабы их можно было сравнить с программой Отто Штрассера «Немецкий социализм», о которой я расскажу в следующей главе.

Ганноверская конференция, на которой Гитлер получит Такой отпор, одобрение, выраженное социалистической части Национал-социалистской программы, изъявление преданности Грегору Штрассеру — все это стало настоящим триумфом обоих Штрассеров и их учения. Однако затем они потерпели поражение — первое из серии поражений, которые в итоге приведут к разрыву с Гитлером (для Отто) и к смещению с должности и смерти (для Грегора). Гитлер переиграл их следующим образом.

Получив из Ганновера донесение от Федера, он созвал в Бамберге свою контрконференцию, на которую пригласил всех лидеров Южной Германии, а также партийных руководителей из Северной Германии, людей Штрассеров. Однако с севера никто не приехал, поскольку в то время занятие политикой для этих людей было слишком большой и недешевой роскошью. Ведь большая часть этих людей жила на грани бедности или они держали свое дело, которое никак не могли оставить без надзора. Да и дорога на юг вылетала в копейку.

Только Грегор Штрассер, счастливый обладатель бесплатного ж/д билета, и Геббельс, получивший от Штрассера 200 марок в месяц, прибыли на это мероприятие. Там Геббельс впервые и увидел Гитлера. Он вообще много чего там увидел. Он увидел толпу крутившихся вокруг Гитлера сидевших на зарплате чиновников из Коричневого дома в Мюнхене^{29} (магнаты неплохо снабжали Гитлера деньгами), он увидел кучу личных автомобилей... И он сопоставил все это в уме с той бедностью и аскетичностью, которые царили на встрече северогерманских лидеров, и со своей жалкой зарплатой в 200 марок в месяц.

Вот тогда-то Геббельс и решил, что он до сего момента стоял не на той стороне, и поспешил перейти на другую сторону. Громко и с выражением искреннего раскаяния он заявил, что не может более поддерживать решения, принятые в Ганновере, где он призвал к исключению Гитлера из партии.

Грегор Штрассер остался в одиночестве. Его сторонники были далеко. Геббельс публично предал его. Он был беден, у Гитлера были деньги. Он пожал плечами и... принял поражение.

Его оставили во главе северогерманской парторганизации, поскольку Гитлер так и не мог попасть на эти территории. Однако Адольф отказался обсуждать программу, предложенную Штрассерами. «Двадцать пять пунктов» снова заняли свое место в качестве официального программного документа партии.

Именно с этого дня началась смертельная вражда между Штрассерами и Геббельсом, причем сопровождал все это весьма театральный эпизод. Геббельс уехал с конференции в машине Гитлера. При этом он что-то мурлыкал под нос. Макс Аман, директор гитлеровского издательства Eher{30}, с любопытством глянул на него и прошептал Гитлеру: «Это Мефистофель нашей партии».

В качестве примера вопроса, волновавшего в те дни членов партии и приводившего к подобным разногласиям, я могу привести диспут по поводу конфискации собственности прежней правящей династии. В тот момент он был в самом разгаре. Упирая на то, что инвалиды войны, жертвы инфляции и другие категории населения так и не получили никакой компенсации, Штрассеры и основная часть членов партии выступали за конфискации. Гитлер, торговавшийся за спинами товарищей с магнатами, выступал против.

Однако братья возобновили борьбу в Северной Германии, и Грегор, после измены Геббельса, уговорил Отто оставить работу в концерне графа фон Хертлинга и посвятить все свое время делу партии. Произошло это в начале 1926 года. Получив компенсацию за разрыв контракта, до истечения которого оставалось два с половиной года, Отто Штрассер основал северогерманское издательство Kampfverlag и стал издавать и распространять в Берлине и других городах севера национал-социалистические издания.

В течение 1926–28 гг. все северогерманское отделение Национал-социалистической партии находилось под идейным влиянием и контролем Kampfverlag (в нем равными долями владели братья Штрассеры и третий человек, их партнер Хинкель). Оно было больше издательского дома Гитлера Eherverlag, располагавшегося в Мюнхене. Через это издательство велась серьезнейшая борьба за умы немцев, борьба в области идей, организации, рекламы и финансов, борьба между Мюнхеном и Берлином, между Гитлером и Штрассерами, между Eherverlag и Kampfverlag.

В 1927 году Гитлер нанес решительный удар, который, как оказалось впоследствии, стал смертельным для Штрассеров.

В поисках орудия, которое можно было бы использовать против Штрассеров, чья негибкая убежденность мешала его тактическим идеям, он остановил свой выбор на Геббельсе, который покался перед ним на съезде в Бамберге, став заклятым врагом «берлинских братьев». В 1927 году он назначает Геббельса главой регионального отделения партии в Берлине, одновременно дав ему поручение организовать выпуск новой газеты Angriff{31} — в пику продукции Kampfverlag. Она должна была стать занозой в лагере братьев.

Сложилась весьма любопытная ситуация. Отто Штрассер, у которого вообще не было никакой партийной должности, имел формальное право на издание партийного органа в Берлине.

Геббельс, бывший лидером партии в Берлине, публиковал в пику Отто неофициальную газету. Грегор Штрассер был заместителем Гитлера, вождем национал-социалистов всей Северной Германии. Геббельс был назначен на пост лидера берлинского отделения для того, чтобы ослабить и ниспровергнуть старшего брата. Таков был один из ранних примеров того, какими методами Гитлер добивался поставленных целей.

На протяжении трех лет, с 1927 по 1930 год, вендетта, увы, осуществлялась планомерно и неотступно. Сначала все происходило за сценой, потом военные действия перешли в открытую фазу. Торговцы враждующими газетами устраивали драки на улицах, а социалисты и коммунисты смеялись и потирали руки. Но в этой междоусобице Геббельс имел лишний козырь на руках — он еще был и командиром берлинских штурмовиков.

Однажды Гитлер лично явился в хорошо оборудованную контору Отто Штрассера, располагавшуюся на Нюрнбергерштрассе. Он попытался заставить его добровольно отказаться от издания газеты, проповедовавшей национальный социализм — Berliner Arbeiterzeitung. Штрассер отвечал: «А почему именно я? Мы же первыми оказались на этой поляне. Наши газеты выходят не первый год. У нас есть официальное разрешение от партии на публикацию газет. Мы сделали все, что нужно, подготовили почву. Благодаря нашим усилиям партия и ее пресса сегодня процветает. Скажите Геббельсу — пусть прекратит печатать свою газету».

Гитлер отвечал: «Это не вопрос права, а вопрос силы. У Геббельса есть штурмовики, и что вы будете делать, когда однажды сюда придут двадцать здоровых парней и разнесут все вдребезги?»

Отто Штрассер выдвинул ящик стола, достал пистолет, положил на стол — ранее я говорил, что он любил этот ход — и сказал: «Господин Гитлер, в таком случае у вас будет на восемь штурмовиков меньше». Гитлер заорал: «Но вы не будете стрелять в моих людей из СА!» «А я думал, что вы скажете, что люди СА — это люди Геббельса, — ответил Штрассер. — Но если они ваши, вы можете остановить их. В любом случае, я буду стрелять в любого, кто ворвется сюда нападет на меня».

«Тогда-то мы, по сути, и порвали с Гитлером, — говорит сегодня Отто Штрассер. — Момент был удачный, позиции у нас были сильные. Но Грегор всегда пытался избежать открытого конфликта. Он думал, что мы все равно выиграем... в итоге, а сейчас должны слегка схитрить и переместить нашу контору за пределы Берлина».

На рубеже 1929–1930 годов партия росла так стремительно, что Kampfverlag едва поспевала за ней. Издатели были вынуждены увеличить выпуск прессы, превратив несколько еженедельников в ежедневки. Трения между братьями и тандемом Гитлер — Геббельс постепенно нарастали. Наконец Гитлер вызвал всех трех партнеров Kampfverlag, обоих Штрассеров и Хинкеля, в Мюнхен. (Сегодня Хинкель является рейхскомиссаром по делам евреев, сохранив таким образом расположение Гитлера, явившееся наградой за уступчивость в деле с газетой){32}.

«Гитлер вел себя как сумасшедший. Он закатывал истерики и орал на нас, а потом вдруг начал льстить. Он предложил выкупить у нас Kampfverlag за любую цену, которую мы назовем, и еще он предложил Хинкелю и мне места депутатов в рейхстаге. (Кресло депутата в Германии было весьма выгодным местом. — Авт.) Грегор был готов продать акции, но у него была только третья часть. Я же категорически отказался и думал о том, как бы заставить и Хинкеля поступить подобным же образом. Разговор длился несколько часов и по временам напоминал большой бедлам. В какой-то момент я мягко заметил: «Вы ошибаетесь, господин Гитлер», на что Гитлер заорал: «Я не могу заблуждаться! Все, что я делаю и говорю — это история!»»

Напряжение достигло пика. Наконец взрыв произошел. Непосредственной причиной его стала забастовка рабочих-металлургов в Саксонии.

Штрассеры и северогерманское отделение партии поддержали забастовщиков. Членам партии был отдан официальный приказ: «бастовать». Федерация промышленников направила Гитлеру ультиматум, в котором говорилось, что она прекратит взносы в партийную казну, если не будет отменено распоряжение об участии в забастовке. Гитлер приказал саксонскому отделению партии отменить это распоряжение и довести до всех его членов, чтобы они не принимали участия в этой акции. Глава саксонских национал-социалистов Мучман выполнил распоряжение Гитлера, однако Штрассеры стояли на своем, и партийная пресса призвала рабочих продолжать забастовку. Вот так и начался уже Открытый конфликт — дело было весной 1930 года.

Гитлер прибыл в Берлин и провел две длинные и очень бурные встречи с Отто Штрассером, для которого это было нелегким испытанием по все той же причине — Грегор попросил его не идти на разрыв, поскольку, говорил он, если это произойдет, то сам он останется с Гитлером. Мотивы, которыми он руководствовался, были все те же: он считал, что национал-социалистическое движение делает все правильно, за исключением разве что одного момента — тактики, которую, впрочем, впоследствии можно будет подкорректировать. Он даже не думал, что в партии дела серьезно обстоят не совсем так. Отто думал иначе.

Эти две стычки с Гитлером представляют для нас большой интерес. Отто Штрассер записывал все, что происходило на них, слово в слово и сразу же по окончании — настолько, насколько он мог восстановить прошедшее. В 1931 году он публикует это в книге *Aufbau des Deutschen Sozialismus* («Структура немецкого социализма»).

Таким образом, впервые за много лет были записаны и увидели свет две крайне нелицеприятные беседы с Гитлером, так что теперь все желающие могли увидеть, что это за человек, Адольф Гитлер. Сегодня описания его истерических оргазмов во время подобных словесных баталий сыплются на нас со всех сторон. Их публикуют послы, которые прежде считали себя его поклонниками. Их публикуют его бывшие помощники. Специалисты в области психиатрии единодушно говорят о том, что этот человек не в себе. Все, словно сговорившись, соглашаются с тем, что этот человек безумен.

Но почему? Он же не сделал сейчас ничего такого, чего он не делал время от времени на протяжении семи лет пребывания у власти — за исключением разве что договора с большевиками. Он сейчас и не сказал ничего нового — все это он много раз уже говорил и в эти семь лет, и даже раньше. Да и возбуждение у него сегодня ровно такое же, как и раньше. Ничего нового.

Здесь, в этих долгих и состоявшихся еще десять лет назад спорах с Отто Штрассером вы найдете все — крики и вопли, безумную болтовню — словно дурной артист кабаре пародирует твердолобого майора, — даже угрозы и ультиматумы.

На одной стороне — Отто Штрассер, желающий получить прямой ответ на крайне важный политический вопрос. На другой — дешевая демагогия Гитлера, который сокрушает даже самый простой вопрос и самые логичные аргументы крикливыми возражениями типа «марксизм», «большевизм», «демократическая болтовня», «чепуха» и т. д. Строго говоря, всю эту картину, включая самонаименование детали, мир имеет счастье лицезреть с момента начала войны.

И вот сегодня люди думают: «Конечно, человек, который ведет себя так, просто неменяемый. Он опасен для общества. Если бы мир только знал...». Но мир мог знать. Все это можно было увидеть в описании двухдневных споров Отто Штрассера с Гитлером. Но мир не хотел знать. Если бы кто-нибудь решился прочитать описание, вышедшее из-под пера Штрассера, то он бы сказал: «автор преувеличивает». Сегодня же мир уже слишком хорошо знает Гитлера и может сказать: «Да, то был живой портрет, верный в каждой детали».

На самом деле это был первый портрет такого рода, составленный еще до прихода Гитлера к власти, в момент, когда мир вяло интересовался тем, «кто такой Гитлер», и не верил, что он может причинить тот вред, который он уже причинил. Странно, что он это описание не заметил и позднее, когда Гитлер уже пришел к власти и когда любой, даже третье-разрядный журналист из Берлина мог поехать за границу, в Англию или Америку, и опубликовать там «тайную историю» Адольфа Гитлера. Но эта история уже была — вот только никто не захотел вовремя ознакомиться с ней.

Я думаю, что книга Штрассера, в которой содержатся описания этих двух бесед, никогда не переводилась на другие языки; по крайней мере, на английском ее точно не было. Если бы любой зарубежный государственный муж, по-настоящему и искренне болеющий за свою страну, пожелал бы знать, кем на самом деле является Гитлер, то он бы нашел все необходимое в этой книге. Государственный деятель, который бы прочитал эти страницы, уже не стал бы — если, конечно, он не безнадежно тупой и если ему не чихать на интересы своей родины — несколько лет спустя говорить об этой вечной тенденции подозревать господина Гитлера, которая, увы, может породить только «встречные подозрения» или иную подобную ерунду.

Здесь он бы нашел — если бы вообще пожелал — правдивый портрет Гитлера. Наперсточник, карточный шулер, шарлатан, который хочет, чтобы его никчемные изделия выглядели как настоящие — причем за счет шумной рекламы, как делают говорливые барыги на ярмарках. Человек без чести, совести и преданности, захудалый мошенник от политики, который благодаря интригам вознесся на вершину власти.

Его противоположностью в те дни был человек, который верил в определенные идеи и хотел прийти к власти в стране, чтобы воплотить их в жизнь. Как показывает запись бесед, Гитлер вообще ни во что не верил, хотя и понимал, что определенных идей следует придерживаться, чтобы прорваться к власти — но при этом делать совершенно другое, то, что нужно ему.

Эти два человека абсолютно непохожи, как день и ночь, вор и честный малый, как патриот и предатель. Самые большие предатели во все времена и во всех странах это те, кто громче всех кричит о своем патриотизме, громче всех поют национальный гимн, громче всех заявляют о том, что они не вложат меч в ножны в войнах, в которых они не участвуют, и громче всех кричат о том, что долг патриота — идти в армию (при этом сами они в армию не идут).

Вот в этом понимании слова Гитлер — безусловно самый распатриот всех времен, закадычный друг тех уроженцев других стран, которые поют ему хвалы и поддерживают его ровно до того момента, как он начинает погружать Европу в новую войну. Тогда они с таким же искренним патриотическим порывом начинают кричать, что «этот человек сумасшедший, мы должны покончить с ним, пошлите вашу молодежь, чтобы они покарали его, убейте его».

И он, и эти люди заслуживают самого почетного места в Валгалле такого рода «патриотов». Именно эти люди сделали из Европы то, во что она превратилась сегодня, и если вам нравится сложившееся положение дел, то, значит, вам нравятся и они. Настанет день, и мы сможем

расплатиться с этими ренегатами по всем счетам. И если они пойдут по прежнему пути, то скоро они снова будут предавать нас, но на этот раз уже с Герингом.

Именно такие люди сделали так, что Гитлера, этого отстойного типа, величайшего предателя и отступника, которых когда-либо видела Германия, на протяжении многих лет воспринимали и принимали как патриота Германии, несмотря на всю смехотворность его поведения. Точно таким же образом умудряются выставлять себя в нужном свете и некоторые люди в Великобритании, причем делают они это не годами, а десятилетиями. Их нужно бы пригвоздить к позорному столбу за предательство, а вместо этого у них над головой сияет золотой нимб патриота.

Далее я приведу два больших фрагмента из этих двух бесед, поскольку они очень хорошо иллюстрируют и тему этой книги, и метод, с помощью которого эти предатели-«патриоты» и прежде, и теперь умудряются разжечь пламя войны в Европе, и черты характера этих людей — Адольфа Гитлера и Отто Штрассера. На протяжении многих лет после публикации этих бесед (таков уж уровень прозорливости европейцев) Гитлера удавалось позиционировать как патриота, хотя он целиком и полностью, да к тому же совершенно открыто работал себе на пользу, не задумываясь об интересах Германии. Отто Штрассера же называли непатриотом и «красным» — и именно потому, что он заботился о благе Германии, не искал собственной выгоды и стойко придерживался своих взглядов. Вот до какой ужасающей степени общественное мнение Европы, и особенно Британии, полностью зависит от принадлежащих миллионерам газет, миссией которых, как считают многие в наивной простоте, является просто «информирование».

Предметом этих долгих словесных дуэлей был старый-старый спор. Штрассер спокойно, вновь и вновь, в разной форме спрашивает: «Вы за социализм? Вы думаете то, что говорите? Имеете ли вы в виду идею лучшего социального устройства? Или это только словесные формулы, которые вы используете для привлечения масс? Власть — это ваша единственная и настоящая цель?»

В ответ Гитлер кричит, бранится, напыщенно разглагольствует: «Я — помазан Небом, а вы — умничающий чудак» (помните тех сержантов, которых Отто Штрассер так ненавидел во время службы в армии?) «Я знаю, что лучше! То, что вы говорите, это чистой воды марксистско-большевистско-либерально-демократически-социалистически-коммунистически-красное дерьмо!» (Это Гитлер, не я, объединил прилагательное «чистый» и существительное «дерьмо»; он так делал всегда, и так будет делать впредь.)

Это, конечно, не буквальные цитаты, но картина вырисовывается вполне понятная. Идет противоборство между человеком убеждений, принципов и логического подхода и лжецом, который ни во что не верит и готов прибегнуть к любым средствам, лишь бы опровергнуть аргумент, уничтожить соперника, развязать войну.

По одну сторону стола сидит человек ясных мыслей и убеждений, человек, который может оригинально выдвигать и отражать различные аргументы. По другую — нелепый пустомеля, надутый как павлин, который просто не умеет прямо отвечать на поставленный вопрос, но выстреливает в вас кучей бессмысленных лозунгов, который начинает биться в истерике при малейшей дискуссии, потому что он фнает, что он — врет, и к тому же он ясно дает понять, что у него нет ни идеалов, ни убеждения и что его волнуют только методы, с помощью которых он может достичь сугубо своих, личных целей.

Эти встречи состоялись 21 и 22 мая 1930 года. Первая началась с известного захода — техника выступлений Гитлера никогда не менялась — от разговоров в 1930 году с Отто Штрассером до бесед с Куртом фон Шушнигом в 38-м и сэром Невилом Хендерсоном в 39-м. Он начал с громких упреков и угроз по поводу тона публикаций в изданиях Kampfverlag, постепенно дойдя до

требования немедленно закрыть весь издательский дом, иначе... Но когда Отто Штрассер встал и сказал, что он пришел сюда для обсуждения проблемы, а не для того, чтобы выслушивать ультиматумы, Гитлер, как всегда, утихомирился, подобрел, и беседа началась.

Дело было еще и в возражениях Гитлера на критику, прозвучавшую в изданиях Штрассеров в отношении назначения некоего Шульце-Наумбурга^{33} на самый высокий пост в области архитектуры и искусства. Назначение подписал первый министр от национал-социалистов доктор Фрик^{34} (Тюрингия). Штрассер отвечал, что молодое поколение художников, сочувствующих национал-социализму, считает, что этот господин представляет вчерашний день искусства и что они имеют права высказать свою точку зрения. Гитлер стал возражать: «Все, что вы говорите, свидетельствует лишь о том, что вы ничего не понимаете в искусстве. В искусстве нет таких понятий, как «старое поколение» или «новое поколение», есть только искусство, в частности — греко-нордическое искусство». Штрассер высказал другое мнение, упомянув, что китайское и египетское искусство являются выражением «души этих народов». Гитлер ответил: «То, что вы говорите — это устаревшее и либеральное мнение. Нет таких вещей, как китайское или египетское искусство. Есть только греко-нордическое искусство...»

Разговор, начавшейся именно на такой ноте, сохранил аналогичный настрой до самого конца. Следующий упрек Гитлера относился к одной статье, в которой, как он пожаловался, «была проведена граница между идеей национал-социализма и личностью фюрера, причем идея была поставлена даже выше фюрера».

Штрассер, решивший не выражать своего неуважения к Гитлеру, сказал, что он придерживается точно такого же мнения. «Фюрер может заболеть, умереть или, быть может, отойти от идеи, но сама идея имеет божественное происхождение, и она вечна».

А вот это, сказал Гитлер, «совершеннейшая ерунда, место которой за кухонным столом... это худший образец демократического трепса. Фюрер и идея едины, и каждый национал-социалист должен подчиняться приказам фюрера, который воплощает в себе идею и один знает ее конечную цель».

«Это, господин Гитлер, — спокойно возразил Отто Штрассер, — учение римской церкви, папства и итальянских фашистов. Для меня идея — это жизненно важная вещь. Я говорю о национал-социалистической идее, и дело моей совести решать, когда появляется расхождение между понятиями «фюрер» и «идея»».

Гитлер на дух не выносил подобного рода рассуждений; люди, произносившие такие слова, были для него чуть ли не умственно неполноценными, а потому только благосклонность Провидения не позволила этой встрече завершиться жутким конфликтом. Но в багаже у фюрера был проверенный годами ответ на все случаи: дисциплина. «Вы говорите об этой дурацкой демократии, — сказал он, — но это приведет к разрушению нашей партии, которая основана на дисциплине. А я вовсе не намерен убивать партию из-за каких-то самодовольных писак. Вы намерены подчиниться нашим правилам, по примеру своего брата, или нет?»

Таким образом, уже в самом начале спора, продолжавшегося почти два дня, Гитлер прибегнул к избитому возражению «патриотов» следующего рода: «Вы задали вопрос, на который я не могу ответить. Я должен напомнить вам о необходимости соблюдения дисциплины. И вы не должны рассуждать на тему «почему», ваше дело — делать то, что я говорю вам. А я ничуть не сомневаюсь в том, что я — прав. И что бы было со всеми нами, если бы вы начали думать над тем, а всегда ли я

прав? Вот этого я не потерплю. Потому что иначе вы можете пойти совершенно в иную сторону, может быть, даже в лучшую по сравнению с тем, куда предполагаю идти я. Но это уже чистой воды большевизм. Повторяю — чистой воды большевизм. Дисциплина, уважаемый господин! Только дисциплина приведет вас туда, куда я намерен двигаться».

Мы снова видим поразительное сходство ситуации с теми стычками, которые были в 1914 году у Штрассера с плац-парадными «остряками», коих он так не любил. «Самоуверенные умники», «самодовольные писаки», «пианисты налево, а те, кто говорит по-английски или по-французски направо. А теперь самоуверенные умники, говорящие по-английски или по-французски, могут идти мыть сортиры».

Штрассер ответил, что он имеет некоторое представление о дисциплине еще со времен войны и что не дисциплина, а только совесть и чувство долга руководили им, причем не им одним, на протяжении последних, не самых радостных месяцев. Он попросил Гитлера не заниматься самообманом и не испытывать иллюзий по поводу дешевых славословий собравшихся вокруг него...

Гитлер прервал его: «Я запрещаю клеветать на моих соратников».

Штрассер отвечал: «Господин Гитлер, нам незачем вводить друг друга в заблуждение. Немногие из этих соратников способны подумать и сформулировать свое собственное мнение, и уж совсем единицы — даже из их числа — имеют мужество заявить о нем во всеуслышание, если оно отличается от вашего мнения. Или вы думаете, что мой брат был бы таким дисциплинированным, если бы он не зависел от вас финансово, по своей депутатской работе?»

После этих слов Гитлер пригласил Штрассера последовать примеру брата, предложив ему должность начальника партийной прессы, если он приедет в Мюнхен и будет работать под его, Гитлера, руководством. Штрассер заявил, что он сможет сделать это только при условии, если они найдут общий язык по фундаментальным вопросам политики — по поводу идеи, а также (и это главное), если будет проведена всесторонняя дискуссия по всем вопросам, в частности, по вопросам внешней политики и отношению к социализму. Для этого он готов приехать на месяц в Мюнхен и уладить все эти дела с Гитлером, а также с Альфредом Розенбергом, враждебное отношение которого — в качестве духовного суфлера национал-социалистической партии — к себе он остро ощущал.

Но тут прозвучал ультиматум, причем в той самой форме, в какой он появится впоследствии в разговорах с канцлером фон Шушнигом, президентом Гахой и многими другими. «Время для подобных предложений истекло, — сказал Гитлер. — Мое терпение кончилось».

Он пригрозил, что если Отто Штрассер не примет сей же час решения о предложенной ему должности руководителя партийной прессы — вне зависимости от его убеждений или обещаний со стороны партии, — то он исключит его самого и его сторонников из партийных рядов и разорвет все отношения между партией и Kampfverlag. Здесь Гитлер применил тот же самый метод, который впоследствии будет применять во время аннексии территорий различных государств. Отто Штрассеру угрожали банкротством, но обещали пощадить, если он возьмет предложенную ему взятку. Шушнигу угрожали вторжением, но при этом говорили, что лично ему не будет ровным счетом ничего, если он только «легализует» эту акцию, обратившись с призывом о помощи.

Штрассер отвечал, что Гитлер, конечно же, располагает всеми средствами, чтобы выполнить свои угрозы, но если он сделает это, то тем самым подтвердит подозрения Отто Штрассера насчет того, что настоящим движущим мотивом было его неприятие социалистической доктрины, которую

Kampfverlag — согласно обещаниям партии и Гитлера — проповедовала уже пять лет. Именно это и было главной причиной, по которой Гитлер хотел уничтожить Kampfverlag — из-за его публикаций и влияния на северо-германское отделение национал-социалистической партии. Он хотел отделаться от издательского дома, чтобы спокойно сотрудничать с правыми и иными реакционерами.

Гитлер с ходу отверг эти намеки (которые на деле оказались правдой). Конечно, он был социалистом, сказал он, но социалистом другого толка, нежели Отто Штрассер. И все неурядицы происходят именно из-за того, что он, Отто Штрассер, не понимает этих вещей. «Я куда как более правильный социалист, чем, например, этот ваш богач граф Ревентлов (граф Ревентлов, бывший офицер ВМФ, в то время поддерживал Штрассера, однако впоследствии перешел на сторону Гитлера){35}. Даже сегодня я не допускаю, чтобы мой шофер ел не ту же пищу, что и я».

Это был крайне необычный аргумент, поскольку явно немногим шоферам доводилось видеть, чем питается Гитлер. Но эти слова наглядно показывают, что подразумевали под словом «социализм» некоторые люди. Гитлер продолжал:

«То, что вы называете социализмом, на самом деле дурного пошиба марксизм. Основной массе рабочих нужны только хлеб и зрелища; «идеалы» им совершенно ни к чему, а потому мы не можем рассчитывать на то, что завоюем среди них какую-то популярность».

Эти слова позволяют нам понять корни той самой симпатии, которой Гитлер так долго пользовался (пока не заключил пакт с большевиками) среди правящих классов Англии. Они также восхищались социализмом (в ограниченном формате) — и Гитлер, и этот его ответ как нельзя точно отражают эти самые границы.

«Нам нужен качественный, отборный, новый правящий класс, — сказал Гитлер. — Причем тот, который, в отличие от вас, уже не будут трогать слова о любви к ближнему. Он будет четко понимать, что его, господствующая раса, дает ему право на управление; и он не колеблясь будет сохранять за собой это право повелевать массами».

Отто Штрассер с заслуживающим уважения упорством вновь и вновь пытался вернуть беседу на какой-то рациональный уровень, чтобы перейти к четкому обмену вопросами и ответами по конкретным проблемам.

«Господин Гитлер, — сказал он, — меня ваши взгляды, честно говоря, ошеломили. Я считаю вашу расовую теорию абсолютно ошибочной. На мой взгляд, раса — это всего лишь исходный строительный материал, и в отношении германского народа в его формировании приняло участие четыре или даже пять рас. Этот конгломерат народов сформировали политические, климатические и иные влияния, наряду с факторами внешнего воздействия и ассимиляционными процессами, происходившими внутри. И вот эти-то исторические процессы привели к появлению третьей и высшей формы, того, что мы сегодня называем «нацией». В нашем случае она появилась на свет в августе 1914 года. Ваши же расовые теории отвергают утверждение о том, что немецкий народ является нацией. Они отвергают то, что, по-моему, является целью и смыслом грядущей немецкой революции».

Вот что ответил Гитлер. «Ваши слова — чистейшей воды либерализм. Не существует иных революций, кроме как революций расовых. Нет никаких экономических, политических или социальных революций. Есть только борьба более низшего, в расовом смысле, класса против правящей более высшей расы».

Этот небезынтересный пассаж проливает новый свет на всю теорию Гитлера. Случись так, его идеи были бы восприняты эксплуататорами по всему миру, в том числе евреями и

представителями других наций. Надо отметить, что тогда, в 1930 году, он ни словом не обмолвился о евреях — и это он, главный антисемит, который так часто использовал евреев в качестве своих агентов. На самом деле это была абсолютно новая концепция расы, причем она была более замысловатая, чем та, которую сегодня полностью приписывают ему. Бедные в ней считались низшими созданиями не только в классовом, но и в расовом отношении; богатые же были предназначены не только для того, чтобы править — они были также и более высшей расой. На моей памяти это самая совершенная расовая теория, и если бы Гитлер разъяснил ее предельно четко всему миру на несколько лет раньше и при этом еще бы убрал всю эту дребедень по поводу евреев, то сегодня, по моему убеждению, он был бы самым уважаемым правителем в Европе. Ему даже не повредил бы пакт, подписанный им с большевиками — нужно было только вовремя представить на обсуждение эту замечательную доктрину.

«Вы, господин Штрассер, — неистовствовал Гитлер, стуча кулаком по столу (при этом стол аж подпрыгивал), — не понимаете всех этих расовых вопросов. А поскольку вы не знаете ничего в этой области, то и строите ошибочную внешнюю политику. Например, вы неоднократно высказывались публично в пользу так называемого Индийского освободительного движения, хотя на самом деле это всего лишь обычное восстание подчиненных индийских народов против высшей англо-нордической расы. Нордическая раса имеет право править миром, и мы должны это право сделать путеводной звездой нашей внешней политики».

Очень жаль, что книга Отто Штрассера, в которой содержится эта беседа, не стала достоянием широкой общественности еще несколько лет назад и что Гитлер не стал почетным членом клубов в Симле, Бомбее и Калькутте, которые просто обласкали бы его, достигни эти милые слова ушей остального мира. В следующем предложении он высказывается в том же духе:

«Именно по этим соображениям мы никогда не сможем объединиться с Советской Россией, где еврейская голова покоится на русско-татарском теле. Я знаю славян по своим родным местам. Раньше, когда на славянском теле сидела немецкая голова, сотрудничество с Россией было возможно, и Бисмарк сделал это. Сегодня же подобный шаг будет просто преступлением».

Отто Штрассер отвечал, что он просто не может понять таких взглядов по вопросам внешней политики. Единственное, с чем следует считаться — полезна или вредна для Германии та или иная линия в области внешней политики. Первый вариант, по его словам, был единственно правильным — хотя само по себе данное государство ему лично могло либо нравиться, либо, наоборот, вызывать отторжение. Второй вариант, по его убеждению, был неприемлем — причем вне зависимости от его личной привязанности к данному государству и его населению.

В сфере внешней политики для Германии было жизненно необходимо, говорил он, отбросить пути Версальского договора, причем в поисках держав, чьи интересы по этому вопросу могли хоть как-то совпадать, он остановился только на Италии и России. Именно поэтому он полагал, что сотрудничество с Италией будет мудрым и дальновидным шагом, хотя сами по себе итальянцы его не привлекали. Более того, он даже считал теоретически возможным сотрудничество с Россией, хотя большевизм был ему столь же антипатичен, как и фашизм. Когда на кону стояли интересы Германии, ему было безразлично, кто перед ним — товарищ Сталин или синьор Муссолини, мистер Макдональд или месье Пуанкаре.

Разговор, который и так длился слишком долго и, по вине Гитлера, едва-едва не срывался до уровня бессмысленного трепы, продолжился речью Гитлера о «грядущем нордическо-германском

правлении в Европе», однако Штрассер попросил его на этом остановиться и перенести беседу на следующий день. Будучи оптимистом по натуре, он предложил посвятить его вопросу, который был крайне интересен для него — социализму, причем в том виде, в каком он его понимал.

Когда идейные противники встретились на следующий день, Штрассер поспешил нанести удар первым. Он заготовил пространное объяснение своих воззрений на социализм и путей применения их на практике. Он произнес все необходимые слова, пытаясь прижать Гитлера к стенке и выдавить из него откровенное признание.

«Вы же согласитесь со мной, — сказал Штрассер Гитлеру, — что свержение существующего режима, на которое мы обоюдно работаем, станет целостной, настоящей революцией в политической, экономической и духовной сферах, революцией, которую нужно разворачивать и доводить до конца во что бы то ни стало? Это значит, что мы должны равно быть непримиримы по отношению и к капитализму, и к международному марксизму. Поэтому главный вопрос сегодняшней нашей беседы, повестка дня, так сказать — тот, что наша кампания не должна ограничиваться «борьбой против марксизма», но что ее следует проводить и как борьбу с капитализмом. Но это требует четкой позиции по главному вопросу — вопросу частной собственности. Я считаю, что принцип «неприкосновенности частной собственности» исключает всякие шансы на существование немецкого социализма. Конечно, я понимаю, что вся цивилизация базируется на собственности. Но именно потому, что материальные обстоятельства, в которых находится человек, определяют возможности его развития как личности, формируя честную и четкую манеру поведения, и именно потому, что собственность, таким образом, становится основой для независимости и самостоятельности, как раз и необходимо предоставить тем самым 80 процентам немцев, которые сегодня не обладают собственностью, возможность собственности приобрести. А капиталистическая система такой возможности не дает».

«Современная ситуация, — продолжал Отто Штрассер, — напоминает ситуацию перед Войной за освобождение^{36}. Тогда барон фон Штейн очень мудро сказал: «Если нация хочет снискать свободу и славу, то нужно угнетенным группам этой нации дать собственность и право на соучастие в принятии решений». В то время угнетенными классами были безземельные зависимые крестьяне. Затем история потребовала освобождения крестьян; сегодня же нужно освободить рабочих. Тогда цель была достигнута благодаря тому, что крестьянам дали собственность и право на участие в общественной жизни. Точно так же и рабочим сегодня надо дать собственность и право на участие в общественной жизни. В сельском хозяйстве удалось использовать метод наделения собственностью частных, потому что землю можно разделить на небольшие, но достаточные по размеру куски. В современной же промышленности такая метода невозможна — фабрику нельзя разделить на множество маленьких предприятий. Следовательно, в данной ситуации необходимо использовать принцип коллективного владения, так что и название этой собственности должно отражать двойственность юридической составляющей — человек владеет ею как член нации и как член трудового коллектива определенной фабрики. И как тогда барон фон Штейн вынужден был изъять у крупных землевладельцев часть земель, чтобы сделать крестьян собственниками — и тогда, и сейчас у всего были свои хозяева, ничьих земель и вещей не было, — так и сегодня мы должны взять у нынешних владельцев часть их монополистической собственности и передать ее рабочим или, в более широком значении, нации. Собственники прошлых времен прозвали барона фон Штейна якобинцем — точно так же сегодня они называют нас большевиками, но освобождение Пруссии было бы невозможно без такой реформы, равно как и освобождение современной Германии невозможно без освобождения рабочих».

Тут Гитлер прервал его: «Ваше сравнение абсолютно неверно. Вы не можете сравнивать сложный промышленный механизм современности с процессом освобождения крестьян. Конечно, землю можно поделить и раздать отдельным людям, но с современным производством так не сделаешь».

Штрассер стал горячо говорить о том, что, конечно, в вопросе методов существует огромная разница, но он-то говорил о том, что освобождение крестьян, выпустившее на волю могучие силы, которые и обеспечили успех Войны за освобождение, было бы невозможным, если бы принцип неприкосновенности частной собственности соблюдался во всей своей полноте.

Гитлер спросил Штрассера, как он представляет себе раздел собственности в современном промышленном государстве. Штрассер ответил, что нынешние собственники, по его мнению, должны сохранить за собой 49 процентов капитала и прибыли с предприятия, государство — как представитель нации — должно получить 41 процент, а оставшиеся 10 процентов — рабочие. Управление концерном (в лице наблюдательного совета) нужно также разделить на три равные части в соответствии с количеством новых собственников — нынешних владельцев, государства и рабочих, чтобы влияние государства на повседневную деятельность было бы ограничено.

Вот так Отто Штрассер в своем «вступительном слове» развил, набросав крупными мазками, свою теорию немецкого социализма, о которой я более подробно расскажу далее. Речь, однако (и вы увидите это из цитат), не шла о том, что нынешних владельцев собственности нужно в одно мгновение этой самой собственности лишиться в пользу неимущих масс или что суперкапиталист в лице государства заместит собой индивидуальных капиталистов современности. Штрассер говорил о том, что не имеющие собственности 80 процентов населения страны должны быть допущены к совладению, совместному управлению и совместной ответственности.

Логичной реакцией на это стали следующие слова Гитлера: «То, что вы говорите — это отъявленный марксизм, более того — большевизм. Вы хотите ввести демократическую систему, которая в политике оставила нам груды развалин, вошла в экономику и разрушила ее. Таким образом, вы сведете на нет весь прогресс, которого достигло человечество, а ведь общество двигали вперед великие люди, великие изобретатели».

Поразительно, как этот человек, стандартный набор приемов которого состоял из нескольких фраз, почерпнутых со страниц захудалых венских газетенок, смог напустить пыли в глаза и навязать свою волю; и непонятно, как он мог отвечать на вопросы и уничтожать аргументы противника, пользуясь десятком слов — «марксизм», «демократия», «либерализм», «интеллигент», «писака», «большевизм», «порядок». В его рассуждениях почти не встретишь какой-то вразумительной мысли; таковых у него — по пальцам пересчитать, да и те сомнительного качества.

Штрассер ответил на его тезис о «прогрессе человечества», обронив пару фраз, которые сказал бы любой человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти. Он не тот, кого можно подавить громкими фразами, он ищет за словами истину, а потому он подвергает сомнению данное утверждение о «прогрессе человечества» и никоим образом не согласен с тем, «что изобретение туалета стало вкладом в развитие цивилизации».

Гитлер, любое высказывание которого может предсказать школьник со средним уровнем развития, позанимавшийся месяц с небольшим на заочных курсах, отвечал: «Но вы же не будете отрицать, что человечество сделало гигантский шаг на пути развития от каменного века до технических чудес сегодняшнего дня? И теперь весь этот громадный путь может быть перечеркнут этими вашими теориями, выдуманнными за письменным столом?»

Штрассер, который очень трепетно относился к смыслу слов, сказал, что он не верит в то, что человечество прогрессирует. Скорее, человечество на протяжении тысячелетий не меняется. Он кротко поинтересовался, не думает ли господин Гитлер, что Гете был в умственном плане отсталым человеком потому, что никогда не ездил на машине, или Наполеон — потому что тот никогда не слушал радио?

Гитлер отвечал, что все это — «кабинетные теории, а практическая жизнь день за днем демонстрирует нам прогресс человечества, которое получает импульсы от достижений отдельных выдающихся людей». (Однажды мне довелось играть в игру, победителем в которой становился тот, кто смог ответить на большинство вопросов, дав при этом какой-нибудь глуповатый комментарий. Вопросы были типа следующего: «Дни становятся короче, не так ли?» Думаю, что, потренировавшись, Гитлер стал бы асом в этой игре.)

Тезис о том, что прогресс человечества является результатом трудов великих людей, вновь заставил Штрассера обострить дискуссию. Он мимоходом, но очень четко дал понять, что не принимает догмы о вкладе великих людей, ибо человек ни творит, ни изобретает исторические эпохи — он лишь орудие в руках судьбы.

Гитлер пристально посмотрел на него тяжелым, подозрительным взглядом, выработанным на задворках Вены, и резко оборвал его. Уже в то время Гитлер был мастером в приемах устрашения. Помню, как однажды, когда я пришел на встречу с ним, он пытался смутить меня подобным образом — он сидел и смотрел на меня минуты две или три, не произнося ни слова. Но в те дни у него не было такой поддержки, опираясь на которую впоследствии он мог с легкостью проделывать свои штучки — у него не было самой большой армии в Европе. Сейчас же он спрашивал Штрассера, нахмутив брови и выкатив глаза: «То есть вы ведете к тому, что не я придумал национал-социализм?»

«Конечно, я не согласен с этим, — отвечал Штрассер. — Я вижу, что национал-социализм — это идея, порожденная нашим временем, и обстоятельства заронили ее в той или иной форме в сердца сотен тысяч людей. У вас она существует в очень четком, заостренном даже виде, но синхронность появления и сама схожесть проявлений показывают, что она является плодом исторического процесса. То же самое и с капитализмом как системой. Независимо от своих недостатков или добродетелей он уже стар, он — в стадии упадка. Наступает время социализма, и именно он будет определять историю последующих 150 лет».

«То, что вы называете социализмом, — сердито отвечал Гитлер, — всего лишь обычный марксизм, а все ваши идеи — привлеченные теории, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. По какому праву рабочие требуют своей доли в собственности или соучастия в управлении? Вы думаете, что мой здешний издатель позволит своей машинистке говорить ему, что он должен делать? Работодатель обеспечивает своим рабочим пропитание. Наши крупные промышленники не думают о том, чтобы просто заработать побольше денег и удовлетворить все свои прихоти. Ответственность и власть — вот две вещи, которые по-настоящему важны для них. Их на вершину вознесли их мозги, и процесс естественного отбора, который в очередной раз доказывает их расовое превосходство, дает им право на лидерство».

Сегодня кажется странным, что эти слова, которые могли заставить любого производителя оружия, владельца потогонного производства, содержателя публичного дома, ливанца-бармена, «куратора» какой-нибудь компании, любителя дивидендов и армейского поставщика просто

мурлыкать от удовольствия, были произнесены человеком, которому удалось заставить миллионы немцев думать, что им двигало лишь горячее желание устранить все социальные проблемы нашего времени.

Я процитировал лишь малую часть этих двух весьма важных бесед, однако этого достаточно, чтобы составить о них полное представление. В одном месте Штрассеру даже удалось на какой-то момент уязвить Гитлера. «Что вы будете делать, если, скажем, завтра придете к власти? — спросил он. — Что вы будете делать с Круппом? Или все, что касается акционеров, рабочих, собственности, прибылей и управления, не претерпит изменений?»

«Конечно, — с презрением ответил Гитлер. — Неужели вы думаете, что я сумасшедший и буду ломать существующую экономическую систему?»

«Тогда, господин Гитлер, — отвечал Штрассер, — если вы намерены поддерживать капиталистическую систему, вы не должны проповедовать социализм, потому что члены нашей партии в первую очередь — социалисты и они верят в партийную программу, которая, в частности, требует социализации всех трестированных предприятий (пункт 13 из «25 пунктов национал-социализма»).

«Слово «социализм», — надменно произнес Гитлер, — само по себе уже плохое. Но в любом случае в программе не говорится о том, что такие концерны должны быть обобществлены. Там говорится о том, что они могут быть социализированы, если их действия идут вразрез с интересами нации. А если они этого не делают, то разрушение экономической системы будет сродни преступлению».

Разговор затягивался, а никаким прогрессом и не пахло. Гитлер упорно отвергал все идеи о совместном управлении и совместной собственности с рабочими, и когда Отто Штрассер вспомнил случай со знаменитым локаутом, в ходе которого, как он сказал, «два-три десятка человек, не выделявшихся из своего окружения, вдруг смогли вывести на улицы 250 000 рабочих Рура», Гитлер заметил: «Мне не нужно Никакого совладения или сотрудничества со стороны рабочих, чтобы остановить подобные мероприятия. Все это может сделать сильное государство».

Самым важным результатом этих словесных перепалок с Гитлером для Отто Штрассера стало четкое понимание негативной позиции Гитлера по самому важному вопросу — вопросу социализма. Нужно также отметить, что в этом случае будущий фюрер говорил исключительно откровенно — что для него было большой редкостью. К власти он придет только через три года, но уже сейчас, в подобных дискуссиях он с готовностью отказывался от всяких доводов и обещаний социалистического плана, выказывая себя человеком, в вопросах политики совершенно беспринципным.

После этих встреч стало ясно, что пребывание Штрассера в гитлеровской партии долго не продлится. Разрыв между понятиями «идея» и «фюрер» стал слишком очевиден. Отто Штрассер понимал, что его место, как он сказал Гитлеру, было рядом с идеей. Чего бы ему это ни стоило.

Окончательный разрыв не заставил себя ждать. Гитлер воплотил в жизнь обещание раздавить Отто Штрассера финансово, обанкротить его, а потом вышвырнуть. Он приказал Геббельсу избавиться от Штрассера любыми средствами, и маленький доктор созвал карманную партийную конференцию, куда Штрассера и его сторонников, этих «мятежников», не допустили под кучей различных предлогов. Отто Штрассер ответил манифестом, который опубликовал в своих изданиях, выходивших на севере Германии и по-прежнему остававшихся официальными органами национал-социализма. Документ назывался «Социалисты покидают национал-социалистическую партию».

Тут же последовала бешеная контратака. Мобилизовав все свое красноречие и собрав весь арсенал трескучих фраз, Гитлер со всей злостью обрушился на Штрассера. Он называл его «дешевым писакой», «большевиком» — в нем проснулся тот самый сержант...

На это Штрассер ответил, причем без всяких комментариев, публикацией своего послужного списка времен войны — номер удался, потому что, когда доходило до сравнения фактов, а не соревнования в красноречии, Гитлер всегда неизбежно проигрывал.

Тогда Гитлер нанес следующий удар — он исключил Отто Штрассера и всех его сторонников из партии. У «мятежников» оставался только один оплот — Kampfverlag, который продолжал издавать газеты гитлеровской партии. Грегор Штрассер уступил давлению и продал свою треть акций Гитлеру. Предложив Хинкелю место в рейхстаге, Гитлер одержал победу и над вторым участником — Хинкель также продал ему акции. Kampfverlag оказался в руках Гитлера и он тут же закрыл издательство.

Вот так Отто Штрассер заплатил за свои убеждения — немногие могли бы повторить это. Его доля акций пропала. Когда Гитлер первый раз предложил выкупить Kampfverlag, он давал каждому из партнеров по 80 000 марок (в то время это было 4000 фунтов) за пакет акций. Штрассер остался без гроша.

Так Отто Штрассер и распрощался с Гитлером, положив пять лет на справедливую борьбу в защиту Идеи. Ему снова нужно было начинать все сначала, чтобы возродить борьбу за «немецкий социализм». Гитлер получил очень серьезного врага. Впервые авторитетнейший человек в партии бросил ему вызов и, не пойдя на компромисс, разорвал с ним всяческие отношения.

По идее, в этот момент Грегор тоже должен был порвать с Гитлером, поддержать брата. Но Грегор так и не смог заставить себя сделать это. Он всегда считал, что Гитлер в глубине души правильный человек, просто его вводят в заблуждение. Он верил, что лошадь просто «встала на дыбы», но обязательно вернется на прежний путь и поскачет по прямой. Подобный самообман стоил ему жизни; такой же самообман, но только уже со стороны других людей, стоил Европе новой войны.

Итак, Отто Штрассер собрал вокруг себя своих друзей и начал войну с Гитлером. Она продолжается и сегодня. На самом деле она только приближается к решающей стадии. Штрассер, видя, что от Гитлера и его партии не дождаться ни революционного социализма да и никакого социализма вообще, решил разрушить эту партию изнутри. Он был убежден, что придет день, когда сама Германия будет требовать социализма, и вот тогда он и его люди и возьмут в свои руки то наследство, с которым так плохо обошелся Гитлер.

Именно думая в таком ключе о будущем, Отто Штрассер создал свой «Черный фронт» — чернорубашечников внутри чернорубашечников, партию внутри партии, гестапо внутри гестапо. Теперь все, кто хотел подмять под себя Германию посредством террора, должны были внимательно оглядываться вокруг, подозревая всех, даже собственную тень. Это было очень смелое предприятие, с самого начала работавшее на весьма отдаленную перспективу, на тот миг, когда Гитлер, уже придя к власти и предав проповедуемый им социализм, втянет Германию в войну и — будет низвергнут.

Прошло десять лет со дня создания «Черного фронта» (я пишу эту книгу в 1940 году), и что характерно — все эти десять лет за пределами Германии о нем очень мало говорили и еще меньше понимали, что это такое.

В самой Германии организация получила громадную известность, причем как до, так и после прихода Гитлера к власти. Однако ситуация складывалась в пользу фюрера столь стремительно, что борьба Фронта стала борьбой с превосходящими силами противника. Слава Гитлера, а чуть позднее и его власть, возрастала, а «Черный фронт», который вел с ним упорную борьбу, за пределами Германии вызывал лишь вялый и высокомерный интерес, с каким обычно большинство людей относятся к борцам, обреченным на поражение.

И лишь немногие могли понять, что наступит день, и эта организация станет той миной, которая взорвет Гитлера. Ее создали решительные люди, не идущие ни на какой компромисс, стойко придерживающиеся своих убеждений, чего бы им это ни стоило. Как я уже показал, сам Штрассер потерял свое небольшое состояние в борьбе с Гитлером за Kampfverlag. Его главные союзники также потеряли деньги, позиции, свободу, а кое-кто и жизнь.

Но борьба не прекращалась ни на минуту, и ни ссылка, ни объявление вне закона, ни даже война не могли разорвать узы, существовавшие между ними. «Черный фронт» существует в Германии и сегодня (в отличие от других организаций), и он готов ринуться в бой, когда настанет день — подобно двигателю, запускающемуся при нажатии на кнопку стартера. Звезда Гитлера бледнеет, а вместе с ним и национал-социализм в том виде, который фюрер придал ему. «Черный фронт», участники которого заявляют, что именно они являются настоящими национал-социалистами, готовится к возвращению. Возможно, что именно он посмеется последним.

Организация эта появилась после разрыва с Гитлером, 4 июля 1930 года^{37}, и называлась она Kampfgemeinschaft Revolution^{ärer} Nationalsozialisten или «Боевое содружество революционных национал-социалистов». Позднее, вобрав в себя мятежных нацистов-штурмовиков из разных районов Берлина, а также других, симпатизирующих Штрассеру групп, он стал называться просто — «Черный фронт»^{38}.

Во главе его стояли сам Отто Штрассер, майор Бухрукер^{39}, Герберт Бланк и еще несколько известных на севере Германии человек.

Майор Бухрукер заслуживает отдельного описания, ибо в его фигуре прозорливый читатель может найти указание на путь, которым в будущем «Черный фронт», вероятно, вернется к жизни и, быть может, завоеует необходимые позиции. Кадровый офицер, отчаянный патриот, он создал организацию под названием «Черный рейхсвер». Эта тайная армия, насчитывавшая порядка 100 000 человек, была создана после Первой мировой войны с молчаливого согласия командования немецкой армии. Это нужно было для того, чтобы обойти ограничения, наложенные в военном плане на Германию по условиям Версальского мира. Армия эта создавалась в укромных местах, вдали от глаз французский, британских, бельгийских и итальянских офицеров, направленных в Германию контролировать выполнение условий мирного договора — в уединенных крепостях, в глухих сельских районах, и за заборами больших землевладений к востоку от Эльбы, хозяева которых симпатизировали этой идее.

Это был первый эксперимент в области тайного перевооружения. Последним — и самым масштабным — было создание под руководством Геринга могущественнейших ВВС (между 1933 и

1936 годами). Именно тогда впервые прозвучало слово «Черный». Оно не имело ничего общего с цветом униформы, которую носили эти нелегальные войска, которая, кстати, не была черной. В данном случае слово «черный» было синонимом слова «тайный». То же самое относится и к названию «Черный фронт» — это очень важно. У них не было ничего общего с «Черной гвардией», которую Штрассер создаст позднее и члены которой действительно носили черные рубашки. ВВС Геринга до того момента, пока о них не заявили открыто, также были черными военно-воздушными силами.

Майор Бухрукер возглавил чуть ли не самый первый путч в Германии (так назывались попытки националистов после Первой мировой войны свергнуть силой оружия ненавистное им республиканское правительство) — Кюстринский путч 1922 года. Это событие с полным правом можно назвать первым гитлеровским путчем. Его участники намеревались свергнуть правительство в Берлине и установить новый режим. Глава регулярной армии, рейхсвера, генерал фон Зеект знал о готовящемся событии и даже симпатизировал его участникам, однако в последний момент пошел на попятную.

В итоге Бухрукер остался в одиночестве и путч провалился. На суде он ни слова не сказал о том, какое участие принял регулярный рейхсвер в формировании рейхсвера тайного, и получил десять лет каторжных работ, пять из которых он действительно отбыл. Приговор ему так и не отменили — в отличие от якобы таким же образом преследовавшегося, но отчего-то более удачливого Гитлера.

В 1928 году Бухрукера освободили, и он вступил в штрассеровскую фракцию национал-социалистической партии. Во время разрыва отношений с Гитлером он последовал за Штрассером и был назначен главой «Черной гвардии». После прихода Гитлера к власти Бухрукера бросили в концлагерь, где он пробыл полтора года. Время от времени его «лечили» продолжительными занятиями по строевой подготовке. «Шагом марш. Стой. Кругом. Бегом марш. Стой. Кругом. Бегом марш. Стой. Кругом. Бегом марш. Стой. Was, du Schwein, du willst ein Majorgewesen sein? Ты хочешь сказать, свинья, что ты — бывший майор? Кругом. Бегом марш». И так далее, и так далее...

Майора освободили, когда в Германии вновь ввели воинскую повинность — и сегодня он не последний штабист, причем в ранге полковника!

Я выбрал его в качестве примера, чтобы показать, какие люди помогали Штрассеру строить его «Черный фронт».

Разрыв Штрассера с Гитлером и создание новой организации произвели сильнейшее впечатление на более молодых, импульсивных и верящих в идею национал-социалистов да и в целом на всю немецкую молодежь. Сотрудничать с Штрассером начал представитель Организации молодых лейтенантов Германии Артур Мараун (после прихода Гитлера к власти его также бросили в концлагерь, где подвергли жестокому обращению. Он потерял глаз и сегодня держит небольшой книжный магазин в Берлине){40}. Точно так же поступили и Революционные крестьяне Шлезвиг-Гольштейна во главе со своим руководителем Клаусом Хайном. По этому же пути пошел и Рихард Шлапке, которого поддерживали многие члены отделения национал-социалистической партии в Силезии. Так же поступили и юноши — члены кружка под названием *Tatkreis*{41}, самыми известными представителями которого были Ганс Церер и Фердинанд Фрид, автор широко известного труда под названием *Конец капитализма*{42}. (Сегодня Фрид — правая рука гитлеровского министра продовольствия и сельского хозяйства Даре, чей Закон о

наследовании земли, разработанный Фридом, и другие законодательные акты представляют единственную попытку воплощения принципов национал-социализма в жизнь.)

Эти люди и их деяния показывают, что считалось в то время в Германии наилучшим. Они все самоотверженно хотели добиться освобождения своей страны, равно как и установления нового социального порядка. И все они боялись (эти опасения в дальнейшем были полностью оправданы), что Гитлер на этом пути их просто предаст и, вместо создания новой Германии, просто «запустит» новый период реакционного милитаризма, который заменит хаотичную, безнравственную, созданную с подачи иностранцев послевоенную республику, в которой они жили и которую они ненавидели.

Именно из таких людей и таких союзов Штрассер и создал свой «Черный фронт». Но тут я хотел бы еще раз напомнить об истинном значении слова «черный» применительно к данной ситуации.

Оно означало «тайный», и именно по этой причине мы не можем точно сказать, какие люди или объединения состояли в нем тогда или состоят сейчас. Об этом мы узнаем, когда придет время. Отто Штрассер уже работал на перспективу, хоть и отдаленную. Видимая часть организации — «Черный фронт», «Черная гвардия», три еженедельных газеты в Берлине, Бреслау и Мюнхене — составляла всего лишь четверть единого целого. Это была именно внешняя и видимая миру структура. Оставшиеся три четверти находились в тени; по распоряжению Отто Штрассера эти люди оставались в партиях или организациях, членами которых они являлись, в соответствии с первым пунктом программы «Черного фронта», который гласил: ««Черный фронт» — это школа для офицеров и остальных участников немецкой революции».

Штрассер очень долго шел к этой системе, основанной на проникновении изнутри, на, так сказать, наличии своих людей в чужой команде. Благодаря ей, он заполучил агентов во всех тогдашних партиях, за исключением коммунистов — то есть в национал-социалистической, социалистической, националистической, демократической и иных партиях Германии.

Сегодня же, буквально через несколько месяцев после начала войны, его люди из «Черного фронта» имеются во всех организациях, действующих на территории Германии, особенно в армии, национал-социалистической партии, у чернорубашечников, Трудовом фронте и в СС.

Это стало возможным исключительно благодаря «черной» методике, к которой он прибег еще за три года до того, как Гитлер пришел к власти. Именно поэтому мы не знаем, как зовут его членов — видимая часть не в счет. И по этой же причине он никогда не выдвигал кандидатов на выборах, и именно поэтому мы никогда не видели ни демонстрации силы, ни обозначения настоящих размеров «Черного фронта» и озвучивания его лозунгов.

Отто Штрассер и его сторонники никогда не считали себя контрреволюционерами. Они искренне полагали, что они и есть настоящие революционеры. Больше всего они боялись, что Гитлер не пойдет по революционному пути — и они оказались правы. Он только разрушал (или вел к разрушению), оставляя развалины для разбора и восстановления тем, кто придет после. Духовная общность Штрассера и этих людей была основана том, что все они выступали против прошлого, отжившего свой век; они хотели чего-то нового, к чему Гитлер никогда не стремился и на что не был настроен — так, по крайней мере, явствует из его разговоров с Отто Штрассером, процитированных мной, и всех действий Гитлера после его прихода к власти.

Возможно, мне удастся более ясно показать тот конфликт надежд и опасений, который терзал в те дни души молодых немцев-идеалистов, если я опишу один необычный эпизод, участниками которого были и Гитлер, и Штрассер.

Вскоре после создания «Черного фронта» в Верховном суде рейха, в Лейпциге, состоялся судебный процесс. Дело было осенью 1930 года. Трое молодых офицеров рейхсвера обвинялись в подрывной деятельности в пользу национал — социалистической партии{43}. Об этом процессе сегодня уже мало кто помнит, однако я думаю, что и они вспомнят, если я скажу, что Гитлер выступал на этом процессе в качестве свидетеля и произнес фразу «Покатятся головы» — когда он придет к власти{44}.

Эта троица молодых офицеров — лейтенант Вендт и вторые лейтенанты Шерингер и Лудин — были типичными примерами лучших представителей Германии этого времени. Собственно, к этому же типу людей, но чуть постарше, относился и Отто Штрассер. Больше всего на свете, с жаром и страстью они хотели, чтобы Германия вновь стала свободной и могущественной — пусть даже, если необходимо, и силой оружия. Но они хотели не только этого. Они разделяли стремление 80 процентов населения Германии к новому, лучшему и более справедливому общественному порядку, к чему-то, что они сами могли с полным основанием назвать «социализмом» при условии, что он будет отличаться от социализма соцпартии и от социалистического строя в СССР. Интуитивно эти люди чувствовали, что оба эти варианта чужды и не соответствуют заявленному, а потому, в конце концов, они и отвергли их.

Эти офицеры надеялись найти то, чего так хотели, в гитлеровском национал-социализме; они сделали все, что могли, чтобы привлечь симпатии товарищей и сослуживцев к этой партии, и вот теперь они стояли перед судьями, а Гитлер выступал по этому делу свидетелем. Вопрос, по которому их должны были либо осудить, либо оправдать, заключался в том, была ли партия Гитлера революционной партией или организацией, стремившейся прийти к власти конституционными средствами. Гитлер, упорно заявляя о том, что партия придерживается только конституционных методов, видимо, хотел сделать все, чтобы молодых офицеров оправдали.

Ставил ли он перед собой такую цель? Не уверен. Думаю, он в очередной раз снова прибег к «тактике» — и три лейтенанта не отблагодарили его за это. Они верили, что он — революционный национал-социалист. Его буржуазные методы и тактика, явленные с места для дачи свидетельских показаний, вызвали у них отрицательную реакцию.

Даже фразу насчет того, что покатаются головы, он, отвечая на вопрос прокурора, объяснил так, что это, мол, не значит, что он будет стремиться к насильственному и революционному ниспровержению существующего режима и таким образом идти к власти, а то, что он отомстит (конституционными методами), когда придет к власти (конституционными методами). (Странно, но именно так почти все и случилось. Поджог рейхстага «украсил» те самые «конституционные методы» и жестокие действия в отношении политических оппонентов, проявленные после прихода к власти, равно как и расстрел нескольких сотен беззащитных людей 30 июня 1934 года. Все это было обычной хладнокровной бандитской мстостью — ни малейшего следа революционного пыла и максимализма или возмущения, рожденного на баррикадах.)

И вот эти три юных лейтенанта вернулись в свои камеры людьми, частично распрощавшимися с иллюзиями, и в тиши заключения начали фундаментально изучать политику. Все они были уроженцами Ульма, что на юге Германии, а потому мало что знали о вендетте по-северогермански. Лудина отправили в баденский городок Раштадт, Шерингера и Вендта в Гольнов, где они оказались в камере, в которой некогда сживал и майор Бухрукер.

В своих умственных и душевных поисках политической правды Шерингер и Вендт дошли до того, что написали Отто Штрассеру, с которым не были знакомы. Молодые люди попросили его

навестить их и объяснить, в чем состоит политический конфликт. Штрассер трижды приезжал к ним.

Примерно в это же самое время Компартия Германии попыталась использовать сильные патриотические настроения, царившие в обществе. Коммунисты ввели в свою программу тезисы о патриотизме и выпустили манифест, который призывал не только к социальному, но и к «национальному» освобождению немецкого народа. Молодые офицеры начали думать о том, что, быть может, правда, которую они ищут, находится в среде коммунистов, которые, кстати, активно помогали им во время заточения. Во время двух поселений заключенных Отто Штрассером там же присутствовал и член исполкома компартии Германии. Тогда два лейтенанта спросили Штрассера, не будет ли он возражать против полноценных дебатов. И Отто согласился.

Это была поистине потрясающая картина — борьба за души двух немецких младших офицеров, проходившая в тюремной столовой. Полагаю, что она вполне может дать читателю представление о том, сколь серьезные душевные муки испытывали такие молодые немцы в поисках надежды, идеала, лучшей Германии. Подобные умонастроения живы и сейчас; Гитлер их усыпил лишь на время. Но скоро они пробуются и вернутся к жизни, бурные и требующие решения.

Представьте себе такую картину. По одну сторону стола сидят несколько заключенных-коммунистов и выступающий от них, присланный из Берлина. По другую — Отто Штрассер. Между ними — двое лейтенантов. Чуть позади стоят надзиратели, с интересом прислушиваясь к дебатам. В первый раз коммунисты выпустили на «сцену» некоего еврея по фамилии Леов. Это был плотный мужчина, возглавлявший боевые отряды коммунистов, называвшиеся Союз красных фронтовиков. После прихода Гитлера к власти он бежал в Москву и со временем был избавлен от тягот земной жизни Сталиным^{45}. Спорщик из него был неважный, и для Штрассера это был не соперник.

Поэтому во второй раз коммунисты выставили очень серьезного «бойца», самого серьезного, которого они смогли на тот момент найти. Теперь они сработали весьма хитроумно — слишком знаменит был этот человек. Капитан Беппо Ремер был самым лучшим коммунистическим «экспонатом». Во время войны он не раз отличался на фронте; после войны стал во главе одного из многих антикрасных Добровольческих корпусов (корпус «Оберланд»), и именно в этом качестве он сотрудничал с Гитлером во время мюнхенского путча 1923 года. Теперь же, в ходе непрекращающегося поиска идеала, он перешел в лагерь коммунистов. (Достоверные источники сообщают, что в настоящий момент он снова находится в рядах рейхсвера; как говорят в таких случаях, «первая любовь не ржавеет»).

Капитан Беппо Ремер был серьезным соперником, а потому над простым дощатым столом в тюремной столовой разыгралась настоящая битва. Лейтенанты и надзиратели жадно ловили каждое слово. Отто Штрассер яростно критиковал Гитлера, но с еще большим жаром он обрушился на коммунистов. Спор длился несколько часов, пощады никто никому не давал, да и не просил.

В конце дебатов лейтенант Вендт принял сторону Отто Штрассера, и «Черный фронт» заполучил своего человека в крепости Гольнов. После освобождения он уже открыто примкнул к «Черному фронту», став членом его исполкома. После прихода Гитлера к власти он был арестован и сейчас никто не знает, жив он или нет.

Не забывайте, что эта молодая троица, которая рисковала своей карьерой ради Гитлера, сыграла важную роль в его приходе к власти. Именно на их процессе на Адольфа впервые пролился свет мировой известности. Партия щедро использовала их для того, чтобы заставить мир поверить,

что за Гитлером стоит вся армия, однако к самому Вендту они испытывали жалости не больше, чем к дворняжке. Задачей Гитлера было уничтожение хороших немцев — не-евреев. Вендт слышал, как этот венский барыга рвал и метал в месте для выступления свидетелей, он слышал его фразу «Покатятся головы», и она ему не понравилась. Ему не пришлось по сердцу то, что Гитлер выступал не за честные бои на баррикадах, а за хладнокровную месть после прихода к власти. Но даже Вендт не мог представить в те дни, что среди этих Голов когда-то окажется и его собственная.

Шерингер же поначалу принял было сторону коммунистов, причем его завоевали весьма хитрым приемом. Капитан Ремер сказал, что ему отнюдь не обязательно вступать в Компартию. Он, дескать, сможет сам организовать свою группу — «Группу Шерингера», этакую патриотически-большевистскую группу. С партией он будет фактически не связан, а коммунисты будут финансировать его газету. Они хотели использовать его имя в борьбе против Гитлера и, одновременно, Отто Штрассера.

Шерингер согласился, но перед этим тайком он сказал Отто Штрассеру, что в действительности он симпатизирует «Черному фронту» и что он хочет переагитировать наиболее полезных людей из числа коммунистов, склонив их к сотрудничеству с «Черным фронтом». Штрассер сказал ему, что этот номер у него не выгорит, потому что как только еврейские лидеры этой партии поймут его замысел, то они сразу прекратят финансирование газеты, которое взяли на себя. Так и случилось, и в 1932 году Шерингер порвал с коммунистами и присоединился к «Черному фронту». После привода Гитлера к власти он также исчез из поля зрения, и никто не знает, где он сегодня и что с ним.

Третий лейтенант, Лудин, не затерялся во времени. Он один остался сторонником наци и едва избежал смерти 30 июня 1934 года, но сегодня он занимает высокий пост в партии, являясь командиром штурмовиков всей юго-западной Германии, Вюртемберга, Бадена, Гессена, Палатината и Саара.

В то время Отто Штрассер провел широчайшую кампанию по Германии — на севере, юге, западе, востоке. Он выступал, организовывал, писал. Его даже ранили несколько раз, когда штурмовики разгоняли его митинги; майора Бухрукера ударили ножом во Фленсбурге.

Тогда Штрассер ввел новую форму митинга — дебаты на платформе, публично, через объявления вызвав Гитлера и Геббельса на спор в любом удобном для них месте и в любое время. Однако этот призыв остался без ответа. У него было много таких, и очень бурных, дебатов с представителями других партий — с лидером коммунистов Вили Мюнценбергом в рабочем районе Берлина; с Каспаром, впоследствии начальником Рот Фронта; с полковником Дюстербергом из националистической организации «Стальной шлем» и многими другими. И только нацисты отказались от всех вызовов и ни разу не появились на открытой платформе для дебатов с представителями «Черного фронта». Они преуспели, однако, в другом, силой сокрушив «Черный фронт» — пометив, для отмщения в будущем, всех тех, кто сопротивлялся им.

Отто Штрассер — фактически единственный из числа тех людей, его главных помощников, кто избежал смерти, заключения в концлагерь или в тюрьму.

Например, руководителем «Черного фронта» в Шлезвиг-Гольштейне был человек, ранее входивший в число наиболее популярных лидеров национал-социализма — доктор Грантц. Грантц, невысокий и очень эмоциональный человек, со шрамами на лице, оставшимися еще от

студенческих времен. «Один из лучших немцев, которых я когда-либо знал», скажет о нем Штрассер. В рядах национал-социалистов им восхищались, главным образом, за героизм, проявленный во время ужасной стычки между нацистами и коммунистами в Вёрдене, когда было убито четверо штурмовиков, а тридцать получили ранения.

Во время похорон этих людей Гитлер останавливался в доме Грантца, которого заверял в свойственной ему эмоциональной манере (типа: «Муссолини, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня сегодня») в том, что он никогда забудет, и т. д., и т. п., и что в Третьем рейхе он вознаградит доктора Грантца за все. В марте 1933 года, сразу после поджога рейхстага, доктор Грантц был брошен в концлагерь, где находится и сегодня, в 1940 году. Против него ни разу не выдвинули ни одного обвинения, не провели ни одного судебного заседания. Только семь лет концентрационных лагерей...

Но Грантц по-прежнему не сломлен. В 1937 году к Отто Штрассеру в Прагу приехал бывший товарищ по несчастью Грантца, сидевший в том же лагере, Заксенхаузене, который и поведал Отто о страданиях доктора. Он также рассказал о следующем случае: как-то раз комендант сказал Грантцу, что тот останется в этом лагере до конца своей жизни. Грантц ответил: «Jawohl, я останусь тут — но только в качестве коменданта, а вы будете моим заключенным». За что и получил 14 суток «голодного ареста».

Этот рассказ о судьбе соратника Отто Штрассера действительно ужасен даже для нашего времени, когда жестокость и страдания становятся нормой. Адвокат д-р Беккер, возглавлявший отделение «Черного фронта» в густонаселенном округе Галле, также находится без суда и следствия в концлагере — уже с 1933 года. Правда, с Беккером (который, кстати, тоже находится в Заксенхаузене) обращаются по непонятной причине лучше, чем с Грантцем. Однажды отряд эсэсовцев из Пруссии, охранявших лагерь, сменили эсэсовцы из Баварии. Они стали настоятельно требовать, чтобы их снабжали именно баварским пивом — ранее я говорил, что пиво — это религия баварцев, — поскольку их предшественники заключили контракт на поставку пива с компанией из Пруссии. Случился даже судебный процесс, в котором доктор Беккер выступил в качестве адвоката на стороне баварцев и — выиграл дело. С того момента его судьба значительно улучшилась.

Сегодня примерно шестьсот или семьсот участников «Черного фронта» томятся в тюрьмах и концлагерях. Многие из них провели там уже по семь лет. За это время тысячи их товарищей прошли через аресты и заключение — правда, на более короткие сроки. И все это были известные члены «Черного фронта».

Я намеренно заглянул здесь немного вперед, чтобы показать, что случилось с теми людьми, которые открыто поддерживали Отто Штрассера в его борьбе против Гитлера в период между разрывом между ними и приходом Гитлера к власти (1930–1933). Они вынесли на себе основную тяжесть этой битвы, и это экскурс в будущее показывает, какую цену заплатили они за свои идеалы.

Но большинство из них по-прежнему живы и по-прежнему следуют своим убеждениям. Пройдет немного времени, и они снова станут свободными людьми. И многие другие, придерживающиеся точно таких же взглядов, остаются на свободе, а некоторые даже носят форму чернорубашечников.

Этот конфликт самым серьезным образом потряс гитлеровскую партию, которая в действительности буквально стояла на грани позорного краха. Она была спасена и вознесена на вершины власти в самый нужный момент теми самыми силами, которые Отто Штрассер со

товарищи считали худшими врагами того порядка, за который боролись они — крупными фабрикантами и землевладельцами.

Конфликт достиг своего апогея в 1931–1932 годах. В 1931 году в рядах национал-социалистов случился второй открытый мятеж. Капитан Стеннес, глава всех наци на севере Германии, уже был не в силах терпеть Геббельса и порвал с ним, уведя с собой значительное количество чернорубашечников. Он выбрал Штрассера — и присоединился к Отто и «Черному фронту».

Мне вновь придется совершить еще один экскурс в будущее, чтобы рассказать, где находится капитан Стеннес сегодня. Это будет еще один невероятный рассказ — такие уж они необычные, эти немцы.

Стеннес также был знаменитым офицером с безукоризненным послужным списком, участник войны, впоследствии также командир одного из добровольческих корпусов. После прихода Гитлера к власти его также арестовали, мучили, отправили в концлагерь, где в конце концов сказали, что его расстреляют, и заставили вырыть себе могилу. И вот там, на Краю выкопанной им самим ямы, его расстреливали четыре раза — и каждый раз холостыми патронами! Позднее он был освобожден по прошению одного известного немецкого военачальника, своего бывшего командира — генерала Ватера, однако при этом он подписал обязательство покинуть Германию в двадцать четыре часа. Посетив находящегося уже к тому времени в изгнании Отто Штрассера, Стеннес направился в Китай, где сегодня он возглавляет личную охрану Чан Кайши! В этом абзаце я использовал не один восклицательный знак, но, согласитесь, события, о которых я поведал вам, заслуживают этого.

В 1932 году «Черный фронт» собирал силы и упрочивал позиции. Партия Гитлера переживала не лучшие времена, причем это было видно всем. Гинденбург же был стар, и его дряхлость позволяла интриганам в его окружении делать свои делишки и рассказывать ему всякие сказки, так что не было похоже, что гитлеровцы когда-нибудь придут к власти.

В начале 1932 года один из первых министров-гитлеровцев, доктор Францен (в Брауншвейге), отказался от своего поста в знак протеста против реакционных тенденций в партии. О том, что они идут во весь рост, говорило Гарцбургское соглашение с Альфредом Гугенбергом, представителем большого бизнеса и крупных производителей оружия, и Ялмаром Шахтом, представлявшим интересы финансового мира.

В августе Гитлер получил от Гинденбурга отказ. По-видимому, в этот момент у старика наступило просветление. Он устроил Гитлеру показательную головомойку и поклялся, что тот никогда не будет канцлером. Геббельс, пристально наблюдавший за тем, что последует дальше, в своем дневнике написал о «большом унынии», царящем в партийных рядах. Финансовое положение партии, отмечал он, «безнадежно; кругом одни долги», и т. д. В ноябре состоялись выборы, на которых партия Гитлера потерпела еще одно поражение — она собрала на 2 миллиона голосов меньше. «Поражение», писал Геббельс. Гитлер грозился покончить жизнь самоубийством.

Отто Штрассер боролся с гитлеровской партией изо всех сил, делая все возможное, чтобы ускорить ее падение.

В этой партии состоял Грегор Штрассер. Он был одним из главных помощников Гитлера. Из темного леса, по которому плутала Германская республика, было, как он полагал, только два выхода. Она могла пойти по пути социалистической революции, который привел бы ее к чему-то новому. Либо же по пути возвращения к прусскому милитаризму, но это означало одно: войну. Нужно было найти иные комбинации сил, которые позволили бы завоевать большинство в разнородном парламенте. И тут опять возникла извечная дилемма: докажет ли национал-

социализм свою социалистическую составляющую и вступит в союз с социалистами или он предаст социализм и объединится с националистами?

Выбор бы понятен. Первый путь вел к лучшему устройству Германии и к миру; второй — к разочарованию и крушению всех надежд на лучшее будущее, а также к войне.

Грегор Штрассер — как же Геббельс поносит своего бывшего шефа в этом месте дневника! — выступал за первый путь, убеждая всех, что национал-социалисты пойдут по нему. Подобная точка зрения означала союз с социалистическими рабочими организациями — но не с коммунистами и не с соцпартией, а с социалистически ориентированными рабочими, объединенными в профсоюзы. Их представителем был глава профсоюзов, Лейпарт{46}. Тогдашний канцлер Германии генерал Шлейхер открыто заявил о том, что он — «общественный генерал», и это означало, что армия также готова принять участие. В итоге получалось правительство, возглавляемое Грегором Штрассером (Гинденбург сказал, что никогда не допустит на этот пост Гитлера) или генералом Шлейхером, при участии Лейпарта. Подобная комбинация должна была спасти Германию.

Подобная коалиция реальна и сегодня. Это только кажется, что она мертва. Ее призрак появился сейчас, чтобы мучить Гитлера.

В тот момент самым серьезным противником Грегора Штрассера был Геринг. Он выступал за второй выход — союз с китами тяжелой индустрии и крупными землевладельцами, что логично влекло за собой моментальный отказ от всего социалистического и социалистических идеалов. В результате все немецкая мысль концентрировалась на перевооружении и милитаризме, что вело к новой войне.

Таковы были два курса, из которых нужно было выбрать один — судьба Германии висела на волоске. Коренное различие между ними было старо как мир — это различие между принципами и идеалами. Первый путь означал работу на четко поставленную цель. Вторым означал работу ради достижения власти; то, что будет потом, никого не интересовало. В этом и заключалось различие между двумя лагерями, между Грегором Штрассером и Германом Герингом. Позиция же Гитлера была такова: «Неважно, что будет после; давайте возьмем власть, ну а остальное само уладится».

Он разрешил Грегору Штрассеру и Герингу провести переговоры: Штрассеру — с Шлейхером и Лейпартом, Герингу — с Гугенбергом и Папеном. Он принял оба варианта действия. Шансы Штрассера на успех были гораздо выше. Генерал Шлейхер и глава профсоюзов Лейпарт согласились с ним. Большая часть гитлеровской партии также выступала за Грегора Штрассера. Он был вполне приемлем для Гинденбурга, потому что он был офицер и нормальный мужик. Гитлер же был для него капралом и шутом, Рем — гомосексуалистом, а это все было очень важно для Старика{47}, который как-то раз в беседе с художником Максом Либерманом пренебрежительно отозвался о Гете как о человеке распущенных нравов. Когда же художник заметил, что «он, помимо всего прочего, написал «Фауста»», Гинденбург пробурчал: «Это единственное, что его извиняет».

В те судьбоносные дни Грегор Штрассер дважды встречался с Гинденбургом. Германия и мир в Европе были почти спасены.

Всю горечь трагедии Грегора Штрассера можно понять, если не забывать о том, что он лично слышал от Гинденбурга на одной из этих встреч те самые слова насчет того, что Старик «никогда

не сделает богемского капрала канцлером» (это презрительное словосочетание Гинденбург использовал, говоря о полукровке, человеке непонятного происхождения — Адольфе Гитлере). Сама преданность Гитлеру требовала, чтобы Грегор Штрассер приложил все усилия, чтобы занять эту должность и создать коалицию, в которой национал-социалисты будут занимать лидирующие позиции. Ему даже в голову прийти не могло, что не пройдет и двух месяцев, как Старик сделает именно то, чего он поклялся никогда не делать. Это пример характерной слабости честного человека, каким и был Грегор Штрассер. Никогда не кривя душой, он всегда принимал на веру слова других людей, и когда они нарушили свое слово, он погиб. А пошедший на такой шаг Гинденбург предоставил врагам Грегора Штрассера в национал-социалистической партии возможность оклеветать его перед Гитлером, обвинив в предательстве.

История тех восьми недель, в течение которых несколько человек в Берлине решили судьбу Германии, а Европа погрузилась в пучину войны, заслуживает более детального описания. Убийства чехов и поляков, события на линии Мажино, блокада Англии, сражение у Монтевидео, призыв британской молодежи в армию — все это, все эти тяготы дня сегодняшнего суть дети тех судьбоносных берлинских недель конца 1932 года.

Тогда, в ноябре 1932-го, Грегор Штрассер ввязывался во все эти события с одной только мыслью: партия идет под откос, партия может погибнуть. Старик сказал ему, что он никогда не допустит Гитлера до поста канцлера. Лично он был предан Гитлеру — именно по этой причине он не пошел за братом Отто в момент их разрыва. Страна уже познала, что такое управление маленькой группки реакционеров — Папена и его кабинета баронов — и результаты выборов ясно давали понять, что населению Германии это не нравится и что государство постепенно подходит к тому моменту, за которым последует взрыв, направленный против них. Как же в такой ситуации спасти Германию и национал-социалистическую партию?

Никак уж, думал Грегор Штрассер, не путем союза с какой-нибудь аналогичной группировкой. Единственной альтернативой была коалиция между национал-социалистической партией и рабочими, состоящими в профсоюзах, которых нужно было отвести от дискредитировавших себя социалистов с ненавязчивой помощью рейхсвера. Лейпарт и генерал Шлейхер желали сотрудничать с ним (но не с Гитлером) в рамках такой коалиции. Путь, предоставлявший возможность спасти страну и партию, казался очевидным.

Будучи организатором партии, Грегор Штрассер знал лучше кого бы то ни было то ужасающее состояние, в котором она находилась (примечательно, что об этом состоянии Геббельс сделал запись в своем дневнике после того, как Гитлер пришел к власти). Он знал, что структура трещит под грузом долгов, что еще одних выборов она не переживет — а в то время в Германии выборы проходили каждые три месяца — потому что никто даже не напечатает предвыборных листовок для этой партии. Пришло время, думал он, спасти то, что может быть спасено.

В конце ноября (до триумфа Гитлера оставалось всего восемь недель) генерал Шлейхер привел его к президенту Гинденбургу, который дал слово чести прусского генерала, что он никогда не сделает «богемского капрала» канцлером. Грегор Штрассер немедленно доложил об этой встрече Гитлеру, сказав, что место канцлера ему не светит, но что этот пост может занять он, Грегор Штрассер. Место же вице-канцлера в кабинете, возглавляемом генералом Шлейхером, может остаться за Гитлером.

В тот момент, когда Грегор Штрассер говорил об обещании Гинденбурга никогда не допускать до должности канцлера богемского капрала, Гитлер прервал его, сказав, что у него есть иная информация из других источников. Озадаченный Штрассер сообщил об этом генералу Шлейхеру.

Тот выразил большую досаду и дал поручение своим агентам последить за своим предшественником на посту канцлера, человеком, которого он вознес на вершины власти и низверг оттуда, этим Мефистофелем нашей несчастной Европы — фон Папеном. (Чуть позже полицейские агенты сфотографировали, как Папен выходит из кельнского дома банкира Шредера после встречи с Гитлером, организованной нынешним министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом. Именно на этой встрече Папен согласился рекомендовать Гинденбургу кандидатуру Гитлера на пост канцлера при условии, что последний не будет рубить шашкой с плеча и оставит большинство старых (во всех отношениях) политиков, которые не придерживались нацистских взглядов. Шлейхер с горечью упрекнул Папена в том, что они на пару с Гитлером плетут какие-то интриги. Папен дал слово чести прусского офицера, заявив, что он не говорил с Гитлером. Тогда Шлейхер показал фотографию. После чего предложил исключить Папена из Общества графа Шлиффена (члены этой организации находились в контакте с офицерским корпусом) по причине дачи ложной клятвы. Однако дисциплинарное расследование так и не было завершено: его инициатор был убит 30 июня 1934 года — как и Грегор Штрассер.

Пока Шлейхер пытался пресечь интриги Папена, Гитлер сделал вид, что он учел сообщение Штрассера и почти готов принять сделанное ему предложение. Он, правда, выдвинул определенные условия — долги партии должны быть погашены, рейхстаг нельзя распускать без его санкции, три других лидера национал-социалистов (Фрик, Штор и Хирль) должны войти в состав кабинета вместе с Грегором Штрассером. Только на этих условиях он был готов согласиться с коалицией Штрассера — Шлейхера — Лейпарта, коалицией национал-социалистов, рейхсвера и социалистов-рабочих. Для подписания письменного соглашения между Гитлером, Штрассером и действующим канцлером Шлейхером было готово все. 7 декабря 1932 года находившийся в Берлине Грегор Штрассер переговорил по телефону с бывшим в тот момент в Мюнхене Гитлером. Последний согласился приехать на следующий день в Берлин, чтобы завершить переговоры.

Утром 9 декабря Грегор Штрассер стоял на перроне Ангальтского вокзала и ожидал Гитлера. Прибыл ночной экспресс из Мюнхена. Купе, в котором должен был ехать Гитлер, было пусто. Кондуктор объяснил почему: «Господин Гитлер, — сказал он, — сошел в Веймаре».

Причина, по которой он вышел в Веймаре, стала также причиной, по которой коалиция так никогда и не сложилась, по которой Германия вступила в новый период, период войны и вооружения, причиной, по которой чуть позже был убит и Грегор Штрассер. Причина эта, или, точнее, причины — ибо их звали Геринг и Геббельс — стала известна только потом. Но рассказать о ней словами Отто Штрассера мы должны прямо сейчас.

В Веймаре поезд, в котором ехал Гитлер, «перехватили» капитан Герман Геринг и гауляйтер доктор Геббельс. Они понимали, что создание этой коалиции неизбежно положит конец их собственным амбициям. В широкой коалиции, в которой на левом фланге окажутся профсоюзы Лейпарта, в центре представители рейхсвера, а справа — национал-социалисты во главе с Грегором Штрассером, для министра пропаганды и для террориста мест точно не будет.

Поэтому они приехали на машине в Веймар, разбудили Гитлера и вытащили его из спального вагона. Все дело в том, сказали они ему, что это на самом деле заговор, за которым стоят Грегор Штрассер и Шлейхер. И вовсе не правда, что Гинденбург поклялся не допускать Гитлера до поста канцлера. Просто у Штрассера есть одна цель — он сам хочет стать канцлером, при этом он будет держать Гитлера на коротком поводке, а если будет надо — то и вообще уничтожит всю партию.

Обогащенный таким «знанием», Гитлер приехал в Берлин позднее и бросил Штрассеру в лицо обвинения Геринга и Геббельса, обозвав его предателем. Штрассер спросил, неужели Гитлер и вправду думает, что он способен на такую низость. Да, ответил Гитлер. Не говоря ни слова, Грегор Штрассер покинул место встречи, написав затем заявление о своем уходе со всех должностей, которые он занимал в партии, и о своем желании продолжать пребывать в партии в качестве «неофициального члена». После этого вместе с семьей он уехал в Баварию. С этого момента в его душе произошел сильный надлом, и он уже никогда более не возвращался в политику.

Тем временем Папен, желая свергнуть своего заклятого противника Шлейхера, лоббировал свои интересы в Берлине. Он предложил свой проект кабинета, в котором он занимал пост канцлера, Гитлер — вице-канцлера, Геринг был заместителем Папена в качестве премьера Пруссии, а представитель большого бизнеса Гугенберг — министром экономики. Примерно в это же время прозвучало еще одно слово чести (оно в то время стоило не дорого) — слово чести Гитлера, данное в том, что на протяжении четырех лет он ни на йоту не изменит состав кабинета. В ночь своего триумфа, 30 января, Гитлер еще раз подтвердил свое клятвенное обещание с балкона рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе.

Уход Грегора Штрассера положил конец надеждам генерала Шлейхера сохранить власть и спасти Германию, хотя сам он этого еще не осознавал. Он продолжал свое дело и не оставлял попыток сформировать коалицию, хотя ее главный столп уже ушел. Он слишком сильно поверил в боевой дух и антинацистские настроения пятимиллионного профсоюза Лейпарта. 15 декабря 1932 года, выступая по радио с обращением к народу Германии, он назвал себя «общественным генералом», усилив тем самым позиции Папена на переговорах с крупными промышленниками запада страны и землевладельцами восточных районов.

Тем не менее, в этот день казалось, что Гитлер, до триумфа которого оставалось уже шесть недель, не имеет даже отдаленного шанса на то, чтобы прийти к власти. В тот самый день Геббельс записал в своем дневнике: «Нам уже давно пора взять власть; однако настоящее не предлагает нам для этого ни малейшей возможности». Гитлер говорил, что покончит жизнь самоубийством — как он уже клятвенно обещал однажды, 9 ноября 1923 года, в день провалившегося путча в Мюнхене.

Именно при таких обстоятельствах в Кельне состоялась встреча Гитлера с Папеном. Банкир Шредер пополнил опустевшую кассу нацистов, и в дневнике Геббельса снова появились пронизанные оптимизмом записи. И тут Шлейхер совершает смертельный просчет, который, в конечном итоге, стоил ему жизни.

Вообще-то Шлейхер мог в данной ситуации спасти Германию и Европу, если бы нанес один решительный удар. Но тот удар, который он сделал, не был достаточно резким. Он напал на одну из самых могущественных и мстительных группировок Германии, не обеспечив себе тылы.

Суть заключалась в следующем. Он сделал доступными для прессы материалы, собранные парламентской комиссией по расследованию незаконного использования известного Osthilfe, то есть фонда «Восточная помощь». Для того чтобы читатель мог яснее представлять себе это дело, нужно отметить, что, например, в Британии «помощь фермерам» обычно означает финансовые субсидии за счет налогоплательщика крупным землевладельцам, которые сдают землю в аренду фермерам. Вот и в Германии огромные суммы, которые в бюджете значились как «помощь пострадавшему сельскому хозяйству восточных районов Германии» (Osthilfe), по большей части

попали в руки крупных землевладельцев, которые и так уже были по уши в долгах перед государством и хозяйства которых велись не самым лучшим образом.

Все эти факты всплыли в ходе парламентского расследования, но держались под спудом до тех пор, пока их не обнародовал лично генерал Шлейхер. Среди прочего лица, производившие расследование, заявили, что некоторые из крупных, но уже обанкротившихся землевладельцев «спустили на проституток, пропили и проиграли» те деньги, которые они получили от государства. (Падение канцлера Брюнинга было непосредственно вызвано его попыткой «прикрыть» этих несостоятельных землевладельцев и использовать землю в небольших хозяйствах. Отец и сын Гинденбурги принадлежали именно к такой категории помещиков — у них были большие земельные участки, а потому президент Гинденбург сместил Брюнинга, обвинив его в попытке ввести в Германии большевизм).

И вот теперь Шлейхер вернулся к тому же взрывоопасному вопросу. Он намеревался разгромить изготавившиеся к бою отряды реакционеров, опубликовав в прессе материалы и полагая, что тем самым их интриги против него будут разоблачены и порушены, а дальнейшее сопротивление планам по созданию коалиции будет нейтрализовано. Но он недооценил их. Он разбудил в них смертельную неприязнь, которая вознесла Гитлера к власти всего за две недели. Только самый главный оратор от помещиков, престарелый Ольденбург-Янушау, получил от фонда более 30 000 фунтов стерлингов для облегчения своего положения, и подобная атака на его наследственные привилегии и prerogatives неизбежно вызвала в нем самую непосредственную злость.

Этот козырь, который держал в руках Шлейхер, был по-настоящему сильным при одном условии — правильной игре. Это был фактически козырной туз — при правильной игре. Но если бы он сделал верный ход, то тогда бы ему, во-первых, нужно было до всякого рода публичных разоблачающих заявлений получить у президента Гинденбурга полномочия по роспуску рейхстага, а после этого нужно было бы арестовать главных зачинщиков — Папена, Гитлера, Оскара фон Гинденбурга, главных юнкеров, Геринга и еще несколько человек, и, кроме того, сплотить вокруг себя многочисленных сторонников Грегора Штрассера из числа национал-социалистов и членов профсоюза Лейпарта, открыто объяснив им, зачем он все это делает.

Поступи он так — и Германия вкупе с Европой были бы спасены, ибо эти алчные помещики, так уж исторически сложилось, всегда были причиной европейских войн. Но вместо того, чтобы отдать соответствующие приказания Лейпарту, Шлейхер пустился с ним в длительные разговоры и дебаты — а ведь немецкие социалисты, как и все немцы (за исключением малочисленной группы военных), не делали ничего без команды свыше. Реакция Лейпарта на все эти планы отразилась в следующем вопросе: «А что на это все скажет господин Бумке?» Достопочтенный герр Бумке был в то время президентом Конституционного суда Веймарской республики, судебной инстанции, которой нужно было в обязательном порядке предоставлять все вопросы, связанные с конституционной процедурой, для рассмотрения и вынесения какого-либо решения. Страшный образ разгневанного и карающего Бумке стал тем молотом, который разбил вдребезги последнюю надежду на правильную и просто вменяемую политику на территории Германии.

Вот так и пришел конец. В последний момент с успехом завершилась некая комбинация, которая принесла Гитлеру место не вице-канцлера, но самого канцлера. Один из агентов фон Папена (звали его Вернер фон Альвенслебен) поведал Гинденбургу некую историю, которую горячо подтвердил Геринг. Речь шла о том, что якобы генерал Шлейхер вознамерился войти в Берлин с войсками Потсдамского гарнизона. После целой серии уже продемонстрированных жупелов — особенно насчет большевизма в земельном вопросе — этой «утки» оказалось достаточно, чтобы

Старик принял нужное решение, хотя и восемь недель назад он поклялся не допустить богемского капрала к месту канцлера. У Гинденбурга тоже была земля, а потому он подписал «свидетельство о рождении» гитлеровского правительства. Игра закончилась.

Президент и фельдмаршал фон Гинденбург поставил, таким образом, свою подпись под приказом о новой войне, завизировав смертный приговор тысячам, а возможно, и миллионам немцев, испанцев, чехов, поляков и, как уже ясно, французов и англичан.

Я обратил внимание читателя на некоторые детали потому, что они многое объясняют в том, что касается жизни обоих Штрассеров, смерти Грегора и упорной борьбы его брата, Отто, с Гитлером.

Пока между Грегором Штрассером и Гитлером шел последний акт борьбы за души национал-социалистов и за судьбы Германии, Отто Штрассер, заклятый враг Гитлера, стоял в стороне. Он наблюдал за происходящим, делая, однако, при этом все возможное, чтобы помешать планам Гитлера. За пару дней до прихода последнего к власти он встречался в одном из ресторанов на улице Унтер ден Линден с Женевьевой Табуи — сегодня она публикует статьи в английской и французской прессе о политических загадках Европы. Мадам Табуи пришла от генерала Шлейхера. Этот слишком хитроумный, а потому несчастный канцлер за несколько часов до своего падения размахивал перед лицом француженки сжатым кулаком и говорил: «Этот Гитлер вот у меня где». Когда мадам Табуи сказала Штрассеру об этих словах, тот заметил: «Ну... если господин Шлейхер действительно держит его в ежовых рукавицах, то лучше бы он уничтожил его одним ударом, иначе будет слишком поздно».

Гитлер стал канцлером Германии. Но Отто Штрассер не чувствовал в себе той глубоко личной, персональной и неослабевающей ненависти к Гитлеру, какую он питал, например, в отношении Геринга, Геббельса и Гейдриха. В нем не было какого-то отвращения к человеку, уничтожению которого он посвятил свою жизнь. Поначалу такая позиция меня удивляла, но сейчас, кажется, я понимаю, почему все было именно так. Штрассер считает Гитлера этакой диковиной, чудом природы. Несмотря ни на что, он не может относиться к нему серьезно и не может удержаться от смеха при взгляде на него. Гитлер — это нечто, лежащее за пределами мира Штрассера.

«Женский тип с разрушительной, а не созидательной направленностью, — говорит он. — Гитлер сам вполне себя показал — этаким организатор публичных зрелищ и притом — лунатик. В нем нет ничего настоящего или реального. Даже само слово «фюрер» выросло отдельно от него — оно не было результатом какого-то внутреннего импульса или желания немецкого народа и даже самого Гитлера. Это результат — и для нас, немцев, это так типично — приказа, сформулированного на языке военных и подписанного офицером, Ремом, который в конце 1931 года выпустил для партии следующее предписание: «Начиная с... числа, к главнокомандующему СА и лидеру партии, Адольфу Гитлеру, должно обращаться только как к Фюреру»».

Рассказывая мне это, Отто Штрассер улыбнулся и добавил: «И поверьте мне, мистер Рид, я знаю немцев, а потому вы должны поверить мне, когда я говорю, что наша революция тоже должна начаться по приказу, иначе генералы и остальные — я-то знаю этих людей! — спросят: «А кто возьмет на себя ответственность?»»

И вот в январе 1933-го человек по фамилии Гитлер стал главой Германии. Все, что он с того момента натворил, полностью оправдывает мысли Отто Штрассера на его счет. Годы, прошедшие с момента их разрыва, годы открытой борьбы не внесли каких-то принципиальных корректив.

С того дня в жизни братьев началась черная полоса. Поначалу Грегору разрешили спокойно заниматься его химическими делами в Берлине^[48]. Он покинул партию и вообще не занимался политикой. Но Гитлер по-прежнему видел в нем опасного противника, особенно в первые бурные

месяцы 1934 года, когда крайне остро чувствовалось разочарование результатами (при отсутствии таковых) деятельности гитлеровской партии. Именно тогда подал признаки жизни призрак старой коалиции штрассеровского крыла национал-социалистов, генералов рейхсвера и социалистов-рабочих. И именно по этой причине генерал Шлейхер с супругой были убиты в своей уютной квартире в пригороде Берлина. И по той же самой причине Грегора Штрассера вытащили из-за обеденного стола, оторвав от семьи, и увезли в штаб-квартиру тайной полиции.

Отто Штрассер так и не смог получить сведения о смерти брата, которым он мог бы полностью доверять. Версия, которая, как он считает, является самой правдивой, была сообщена ему неким человеком, оказавшимся в тот же самый момент в штаб-квартире тайной полиции. Он рассказал следующее. После обеда Грегор Штрассер прилег на скамейку, стоявшую в камере. Но тут к двери подошли блондин Гейдрих, главный помощник Гимmlера, и какой-то другой человек, имени которого он не знал. Они отодвинули зарешеченное окошко и открыли огонь из пистолетов по Штрассеру. Тот вскочил и отбежал в угол камеры, не видный из этого окошка. Тогда эта парочка открыла дверь, после чего они снова начали стрелять. Штрассер метнулся в третий угол. Они выстрелили еще раз, попали в него, и он осел у стены. Штрассер был жив, хотя и тяжело ранен. Тогда Гейдрих вошел в камеру и, выстрелив Грегору в шею, отправил его на тот свет.

Но все это опять-таки беглый экскурс в будущее, призванный сохранить органичность и непрерывность повествования, посвященного Отто Штрассеру, его жизни, мотивам его поведения, тем счетам, которые он должен предъявить.

За те три с половиной года, которые прошли между его разрывом с Гитлером и приходом последнего к власти, Отто Штрассер, как я уже говорил, занимался строительством «Черного фронта». Его публичную деятельность я уже описал — кампании, проводившиеся по всей стране, антигитлеровские газеты, дебаты на трибунах. У «Черного фронта» есть собственные штурмовики — «Черная гвардия», которую не надо путать с гитлеровской СС — ее подчас тоже называют черной гвардией из-за формы черного цвета. Черногвардейцы Штрассера тоже носили черные рубашки, но, повторюсь, прилагательное «черный» относится не к ним, а к тайному характеру самой организации — «Черный фронт». Между прочим, символ «Черного фронта» — скрещенные меч и молот.

Однако внешние проявления деятельности «Черного фронта» были не самыми важными составляющими его работы. Основная работа была та, которую подразумевало слово «черный» — то есть строительство тайной организации. Во всех политических партиях Германии, за исключением коммунистов, особенно же в рядах национал-социалистов, Отто Штрассер имел своих последователей, которых строго предупредили, чтобы они никоим образом не выказывали публично своей приверженности. В этой организации, которая должна была «сыграть» в отдаленном будущем, им отводилась одна роль — они должны были оставаться теми, кто они есть: якобы верными нацистами, активными штурмовиками, идейными эсэсовцами и т. д., и т. п. и направлять все свои силы и получаемую каждым на своем месте информацию на достижение целей и задач, которые перед собой ставил «Черный фронт».

Они и сегодня делают это, а потому о большей части их подвигов и трудов можно будет рассказать лишь через много лет. Но благодаря этому «черному» методу Отто Штрассер мог все те годы, пока он работал против Гитлера в Германии и потом, уже ведя войну с ним из-за границы, видеть, так сказать, сквозь двери и стены, знать о приказах и разговорах, которые отнюдь не

предназначались для внешнего мира, но только для узкого круга нацистов. Так, в момент своего бегства из Германии большую часть пути его шофером был облаченный в униформу один из руководителей штурмовиков. Когда Штрассер уже находился в ссылке, то я видел у него письмо, подписанное одним из высших чинов СС, человеком известным и популярным в Германии. Письмо это сквозило дикой ненавистью в отношении Гитлера. Видел я и другие письма от офицеров, которые сегодня служат в рейсхвере.

С помощью таких невидимых каналов информации Отто Штрассер смог заглянуть даже в кабинеты штаб-квартиры гестапо в Берлине и прочесть рапорт человека, который был послан, чтобы убить его. Он имел возможность вычислить и других агентов гестапо, которые время от времени появлялись вокруг него под тем или иным предлогом, но с одной-единственной целью. Он также знает и то, какие материалы находятся в его личном деле, которое лежит в архиве гестапо...

Именно эти невидимые друзья, проживающие в Германии, так или иначе поддерживали его материально, чтобы он мог продолжать кампанию, находясь в изгнании; все свои личные деньги он уже истратил на это, и, вследствие той или иной части своей политической философии, он отрезан от нормальных источников финансовой поддержки, которыми пользуются враги Гитлера, находящиеся за пределами Германии. Те же друзья снабжали его фальшивыми паспортами, укрывали у себя его эмиссаров. Люди, которых он посылал в Германию, чтобы собрать сведения о гитлеровском режиме, делали это, рискуя своими собственными жизнями и без какой-либо оплаты.

Далее по ходу книги читатель познакомится с теми людьми, которые открыто помогали ему — некоторые уже появились на ее страницах, — и получит возможность дать оценку их личностям, душевным качествам, мужеству и патриотизму. Однако куда как важнее легион его неизвестных последователей, людей, живущих в Германии, которые готовы в нужный час снять черные рубашки и прочие знаки отличия, открыто заявив о своей приверженности делу Отто Штрассера.

30 января 1933 года в истории Отто Штрассера завершилась одна глава и началась другая. Прозвучал еще один выстрел стартового пистолета.

Начались самые мрачные годы его жизни. Человек, которому он не верил и которого презирал, одержал победу — он стал рейхсканцлером. Брат его наконец освободился от всяческих иллюзий, но жить ему оставалось недолго. Что-то должно было произойти и с ним, Отто Штрассером, с его «Черным фронтом», с его надеждами, с немецким социализмом, за который он так отчаянно боролся.

Что же теперь сулило ему будущее?

Глава 8

БЕЗУМНАЯ ОДИССЕЯ

С прибытием 30 января 1933 года Гитлера в берлинскую рейхсканцелярию, с бесконечных факельных шествий штурмовиков в окружении неистовствующих толп, проходивших мимо двух освещенных окон, в одном из которых стоял Гинденбург, согласно кивавший головой, словно китайский болванчик, а в другом, высунувшись наружу под светом прожекторов, стоял Гитлер, приветствуя проходящих, так вот, с этих самых событий начался новый этап в жизни нашего

революционера-социалиста — этап гонений и избавлений, заговоров и контрзаговоров, всяческих уловок и ловушек, бегства и изгнания. Это была война солдата-одиночки, объявленного вне закона. Он вел ее из-за границы против самого могущественного человека в Европе.

В жизни Гитлера не было более напряженного эпизода, чем этот период жизни Штрассера. Это поразительная история о приключениях, герой которой находился на волосок от смерти; порой создавалось впечатление, будто в реальную жизнь вошли сюжеты из романов Фенимора Купера, Эдгара Уоллеса, Филлипса Оппенгейма^{49} и иных писателей.

4 февраля 1933 года, через четыре дня после прихода Гитлера к власти печатные издания штрассеровского «Черного фронта» были запрещены по всей территории рейха.

После этого на территории Германии установилось показное и вполне обманное затишье. Длилось оно три недели. В качестве меры предосторожности были засекречены все документы и структуры «Черного фронта»; были составлены планы для дублирующих региональных (и никому не известных) руководителей по всей стране, которые должны были частично взять на себя текущую деятельность, а также осуществлять все виды контактов в случае ареста публичных лидеров. В штаб-квартире «Черного фронта» на Вильгельмштрассе — прямо неподалеку от гитлеровской рейхсканцелярии — остались только телефонист и несколько человек из числа «Черной гвардии».

27 февраля загорелся согласный на все рейхстаг. На следующий день после триумфального пришествия нацистов к власти доктор Геббельс сделал в своем дневнике прямо-таки пророческую запись:

«Мы сразу же начали работать... Мы обсудили новые мероприятия. На совещании с Фюрером мы выработали меры по противодействию красному террору. На сегодняшний день мы воздерживаемся от прямых акций. Вначале должно запылать само желание большевиков устроить революцию. И в нужный момент мы нанесем удар».

Рейхстаг запылал прямо по инструкции — четыре недели спустя, 27 февраля. Это событие тут же подали как «попытку большевиков устроить революцию» — и нацисты «ударили». Удар был нанесен по врагам Гитлера на всей территории страны, причем не только по красным, но и по пацифистам, националистам, католикам, демократам, «Черному фронту».

Утром следующего дня, 28 февраля, помещение «Черного фронта» на Вильгельмштрассе было взято штурмом и разломлено. Несколько бывших там человек были увезены. На всех известных руководителей и членов «Черного фронта» по всей стране были произведены облавы. В итоге несколько тысяч человек были отправлены в концлагеря, где, как я уже упоминал, некоторые из них находятся и по сей день.

Вечером 27 февраля Отто Штрассер направлялся на Ангальтский вокзал. Он должен был сесть на поезд, чтобы ехать домой. Внезапно он увидел на небе зарево и спросил таксиста, не знает ли он, что это такое. «Нацисты подожгли рейхстаг», — ответил тот. Штрассер не поехал домой. Он развернул машину и переночевал в гостинице. Вот так и началось это необычайное путешествие, которое продолжается и сегодня, семь лет спустя. В данный момент, после массы невероятных приключений, дорога привела его в Париж.

В тот момент, когда берлинскую штаб-квартиру «Черного фронта» обыскивали и громили, Отто Штрассер направлялся на небольшой курорт в Тюрингии, который был выбран в качестве первой тайной штаб-квартиры на случай подобного развития событий.

Приехав туда, он издал следующее распоряжение для своих последователей в Германии: «Все члены «Черного фронта», о которых полиция не знает, что они состоят в организации, должны

немедленно пойти в армию, вступить в национал-социалистическую партию, СА, СС и продолжать свою политическую деятельность доступными легальными способами, состоя в этих структурах и организациях». Об этом приказе узнало гестапо, и к членам «Черного фронта», которые уже были арестованы и посажены в концлагеря, применили пытки — так их хотели заставить выдать своих товарищей. Разрушительная деятельность, ведущаяся изнутри, более всего пугала нацистов, потому что определить ее источник было очень трудно.

Благодаря заранее принятым мерам и подготовке руководителей-дублеров, о членстве которых в «Черном фронте» никто не знал (что и обеспечило им свободу), Отто Штрассер имел возможность, находясь на своем тихом тюрингенском курорте, посредством одних телефонных звонков держать в своих руках все нити руководства этой организацией, издавать распоряжения и получать ответные рапорты. Гестапо потребовалось достаточно много времени, чтобы окончательно закрутить все гайки и запустить свою машину, поэтому на самом раннем этапе местные телефонные разговоры еще не писали на пленку.

Но примерно через неделю он получил срочное донесение, в котором в наспех закодированной, но понятной Штрассеру форме было сообщено, что один из его помощников, находившихся в концлагере, не выдержал избиений и сообщил примерное местоположение тайной базы Штрассера. Этот телефонный звонок был сделан из гестапо! Своему шефу звонил один из членов «Черного фронта», который, в соответствии с приказом, оставался на своем достаточно высоком посту.

В этот момент Штрассер впервые едва не ощутил на своей шее мертвую хватку гестапо. Получив это предостережение, он тут же переехал во второе тайное убежище, точно так же заготовленное заранее. Оно находилось в одной из баварских деревень. Как он потом узнал, на другой день в этот тюрингенский отель, где он проживал под вымышленным именем, нагрянуло гестапо с целью арестовать его.

Затем, в конце марта, он переехал в третью тайную штаб-квартиру, на запад Германии. Это был уединенный домик в Тевтобургском лесу. Находясь там, он созвал совещание своих основных сторонников в Западной Германии. Мероприятие решили провести в тихой деревушке на берегу озера Штейнхудер. Когда они собрались там, то с удивлением увидели, что именно это место и этот день выбрали для проведения своего парада примерно... 30 000 чернорубашечников-штурмовиков. Протиснувшись через толпы ликующих штурмовиков, четверо товарищей Штрассера (один из них был в нацистской униформе) потихоньку направились на берег озера, обсудили необходимые вопросы, выработали определенные планы и разошлись.

Преследования инакомыслящих ширились, сеть агентов гестапо становилась все прочнее, концентрационные лагеря были переполнены. В середине апреля Отто Штрассер бросил вызов судьбе в своей родной Баварии — за рулем его автомобиля сидел облаченный в форму нацист, один из командиров СА!

Они проехали совсем немного, когда услышали позади переливистый гудок — звук напоминал почтовый рожок былых времен. Обернувшись, они увидели дежурную полицейскую машину с берлинскими номерами. В ней сидели люди в форме СС. Машина поравнялась и обогнала их автомобиль. Штурмовик, сидевший за рулем, вскинул руку в нацистском приветствии и прокричал: «Хайль Гитлер!» Одетые в черное эсэсовцы не ответили на приветствие и понеслись дальше. «Интересно...» — сказал водитель Штрассеру.

Через какое-то время они вновь увидели этот автомобиль — он стоял на обочине дороги. Вооруженные эсэсовцы внимательно посмотрели на них, когда машина проезжала мимо. «Господин доктор, — сказал спутник Штрассера, — мне это не нравится. Думаю, они ищут вас». (Они ехали в личном автомобиле Штрассера, номера которого были зарегистрированы на него. Это был уже достаточно старый агрегат, который едва выжимал 80–90 км в час. Штрассеру его подарил какой-то восторженный поклонник. Командира штурмовиков, участника «Черного фронта», оставшегося в рядах чернорубашечников по приказу Штрассера, он взял с собой для прикрытия и снятия подозрений.)

Они проехали еще немного, как вдруг снова услышали сзади звук клаксона. Уже знакомые эсэсовцы внимательно посмотрели на них и вновь уехали дальше. Подобная игра в кошки-мышки повторялась не раз. Наконец, Штрассер решил обхитрить преследователей и резко свернул с главной дороги, остановившись на рыночной площади какого-то городка, заполненной народом. Люди пришли сюда из окрестных деревень поучаствовать в митинге. Штрассер быстро добрался до почты и позвонил жене, рассказав ей о случившемся; когда он вышел из здания, то увидел, что машина с эсэсовцами остановилась рядом с его автомобилем.

Штрассер искренне верит, что только множество людей, сновавших по рыночной площади, удержало его преследователей от стрельбы. На улице темнело. Он отъехал, и, когда сыщиков не стало видно, попросил своего водителя выжать из машины все, что возможно, чтобы оторваться и свернуть на первую попавшуюся ферму. В конце концов они нашли такую ферму и буквально влетели во двор через большие ворота, которые тут же закрыли за собой.

Буквально через несколько минут они опять услышали знакомый гул мотора и увидели свет фар проезжавшего мимо автомобиля. Их преследователи освещали все закоулки, полагая, что они увидят следы беглецов, если те надумают искать спасения где-нибудь в стороне от главной дороги. Однако никто из них не догадался остановиться и заглянуть за массивные ворота. Штрассер с шофером лежали затаив дыхание до тех пор, пока свет фар и гул мотора не исчезли вдалеке. Затем они выехали наружу и, не зажигая огней, какими-то проселками добрались до Химзее, что в Баварии. Именно туда они и направлялись.

Позже по своим каналам Штрассер узнал, что эти эсэсовцы действительно преследовали его — они знали, что он находится в этом автомобиле. В рапорте о неудачном аресте, который их начальник написал по возвращении в Берлин, говорилось, что «Отто Штрассер известен как жестокий человек, который обычно носит с собой автоматический пистолет; именно поэтому я хотел дождаться наступления темноты и ослепить его водителя внезапным светом прожекторов, после чего сразу арестовать».

В последний раз Отто Штрассер созвал своих единомышленников в Германии — речь идет о его соратниках на юге страны. Они встретились на зеленых склонах Баварских Альп, в нескольких сотнях метров от границы с Австрией. Облачившись в купальные костюмы, они разложили свои бумаги на грубо сколоченном столе, стоявшем перед *Almhütte* — одной из тех простых альпийских хижин, в которых летом живут пастухи, выпасающие свой скот на высокогорных лугах, до которых зимой добраться просто невозможно, ибо все пути завалены снегом.

На этой фантастической *Führerbefehl*, или встрече руководителей, буквально у порога свободы, в какой-то момент тяжелая рука гестапо вновь похлопала Штрассера по плечу. На встречу собрались — помимо Штрассера — еще трое лидеров южногерманского «Черного фронта». Кроме них, тут были две женщины — хозяйка уединенной фермы, стоявшей внизу, по склону холма, где он, собственно, и остановился, и ее служанка.

В тот самый момент, когда эти полупляжного вида люди обсуждали за столом вопросы заговора и самой серьезной политики, появились вооруженные эсэсовцы — это был вспомогательный погранпатруль — которые, подойдя к ним, поинтересовались, чем это они тут занимаются. «Да вот, загораем и развлекаемся с девочками, — сказал Штрассер, больше всего боявшийся, что эсэсовцы начнут рассматривать бумаги, лежавшие на столе. — С девочками? — удивился спрашивавший его. — А я их что-то совсем не вижу». «Ну как же, вон они, — отвечал Штрассер, указывая на двух женщин в купальниках, которых тоже загорали, лежа метрах в двухстах ниже. «И это ваши девушки?» — с подозрением спросил эсэсовец. — «Ну да, конечно, — ответил Штрассер и, слегка напрягшись, закричал: — Эй, Анна, иди сюда. Вот этот господин хочет знать, что я тут делаю. А еще он не верит, что ты — моя девушка»».

Почтенная замужня дама — а это была хозяйка гостиницы — тут же смекнула, что не нужно бурно реагировать на фамильярное «тыканье» и прочие фантазии, и от души сыграла свою роль. Эсэсовцы, смущенные, но не убежденные до конца, отошли от них, однако залегли в траву неподалеку, метрах в четырехстах у самой границы с Австрией. Затем один из них достал свисток и пронзительно свистнул в него. Тут же из-за соседних холмов показались еще трое пограничников-эсэсовцев. Они собрались вместе и, глядя в сторону четверки, сидевшей за столом, явно обсуждали их.

Отто Штрассер и его друзья, излучая непритворную беззаботность, продолжали сидеть за столом. Никогда красоты Австрии не казались им столь величественными. Ситуация, однако, усложнялась, как вдруг спасение пришло к ним с небес — с этих безупречно голубых, освещенных ярким солнечным светом небес. Они внезапно покрылись тучами, и хлынул такой проливной дождь, что буквально через секунду маленькие горные речушки уже бежали вниз стремительными потоками, волоча за собой весьма увесистые булыжники и камни. Эсэсовцы, постояв немного на прежнем месте, все-таки решили, что их подозрения не стоят того, чтобы за них промокать до нитки. Они пошли вниз по склону. Штрассер же и его товарищи разошлись в разные стороны; сам Отто окольными путями вернулся на ферму.

Но его карта была уже бита. Четверо суток спустя, 9 мая, в Берлине Грегор Штрассер встретился с министром внутренних дел доктором Фриком, который по-прежнему хорошо относился к нему. От министра Грегор услышал, что люди Геринга каким-то образом узнали, что Отто Штрассер находится неподалеку от Химзее. Тогда Грегор вылетел в Мюнхен, послал в убежище Отто автомобиль и записку о грозящей опасности. В ней он умолял его бежать как можно скорей. Отто, охваченный каким-то предчувствием, решил, что он не уедет, пока не увидит брата. Загримировавшись, он прибыл в Мюнхен и там встретился с Грегором (больше он его никогда не увидит) в доме их приятеля, бывшего, кстати, высокопоставленным чином СС. Он уже давно и крепко дружил с братьями.

В Мюнхене Отто увидел, что его брат — просто сломанный человек. Свою роль он уже отыграл, но при этом никак не мог забыть, как это его, человека, создавшего эту партию, так оболгали и буквально вышвырнули за дверь в минуту триумфа организации. Более того, он чувствовал приближение смерти. Он сказал Отто: «Геринг расстреляет нас. Обоих». «Или мы его. Это уж точно», — ответил Отто и стал упрашивать Грегора бежать вместе с ним, чтобы начать борьбу уже из-за границы. Грегор не согласился; он не мог заставить себя бросить семью и свое дело.

В тот же самый вечер, 9 мая 1933 года, Отто Штрассер приехал в одно местечко в Баварских Альпах неподалеку от границы с Австрией. Около полуночи вместе с проводником, знавшим в этих краях каждую тропку, он начал свой путь через горы. Они продвигались по узким,

протоптаным горными козлами тропинкам, проходившим над обрывами. На рассвете 10 мая 1933 года он пересек австрийскую границу.

В это время в Берлине австрийский проходимец был уже абсолютным хозяином рейха. А на границе рейха, в лучах утреннего солнца, немецкий офицер, противник «красных» и революционный социалист направлял свой скорбный путь в Австрию.

Вечером 10 мая 1933 года после почти суточного перехода Отто Штрассер прибыл в Куфштейн. Он был свободен, за ним не шли по пятам, он снова мог сражаться. Однако, думая так, он ошибался, ибо преследователи от него не отстали — они были недалеко от него, и еще многие годы будут дышать ему в спину. Правда, в тот момент он еще не знал этого, а потому направился в новую штаб-квартиру «Черного фронта» — в Вену.

Таким образом, буквально через три месяца после прихода Гитлера к власти и начала гестаповского террора на территории Германии в Вене возобновилась «война одиночки». Еще в феврале в Вену были отправлены все материалы, которые могли потребоваться для выпуска антигитлеровских газет, и, начиная с середины того же месяца, они начали выходить из-под печатного станка и тысячами переправляться различными путями на территорию рейха.

Сделать все это было сравнительно просто — дело в том, что «Черный фронт» действовал не только в Германии, но и в Австрии, и его структуры в этой стране не подверглись никакому давлению. Австрийские сторонники Штрассера помогли ему наладить издание газеты и организовали нелегальные каналы по переправке тиража через границу. Она называлась (в предчувствии того, что случилось позднее) *Der Schwarze Sender* («Черный передатчик»).

Помимо газеты, издавались также и памфлеты. Это были книжечки небольшого формата, отпечатанные на очень тонкой бумаге. Их скручивали в рулон и большими партиями — по 50 000 штук зараз — переправляли через границу. Эти брошюры вызывали у нацистов больше раздражения, чем какие-то иные нападки на них и на их образ действий, ибо автором был человек, сыгравший слишком заметную роль в их движении. К тому же его никак нельзя было назвать ни социалистом, ни коммунистом, ни евреем.

Именно по этой причине достаточно скоро руки гестапо протянулись и за границу, в Австрию, но Отто Штрассер снова сумел в последний момент избежать смертельного объятия. Это было, пожалуй, самое потрясающее приключение в его жизни.

В июле 1933-го он жил в Вене. Шел второй месяц пребывания в Австрии. Штрассер жил по фальшивому паспорту и, естественно, под вымышленным именем у своей двоюродной сестры. Благодаря своей неутомимой энергии за эти несколько недель он буквально удвоил мощь антигитлеровской кампании, которую проводил «Черный фронт», так что поток критической литературы, устремлявшийся через австрийскую границу в Германию, не на шутку встревожил тайную полицию рейха.

Для того чтобы более четко понимать сложившуюся на тот момент ситуацию, необходимо отметить, что в это время австрийские нацисты, по приказу из Берлина, организовали свою первую кампанию, направленную на захват власти вооруженным путем. Кульминацией стал мятеж 24 июля 1934 года и убийство канцлера Дольфуса. Не только в Вене, но во многих районах страны были взорваны бомбы, проведены различные силовые акции. Население знало, что за всем этим стоят нацисты. В обществе царил напряженность и подозрительность.

В ночь на 4 июля 1933 года Отто Штрассер вернулся в Вену из Праги. В столице Чехословакии он, со свойственной ему предусмотрительностью, готовил запасной аэродром на случай, если Австрия покорится Гитлеру и «Черному фронту» придется срочно менять место базирования. В его венской квартире было темно и дверь, по каким-то непонятным причинам, никак не поддавалась его ключам. Он постучал, но ответом было молчание.

Тогда он сошел вниз и постучался к привратнику, который, увидев такого посетителя, изумленно открыл глаза и пробормотал: «Но, герр Мюллер, сегодня тут была полиция и вашу хозяйку арестовали». Штрассер, огорошенный новостью, тем не менее, никак не увязал случившееся со своей персоной. Он был убежден, что в венской полиции не знают, кто он на самом деле. Но даже если и знают, то за ним все равно не будут охотиться — разве Австрия во главе с Дольфусом не борется изо всех сил против Гитлера? Тогда он спросил: «А почему дверь никак не открывается ключом?» «Полиция опечатала квартиру», — услышал он в ответ.

«So!» — задумчиво проговорил Штрассер и, после минутного колебания, открыл дверь и вышел на улицу. Он погрузился в глубокие раздумья — надо было понять, что делать хотя бы этой ночью. Ему мешало то, что он не мог поехать в гостиницу — из Праги он вернулся фактически без гроша в кармане (в кошельке лежал один австрийский шиллинг). Забегая вперед, отмечу, что финансовая проблема будет «доставать» его все эти годы и безденежье станет его вторым смертельным врагом — после Гитлера. Несмотря на то что на дворе стоял июль, ночи были очень холодными. У Штрассера не было даже плаща и ни гроша на то, чтобы, как он сказал, раздобыть себе хотя бы немного того тепла, которое предлагает город.

В итоге ему пришлось прослоняться по улицам всю ночь, а рассвет он встретил у дверей дешевого кафе. Штрассер ждал, пока оно откроется — здесь за полшиллинга можно было купить чашку кофе с сахаром и взбитыми сливками и небольшую булочку.

Наконец кафе открылось. Заспанный официант принес ему кофе с булочкой и, как делает каждый вышколенный венский Ober, положил перед ним утреннюю газету. Отто Штрассер отхлебнул кофе, надкусил булочку, развернул газету — и увидел напечатанный во всю страницу заголовок, гласивший, что за взрывами бомб, всколыхнувшими всю Австрию, стоит «Черный фронт». Далее в статье говорилось о том, что этой ночью были арестованы все руководители этой преступной организации — семнадцать мужчин и две женщины, но что глава ее, некий доктор Отто Штрассер, к сожалению, сумел скрыться.

Штрассер был не на шутку встревожен и поражен. В этот момент он даже не смог бы найти объяснение происшедшему — разве он, главный личный враг Гитлера, не находится в Австрии, которой руководит тоже противник Гитлера, Дольфус? Зачем и, главное, для чего он и его люди станут разрушать такую Австрию, взрывая бомбы? Ведь пока жива эта Австрия, живы и они; ее жизнь или смерть — это и их жизнь и смерть. И что вообще означал весь этот скандал? Ведь все же знали, кто бросал бомбы. И по какой такой здравой причине в этом случае на антинацистский «Черный фронт» была возложена столь тяжкая вина?

В тот момент Отто Штрассер еще не знал, что рядом с ним в этом затхлом венском кафе присутствует еще один невидимый посетитель — гестапо. На самом деле возможности Гестапо уже в это время были настолько велики, что рядовому обывателю было трудно в это поверить. Все это стало очевидно год спустя, в июле 1934-го, когда в стране вспыхнул нацистский мятеж, канцлер Дольфус был убит, а после подавления мятежа оказалось, что глава венской полиции, доктор Штейнхаузль, входил в число нацистских заговорщиков. Он был осужден на длительное

заклучение, однако вторжение Гитлера в Австрию вновь вознесло его в кресло Начальника полиции Вены.

Вот так, проживая в Вене и, как он считал, находясь в полной безопасности, Отто Штрассер лишь по счастливой случайности избежал цепких рук гестапо. Человек Гитлера, Штейнхаузь, изо всех сил стремился поймать его — и чуть было не поймал. Если бы Штрассер оказался дома в день визита полиции, то тогда его бы банально похитили и перевезли через немецко-австрийскую границу, либо же продержали в тюрьме вплоть до прихода Гитлера. Но в любом случае он бы разделил судьбу своего брата. Вот, кстати, почему я все-таки думаю, что судьба по-прежнему милостива к этому человеку. Иначе как объяснить тот факт, что он в последний миг уклонялся от сокрушительных жерновов обрушившегося на него молоха?

Но в то утро Отто Штрассер даже не догадывался об этом. Случившееся настолько потрясло его, что он инстинктивно понял — его жизнь в опасности. Он никак не мог прийти в себя и спокойно поразмыслить над тем, что произошло, однако внутренний голос говорил ему: «Уходи отсюда, уходи и как можно быстрее». Но как это сделать? У него не было денег, в Вене он практически никого не знал. Его немногочисленные знакомые были арестованы прошедшей ночью. В кармане у него лежало только пятьдесят грошей.

Он думал и думал и наконец ухватился за одну идею, которая подарила ему хрупкую надежду. В Вене был один человек, которого он хоть немного знал — человек, у которого работала секретарем кузина Штрассера, журналист-еврей, состоявший в штате издательства «Ульштейн».

Штрассер направился в контору этого человека. Пришлось идти пешком почти через весь город, после бессонной ночи и испорченного завтрака. Придя туда и назвавшись чужим именем, он добился желанной встречи.

Человек, сидевший за столом, поднял глаза, и его лицо мгновенно отразило смешанное чувство ужаса и удивления. Он резко встал и вытянул вперед руки, словно пытаясь оградить себя от какого-то ужасного призрака. После чего сказал: «Уходите, уходите отсюда сейчас же». «Мне нужно сто шиллингов, и я не уйду, пока вы не дадите мне их», — ответил Штрассер, «Но это же шантаж, — запротестовал испуганный и одновременно возбужденный человек. — Полиция охотится за вами. Уходите». «Мне нужно сто шиллингов, чтобы добраться до Праги, — сказал Штрассер, — и если вы не дадите мне их, то я останусь тут, и меня арестуют у вас в конторе. А потом арестуют и вас».

Несмотря на обуявший журналиста страх, вспоминает Штрассер, этот еврей быстренько вспомнил, что билет до

Праги стоит 69 шиллингов, о чем тут же и заявил Штрассеру. «Но мне же нужно что-то на такси и на еду», — возражал тот. «Вот, — сказал этот человек, — вот, возьмите и уходите. Быстро». Штрассер взял сто шиллингов и сказал: «Я напишу вам расписку». Журналист умоляюще поднял руки: «Нет, нет, мне не надо расписки». — «Тогда я пришлю вам деньги из Праги». — «Делайте что хотите, посылайте их, не посылайте, но только уходите отсюда, и побыстрее. И не надо мне никакой расписки. Ну уходите, уходите же!»

Штрассера буквально вытолкали за дверь, и он снова оказался на улице. Оказалось, что он вовсе не свободный человек в свободной стране, как он ранее думал. Он снова был беглецом, хотя в данный момент еще не мог понять почему. Он знал одно: ему нужно спастись бегством, и как можно скорее. Теперь для этого у него были деньги. Он направился в сторону Ринга{52}, однако вспомнил, что у него нет никакой одежды кроме той, которая была на нем. Все остальное осталось на квартире. Он решил взять такси и съездить туда. Если, подумал Штрассер, он увидит там что-то

подозрительное, то просто проедет мимо. Если же нет, то зайдет в дом и посмотрит, можно ли как-то выволить его одежду.

Вокруг дома было тихо. Он остановил такси, вошел в подъезд и нервно постучал в дверь квартирki, где обитал привратник. Хозяин вышел наружу, с удивлением воззрился на Штрассера и сказал: «Но, господин доктор Штрассер!» «Что значит — доктор Штрассер?» — спросил тот. «Ну... вы же доктор Штрассер», — ответил мужчина. «Да, и что дальше?» — спросил Штрассер. Привратник заговорщицки улыбнулся. «Не бойтесь, господин доктор, — сказал он. — Я социалист. Я уже забрал ваши вещи и уложил их в чемодан. Полицейские снова приходили сюда, и я сказал им, что вы уехали. Они оставили дверь в квартиру открытой, и я взял ваши вещи на всякий случай... вдруг вы вернетесь. Но вам лучше туда не ходить».

Оставалось решить всего одну проблему, но весьма серьезную — как выбраться из Австрии. К тому моменту Штрассер уже знал, что полиция знает, что он проживал под именем Мюллера, а потому на все погранпосты был отправлен приказ искать человека с такими паспортными данными. Лучше всего, подумал он, попробовать уехать с помощью... трамвая.

В те дни в центре Вены, буквально рядом с центральной улицей располагался своего рода трамвайный вокзал. Оттуда, прямо вдоль центральной улицы, уходили трамваи на Братиславу. Дорога занимала два часа. Раньше Братислава называлась Прессбург и была для Вены чем-то вроде Виндзора для Лондона. Однако то было во времена Австро-Венгерской империи. Теперь же Прессбург носил название Братиславы и находился уже прямо за границей, в Чехословакии. Но трамвай по-прежнему ходил туда. По-прежнему люди говорили, что он «идет в Прессбург», трамваи бегали по расписанию, и за его пассажирами никакого присмотра практически не было. Многие люди ездили в оба конца каждый день, так что паспорта на границе проверяли далеко не всегда.

Это был единственный шанс. И Отто Штрассер воспользовался им. Со своим чемоданом он прогулялся по Рингу и сел в трамвай. Через два часа он уже был в Братиславе, на чехословацкой земле. В очередной раз он избавился от погони. Он снова был свободным человеком в свободной стране. Его даже не попросили показать паспорт.

И снова ему пришлось заново начинать «войну одиночки». Он поехал в Прагу. У Штрассера было своего богатство — хорошие друзья, как в самой Германии, так и за ее пределами. Они помогали ему, чем могли — иногда деньгами, иногда — другими путями, в частности, по очень важному вопросу обеспечения фальшивыми паспортами. На этот раз он воспользовался паспортом одного своего сторонника, проживавшего в Германии, чье лицо и фигура практически соответствовали внешности Штрассера. Этот человек заменил свою фотографию фото Штрассера. К сожалению, на ней Штрассер был запечатлен в униформе штурмовиков, что в настоящей ситуации было нежелательно. Поэтому черная рубашка была заретуширована, а поверх нее нарисовали белый воротничок и черный галстук. Затем фотограф переснял подправленное изображение, а другой специалист аккуратно вклеил фото Штрассера на место старой фотографии владельца паспорта.

Возобновив в Праге деятельность «Черного фронта» (Штрассер трудился в конторе одного своего приятеля), Отто поселился в семье совершенно обычного почтальона. Несмотря на потрясение, пережитое в Вене, в Праге он себя ощущал в абсолютной безопасности, ибо настроения чехов были вполне определенные. Среди них не было поклонников Гитлера, и было

невозможно представить, что глава пражской полиции или даже какой-нибудь последний посыльный — нацистский агент.

В такой вот иллюзорной безопасности Штрассер прожил пять месяцев. Утром 25 ноября 1933 года, когда он еще лежал в постели, дверь в его комнату открылась и в ней показалась его хозяйка. Тучная женщина была напугана и еле дышала. «Полиция», — только и смогла выговорить она — ее буквально толкали перед собой двое чешских полицейских с револьверами наготове. Они обрушили на Штрассера какую-то длинную и суровую тираду на чешском. Штрассер попросил их говорить по-немецки, после чего они спросили его, не он ли герр Мюллер (имя, под которым он жил в Вене). Штрассер ответил отрицательно, и тогда они попросили его паспорт.

По счастью, его очередной новый паспорт был уже у него. Он был выдан уже после прихода Гитлера к власти, так что на его страницах уже красовалась свастика. Все это окончательно сбило с толку полицейских, которые долго говорили о том, что герр Мюллер должен жить тут... После чего они, наконец, в недоумении удалились, ворча и ругаясь. Хозяйка Штрассера, женщина внушительных габаритов, снова, затаив дыхание, вплыла в комнату и на забавном немецком сказала: «На улице еще два полицейских, с пистолетом, на большой автомобиль, все очень сердитый».

На этот раз Штрассер скорее недоумевал — ведь по приезде в Прагу он незамедлительно известил о себе власти, сообщив все данные и, конечно же, новое имя, под которым он жил. И раз они обо всем знали, то, подумал он, может быть, произошла какая-то ошибка с адресом. И завалился спать. Ни один чешский полицейский, думал он, не захочет доставить его пред очи Гитлера.

Чуть позже он прогулялся до главного полицейского управления, чтобы узнать у главы полиции, почему его подчиненные совершили такую ошибку. Прослушав его рассказ, полицейский чин тут же ответил, что все это более чем загадочно, потому что у пражской полиции нет автомобилей и, соответственно, она их не использует. Дальнейшее расследование выявило, что об этом визите в полиции никто ничего не знал. Тогда же стало известно, что автомобиль, поджидавший на улице, с четырьмя мнимыми полицейскими из Отдела расследования преступлений, был с немецким номером — IIA из Мюнхена. Также выяснилось, что два человека, ожидавших снаружи дома, разговаривали с двумя вышедшими по-немецки, что один из них держал в руке кляп или кусок ваты, пропитанной хлороформом, который он с досадой бросил на землю, когда выяснилось, что никого из дома не вывели. Эту вату нашли в урне.

На этот раз гестапо навестило Штрассера прямо в кровати и помахало револьвером перед самым носом.

Все эти события складывались примерно в такую картину: кто-то заметил Отто Штрассера и проследовал за ним до самого дома. Этот «кто-то» знал его и знал, что в Вене он жил под именем Мюллера, и именно этот человек сообщил о нем гестапо. Тогда эта контора и запланировало дежурное похищение через границу, однако ей потребовался человек, бегло говорящий по-чешски, который мог бы выдать себя за полицейского-чеха. С этой целью они использовали судетских немцев, живших в районе со смешанным населением.

Эти люди хорошо говорили по-чешски — но они не знали Штрассера в лицо. Возможность, что на этот раз у него уже будет новый паспорт на другое имя, даже не рассматривалась, поэтому мнимые агенты были совершенно сбиты со следа, увидев этот самый новый и явно «настоящий» национал-социалистский немецкий паспорт. Они решили, что информатор все-таки ошибся.

Это дело произвело заметный шум в Праге. Впервые в 1933 году чехи поняли, насколько близок и дерзок враг — их враг. Были предприняты строгие меры предосторожности, чтобы предотвратить подобные ситуации. Но исполнение этих мер ограничилось только Прагой, и из-за этого второй, не менее замысловатый удар гестапо по Штрассеру и его людям имел уже кровавый конец. Об этом я расскажу ниже.

Вскоре после описанных событий с Отто Штрассером случилось еще одно знаменательное происшествие, которое, по сути, не завершилось и сегодня и которое, возможно, связано с загадочным взрывом бомбы, прогремевшим в Мюнхене уже после начала этой войны.

В конце 1934 года, вскоре после попытки похищения чешскими псевдополицейскими Штрассера на пражской улице его окликнул некий человек, в котором Отто с удивлением признал Константина, на протяжении многих лет бывшего членом «Черного фронта».

— Слушай, и как же тебе удалось избежать концлагеря? Ведь тебя отправили туда! — спросил Штрассер.

— Они предложили мне десять тысяч марок и высокий пост в СА, если я смогу убить тебя, — отвечал Константин, Протягивая ему внушительного объема пузырек. — Здесь яд.

Отто Штрассер рассказывает, что Константин, которого он считал надежным человеком, на тот момент был явно подшофе, а потому он усомнился, понимает ли этот человек то, что говорит. Чтобы разобраться до конца, он направился вместе с Константином в управление политической полиции Праги, с сотрудниками которой со времени последнего происшествия он находился в достаточно тесных отношениях. Они передали содержимое флакона на экспертизу. «Это была синильная кислота, — говорит он, — причем в количестве достаточном, чтобы отравить целый полк».

Тогда Константин рассказал ему, что в гестапо сказали, что Штрассер обязательно пригласит его пообедать вместе и что тогда-то он и должен подлить яд в кофе или бокал с пивом. «И я подумал, что лучше будет, если я соглашусь поехать в Прагу, чтобы увидеть тебя. Я полагал, что ты придумаешь, как нам выбраться из этой ситуации — мне же нужно будет придумать правдоподобное объяснение, почему я вернулся, не убив тебя».

Такое объяснение организовали быстро. Константину вернули флакон, а заодно вручили документ, в котором ему предписывалось покинуть Чехословакию, причем из формулировки следовало, что он был задержан на границе и ни в какой Праге, понятное дело, не был. С этой бумагой он поехал обратно, но, начиная с того дня и до сего момента Отто Штрассер более о нем ничего не слышал.

Тем не менее, продолжение последовало, причем довольно странное. Бывший заключенный концлагеря Ораниенбург (ныне это Франция) видел в ноябре 1939 года в одной из газет фотографии (авторство — гестапо) некоего загадочного человека «Георга Эльзера», который, как считалось, заложил бомбу в мюнхенском пивном зале «Бюргербраукеллер». Гестапо утверждало, что на этот раз данный персонаж выступил оружием в руках Отто Штрассера и британских спецслужб. Этот человек сказал, что на фотографиях в «Георге Эльзере» он узнал того самого Константина, с которым он был в Ораниенбурге. Он сказал, что Константин входил в число тех заключенных, к которым в лагере относились крайне хорошо. Однажды Константин сказал ему, что в Ораниенбург его отправило гестапо в качестве наказания за невыполненное важное задание. В рамках этого задания — сообщил Константин своему сокамернику — он должен был поехать в Прагу, войти в доверие к Штрассеру и разузнать, какие связи были у последнего в правительстве Чехословакии.

Если все это правда, то человек, назвавшийся Георгом Эльзером, не кто иной, как тот самый приехавший в Прагу Константин, а передача Штрассеру яда была лишь очередной уловкой, направленной на то, чтобы облегчить ему доступ в ближний круг Отто. И если это так, то «Георг Эльзер» уже засвечен как агент гестапо. К сожалению, сейчас нет возможности целиком проследить всю эту цепочку. Недостающее звено состоит в следующем: Отто Штрассер либо не узнает, либо не покажет, что узнал Константина в образе «Георга Эльзера». «Я не могу разглядеть на этом фото Константина, — говорит он, — поэтому нельзя говорить о совпадении. У меня такое впечатление, что либо человек на фотографии загримирован — ему могли, например, надеть парик, — либо эти фото подретушированы. Я здесь никого не узнаю, но ведь от гестапо можно ожидать чего угодно».

В жизни Отто Штрассера был еще один странный момент, который уже имел продолжение. Впрочем, я уверен, что вся эта история еще не закончилась.

Находясь в Праге, Отто Штрассер продолжал упорно трудиться в рамках своей антигитлеровской кампании. В его энергию просто невозможно поверить. В эти насыщенные событиями годы он каким-то образом смог выкроить время, чтобы написать несколько книг, о которых я скажу ниже. Некоторые весьма интересны, и я удивляюсь, отчего до сих пор их не перевели на английский язык. И все это время он, не переставая, издавал небольшие антигитлеровские газеты, печатал памфлеты и листовки. Из Чехословакии (как до этого из Австрии) они в огромных количествах тайно провозились на территорию рейха его сторонниками. Эти отчаянные люди использовали самые изощренные методы, постоянно рисковали своей жизнью, а порой и теряли ее, ибо единственной «оплатой» их труда была надежда на победу над Гитлером.

Коренные немцы, немцы Судет и даже чехи помогали ему в этой борьбе. Глубокой ночью они переходили по тайным тропам границу, неся за плечами рюкзаки, набитые тысячами экземпляров антигитлеровских памфлетов, напечатанных на папиросной бумаге, уже запакованных в конверты с наклеенными немецкими марками. Их оставалось только бросить в почтовый ящик. Когда они приезжали в Дрезден или Лейпциг, они оставляли свой груз где-нибудь на почте, покупали взамен марки для следующей партии и возвращались назад^{53}.

Однажды в руки Отто Штрассера попал конверт Немецкой медицинской ассоциации. Он изготовил в Праге 50 000 точно таких же конвертов. Он вложил в них листовки и, не заклеив даже клапан, разослал их по Германии как рекламу! В другой раз ему попался бланк Ассоциации немецких юристов, который он точно таким же образом и воспроизвел. Можно представить, какой удар хватил членов этой прогитлеровской организации, когда они узнали, что за литература распространяется на их фирменных бланках по территории всей страны.

В своей войне одиночки Отто Штрассер использовал еще вот какой метод. Опять же нелегально он переправлял в Германию своим сторонникам миллионы самоклеящихся наклеек, по размерам чуть больше марки, которые можно было приклеить за считанные секунды. На них был изображен символ «Черного фронта», меч и молот, а также надписи вроде ««Черный фронт» прогонит Гитлера». Подобные наклейки распространялись по всей Германии — их клеили на двери, стены, окна, в поездах, трамваях, на тротуарах, рекламных щитах, отделениях национал-социалистической партии, штаб-квартирах чернорубашечников, на казармах и т. д. Достаточно было положить наклейку на ладонь и чуть-чуть прижать ее к нужному месту, просто проходя

мимо, так что поймать таких расклейщиков было практически невозможно. Подобные наклейки могли появиться в самых неожиданных местах — например, на столах нацистских лидеров и т. п.

В начале марта 1934 года над Штрассером вновь нависла мрачная тень гестапо. Он читал лекцию о национал-социализме в Пражском университете (об этом широко сообщалось в газетах), а на следующий день его посетил некий, весьма прилично одетый голландец, представившийся г-ном Франком. На ломаном немецком, перемежая свою речь голландскими и английскими словами, он выразил свое восхищение лекцией и предложил Штрассеру от имени «одной американской антинацистской организации», которую он, правда, не назвал, финансовую поддержку. Этого господина сопровождал — и это еще один весьма интересный пример изобретательности сотрудников гестапо — один пражский адвокат, еврей по происхождению, доктор Сундсо, с сестрой которого он якобы был помолвлен. Использование гестапо агентов-евреев в этой темной истории — отдельный момент, причем из числа самых интересных.

Не выдвигая никаких условий, господин Франк предложил оплачивать издание пяти тысяч экземпляров каждого выпуска штрассеровского еженедельника, который переправлялся на территорию Германии вышеописанными методами. В знак симпатии делу Штрассера, сказал господин Франк, он будет оплачивать его на протяжении трех месяцев. Искренность его симпатии должно было подчеркнуть присутствие друга-еврея. Деньги пришедший был готов дать прямо сейчас. (К концу этой встречи Отто Штрассер стал богаче на 60 000 чешских крон, взятых из резерва гестапо. Все они пошли на расширение потоков антигитлеровской пропаганды, направляемой через границу. Об этом Штрассер всегда вспоминал с удовольствием.)

По истечении трех месяцев г-н Франк снова появился в Праге. На этот раз он стал настоятельно приглашать Штрассера приехать в середине июня 1934-го в Париж, чтобы там встретиться с «шефом» Франка. Тем временем Штрассер навел справки своих знакомых в пражской полиции насчет господина Франка и его адвоката-еврея. Ему сказали, что о Франке никакой информации найти не удалось, за исключением того, что у него вполне нормальный британский паспорт. Иудейское вероисповедание его компаньона, доктора Сундсо, свидетельствовало вроде бы в пользу добропорядочности г-на Франка.

С такой информацией Штрассер отправился в Париж, где встретился с г-ном Франком, который сообщил ему, что его «шеф», к сожалению, должен был отъехать в Саарбрюкен (в то время территория Саара не была присоединена к Германии), чтобы встретиться с Конрадом Гейденом (писатель антигитлеровской направленности){54}, и что он ждет Штрассера там. Все это казалось очень правдоподобным, потому что Гейден жил именно там и начальник антигитлеровского движения вполне мог захотеть встретиться с ним.

В итоге Штрассер согласился поехать в Саарбрюкен, однако он не сообщил г-ну Франку, что сам он знает Конрада Гейдена весьма хорошо. Приехав туда, он пришел к писателю и узнал, что тот ничего не слышал ни о г-не Франке, ни об антигитлеровской организации, ни о ее «шефе». Штрассер, однако, пошел на запланированную встречу с Франком, но, уже что-то заподозрив, он стал более осмотрителен. И не напрасно. Он увидел, что перед входом в отель бродит десятка три агентов СС — их его наметанный глаз сразу же распознал среди толпы по высоким ботинкам, характерному «боевому» виду и общей манере поведения. Еще более его встревожила манера поведения г-на Франка — он был крайне взволнован, сильно нервничал и постоянно выбегал из комнаты «позвонить», хотя в комнате стоял телефонный аппарат. В этот миг Штрассера осенило, что граница-то с Германией находится всего в десяти минутах езды отсюда, и он решил, что для

него красоты Саарбрюкена должны сыграть такую же важную роль, как и в предыдущем случае красоты Австрии.

Нужно было срочно найти выход из этой западни. Сказав г-ну Франку, что он охотно подождет встречи с «шефом», который так еще и не подошел, Штрассер пояснил, что сначала он должен отложить одну заранее назначенную встречу. После этого он встал и вышел из комнаты, не возбудив при этом подозрений у Франка — Штрассер предусмотрительно оставил в ней свой чемодан. Затем он спокойно спустился по лестнице, прошел мимо изумленных агентов СС к выходу и уехал на такси.

Но г-н Франк был настойчив. В начале следующего месяца, то есть в июле 1934 года, он опять появился в Праге, обрушившись на Штрассера с упреками за его исчезновение из Саарбрюкена. Он тотчас же предложил ему лететь с ним на спецсамолете в Лондон, на что Штрассер, широко улыбувшись, ответил отказом. В ответ г-н Франк заявил: «Если Вы не верите мне, то я хочу, чтобы самолет повел ваш друг, доктор Хебрю».

Это был еще один пример изобретательности сотрудников гестапо. Доктор Хебрю, опытный пилот, еврей, был сыном владельца большого магазина, располагавшегося в Берлине на Лейпцигерштрассе. Он находился в Праге со статусом «беглеца от гитлеровского гнета». Там он встретил своего школьного приятеля по фамилии Франке, который Сотрудничал со Штрассером. Таким образом он и познакомился со Штрассером, который считал проводимую в гитлеровской Германии политику антисемитизма, разработанную Штрайхером и Штюрмером, и глупой, и отвратительной, хотя в Четвертом рейхе, о котором мечтал Штрассер, сохранятся, хоть и в более приличных формах, ограничительные меры, направленные против чрезмерного распространения еврейского влияния. Себя же доктор Хебрю преподнес Штрассеру как ужасно притесненную «жертву гитлеровских преследований».

Слегка поослабив бдительность, ибо на этот раз сомнениям вроде бы совсем не было места — д-р Хебрю казался вне подозрений из-за своего антигитлеризма — Штрассер тем не менее набрал номер начальника полиции, дабы расспросить его, а уж потом принять решение. Однако д-р Хебрю подслушал этот разговор, и когда полиция приехала за г-ном Франком, его уже и след простыл. Чуть позже был арестован д-р Хебрю, и вот тогда весь заговор выплыл наружу. Г-н Франк (его секретарь был арестован) оказался на самом деле Венцелем Гейндлем, руководителем гестаповского отдела по борьбе с «Черным фронтом». Похищение Штрассера в Саарбрюкене сорвалось только потому, что у жертвы вовремя проснулись подозрения.

Наиболее интересной фигурой во всей этой комбинации был доктор Хебрю, который в конце концов признался, что ему за участие в этой операции пообещали «реабилитацию в качестве арийца». На эту приманку он клюнул. Он должен был сесть за штурвал самолета, на котором полетели бы Штрассер и Франк, и совершить посадку в Германии. Чехи дали ему большой тюремный срок, однако потом он снова вернулся в ряды агентов гестапо. В последний раз его видели уже в Копенгагене.

Симпатия, на которую подобный тип людей может претендовать (и которую он обычно получает, будучи евреем), ставит его в ряд наиболее опасных агентов гестапо. Штрассер, как это ни странно звучит, не испытывал по отношению к нему злобы. Однако неприязнь Штрассера не вполне ясна для меня. Хотя он ведет войну против Гитлера, его он ненавидит меньше, чем Геринга, которого он считает убийцей своего брата, Гейдриха, этого блондинистого помощника Генриха Гимmlера,

который, как он полагает, и нажал на спусковой крючок, а также Геббельса, в котором он видит предателя, ответственного за поражение Штрассеров в борьбе за национал-социалистическую партию.

Однако в результате всего этого гестапо, в очередной раз сомкнувшее было пальцы вокруг шеи Штрассера, позволило ему ускользнуть сквозь пальцы, так что сегодня он просто тихо радуется, вспоминая о полученных от гитлеровцев 60 000 крон.

Теперь же настала очередь самого драматического из всех актов этой борьбы одного человека против государства. Эта история заслуживает отдельного рассказа или даже отдельной пьесы.

Представьте себе: уединенный отель, вблизи протекает река. Одинокий изгнанник, сражающийся против человека, который объявил его вне закона. Мстители, зажавшие в руках револьверы. Приманка в образе прекрасной блондинки — невероятно, но факт: она была блондинкой, и она была красива! Ловушка, перестрелка, умирающая блондинка и умирающий изгнанник. Удивленный, сильно напуганный хозяин отеля. Отпечатки следов поспешно убегающего стрелка. Потехи крови блондинки на берегу реки. Шум мотора отъехавшего автомобиля. Бросок через границу.

Ну разве можно во все это поверить? Ведь это так пошло. И, тем не менее — все было именно так, фантазия стала реальностью в рамках этой безумной одиссеи. Моя книга имеет право на существование хотя бы из-за одной этой истории! Пусть даже я больше ничего здесь не написал. Едва услышав ее, я тут же занес ее в блокнот. Честно говоря, я даже не понимаю, зачем кто-то покупает в магазинах детективы и жадно глотает их, когда жизнь вокруг нас предлагает такие сюжеты. Верите или нет, но я знавал одного писателя, причем очень неплохого, который как-то раз получил заказ на серию коротких рассказов для какого-то журнала, крайне популярного среди простых англичан. И хотя ему в тот момент очень нужны были деньги, он, тем не менее, отослал договор в издательство, ибо его рассказы должны были соответствовать следующему стандарту (а вот этого-то он уже просто вынести не мог): «Это должны быть привлекательные, приятные люди; в рассказе должно быть много действия; они должны повествовать о страсти, но без сексуальных сцен; все должно происходить на фоне столичной жизни; и помните, что этот журнал читают в Итоне и Хэрроу».

А вы бы справились с этим? И что же это будет за рассказ, если писать его по такому стандарту? Думаю, что-нибудь такое: кастрированный Дон Жуан несется по Пикадилли в спортивной машине, на шее у него старый школьный галстук, а рядом — шикарная девица. И это в мире, в котором происходят случаи подобные тому, о котором я сейчас расскажу! Послушайте же рассказ о событиях в Захоржи — кажется, я правильно назвал это место. Да, Захоржи.

Осенью 1934 года, когда г-н Франк уже выбыл из игры, появилась газета Штрассера — «Тайный передатчик». Кроме того, он тайно соорудил и настоящий секретный передатчик.

Сегодня, когда мы находимся в состоянии войны, подобные методы используются всеми и каждым. Правительства тратят на это дело миллионы. Каждую ночь десятки радиостанций начинают свои передачи, рассказывая о преступлениях Гитлера. И тысячи простых немцев охотно слушают их.

Когда я был в Париже и разговаривал со Штрассером, делясь своими планами по поводу этой книги, то каждую ночь в эфир выходила некая передача под названием Die Freiheitssender — Передатчик свободы. Эта явная фальшивка якобы вещала с территории Германии. И каждую ночь кто-то рассказывал о том, что гестапо вот-вот схватит его, но... наступало утро и, независимо от того, что делало гестапо, этот некто обнаруживался то в Кельне, то в Гамбурге, то в Бреслау или

еще где-нибудь. И конечно, если человек никогда не был в Германии, то он, будучи достаточно доверчив, легко верил в эту клюкву. Для тех же, кто знает, что такое Германия и как работает гестапо, подобные рассказы просто кажутся смешотворными. Когда я был в Париже, то Радио Свобода вещало из Парижа. Как же, должно быть, в свою очередь смеялись немцы, слушая передачи этого радио...

Но для одного человека, без денег, друзей, человека, за которым постоянно охотились, построить и наладить работу тайной радиостанции, причем в нескольких километрах от границы с рейхом — это, если хотите, был настоящий подвиг. Это была первая тайная радиостанция, и единственная, пожалуй, которая в полной мере заслуживает этого названия. Ибо ее работу направляли люди, рискующие своей жизнью. И один из них потерял ее — в отличие от космополитичных шутов, вещающих из теплых офисов откуда-то за тридевять земель.

Это было самое большое достижение Отто Штрассера в его донкихотской войне против Гитлера. Конечно, сделал все это он не в одиночку. Все это стало возможным благодаря знаниям и умению другого храброго человека, Рудольфа Формиса, его близкого друга и одного из лучших радиоинженеров Германии.

Формис, этот невысокий, но бесстрашный человек, сделал блестящую карьеру во время действий Германии на территории Палестины в 1914–1918 годах. Он получил свидетельство за постройку первого беспроводного приемника в Германии. Формис также был автором многих изобретений, используемых немецкой радиопромышленностью сегодня — в частности, в области коротковолнового радио.

Его исключительные способности вознесли его на очень высокую должность в иерархии германского радио — он был главным инженером радио Штутгарта. На этом посту он повел себя весьма смело, так что его имя прогремело по всей Германии. Будучи одним из первых членов «Черного фронта», он открыто продемонстрировал свое неуважение к Гитлеру — когда Гитлер стал канцлером, Формис отрезал кабель во время трансляции его речи в Штутгарте. Гестапо буквально стояло на ушах после этого случая, однако виновный так и не был найден. Однако когда во время трансляций речей Гитлера из Штутгарта произошла уже целая серия «технических неполадок», Формиса уволили, а затем и арестовали. Однако ему повезло, и он спасся, и тут уже началась его безумная Одиссея. Она привела его через Австрию, Турцию и Венгрию в Прагу, к его другу Отто Штрассеру. Рудольф Формис, по-моему, это тот тип немца, который должен стоять у руля Германии. И тогда все будет в порядке.

Результатом встречи старых друзей в Праге стал следующий факт. Осенью 1934 года глава гестапо Генрих Гиммлер и его заместитель Гейдрих, внешне смазливый хладнокровный убийца и душегуб, собрали совещание высших офицеров гестапо, на котором сказали, что передатчик «Черного фронта», который уже долгое время внушает миллионам одурманенных немцев ненависть к Гитлеру, нужно во что бы то ни стало найти и уничтожить.

Это была работа Формиса. Именно он предложил Штрассеру идею ведения радиовойны против Гитлера, и именно он составил ее детальный план. Главным препятствием здесь были, как всегда, деньги. «Черный фронт» был сугубо немецкой организацией, в ней не было обычных для того времени, то бишь еврейских, источников финансирования, которые открыты для всех остальных, международных антигитлеровских организаций. Но каким-то образом, несмотря на контроль немецких властей, этим двум людям удалось получить средства от своих друзей в Германии, и работа началась.

Самым важным делом был выбор места для установки передатчика. Оно должно было удовлетворять требованиям, предъявляемым к трансляции, и одновременно — тайным. То есть недоступным ни для чешских властей, ни для гестапо. Наконец Штрассер и Формис нашли уединенный отель в 60 километрах к юго-западу от Праги. Находился он на берегу реки Влтавы (эта красивая река протекает и по Праге) и назывался очень просто — Захори, то есть «За горами». Это было идеальное место. Хозяин отеля не очень-то задумывался о том, чем занимаются его новые постояльцы, надолго снявшие номера. Он был просто добрым чешским патриотом; потом он погибнет. А пока стояла осень, жильцы разъехались, в долине становилось прохладно. Место было по-настоящему уединенным; точнее говоря, это была смертельная уединенность, которая казалась идеальной.

И вот в этом изолированном месте немецкий офицер, патриот и враг Гитлера Рудольф Формис построил свой тайный передатчик. Он был настоящим чудом техники (в этом меня уверяли эксперты) и сегодня является — по крайней мере, являлся до тех пор, пока гитлеровцы не вошли в Прагу и я уехал из города — одним из центральных экспонатов в Чешском музее почты. Это и правда была своего рода новинка. Три раза в день, в три сеанса продолжительностью час каждый, этот передатчик посылал в эфир новости от «Черного фронта». Антенна была направлена в сторону Германии. Сам передатчик помещался между стропилами чердака отеля; в спальню Формиса выходил только микрофон. Он мог лежать в постели и делиться своими мыслями с единомышленниками, находящимися в Германии.

Но, даже проделав все это, ни Штрассер, ни Формис не забывали о том, какой опасности они подвергаются. Они отнюдь не тешили себя байками о якобы полной безопасности. Они понимали, что на кону стоит их жизнь. И тем не менее — гестапо нашло их и тут, после чего нанесло удар. Виной этому, говорит Штрассер, стал хронический финансовый голод, который донимал их и мешал на каждом шагу. Формис был вооружен, а когда позволяли обстоятельства, то к нему приезжал, также вооруженный, его напарник. Однако подобное бывало редко — Штрассеру приходилось в основном жить в Праге.

Штрассер уверен, что, будь рядом второй человек с оружием, он бы спас Формиса. Я, правда, полагаю, что если бы даже там и был второй человек, то вряд ли ему удалось бы спасти Формиса. Ох уж эти фигуристые блондинки!.. Впрочем, возможно, я и заблуждаюсь. По крайней мере, как я думаю, по второму вопросу. Чего уж там...

16 января 1935 года Штрассер был в Захори и видел Формиса в последний раз. Он привез ему новые пластинки с записями обращений к немецкому народу; эти пластинки каждый месяц записывали заново.

Он спросил Формиса, не заметил ли тот чего-нибудь подозрительного. Формис ответил, что накануне, 15 января, здесь появлялась парочка из Германии. Судя по всему, любовники. Мужчину звали Ганс Мюллер, он был предпринимателем из Килия, а женщину, исключительно красивую блондинку и по совместительству преподавательницу физкультуры из Берлина, звали Эдит Керсбах[55].

Штрассер тут же сказал Формису, что все это ему очень не нравится. Он посоветовал ему попросить хозяина гостиницы вызвать полицию, чтобы та проверила у них документы и последила за ними. Однако Формис отвечал, что, по его мнению, это «хорошие, нормальные люди».

Вообразите только — «хорошие, нормальные люди». Странно не то, что человек, повидавший мир, воевавший в Палестине, знавший женщин не только Германии, но и других стран, человек, который знает, что гестапо наступает ему на пятки и что пощады не будет, странно то, что такой человек был мгновенно ослеплен и потерял всякую предосторожность и осмотрительность, увидев какую-то заурядную блондинку, которая, сначала, проходя мимо, многообещающе улыбнулась ему, потом — на мгновение, как бы случайно, коснулась его рукой, а потом все так же походя, коснулась его бедром. При этом в глубине души она была хладнокровной убийцей. Она должна была убить человека, которого до этого ни разу не видела. И она говорила тому, другому: «Вот он, давай же, убей его». Возможно, конечно, что все это делалось потому, что она любила кого-то третьего, мерзавка. Но, к счастью, она поплатилась за содеянное.

Не сказал Формис Штрассеру и о том, что накануне она сделала вид, что немного дуется на своего любовника. Подойдя к Формису и обняв его, она сказала: «Давайте сфотографируемся вместе. Пусть этот злюка поревнует меня». Может быть, Формис уже забыл об этом, а может, он думал, что это не важно. Возможно, он просто не хотел, чтобы Штрассер подумал, что он засматривается на эту блондинку (она и вправду была хороша). На фото Формис и блондинка держатся за руки. Их сфотографировал вежливый, веселый официант, и уже на следующий день, как было впоследствии установлено, ревнивый Ганс Мюллер вылетел с фотографией в Берлин, чтобы удостовериться в том, что Формис — именно тот, кто им нужен. В гестапо сверили фото и сказали: «Да, это тот человек, которого мы ищем. Давайте, забирайте его».

(Возможно, вы удивитесь, откуда гестапо узнало, куда ехать и где искать. Все просто. Им об этом сказал старый знакомец, доктор Хебрю, которому была обещана «реабилитация в качестве арийца».)

И вот теперь гестаповец Ганс Мюллер в сопровождении еще одного сотрудника гестапо — в его паспорте значилось имя Герхард Шуберт — вернулись самолетом в Прагу и там, прихватив для компании прекрасную Эдит, эта тройка — впоследствии это также было установлено — оттягивалась в пражских барах и, в общем-то, не напрасно, потому что для Эдит веселая жизнь скоро закончится навсегда. 21 января они заночевали в Стеховице, неподалеку от Захори. В этом местечке они отремонтировали свой «мерседес», после чего двинулись в дальнейший путь.

23 января Эдит со своим Гансом Мюллером вернулась в Захори. Хозяин гостиницы и Рудольф Формис встретили их сдержанно и даже настороженно. Последний — потому, что его обеспокоил разговор со Штрассером. Хотя, как выяснилось потом, в недостаточной степени.

Но было поздно. Ни в отеле, ни у местной полиции телефона не было, так что рекомендованную Штрассером проверку провести в этот день не представлялось возможным. Да и, собою она, результат был бы нулевой — паспорта у всех троих были сделаны на совесть.

Более того, Ганс Мюллер страшно устал и у него ужасно болела голова, а потому он сразу ушел спать. Спальня Мюллера и Эдит находилась на втором этаже. Комната Формиса располагалась через две двери от нее.

Формис с Эдит остались в *Gastzimmer*, гостиной. Они просидели там полтора часа после того, как Мюллер пошел спать. На этот раз Эдит отвела душу по полной, рассказав о своей безнадежной любви и грубости своего любовника.

Она еще не знала, что скоро умрет, а потому эта шлюха сыграла свою роль просто великолепно. Неумелое похлопывание по руке; случайное прикосновение; томный взгляд... В половине десятого вечера, когда хозяин отеля со своим семейством направился в дальнее крыло здания по своим спальням, Формис и Эдит сидели и беседовали, словно закадычные друзья.

Тем не менее, я думаю, что Формис мог все-таки что-то заподозрить; интуиция могла ему подсказать, что весь этот спектакль — не более чем фальшивка; но, вероятно, он принадлежал к тому типу мужчин, которые никогда в жизни не поднимут руку на женщину. Как бы то ни было, но в 10 вечера они собрались идти спать. Они встали, поднялись по лестнице и пошли по коридору. Эдит с любовником снимали комнату под номером три, а Формис — под номером семь, двумя дверями дальше, как уже говорилось.

О том, что в действительности произошло потом, знают только Ганс Мюллер и Герхард Шуберт. Они находились в комнате номер три.

Я изучил и план здания, и все те подробности, которые сегодня известны наверняка и думаю, что Эдит, держа Формиса под руку, отворила дверь своей комнаты, словно желая на пороге пожелать ему спокойной ночи, а затем попыталась втолкнуть его внутрь.

Тут Формис прозрел и отпрянул в коридор. Эдит буквально ногтями вцепилась в него и попыталась даже втащить его — глубокие следы ногтей этой кошки были обнаружены у него на запястье.

А потом... то ли ему удалось вытащить пистолет и выстрелить в нее, то ли она поймала одну из пуль, предназначенных ему... Об этом мы никогда не узнаем, если нам не расскажут Ганс Мюллер или Герхард Шуберт. А они явно не горят желанием говорить.

Как бы то ни было, но примерно в десять вечера тот самый улыбчивый официант, спавший в этот момент в цокольном этаже, был разбужен звуками пистолетных выстрелов. Он бросился наверх, но по пути столкнулся с неизвестным ему человеком. В каждой руке тот держал по револьверу. Официант упал и скатился по лестнице. Однако он успел заметить, как Ганс Мюллер тащит по коридору тело Формиса в комнату номер семь, и услышал, как кричит от страшной боли Эдит. Неизвестный мужчина (это был Шуберт) погнался официанта и появившуюся тут же горничную в ночной рубашке и папильотках вниз, в цокольный этаж, где запер их в одной из комнат. Сидя там, они слышали какие-то удары и шум, но были настолько напуганы, что даже боялись пошевелиться. Хозяин гостиницы и члены его семьи, находившиеся в дальнем крыле, не слышали и не видели того, что творилось в этот миг.

Чуть позже, когда по цокольному этажу поползли клубы черного дыма, пленники, понимая, что они скоро просто задохнутся, выломали окно, выбрались наружу и разбудили хозяина. Вдвоем они бросились сквозь весь этот кошмар к месту трагедии. В комнате номер семь они увидели на полу тело Формиса. Оно было облито бензином. Рядом стояли две пиротехнические шашки. Однако они никак не могли разгореться из-за того, что вся комната была наполнена дымом. Шашки чадили, извергали клубы дыма, но пламени не давали. Неподалеку валялся разбитый на куски микрофон, но вот сам передатчик, спрятанный на чердаке, убийцы так и не нашли.

Для уединенной и холодной долины это была весьма непривычная история. Отель, из окон которого рвутся наружу клубы дыма. Официант, бегущий по ночной дороге в ближайшую деревню. Сонный и обалдевший деревенский полицейский, спешащий той же ночной дорогой в одинокий отель. Телефонные звонки с деревенской почты в Прагу. Бесконечное ожидание, пока найдут кого-то из полицейских в ближайшем городе и на границе. А тем временем «Мерседес» рвал фарами темноту ночи и без всяких задержек пересек государственную границу Чехословакии. Кстати, после этого чешские пограничники стали всегда держать шлагбаумы опущенными — но только после этого...

На следующий день была найдена веревочная лестница, свисавшая из окна комнаты Эдит. Именно с ее помощью неизвестный стрелок, Герхард Шуберт, забрался внутрь отеля. В голове

убитого Формиса была найдена пуля, в груди — еще две. Было установлено, что тело облили бензином, но поджечь не сумели. На веревочной лестнице были обнаружены следы крови. Двое мужчин спускали по ней раненую Эдит. В реке, протекавшей перед этой небольшой гостиницей, они промыли ей рану — там нашли окровавленный платок.

По странному стечению обстоятельств бешено мчавшийся «Мерседес» был остановлен в городке Лобошиц около часа ночи за превышение скорости. Документы у водителя были в порядке, и машину отпустили. Полицейский по фамилии Беем говорит, что в салоне было только два человека, двое мужчин, сидевших спереди. На заднем сиденье была навалена «куча пледов и пальто». Под ними была Эдит.

Впоследствии расследование показало, что «Мерседес» пересек границу Германии между 4 и 5 часами утра. В саксонском городке Кенигсштайн мужчины отвезли Эдит в больницу. Доктора осмотрели ее и заявили, что женщину нужно срочно везти на операцию в Дрезден. По дороге туда она скончалась. (Все эти факты были установлены по тайным каналам Отто Штрассера.)

Я прошу прощения у всех настоящих проституток за то, что назвал эту женщину шлюхой. Я знаю много разных слов, но для этого создания у меня слов нет — для Эдит Керсбах, молодой, красивой, спортивной, с роскошными волосами.

Мюллер и Шуберт получили вознаграждение в размере 10 000 марок, которые гестапо назначило за голову Формиса (об этом Штрассеру сообщили его люди из Германии), попав, таким образом, на первые места списка персонажей, с кем обязательно будут сведены счеты после падения режима Гитлера.

Будет небезынтересно рассмотреть те методы, которые использовала в данной ситуации немецкая пропаганда и гестаповская машина. Точно так же, как вторжения и аннексии Гитлера всегда предварялись обширной кампанией в СМИ с жалобами на провокации, которые якобы осуществляла страна, на которую предстояло напасть (неважно, как она называлась — Австрия, Чехословакия или Польша), так и перед убийством одного человека на территории другой страны в немецких газетах сначала появлялись жалобные статьи о нетерпимости провокаций.

Страсть немца к предваряющему события самооправданию вне зависимости от того, кто будет жертвой — государство или один человек — неискоренима. Странно, что Отто Штрассер и Рудольф Формис, сами бывшие немцами и знавшие людей, которых надлежало бояться, и методику их действий, не услышали предостережения. Я говорю о тех бешеных нападках на самого Штрассера и его «невыносимый тайный передатчик», которые появились в газете *Der Arbeiter Beobachter* 12 января 1935 года, ровно за день до того, как ищейки-убийцы пересекли государственную границу в поисках Формиса!

И когда впоследствии чешские власти сообщили всю информацию о номере этого автомобиля, о том, кто там находился, и даже привели данные о персональных документах, германское правительство вежливо заявило, что оно никогда не слышало об этой машине, об этих людях, их паспортах да и вообще, обо всей этой троице. Когда же правительство Чехословакии повторило протест, оно получило ответ, что все поиски оказались безрезультатны. Не удалось найти ни следов этой машины, ни какой-либо информации о пассажирах, которые, как заявляли чехи, ехали в ней.

Однако через четыре с половиной года, когда уже началась нынешняя война и в Мюнхене была взорвана бомба, *Der Arbeiter Beobachter*, обвиняя в организации теракта Отто Штрассера и

британские разведслужбы, заявила, что его тайный передатчик «был уничтожен 26 января 1935 года двумя руководителями СС в рамках выполнения полученного приказа».

На самом деле передатчик уничтожен не был. Его конфисковала чешская полиция. В лице Формиса Штрассер потерял одного из своих самых ценных и отважных помощников, равно как и оружие против Гитлера, которое к тому моменту уже было предметом разговоров в Германии.

Несмотря на то, что гестапо в очередной раз не смогло убить Штрассера, оно, тем не менее, нанесло ему сильнейший удар. Кроме того, Формис просто был одним из самых близких друзей Штрассера. И снова ему пришлось начинать войну одиночки с самого начала. Истории с доктором Поллаком и доктором Хебрю показали ему, что доверять нельзя абсолютно никому, а убийство Формиса наглядно продемонстрировало, насколько близко подобралось к нему гестапо.

В Праге советник посольства Германии периодически запрашивал правительство Чехословакии, «когда же доктор Отто Штрассер будет допрошен по вопросу функционирования тайного радиопередатчика». Замученное подобным нажимом руководство Праги вынуждено было расплачиваться за гостеприимство, которое оно оказало беглецам от тирании Гитлера типа доктора Хебрю.

6 января 1936 года Штрассер был приговорен к четырем месяцам исправительных работ. И, хотя приговор смягчению не подлежал, он, тем не менее, подал апелляцию. Она так и не была рассмотрена, потому что, согласно чешским законам, если иск на отмену приговора подавался на каких-то действительных юридических основаниях, то приговор должен был подтвердить или отменить президент государства. При этом закон не устанавливал временной лимит для принятия этого решения, поэтому президент Эдуард Бенеш просто откладывал этот документ в папку для повторного рассмотрения каждый раз, как этот приговор попадался ему на глаза.

Штрассеру оставалось жить в Чехословакии всего два года, и он использовал их на все сто. Он продолжал выпускать свою газету до тех пор, пока находившееся под тяжелым давлением правительство Чехословакии не закрыло ее. Он продолжал вести войну листовок, переправляя их через границу. К сожалению, сейчас мы, по ряду причин, не можем рассказать о самых волнующих эпизодах этой войны одиночки — от этого могли бы пострадать люди, которые в настоящий момент еще живы. Кто-то был схвачен, предстал перед народным судом и приговорен к смерти. Кто-то был просто убит. Было спланировано и проведено множество героических акций, подсчитать которые пока невозможно.

Штрассер не щадил ни себя, ни своих сил, ни тех, кого он любил. Он использовал все это не оглядываясь, как и должен поступать настоящий мужчина. И при этом он оставался жизнерадостным другом, гражданином мира, настоящим немцем и европейцем, и еще — революционером-социалистом.

Затем были мюнхенские соглашения и британский ультиматум Чехословакии, призывавший эту страну подчиниться требованиям Германии. И снова преследователи едва не схватили Отто Штрассера. Если бы он остался в Чехословакии, то через полгода он просто попался, как мышь в мышеловку, 15 марта 1939 года, когда гитлеровские войска вошли в Прагу. Тогда бы уж точно пришлось ломать голову над тем, как выволакивать его из этой ситуации. Поэтому когда немецкая армия проглотила первый кусок Чехословакии — Судеты — он, вместе с руководителем социалистов из числа судетских немцев, Венцелем Якшем улетел из страны, пронесясь буквально над головами захватчиков.

А в покинутой им стране продолжалась трагедия Захори. Она не закончилась тогда, не завершилась она и сегодня. Жизнь Формиса была не единственной, которую она забрала. Хозяин

отеля, уже тогда сильно болевший, вскорости скончался — его свели в могилу события той январской ночи и последовавшая затем шумиха. Его жена уехала с дочерью в Прагу. Там они взяли в аренду небольшую гостиницу. Когда пришли гитлеровцы, гестапо разыскало их. Дочь, верный друг и поклонница Штрассера, была отправлена в концлагерь. А гостиницу заминировали и взорвали.

Отто Штрассер, потерявший к тому моменту почти все, поселился вместе с женой и детьми в небольшой деревушке Херрлиберг{56} возле Цюриха. До границы с Германией было буквально рукой подать. Красоты Швейцарии произвели на него сильное впечатление, и Штрассеру пришлось, в знак благодарности местным властям, значительно сократить свою войну одиночки, хотя его друзья в Германии продолжали тайком поставлять ему информацию и всякого рода сообщения. Однако эта война продолжалась, пусть и в более скромных масштабах, с территории Дании, где одному из главных помощников Штрассера удалось собрать все нити управления «Черным фронтом» и рассылать указания членам фронта, находящимся в Германии.

Находясь в Швейцарии, Отто Штрассер пытался перебраться во Францию или в Англию. Но — напрасно. Никто не хотел принимать его. «Беглецов от гитлеровского гнета» принимали и встречали с распростертыми объятиями везде. А вот для таких людей двери были закрыты. Его считали «красным», человеком, который был настроен «слишком антигитлеровски». Никто даже и не пытался рассматривать этого человека как «жертву преследований». Он и правда был жертвой, но ему и в голову не приходило заявлять о себе в таком качестве. Повторюсь, он был настоящим человеком.

Но вот началась война. Буквально через несколько недель после ее начала, 8 ноября 1939 года, когда, по традиции, «старая гвардия» национал-социалистов отмечала в мюнхенской пивной «Бюргербраукеллер» годовщину гитлеровского путча 1923 года, в зале этого заведения прогремел взрыв. То ли эта бомба была нацелена на Гитлера, то ли это была акция его же людей наподобие поджога рейхстага, акция-допинг для массового сознания немцев, которые просто не могли жить, не осознавая, что они окружены невидимыми и зловещими врагами, которые строят против них заговоры. Подобно Тартарену из Тараскона, немцы любят говорить, что «они» прячутся в темноте, выжидая момента, когда можно будет напрыгнуть на жертву{57}.

Буквально через несколько часов после этого взрыва немецкая полиция сообщила властям Швейцарии, что организатором заговора был Отто Штрассер (в заявлении Гимmlера, увидевшем свет 21 ноября, говорилось, что Георг Эльзер, человек, арестованный за участие в событиях ночи 8–9 ноября, «признался» в содеянном после шести дней упорных запирательств, а именно 14-го числа, и обвинил в преступлении Штрассера. Возможно, что Гимmlер уже 9 ноября знал, в чем Эльзер должен будет признаться шесть дней спустя.)

И по сей день это темное дело до конца не раскрыто. Немецкая тайная полиция объявила, что виновны в нем следующие персоны: Георг Эльзер, никому не известный человек, арестованный в Мюнхене; Отто Штрассер, вдохновитель этого дела и орудие «в руках британских секретных служб»; и, наконец, сами «британские секретные службы», которые, как было заявлено, отдали Штрассеру приказ организовать и осуществить этот взрыв, а также снабдили его деньгами. 9 ноября 1939 года, на следующий день после взрыва в Мюнхене, двоих сотрудников британского консульства в Голландии, Ричарда Генри Стивенса и Сигизмунда Пэйна Беста выманили к голландско-немецкой границе, где их схватили агенты гестапо и вывезли на территорию Германии. Именно Эльзер и Штрассер должны были стать главными обвиняемыми в грядущем процессе по делу о взрыве в Мюнхене. Во всяком случае, так было заявлено официально.

Изучив материалы дела о поджоге рейхстага, закончившегося откровенным фарсом, хочу привлечь внимание читателя к необычному совпадению между тем фальшивым процессом и делом о взрыве в Мюнхене, которое планирует инициировать немецкое правительство. Но состоится ли этот процесс на самом деле, мы еще увидим. В деле о поджоге рейхстага настоящим поджигателем был полувменяемый голландский безработный Ван дер Люббе{58}. Думаю, что и в этом весьма сомнительном деле настоящим подрывником является никому неизвестный Георг Эльзер. В деле о поджоге рейхстага лидер коммунистической фракции в парламенте Эрнст Тоглер был назван немецким орудием в руках злобного иностранного врага, который стремится разрушить Германию, — международного большевизма. В нашем же случае таким же немецким оружием в руках злобного иностранного врага, алчущего разрушения Германии — то есть Британии и ее секретных служб, будет Отто Штрассер. В деле о поджоге рейхстага на скамью подсудимых в качестве живых иностранных представителей того самого злобного зарубежного врага, большевизма, попали трое болгарских эмигрантов-коммунистов, которые оказались в это время в Берлине и которым отвели эту самую роль. В мюнхенском же деле роль живых представителей злобного иностранного врага, Британии, должны будут сыграть господа Стивене и Бест.

Это весьма своеобразное мирозерцание, которое любит действовать по наработанным схемам. Оно чрезвычайно изощренно до решающего момента и совершенно беспомощно после него. Подобно тому, как при убийстве Формиса Германия использовала ту же самую модель, как и при вторжении в Чехословакию, так, полагаю, и в деле о мюнхенском заговоре будет использована старая сказка о привидении.

Должен добавить, что я не верю в то, что процесс по мюнхенскому взрыву вообще когда-либо состоится. После непристойного завершения дела о поджоге рейхстага, когда один слабоумный был обезглавлен, а четверо остальных были оправданы из соображения, что мировое сообщество не заметит всей этой операции якобы антифашистской направленности («ведь мы же освободили невинных»), никаких подобных этому дел в Германии больше не было. Вместо этого был создан Народный суд, в состав которого вошли военные, представители командования штурмовиков, высшие чины тайной полиции. И теперь уже подобные дела рассматривались тайно, так что номер с публичным освобождением невинных уже не проходил. Может, это и к лучшему. Я, например, не могу поверить после всего случившегося, что немцы снова будут дружно гоготать, наблюдая постановку нового, аналогичного якобы судебного фарса.

Однако сам по себе взрыв в Мюнхене оставляет много вопросов. Отто Штрассеру с сожалением пришлось опровергнуть все сообщения о своей причастности к взрыву, который он, думаю, с удовольствием бы устроил.

Мне удалось узнать — ибо примерно в то же время я очень много общался с ним, задумав написать эту книгу — что его финансовое положение на тот момент было просто отчаянным. Никто, и менее всего британские секретные службы, выказывали беспокойство и желание помочь ему. Я также знаю, что ему неоднократно отказывали в просьбе приехать в Англию, и хотя в обоснование отказов никаких доводов чиновники не приводили, думаю, что это делалось из желания не задеть самолюбия немецкого правительства и лично фюрера, о котором наши лидеры продолжали, как и раньше, думать, что он хочет только мира. Это еще одна яркая иллюстрация состояния нашего мира и всей нашей жизни — когда такому человеку упорно не дают въехать на

территорию Англии в то время как тысячи нежелательных элементов получают разрешения, их тепло встречают и даже дают им определенные привилегии в ущерб коренному населению Британских островов.

Сам Штрассер убежден, что взрыв бомбы организовали нацисты по тем же самым мотивам, почему они подожгли рейхстаг — им нужно было дать немцам материальное доказательство существования и наличия неискоренимой злобы у того самого врага, которого они обвиняли в начале войны — Британии.

Похищение двух британских чиновников — дело также очень мутное и странное. Сам ход его разработки и исполнения один в один напоминает методы работы гестапо, как я уже показал на примере постоянных попыток схватить Штрассера и на случае с Формисом. Но здесь есть один важный момент.

Эти два человека, как сообщили наши власти, были приглашены к границе для проведения переговоров по вопросу о мире, инициаторами которых выступил ряд важных лиц или даже целой группы лиц фашистской Германии. Это настолько совпадает с уловками, направленными на то, чтобы усыпить подозрения Штрассера (например, предложения по финансовой или иной поддержке его антигитлеровской кампании), что я убежден, что все это — дело рук гестапо. Тем не менее, остается и второй, хотя и малореальный вариант — то, что предложение встретиться и переговорить о мире действительно было. Однако гестапо пронюхало об этом и расстроило встречу. В этом случае появляется следующий, крайне важный вопрос — кто был тот человек в Германии, который хотел вести переговоры о мире?

Но я не верю в эту гипотезу. Все детали прежних похищений указывают на то, что первое из моих предположений все-таки ближе к истине. В этом случае для нас не составит труда понять, кто стоит за взрывом бомбы в Мюнхене. Это было дело рук гестапо, которое смогло устроить похищение двух британцев сразу же на следующий день после события — им предстояло сыграть роль преступников.

Для Штрассера это означало лишь одно: после взрыва в Мюнхене ядовитые щупальца гестапо снова приблизились к нему. Он находился всего в нескольких километрах от немецкой границы. Война разгоралась все больше и больше. Гестапо назначило его подсудимым номер четыре, а потому требовало от Швейцарии его выдачи. Однако ему удалось (пока не могу открыть как) в этот крайне опасный момент пробить брешь в стене отказов на его просьбы уехать во Францию. Он получил разрешение на въезд и в мгновение ока оставил Швейцарию, перебравшись через еще одну границу.

Он прибыл в Париж в полной уверенности, что конец гитлеровского режима уже приближается и что потихоньку подходит время, когда он должен вернуться в Германию, чтобы построить там Четвертый рейх. Жил он в это время очень скромно, да и арсенал средств, необходимых для возобновления войны одиночки, был весьма ограничен. Однако, как и прежде, преисполнившись решимостью, он принялся за работу. Он писал, проводил переговоры, брал интервью и сам давал их, пытался уговорить других эмигрантов, в которых он видел хоть капельку веры, организовать Немецкий национальный совет — нечто вроде теневого правительства, которое придет к власти в решающий момент. Он даже находил время для личной жизни, от которой он, собственно, никогда не отказывался. Как я говорил, это был человек необычайной энергии и неизбывного энтузиазма.

Вот в таких обстоятельствах мы и встретились с ним. Он прошел безумную Одиссею — вполне соответствующую нашей ярмарке безумия{59}.

Глава 9

НЕМЕЗИДА В ТЕНИ

Весной 1939 года, находясь в своем убежище в Швейцарии, Отто Штрассер почувствовал приближение войны, о которой он говорил уже много лет. Он говорил, что эта война станет неизбежным результатом политики Гитлера, который откажется от каких-либо мер в сфере социальной, полностью погрузившись в сферу милитаристскую. Снова в его жизни настал момент, когда он чувствовал, что орудия вот-вот заговорят снова. Когда началась Первая мировая война, он был молод, он хотел быть первым на поле брани. Но постепенно война спутала все его стройные планы, он понял, что окончательно запутался и что выхода нет. К началу же Второй мировой он уже был просто изгнанником, человеком, объявленным вне закона, за голову которого была назначена определенная награда. Но он также чувствовал, что эта война даст ему возможность вернуться домой и, пусть и с запозданием, исполнить свои задумки в отношении Германии.

Поэтому весной 1939 года он решил провести аудит своей тайной организации на территории Германии. Находясь в Копенгагене, он составил и направил соответствующие инструкции своим затаившимся сторонникам, в которых говорил, что и как они должны будут делать, когда начнется война. Приказ заключался в простых словах: «Приготовиться к бою!» Вот только капитан стоял далеко на берегу, а у экипажа не было билетов...

На страницах этой книги я лишь могу намекнуть, кто из людей, остающихся в Германии, предан Отто Штрассеру, работает с ним. Мне известны их имена, я видел письма, которые они присылают ему, и я могу сказать, что настанет день (притом, что противники Германии будут достаточно грамотно вести войну), когда Гитлер и его приспешники получат весьма чувствительный пинок.

А сейчас, полагаю, настал момент, когда мне нужно показать, как работал «Черный фронт», когда угроза войны стала более чем реальной.

В Великобритании общественное мнение было введено в заблуждение вплоть до самого последнего момента. Вполне вероятно, что многие интуитивно чувствовали, что война стоит на пороге, но они не могли понять, почему так происходит, либо же не знали, что война рано или поздно, но все равно нагрянет. А происходило это все потому, что общество было сбито с толку, дезинформировано теми, в чьи обязанности входило это самое общество информировать и вести по правильному пути — я говорю о правительстве и средствах массовой информации. До самого последнего момента одна из газет с идиотским постоянством талдычила: «Войны, в которой Британия будет вынуждена принять участие, не убудет — ни в этом году, ни в следующем, ни потом. Никогда». Сегодня же лучше, по-моему, говорить, что не будет такого мирного договора, в котором будет участвовать Британия — ни в этом году, ни в следующем. Но вот об этом данная газета молчит. И еще две другие известные газеты присоединяли свои голоса к этому хору слабоумных до тех пор, пока война не постучалась в их дверь. Бал правила политика самообмана, стремление выдать желаемое за действительное.

Конечно, все это было лживо, непатриотично и крайне вредно. Люди, в обязанности которых входило кропотливое изучение политических реалий, знали или должны были знать, причем еще задолго до описываемых событий, то, как развернется история. Для того чтобы подтвердить это, я

позволю себе привести обширные извлечения из приказа по «Черному фронту», который Штрассер выпустил, находясь в изгнании. Этот приказ касается организаций, находящихся на территории Германии. До войны оставалось еще ой как много времени...

Война началась (по крайней мере, для англичан) 3 сентября 1939 года. И вот с этого самого дня и по сию минуту британцы, не знающие того, что происходит сейчас, как, впрочем, не знали они этого и раньше, ибо их дезинформировали, в недоумении пожимают плечами и говорят, что они совершенно не могут понять, к чему эта война. В начале мая 1939 года, еще за четыре месяца до начала войны, Отто Штрассер выпустил следующее обращение к своим соратникам:

«Начиная с 15 марта 1939 года [с момента вторжения в Прагу], весь ход развития событий ясно показывает, что наш давний прогноз — «Гитлер — это война» — сбывается с угрожающей быстротой. Ряд важных моментов, в частности, вопрос о поставках продовольствия, позволяет говорить, что война вряд ли начнется раньше конца лета. Возможно, она разразится чуть раньше или чуть позже, но это уже совершенно не связано с основным течением событий.

Похоже — насколько в данных обстоятельствах можно предвидеть течение этой войны, — что она будет носить оборонительный характер на Западном фронте и наступательный — на Восточном. Иначе говоря, против Франции и Англии боевые действия будут вестись только на море и в воздухе, а вот против Польши будут вестись наземные операции. Вопреки надеждам поляков, уже сегодня можно с уверенностью предположить, что действия Германии на востоке будут стремительны и успешны, а польские войска, после тяжелых боев и многочисленных потерь с обеих сторон, в течение 6–8 недель будут оттеснены за линию, которая во время Первой мировой войны на протяжении многих месяцев была линией Восточного фронта. Возможно, это удовлетворит военные и политические амбиции сегодняшнего Берлина. С другой стороны, война в воздухе может привести — для Германии — к весьма тяжелым последствиям, что повлечет за собой значительное снижение мощи и эффективности германских ВВС в целом, в то время как западные державы, используя в том числе и помощь со стороны Америки, смогут в кратчайшие сроки оправиться от понесенных потерь. Так что с окончанием польской кампании состояние немецких ВВС изменится, причем явно не в пользу Германии, и этот фактор окажет весьма серьезное влияние на грядущие события».

Последние два предложения демонстрируют одну из немногих ошибок Штрассера, которые содержались в данном документе. Он допускал — а в это, как говорят, не верил Риббентроп — что Британия и Франция незамедлительно придут на помощь Польше, из чего он делал следующий вывод: эти страны могут помочь Польше только одним путем — напасть на Германию с воздуха. Это, полагал он, нанесет серьезный удар по германским ВВС, а потому последующее развитие войны будет проходить под знаком ослабления позиций Германии в воздухе. В действительности же и Англия, и Франция, объявив войну Германии и выступив на стороне Польши, не нанесли ни одного удара с воздуха, так что по завершении польской кампании, из которой ВВС Третьего рейха вышли в целостности и сохранности, Германия оказалась в куда как лучшем положении, чем предполагал ранее Отто Штрассер.

В этом майском документе говорилось также следующее:

«Даже если Италия вступит в войну на стороне Германии, можно с уверенностью предположить, что французский и британский флот быстро обеспечит себе господствующие позиции в Средиземном море. После падения Польши начнется новый политический и военный этап. Гитлер

не сможет достичь большего, чем достиг в 1917 году Людендорф — я имею в виду столь желанный для него сепаратный мир, а потому, хочет он того или нет, но ему придется готовиться к войне с Западом. И неважно, по какому пути он пойдет — нанесет прямой удар по линии Мажино, или осуществит свою давнюю мечту и высадит десант в Англии, или атакует не напрямую, а через территории нейтральных государств севера Европы, либо же ударит со всех этих направлений. Главное здесь — это то, что после разгрома Польши (а, возможно, и Румынии) он не сможет избежать столкновения с Западом в отличие от Людендорфа, который смог избежать этого после разгрома России и Румынии. И вот это столкновение явно будет обречено на неудачу».

В отличие от Штрассера я не уверен, что Гитлер начнет великий поход на Запад. Будучи в Германии, я всегда думал, что Западный вал как раз и был построен для такого типа войны, войны, в которой Германия так и не найдет себе мощного союзника и не сможет разбить союз Англии и Франции. А потому и смысл этого проекта как раз и заключается в том, чтобы сидеть за этим Западным валом, сохраняя в целостности и сохранности свои сухопутные и военно-воздушные силы и выжидая, когда державы Запада, если захотят, начнут свой поход против Германии. Однако, думали немцы, Запад на это не решится. Скорее всего, рано или поздно они пойдут на переговоры, а следовательно, у Германии останется ее могучая, не ослабленная войной армия, так что страна, переведя дух и выдержав паузу, сможет спокойно начать новые завоевания. Возможно, конечно, что Штрассер и прав; мы это скоро увидим (даже если и не увидели к моменту выхода этой книги).

Далее Штрассер пишет:

«В этот момент [то есть между падением Польши и нападением на Запад] наша задача переходит от стадии подготовки к стадии непосредственного действия: мы должны свергнуть Гитлера с помощью внутригерманской революции. Только так мы спасем Германию. Стратегия нашей кампании, начиная с первого часа войны и до последнего мига, должна подчиняться одному принципу: «Только скорейшее низвержение Гитлера может спасти Германию от расчленения». Ибо если немецкая армия по-прежнему сильна и может вести оборонительную войну на протяжении нескольких лет, то есть шанс на то, что мы можем расстроить планы и остановить растущее желание некоторых сил разрушить Германию. Нашей самой актуальной задачей является распространение этой точки зрения, причем всеми доступными средствами, среди солдат и офицеров, членов национал-социалистической партии, всего германского народа».

Продолжая свою мысль, Отто Штрассер говорит:

«Наши тактические действия должны в некоторой степени учитывать текущие обстоятельства. Мы должны быть нацелены на следующее: создание за рубежом, причем как можно раньше, Немецкого национального совета, в который войдут представители разных политических партий, находящихся «между фашизмом и большевизмом»; подразделения «Черного фронта», находящиеся в Германии, должны объединить свои усилия с другими врагами режима, поставив перед собой общую цель — свержение его; кроме того, они должны проводить в жизнь следующий лозунг: «Ни фашизм, ни большевизм, но союз армии, рабочих и молодежи».

Наша первейшая задача — это свержение Гитлера, возможно, это может произойти между поражением Польши и его нападением на страны Запада. Мы знаем, что только сильная армия спасет нас от второго Версаля. Однако наряду с этой сохраненной армией, нашим главным оружием против излишней страсти к империалистическим завоеваниям станет создание германского социализма. Это необходимый элемент для нашего самосохранения в

постгитлеровской Германии. Это также важно и в плане решения вопроса по Австрии и Судетам. Справедливое решение, в пользу которого мы выступаем, а именно — право этих территорий на свободное самоопределение крайне положительно сыграет нам на руку, если мы изменим экономический и общественный строй в Германии. Мир будет относиться к нам подозрительно, а потому мы должны использовать следующий аргумент: «Не разделяйте Германию и не сохраняйте Пруссию, как вы делали до этого. Разделите Пруссию, но сохраните Германию». Это неизбежно повлечет за собой крах прусской административной Системы, крупных землевладений, прусской армии, а также федеральной системы во всех сферах немецкой жизни.

Мы должны быть готовы сказать «нет» требованиям Антанты, даже если из-за этого нас на некоторое время отстранят в Германии от власти. Развитие общественной ситуации в Германии и других странах в этом случае даже ускорит формирование нужной для нас атмосферы».

Я привел столь длинные выдержки из данного документа потому, что он увидел свет задолго до начала войны и что в нем весьма ясно и четко видно, насколько Отто Штрассер и его сторонники предвидели грядущие перспективы. С людьми, которые столь хорошо информированы, нужно считаться.

В подтверждение этого я приведу еще одну цитату, но уже из другого документа. Но на этот раз это уже будет не циркуляр Штрассера своим соратникам, а доклад о ситуации в Германии, подготовленный его соратниками, которые находились в рейхе, после чего тайно переданный Штрассеру за рубеж. Он в чем-то даже значимее предыдущего — благодаря точным прогнозам предстоящих событий и еще ряду вещей, которые там звучат. И он великолепно иллюстрирует то взаимодействие между находившимся в изгнании Штрассером и его людьми в Германии, которое продолжалось до самого начала войны, да и в настоящий момент не прекратилось.

В этом документе нет ровно никаких колебаний, напоминающих те, что в этот момент — 28 июля 1939 года, когда до начала войны оставалось всего пять недель — терзали британскую прессу и членов парламента, размышлявших, а что же такое предпримет Гитлер. Запугивает он нас или нет? Возьмет ли он Данциг или не возьмет? Остановится он на этом или не остановится? В общем, снова повторялись зады аж шестилетней давности.

В документе говорилось, что намерение Гитлера так или иначе, «по образцу Мюнхена, либо просто военными действиями», разгромить и расчленив Польшу непоколебимо. «Ни у кого, кто хоть немного знает его самого и его политику, нет ни малейшего сомнения, что в 1939 году он исполнит свое торжественное обещание включить Данциг в состав рейха{60}. Совершенно очевидно, что он сделает это — потому что таким образом он сможет приступить к уничтожению Польши, каковое является обязательным условием его внешней политики в будущем. Конечно, методика Мюнхена максимально бы подошла ему, однако если такой ход действий окажется невозможным, он готов и к «небольшой войне» с Польшей, равно как и к «большой войне» с государствами Запада».

Далее в документе изложен удивительно точный прогноз хода польской кампании — концентрические удары четырех немецких армий, следствием которых станет истощение польских сил, в результате чего немцы смогут захватить Варшаву в течение трех недель. Это позволит Гитлеру, уже после укрепления новой границы, перекинуть основную часть немецкой армии на запад. Примерно летом 1940 года, говорит автор документа, начнется уже «большая война» — с молниеносной оккупации Румынии и Дании как источников нефти и продовольствия, а также с нападения на Голландию.

«Внутренняя обстановка в Германии, — говорится в документе, — поначалу выкажет в данный момент некоторое оживление и может быстро превратиться в нечто, что в ходе войны станет реальным фактором влияния. Нет сомнений, что немецкое общество поначалу поддержит гитлеровский режим в его войне против Польши. На это сработает не только ностальгия по Данцигу и неприязнь к полякам, но также и ожидание того, что Англия сохранит нейтралитет. Подобные ожидания могут оказаться иллюзорными, однако не следует забывать, что и слова, и поступки правительства Чемберлена до самого последнего момента именно такие иллюзии и питали. Моментальное же вступление Англии в войну в первое время только придаст новый импульс старой песне о коварном Альбионе, хотя, безусловно, это событие станет для немцев серьезным ударом. Однако произведенное потрясение будет иметь по-настоящему глубокий и продолжительный эффект только в том случае, если английские и французские ВВС начнут бомбардировки немецких городов. Совершенно справедливо, что люди с хорошей нервной системой и четким сознанием этих воздушных атак не испугаются, а, наоборот, начнут еще упорнее сопротивляться, однако точно так же справедливо утверждение, что люди с истощенной нервной системой и находящиеся в неустойчивом душевном состоянии начнут сеять семена паники. В 1939 году нервы у немцев были не в самом лучшем состоянии, в большинстве случаев над ними довлело чувство вины, поскольку им долгое время приходилось подавлять в себе лучшие поползновения и мысли из боязни государственного террора. Пока с фронта будут приходить победные репортажи, все эти настроения — ненависть к Гитлеру, сочувствие его противникам, панические состояния — будут нейтрализованы. Но когда станет ясно, что наступательная война против государств Запада стоит у дверей, в Германии тут же начнет складываться революционная ситуация, которая будет лишь усугубляться при попытках удушить ее. Судьба Гитлера, исход войны, судьба мира и Европы зависят от того, как будет использована эта революционная ситуация в Германии».

В этом документе, как и в циркуляре Отто Штрассера, содержится предположение о том, что против стран Запада развернутся серьезные наступательные действия. Я в этом сомневаюсь. Если что-то и начнется, то все будет гораздо проще.

Однако во всех остальных отношениях эти два документа, написанные задолго до начала войны, кажутся мне весьма вероятными и, более того, подходящими для моего повествования. Они показывают нам зародыш революции. Младенец может появиться на свет мертвым, а может и наоборот, эдаким крепышом, но сам зародыш — вот он, и вы видите его на страницах этой книги. Мы видим, насколько верно и, в общем-то, со сколь небольшими поправками эти неизвестные нам люди смогли проникнуть в мозг Гитлера, разглядев будущее Германии, будущую войну и разработав, в соответствии со всем этим, свои планы. Именно так и работает «Черный фронт».

Именно так Немезида невидимо стала выходить из тени. И эти два документа являются живой иллюстрацией всему тому, что делали Отто Штрассер и его «Черный фронт».

Я рассказал о жизни немца Отто Штрассера вплоть до самого последнего момента и так, как он ее прожил. Она привела его в Париж, где он жил в бедности, но так и не прекратил своей борьбы, не считаясь ни с какими затратами и жертвами. Возможно, его время скоро настанет.

Солнце Гитлера начинает понемногу закатываться. Он уже становится объектом изучения для историков; в тиши последних дней они смогут вполне спокойно поизучать его. Для нас же, кто еще живет сегодня, он — уже герой вчерашнего дня, хотя и будет досаждать нам еще какое-то время.

Он был разрушителем; как говорит Отто Штрассер, его роль в наше время — роль разрушителя, и он с блеском выполнил ее до конца. Он уже уничтожил дома и погубил жизни миллионов людей, и может и впредь погубить жизни миллионов.

Но его время уже истекает, и для нас, живущих сегодня, важным становится следующий вопрос: кто придет после него; какая Германия заступит место Германии Гитлера; сможем мы, наконец, мирно сосуществовать с той Германией; сможем мы, наконец, планировать свое будущее и жить для своей страны, вместо того, чтобы по призыву кучки стареющих господ идти в атаку и умирать за них; и, самое главное, есть ли надежда на то, что после этой войны наступит более справедливый социальный строй, что надежды, с которыми шло на войну поколение 1914 года, наконец, будут оправданы. Или и поколение 1939 года тоже будет зачислено в разряд потерянных?

Надежды на лучшее общественное устройство, как я полагаю, тщетны, если на последней стадии войны не появятся новые люди и новые идеи. Однако на этих стадиях люди могут еще хуже понимать, за что они сражаются, нежели в начале войны. Г-н Чемберлен за все время своих выступлений по поводу войны (а выступал он с речами на сей счет каждую неделю) лишь однажды сказал то, под чем бы подписался любой простой человек. Это была фраза, состоящая из четырех французских слов: *Il faut en finir*{61}.

И это правда; с таким утверждением может согласиться каждый; это то, что нам подсказывает наш внутренний голос; мы должны покончить с этим кошмаром. Но после этого г-н Чемберлен всегда говорил по-английски, заявляя, что, конечно же, мы не хотим передвигать «старые пограничные посты» (то есть те посты, которые поставил Гитлер после четырех вторжений — старые?), что мы не хотим «мира через отмщение», и так далее, и вот уже война в разгаре, а мы все попустительствуем агрессору.

И тут перед нами маячит страшная опасность, заключающаяся в том, что после этой войны процесс размывания всех человеческих норм, относящихся к правде, справедливости и человечности, будет продолжаться и продолжаться. И что время будет использовано не на то, чтобы уничтожить реальное зло, выросшее между 1933 и 1939 годами, и отрегулировать те колебания в обществе, которые породило девятнадцатое столетие и которые так и будут продолжаться, никем не сдерживаемые, а на то, чтобы найти новые источники топлива и создать новую форму зависимости, зависимости от машин.

Этот период разрушения, в котором Гитлер сыграл самую важную роль, продолжается уже тридцать пять лет. Все это время Европа шла от кризиса к кризису, от войны к войне: марокканский кризис, война в Триполи, Балканский кризис, Балканские войны, мировая война, оставившая пол-Европы в развалинах, затем революция, анархия, инфляция, путчи, затем уже войны более мелкого масштаба — турецко-греческие, Абиссинская война, Рейнский кризис, бескровные войны с Австрией, Чехословакией, в Судетах; албанская война, польская война и, наконец, теперь уже и большая война.

Если все так и будет продолжаться, то мы, в Европе, получим «китайский вариант», о чем я писал в одной аналитической записке еще в 1936 году— война скоро придет в Европу, если не преградить ей путь, говорил я тогда, и эта война либо закончится быстрой победой Германии, либо выльется в затяжную борьбу, которая затянет Европу в нечто похожее на тот хаос, который царит сейчас в Китае.

Если мы принципиально хотим пережить все это, то мы должны вернуться к стабильному и уважаемому всеми сторонами положению дел на европейском континенте. И без Германии мы этого сделать не сможем. Именно по этой причине та Германия, которая выйдет из этой войны, является, повторяю это снова и снова, определяющим моментом для всей нашей жизни. Невозможно остановить продвижение к цивилизации варварскими методами, хоть Гитлер и объявил об этом и хоть в это охотно верят многие влиятельные старцы, которые до ужаса боятся «красных», с которыми он буквально недавно обо всем договорился{62}.

Именно это и является самой серьезной опасностью в этой войне — я, по крайней мере, так полагаю. А именно то, что наши правители, пусть и не испытывая уже иллюзий в отношении Гитлера, постараются установить в Германии такой режим, представители которого будут максимально похожи на них, не принимая во внимание те стремления к лучшему, более справедливому и стабильному общественному устройству, которые живут в душе каждого человека. Если подобные надежды все время разочаровывать, то неизбежно наступает отчаяние и анархия.

Вот почему я вздрагиваю, когда вижу, как на втором плане передвигается фигура Геринга. Геринг это символ огня и меча — поджога рейхстага и нынешней войны.

Человек, привыкший думать, что Гитлер есть нечто хорошее для человечества, ну или, по крайней мере, хотя бы для представителей своего класса, теперь обращает свой взор на Геринга. Нам нужно было получше знать, кто такой Гитлер, думают они; разве он не был художником-самоучкой? А вот Геринг... о-о-о... вот это мужчина, вот это вождь. Как жаль, что он не стал фюрером. Ну, может, еще станет.

Поэтому мы и читаем 14 января 1940 года следующие слова маркиза Лондондерри. Теперь, уже зная о «неуравновешенности» Гитлера, он говорит, что «он точно и верно оценивает особенности характера Геринга». Оценка эта такова: «Геринг надежен, он заслуживает доверия во время кризиса. Он настоящий немец; он может быть жестоким и безжалостным, может быть неразборчивым в средствах, но я лучше буду иметь дело с фельдмаршалом Герингом, чем с каким-либо немцем из виденных мною до сих пор».

Точно так же обстоит дело с сэром Невиллом Хендерсоном, который долго упорствовал в своих заблуждениях относительно Гитлера и его национал-социализма («этого великого социального эксперимента»). Он очень плохо знал Германию, когда был назначен сюда послом Англии. Было это за пару лет до вторжения, но и изучать эту страну он особо не торопился{63}. «Геринг может быть мерзавцем, — сказал он в январе 1940-го, — но все-таки он не законченный негодяй». Подобная градация может показаться весьма интересной людям неосведомленным. А вот для более пытливого ума в этих терминах кроется большая разница. Мерзавец — это всего лишь человек, который мог отправить на тот свет своих товарищей по службе вместе с семьями, бросить тысячи соотечественников в концлагеря, поджечь рейхстаг и т. д. — все это, возможно, и нехорошие дела, но никак не грязные. А законченный негодяй — это, по-видимому, тот человек, который заключает союз с большевиками.

И вот мы возвращаемся на круги своя — те же слова, те же мысли. Те же иллюзии или, скорее, то же желание быть обманутым. Та же угроза для Англии, угроза Европе и нашему общему будущему. Геринг, этот поджигатель рейхстага, человек, отдававший «расстрельные» приказы, палач генерала Шлейхера, фрау Шлейхер, Грегора Штрассера и бесчисленного количества беззащитных людей; автор тайного перевооружения немецкой армии; человек, который в первой своей речи после окончания войны заявил, что «если моя солдатская душа добьется своего, то я покажу этим Engländer, что их можно побеждать». Он «неразборчив в средствах», но также «надежен и заслуживает доверия во время кризиса».

Il faut en finir. Но как? Мы так и будем вечно маяться с этим явлением, если такое мировоззрение будет господствовать в умах тех, кто правит Англией. Геринг так же плох для нас, для Германии, для Европы, как и Гитлер, а может, даже и хуже. Меня как человека пишущего утешает лишь то, что за девять месяцев до начала войны, на Рождество 1938 года, я опубликовал в одной американской газете статью, в которой написал, что когда начнется война, то мы еще увидим Геринга во всей красе. У меня сохранился отпечатанный на машинке экземпляр текста, который, как говорят немцы, стал сегодня aktuell, то бишь злободневным.

Я упомянул об этом потому, что хочу сказать, причем заблаговременно, что любая сделка с Герингом будет иметь для нас самые негативные последствия. Как раз именно Геринг, а не Гитлер и привел нас на тот путь, по которому мы сегодня идем. Именно он заявил в декабре 1934-го корреспонденту Рейтера: «Опасения англичан по поводу нападения с воздуха лишены всякого основания, потому что у Германии нет технической возможности, чтобы осуществить подобного рода атаку. Конечно, у нас есть несколько опытных образцов, но говорить, что у нас есть сотни боевых самолетов — просто нелепо». И тогда же, в декабре 1934-го, г-н Болдуин заявил: «Дело не в том, что Германия очень быстро идет вперед и скоро сравняется с нами. Если Германия будет продолжать выполнять свою программу без ускорения и если мы будем продолжать выполнять нашу программу в установленных ныне пределах, то, по нашим оценкам, через год разрыв между нами в Европе — только в Европе — составит примерно 50 процентов». Буквально через 12 недель, 12 марта 1935 года, Геринг, чьи тщательно скрывающиеся ВВС к тому моменту достигли желаемого уровня превосходства, с иронией ответил корреспонденту одного из британских изданий: «Переоснащение германских военно-воздушных сил в настоящий момент завершено, и мы создали независимое министерство авиации, которое возглавил я». Прошло еще несколько дней, и Гитлер заявил Джону Саймону и Энтони Идену, что германские ВВС так же сильны, или даже сильнее, чем британская авиация на всей территории Британской империи{64}.

Доверять человеку, который, посмеиваясь, обманывал наших лидеров, общаться с ним, исходя из того, что он якобы вменяемый и ему можно доверять, означает пригласить в свой дом катастрофу. И это только один пример насчет Геринга, который должен заставить любого британского государственного деятеля отпрянуть, подобно напуганному жеребенку, в сторону, когда ему предлагают хоть какую-то сделку с Герингом. Я вспомнил об этой истории потому, что Габсбурги и Бурбоны показали нам, что некоторые люди так ничему и не научились.

До тех пор пока неинформированный или упрямый и просто упертый человек будет определять политику Англии, мы будем проигрывать эту войну. То есть я имею в виду, что если мы не совершим никаких грубых ошибок, то на поле битвы мы не проиграем, но мы снова не сможем повлиять на мирный договор.

Я пишу эту книгу в феврале 1940 года, и положение дел на сегодня таково:

Мы не можем — при отсутствии грубейших промахов — проиграть эту войну на поле битвы, потому что 1) Германия не смогла вбить клин между нами и Францией или между Францией и нами, после чего напасть на каждого в отдельности; и 2) Германия не нашла союзника, чей военный потенциал, объединенный с ее мощью, был бы достаточен, чтобы союзно напасть одновременно на Францию и Британию и разгромить эти страны.

Союзник, с которым она могла бы сделать это — и именно поэтому я всегда очень боялся, что наши руководители с тупым упорством воплощают в жизнь позорную политическую линию, ошибочно названную политикой умиротворения, которая привела к договоренностям между Германией и большевиками — так вот, этот союзник Советская Россия. Но ей нужно было это делать, если она вообще намеревалась делать это, сразу же в первые дни войны. Полноценный нацистско-большевистский военный альянс, совместное наступление всей мощью обеих армий, было бы ужасной опасностью для нас, но, по крайней мере, мы можем сказать, что мы находимся (и будем находиться) в гораздо лучшем положении, чтобы встретить врага, чем полгода назад.

Существует две опасности, между которыми нам надо проскочить. Первая заключается в том, что Германия будет разбита и истощена до такой степени, что в итоге она будет ввергнута в хаос и попадет в объятия коммунизма. Но это маловозможный вариант.

Другой вариант — и наиболее опасный — состоит в том, что, ослепленные перспективой персонального исчезновения Гитлера и получившие таким образом возможность заявить, что они «покончили с гитлеризмом», наши правители поступят подобно наперсточникам и явят обществу даже некое подобие мира, при этом в Германии останется кто-то, в распоряжении коего останутся целехонькие армия и военно-воздушные силы.

Имя этой опасности — Герман Геринг, и эта опасность — смертельная. Делом о поджоге рейхстага и фокусом с тайным перевооружением этот человек доказал, что он дьявольски хитер. Отдав 30 июня 1934 года приказ о расстрелах и массовых убийствах людей, которых он не любил, он крайне откровенно продемонстрировал свою безжалостность. Его извечная мечта — усмирить Англию. А потому он готов быть откровенно-грубоватым и прямодушным с теми влиятельными иностранцами, которых он хочет обдурить — если, конечно, грубоватость и прямодушие могут помочь ему в этом.

Нужно найти некий средний путь между этими Сциллой и Харибдой, если мы хотим сохранить хоть какую-то надежду на мир после этой войны. Псевдомир Геринга будет означать лишь новые войны; полностью разрушенная, впавшая в коммунизм или анархию Германия, может, и не породит новой войны, но кому нужны груды развалин в самом сердце Европы?

Самый лучший — это третий путь. Надо поддержать тех людей в Германии, которые хотят построить что-то новое, которые хотят мира, надо как-то подготовить для них почву, разрушив веру немцев в непобедимость Германии и заставить эту страну почувствовать то, чего она никогда до этого не переживала — суровые последствия, причем на ее территории, всех тех войн, которые она несла на протяжении последней четверти века в земли французов, бретонцев, бельгийцев, испанцев, чехов, румын, сербов, поляков и русских.

Это крайне трудно выполнить сейчас, ибо слишком тяжелы были все прошедшие годы, но если мы хотим навсегда установить мир в Европе, то это нужно сделать.

Когда эта война закончится, или даже еще за какое-то время до ее окончания, когда она подойдет к определенному рубежу, люди, которых сегодня не берут в расчет, чьи имена практически неизвестны, вернутся к себе на родину — я говорю об изгнанниках. Это уже было во время и

после Первой мировой войны. Кто-то вернулся навсегда, но не с добрыми намерениями — дела их были зловещи.

Ленин и Троцкий стали переносчиками заразы — их направили в Россию немцы, чтобы обеспечить реализацию своих военных планов. Они сделали свою работу, совершив даже то, что казалось невозможным — они создали в России куда более жестокую тиранию, нежели та, что была при царском режиме, который сегодня, в некоторой исторической уже ретроспективе смотрится весьма неплохо и даже позитивно на фоне нового режима. Бенеш и Масарик вернулись в Прагу и осуществили демократию на практике; это был единственный пример в послевоенной Европе, когда государство смогло воплотить пусть часть идеалов, за которые сражались в 1914–1918 годах — и сделали это люди, которые сражались на фронтах. Это и правда было великим достижением. Пилсудский вернулся в Варшаву, но успеха он добился гораздо меньшего.

Но у всех этих людей была одна общая черта — до того момента, как они вернулись на родину, они были практически не известны в Англии. Их знали меньше, чем какого-нибудь неизвестного актеришку, чье имя стоит в самом низу афиши; меньше, чем самого неудачливого участника скачек в Эпсоме или второго запасного игрока из футбольной команды Галашиэля. И тем не менее, они сыграли по-настоящему Серьезную роль, и если бы самые высокообразованные люди в Британии, которые пребывают в состоянии изумления при виде того, что делается в Европе, знали о них хоть что-то, то нам не нужно было бы выходить на поле битвы.

И вот теперь снова наступает время возвращения изгнанников. На этот раз для нас важнее всего изгнанники-немцы. Собственно, это и есть та причина, по которой я пишу эту книгу об Отто Штрассере и о том Четвертом рейхе, который он хотел бы построить.

Что это будет означать для нас? Сможем ли мы взаимодействовать с ним? Оставит ли он нас в покое? Будет ли он выступать за дело мира? Как он будет соотноситься с рейхом Геринга, который угрожает нам? Явит ли он нам надежду на то, что разум, справедливость, человечность и свобода, но не вседозволенность, как было в Германии 1918–1933 годов, возвратятся в Европу?

Ответ на вопрос: «Какой будет следующая Германия?», одновременно является и ответом на вопрос: «Каким будет наше будущее?».

До того как обсудить эти вопросы, Отто Штрассер полагает, что внешний мир должен принципиально понять, что означает тот основополагающий момент, на который он обращает внимание — то, что называют «немецкая тоска, немецкое желание». Это то, что мы назовем, желая как-то кратко это обозначить, социализм, хотя это и не тот социализм, который сегодня якобы воплощают социалистические или лейбористские партии в разных странах, в том числе социализм по-московски.

Это стремление, эта тоска, этот порыв, говорит он, неизменно присутствуют в душах большей части немцев, и несколько примеров, о которых я рассказал в предыдущих главах, показывают, какие переживания терзают души людей, вступивших на этот путь. Все это — результат надежды, зародившейся в сознании простых, но нормальных людей в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях. Они хотели более совершенного общественного устройства, они желали, что бы их обычная, повседневная жизнь как можно больше соответствовала простым человеческим взаимоотношениям.

Тем не менее, говорит он, те, кто стоит у власти, всегда направляли этот мощный общественный порыв в какой-то тупик в тот момент, когда они думали, что он угрожает их личному положению, влиянию или благосостоянию. Оптимальным вариантом для них в такой ситуации была Война.

Люди настоятельно требовали чего-то от них; значит, нужно дать им что-то такое, что отвлечет их и уведет куда-то в сторону.

Поскольку именно такой подход составляет основу политической мысли и философии Отто Штрассера, основу всех его построений насчет политического будущего Германии, то его обязательно нужно понять. Сделать это не трудно. Проще говоря, Штрассер говорит о развитии.

В первые десять лет нынешнего столетия это *deutsche Sehnsucht*, немецкое стремление, впервые открыто проявило себя в быстром росте социалистической партии, явлении, которое смогло заслонить лишь необычайно бурное развитие национал-социалистической партии в 1930–1933 годах. «Кайзер, — говорит Отто Штрассер, — был буквально уничтожен, когда услышал, что на выборах 1913 года фактически треть мест в рейхстаге заняли представители социалистов. Именно поэтому и началась война 1914 года. Нужно было, чтобы люди обратили все свои взоры на что-то иное, и единственной вещью, которая могла сработать в этот момент, был уже проверенный способ — империалистическая война.

Вот так первый раз *deutsche Sehnsucht* и столкнулось с тотальным разочарованием. Социалисты взяли под козырек, проголосовали за военные кредиты и приветствовали все действия кайзера. И вот это *Sehnsucht*, этот глубоко укоренившийся порыв, остался без направляющей силы, в полной растерянности, словно стадо без пастуха. Желая хоть как-то предотвратить революцию, монархия Гогенцоллернов и развязала войну 1914–1918 годов».

Поражение в этой войне вновь пробудило революционное сознание, *Sehnsucht*. «Вокруг царил хаос, — говорит Штрассер, — и подобные желания также носили абсолютно хаотичный и бурный характер, подобно тому, как юноша или девушка чего-то очень сильно хотят, но сами не знают чего. Вокруг царили отчаяние, неверие и полная безнадежность; восстания и путчи; вера рухнула; привычные людские ценности были сокрушены; молодежь беззастенчиво эксплуатировали; финансовые скандалы не прекращались; повсюду словно грибы после дождя множились гигантские промышленные концерны, тресты и синдикаты; инфляция разрушала средний класс и небольших производителей; в искусстве царил анархия; министров убивали».

Однако на фоне всего это хаоса снова появлялось страстное стремление, *Sehnsucht*. Человеческие массы по-прежнему еще четко не осознавали той цели, которую они пытались нащупать вслепую, но основная масса людей была настроена революционно. Они хотели избавиться от тлетворной реальности, окружавшей их, и получить взамен что-то новое.

И вот пришел Гитлер, который придал этому революционному желанию-стремлению единственное направление. И сразу же дали о себе знать все застарелые проблемы. Могло ли быть это настойчивое желание, это социальное *Sehnsucht* удовлетворено на этот раз? Или оно опять даст себя ослепить и благополучно ввергнуть в пучину войны? И все эти сдерживаемые надежды и энергия будут снова развернуты не в нужную сторону, но использованы на благо войны, дабы сохранить все то, что это самое *Sehnsucht* хотело уничтожить?

Гитлер дал ответ на эти вызовы. Именно здесь, как я уже показал, и крылся вечный и непреодолимый разрыв между ними Отто Штрассером. Гитлер никогда не сознавался в том, что он повторяет поступки кайзера, но, взяв в свои руки власть и пообещав удовлетворить это социальное *Sehnsucht*, он вложил в руки немцев камень войны.

Те, кто изучал этот вопрос и попытался с пристрастием взглянуть в будущее, должны постоянно помнить, что на первых выборах Гитлера, после поджога рейхстага, ставших одновременно

последними выборами, которые могли продемонстрировать уровень политических настроений немецкого населения, то бишь на выборах 5 марта 1933 года, восемьдесят процентов всего электората проголосовало за социалистические партии. Из 647 депутатских мест 502 заняли представители партий, которые пообещали избирателям, преисполненным общественным Sehnsucht, социализм: 288 национал-социалистов, 120 социалистов и 100 коммунистов. Национал-социалисты получили 17 миллионов голосов, социалисты 7 миллионов, коммунисты 5 миллионов голосов. Все остальные партии распределили остаток в размере 8 миллионов голосов.

Эти цифры показывают, что Отто Штрассер был прав — к 1933 году старое социальное Sehnsucht, которое в 1913 году кайзеру удалось канализировать в сторону войны, было еще сильнее и еще более настоятельнее, чем когда-либо. Это очень важный момент, потому что Штрассер полагает, что Германия находится в состоянии революции подобно Англии в шестнадцатом и Франции в восемнадцатом столетиях, которое должно прийти к своему завершению, и что кайзер, Гитлер и эти два отклонения в сторону лишь эпизоды в ходе истории, который, невзирая ни на что, идет своим путем. Современная задача Европы, говорит он, состоит в том, что, если Европа хочет жить, она должна сделать, чтобы: 1) Sehnsucht не увели в ненужном направлении третий раз и не ввергли в войну — Геринг, кто-то другой, разницы нет; и 2) отвлечь ее и от впадения в коммунизм — и вот здесь-то как раз он может оказаться полезен.

Гитлер сделал ровно то же, что двадцать лет назад сделал кайзер — он перенаправил поток от социального направления, которое было так нужно, в сторону войны. При нем вся огромная энергия немецкого народа была направлена именно на достижение этой цели, причем сделано было с жесткостью и упорством, во много раз большими, чем у кайзера. Один из его ближайших соратников, генерал Константин Хирль, руководитель Имперской трудовой службы^{65}, в своей книге «Основания немецкой военной политики» облек все это в соответствующую словесную оболочку, после чего совок эту оболочку, дабы мы все уяснили, выразившись так:

«Ужасающе тяжелое бремя, лежащее на нашем народе — быть народом без жизненного пространства — будет оказывать постоянно растущее негативное воздействие на самые низшие и экономически слабые слои рабочих и крестьян. Иногда среди этих людей будет вспыхивать и пламя негодования. Если мы не хотим, чтобы революционная воля к освобождению у низших слоев привела к взрыву, мы должны трансформировать ее в движущую силу нашего национального освобождения».

Вот вам и полное подтверждение слов Отто Штрассера, а заодно и объяснение причин этой войны. Умонастроения немецкого народа должны быть отвлечены от социального Sehnsucht, которое может обеспечить мир и общее благосостояние человечества, и увязаны на войну. Таким образом, это Sehnsucht, революционное стремление к лучшему социальному устройству в Германии, второй раз было уведено в сторону, в результате чего вся его энергия была выплеснута на испанцев, поляков, чехов, британцев и французов.

Но, утверждает Отто Штрассер, Sehnsucht еще существует, причем, несмотря на этот второй обман, оно стало даже сильнее. Вскоре, среди усталости и разочарования, вызванных войной, оно заявит о себе еще раз, причем гораздо громче, чем раньше. Нужно ли в этой ситуации помочь милитаристам или монархистам прийти к власти, чтобы они смогли и впредь вести эту игру? Или, махнув на это рукой, допустить полное крушение Германии, так что в результате Sehnsucht найдет отдушину в виде коммунизма?

В этом он видит две главные опасности, причем, считает Штрассер, первая куда как масштабнее и хуже — потому что вторую немцы могут предотвратить сами, если им позволят.

Приближается конец второй стадии немецкой революции, конец периодов крушения надежд и глобальных заблуждений. «Гитлер, — говорит Штрассер, — уже выстроил эпоху разрушения, и в этом смысле он даже, я бы сказал, сыграл существенную роль. Он ввел в оборот мешанину из полупродуманных идей, которые он так никогда и не воплотил в жизнь. Германское государство должно было быть создано заново, причем на базе старого племенного деления немцев, то есть Gaue. Он так и не сделал этого. Государственное устройство осталось прежним, причем Пруссия, как и прежде, стоит во главе. Парламент рейха и парламенты разных государств сегодня представляют то же самое, чем они были, когда он пришел к власти — абсолютными пустышками, но они есть, со всеми своими министрами, кабинетами, депутатами. Рейхстаг, собирающийся раз в год или даже реже для того, чтобы сержант Геринг, который говорит своим 800 членам СС и прочим соглашателям, когда вставать, когда садиться и когда идти домой, устроил ему очередную тренировку. Сегодня это учреждение больше, чем когда-либо было, и все его сотрудники получают немалую зарплату. Геринг даже создал особую структуру под названием Прусский государственный совет (он появился шесть или семь лет назад), члены которого получают ежемесячно за свою службу приятственную сумму в размере 1000 марок — и при этом они не собирались на заседание НИ РАЗУ! Похожее произошло и с церковью. Протестантскую и католическую церкви нужно было убрать на второй план в пользу национальной церкви, Немецкой христианской церкви, которой управлял рейх-епископ. Однако с самого начала в церкви возникли нестроения, в результате чего протестовавший пастор Нимеллер был заключен за решетку. Но сегодня позиции этих двух великих церквей сохраняются практически в прежнем виде. Государство платит большие деньги одной, собирает налоги для второй, делая, при внешнем антагонизме, для них огромную услугу — ибо массы людей, которые в 20-е годы прекратили посещать храмы, сегодня опять хлынули в церковь. То же самое происходит и в каждой части современной германской жизни. Сегодня эта страна напоминает полуразрушенный дом, фундамент которого еще довольно крепок — старое административное деление, старый рейхстаг и правительства, капиталистическое устройство».

Единственное, что удалось разрушить до основания, так это свободу мысли, организации рабочего класса и надежду, то самое Sehnsucht на лучшее общественное устройство. А вот что было действительно полностью выполнено, так это перевооружение, милитаризация и война. Вся энергия нации была направлена на ковку мечей в интересах оружейных баронов и всех тех, кто набивал на войне карманы. И война началась в нужный момент.

«Когда Гитлер уйдет, — говорит Штрассер, — закончится и период разрушения. Sehnsucht в третий раз прорвется к свету, и уж на этот раз его нужно удовлетворить, коли Германия и Европа ищут дорогу к миру». И вот именно в этом аспекте он считает, что самая большая опасность для современной Германии и Европы отнюдь не коммунизм, этот вечный жупел, который использовали для того, чтобы развязать эту войну — а те усилия, которые предпринимаются где-то на втором плане, чтобы восстановить в Германии старый, зацикленный на идее войны милитаристский порядок, но под каким-то новым названием.

Штрассер полагает, что эта война может закончиться по одному из трех вариантов сценария. От того, какой вариант она в итоге выберет, считает он, и зависит судьба Европы в этом столетии:

- 1) Борьба до победного конца, которая через долгое, очень долгое время приведет к тому, что в Германии начнется революция снизу; это будет означать жуткий взрыв старого, проснувшегося Sehnsucht среди уставших, измученных народных масс и — советскую Германию в итоге. Это, по его мнению, вряд ли возможно.

2) Заключение тайного сговора между монархистами, ведущими финансистами и представителями прежних правящих классов, во главе которых станет кто-нибудь типа Геринга или Шахта, с одной стороны, и подобными же людьми в других странах, направленного на отстранение Гитлера от власти, возведение на трон Геринга или кого-то вроде него или, возможно, даже обращение к Гогенцоллернам и Габсбургам с просьбой вернуться к власти. Это, говорит он, гораздо реальнее, и именно этого варианта развития событий он очень боится. В этом варианте он видит насильственное подавление старого Sehnsucht уже в третий раз, начало нового периода великих войн и продолжение гадаренского галопа в Европе.

3) Свержение Гитлера людьми с высоким чувством общественного и гражданского долга внутри Германии, которые не будут выполнять роль орудия в руках международного капитала, крупных предпринимателей, монархистов и т. д. Таких людей он видит и в армии, и в национал-социалистической партии, и в рабочей среде. Другими словами, эти люди — члены его «Черного фронта». В итоге это будет означать, что процесс, прерванный 30 января 1933 года, когда Гитлер сделал выбор в пользу сотрудничества с крупными капиталистами и землевладельцами, выступив, таким образом, против коалиции Штрейхера — Штрассера — Лейпарта, возобновится, нити управления будут собраны и вновь связаны там, где их разорвали, и обещание о немецком социализме будет выполнено.

Сам он надеется именно на такой вариант окончания войны — в нем он видит исполнение того самого Sehnsucht и некую гарантию мира. Он называет это революцией сверху, и когда я спросил его, неужто он, человек с таким опытом, полагает, что революцию можно сделать сверху, он отвечал: «В Германии — только сверху». Мне пришлось согласиться с этим.

Эти три возможных варианта выхода из войны заслуживают более тщательного исследования. Первый вариант Отто Штрассер фактически не берет в расчет, поскольку большинство немцев, которые хотят свой социализм, питают отвращение к коммунизму. Он видит это как некую возможность в анархическом, но крайне отдаленном будущем и полагает, что до того как это время придет, те люди в Германии, которые думают согласно с ним, вмешаются и предотвратят такое развитие событий — если только до этого им не запудрят мозги всякие интриганы-космополиты.

Ко второму варианту он относится крайне серьезно, и я знаю достаточно о том, что происходит за кулисами, чтобы сказать, что он прав. Сегодня самая мрачная, пожалуй, мысль — это мысль о предварительной мирной конференции, которая так или иначе, но готовится, между самыми разными аристократами былых времен, еврейскими политиками, международными банкирами и проплаченными политическими интриганами. Большинство из них обитает в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, и лицемерие всех этих людей, ни разу не слышавших оружейного выстрела, но в очередной раз играющих с картой Европы, словно с обычным пазлом, ставя каждый фрагмент его так, как это нужно и выгодно им в их жульнической игре, не предвещает ничего хорошего.

Подходит время, когда эти самые люди могут заменить Гитлера Герингом или кем-либо еще, после чего они явят его миру (предварительно взяв с него полное одобрение их планам) как человека, который покончит с гитлеризмом, который предотвратит хаос, возможно — как человека, который вернет к власти династию Гогенцоллернов, и — почти наверняка — как человека, который спасет мир от большевизма. В результате все прочие «измы» вернуться на круги своя и мрачное коловращение дисциплины, милитаризма и войны начнется с новой силой.

Вот этого-то шулерства Штрассер боится больше всего. «Произносить слова «после Гитлера наступит хаос» — значит говорить ерунду, потому что Гитлер сам и есть хаос, и конец Гитлера будет означать конец хаоса, — говорит Штрассер. — Мир находится в опасности, ибо, боясь будущего, он может вернуться в прошлое, то самое прошлое, которое должно было исчезнуть с Первой мировой войной — к Гогенцоллернам, Габсбургам, Герингу, прусским генералам. И это неправильно. Сегодня нужно смело смотреть вперед и строить что-то новое.

Именно по этой причине, — продолжает Отто Штрассер, — я не буду предлагать вернуться к прошлому ни по одному из параметров, ни по колониальному вопросу, никак. Я предложу конструктивный план по построению нового порядка. Эта война стала порождением той войны; и Гитлер, и вообще, все наши страдания — родом оттуда, поэтому убежать в прошлое — это значит ничего не исправить и ничего не решить. И в такой ситуации говорить о мире, безопасности или спокойной жизни просто глупо. Возвращение в 1913 год означает возвращение к Первой мировой войне. Конечно, сама эта идея на первый взгляд может показаться и привлекательной, потому что те люди, которых очень легко напугать, обычно склонны принять то зло, которое они знают, чем то, которое им неизвестно. Используя силу — внутри Германии это немецкая армия, за ее пределами — войска союзников, — вполне возможно установить на немецкой земле именно такой порядок. Но он не принесет удовлетворения Германии ни в вопросах внутренней политики, ни, тем более, не обеспечит мира странам Европы. Ибо новый кайзер или новый правитель будет означать возврат в 1914 год, когда социальное Sehnsucht впервые резко проявило себя, сегодня существуя в гораздо более многочисленных и острых формах. И, желая направить умы людей на другие вещи, эта новая гогенцоллерновская Германия неизбежно, и в очередной раз, вернется к своей империалистической политике — большому флоту, колониям и так далее. Аналогичная ситуация будет с Габсбургами и на юге Германии. Любой представитель этой династии не сможет отказаться от претензий Габсбургов на Словакию, Хорватию, Галицию, Триест, Львов. В Будапеште им пришлось сразу согласиться, что они не имеют тут притязаний. Именно потому, что они водворились на месте после проигранной или наполовину проигранной войны, они будут энергично защищаться от всяких упреков, которыми их будут осыпать их же подданные, что, мол, они стали правителями по воле Лондона и Парижа. Они сразу же начнут доказывать, насколько они патриотичны и верны империи — как, впрочем, они всегда и делали. Любой такой маневр будет означать, что наследие этой войны будет гораздо хуже, чем наследие предыдущей. Она нанесет поражение единственной цели, за которую стоит сражаться — настоящему умиротворению Европы».

Эти слова Штрассера абсолютно справедливы. Я достаточно долго прожил в этих странах и при монархии Гогенцоллернов, и при Габсбургах, чтобы понимать, что Штрассер действительно прав. Я не знаю, сможет ли кто-нибудь в Великобритании понять справедливость этих слов... Недавно я прочел одну книгу, в которой некий якобы эксперт по вопросам международных отношений упрекает президента Чехословакии Бенеша в глупости, поскольку тот выступил против восстановления Австро-Венгерской монархии. Так что, пока Британия, обладая достаточным авторитетом, чтобы авторитетно заявить о себе в межевропейских делах, будет при этом оставаться вот на таком уровне знания вопросов европейской политики, я даже представить не могу, каким образом можно будет обеспечить мир в Европе.

Именно такие аргументы выдвигает Отто Штрассер против заключения подобной сделки с отдельными людьми или целыми группами людей в Германии, которая на деле вполне может случиться в ближайшем будущем. Она может быть заключена на почве реставрации монархии, на

создании общего фронта для борьбы с большевизмом, но ничего хорошего из этого не выйдет — только новые кризисы, новые войны, новое повсеместное и всеобщее ухудшение жизни. И мы снова увидим, что нас в очередной раз обвели вокруг пальца.

Так в чем же заключается тогда концепция самого Отто Штрассера? Какой выход из этой войны, по его мнению, будет благом как для Германии, так и для остальной Европы?

Практически открыто (хотя для немца это было не просто сделать) он говорит о том, что, до тех пор пока Германия не испытает всю крайнюю нужду и превратности войны, надеяться абсолютно не на что. Но вот когда она дойдет «до точки», то, как я и говорил, он думает, что Гитлер, да и не только он, но и те опасные люди, которые стоят вокруг него, будут низвергнуты движением, выражающим интересы всех немцев — а ведь только его «Черный фронт» имеет своих людей во всех слоях немецкого общества, в том числе и среди нацистов (за исключением одних лишь коммунистов).

Коалиция, которая могла бы спасти Германию и Европу 30 января 1933 года, но потерпела фиаско из-за происков Папена, Геринга и ударившихся в панику богатых дельцов, была коалицией рейхсвера, социалистически настроенных национал-социалистов и представителей профсоюзов. Ее олицетворяли три человека — генерал Шлейхер, Грегор Штрассер и Лейпарт. После полутора лет пребывания Гитлера у власти, разочарования, охватившего общество, эта коалиция получила новую возможность проявить себя, но и на этот раз она была сокрушена — Геринг со товарищи просто убили ее лидеров. Но вот теперь, в разгар войны, она вновь поднимает голову — теперь она называется просто: «Черный фронт». Ее главным врагом остается Геринг — ибо с Гитлером практически покончено.

Отто Штрассер уверен, что на этот раз будет выбрано правильное решение, что такая комбинация сил внутри Германии сможет уничтожить гитлеризм и, в конце концов, действительно построить новую Германию. Но — уж немцев-то он знает хорошо — для этого нужно, чтобы всех этих людей кто-то объединил. Им нужен командир. И вот для этого-то, говорит он, нужно создать из числа изгнанников Немецкий национальный совет. Это крайне необходимо. Но пока еще сделать этого он не смог. Он — одиночка, у него нет мощной финансовой поддержки, которую с легкостью может снискать любой, кто признает себя орудием в руках той или иной заинтересованной группы, но только вот группы эти, как я уже говорил, которые преследуют свои личные интересы, а отнюдь не интересы Европы или Германии, в настоящее время гораздо более симпатизируют Герману Герингу.

Немецкий национальный совет, который хочет создать Штрассер (дабы каждый немец, ожидающий соответствующего приказа, знал, куда ему обращать взор), должен быть готовым отдать приказы и взять на себя всю полноту ответственности, когда вся гитлеровская структура начнет рушиться, так вот, этот совет будет сформирован из людей, о которых я уже много раз говорил в этой книге. Людей, похожих на него, на Грегора Штрассера, на Рудольфа Формиса, трех лейтенантов рейхсвера, членов «Черного фронта» — иначе говоря, патриотов, христиан и социалистов по духу.

Среди тех, кого Отто Штрассер (по мере развития войны) хотел бы видеть в числе членов Немецкого национального совета, можно назвать следующие имена: Генрих Брюнинг, бывший немецкий офицер и канцлер, католик, который пытался удержать Гитлера и не дать ему прорваться к власти, но не смог этого сделать; доктор Герман Раушнинг, бывший человек Гитлера во главе данцигского сената, бывший офицер и политик-консерватор, который, подобно Штрассеру, сначала был с Гитлером, но впоследствии порвал с ним; Вильгельм Зольман, один из

немногих вменяемых людей, светлых голов из числа немецких социалистов времен прежнего рейха; капитан-лейтенант Тревиранус, политик консервативного толка, бывший одним из главных сподвижников Брюнинга. Все эти люди доказали, что у них есть три общих качества: человечность, ненависть к гитлеризму, немецкий патриотизм во время войны и мира.

Если бы всех этих людей можно было собрать в Немецком национальном совете, то они смогли бы стать тем центром, из которого, по мере продолжения войны, можно было управлять антигитлеровским процессом на территории Германии. Другими его членами, так сказать, непосредственным орудием на территории Германии стали бы другие люди, которые, подобно штрассеровским членам «Черного фронта», жаждали и ожидали создания подобной альтернативной власти.

В настоящее время создание этого органа несколько отложено — во-первых, по причине явно затянувшейся прелюдии к войне, а во-вторых, из-за противоречий и расхождений во мнениях, наблюдающихся среди самих эмигрантов. Хотя бы, например, потому, что среди этих самых эмигрантов есть еще одна антигитлеровская группа, которая также претендует на преемственность — группа, состоящая из международных социалистов, коммунистов, евреев и разномастной интеллигенции. Они предпочитают полное, даже можно сказать сокрушительное поражение Германии в этой войне, ее разделение на две или даже несколько частей и будут не против хаотичной, советской Германии. Эти две группы разделяет огромная пропасть, но их чаяния и интересы то переплетаются, то вступают в конфликт друг с другом, мешая тем самым возникновению четко оформленного Немецкого национального совета. Более того, пара человек из числа тех, с кем хотел бы объединить свои усилия Отто Штрассер, еще не определились в своем отношении по вопросу заключения мира с Герингом. Вид Германии, которая по-прежнему обладает всем тем, что Гитлер нажил нечестным путем, с нетронутой армией и ВВС, да еще под руководством Геринга, может и вправду ослепить любого немца. Ну, скажет он, если уж мировое сообщество не понимает, что к чему, то к чему мне сражаться против этого?

Вот почему Отто Штрассеру приходится сегодня, уже в изгнании, бороться со всем этим, как когда-то он боролся еще в Германии. Но если он добьется успеха, то на какой мир он будет работать? Вот что он сам говорит по этому поводу:

«Незамедлительная — в качестве жеста доброй воли — эвакуация с польских и чехословацких земель, занятых Гитлером, за исключением Судет и северной части Польского коридора. Затем — мирные переговоры, новый Венский конгресс. И следующие предложения для этой конференции: Непризнание в принципе всех актов аннексий, совершенных Гитлером, и как следствие проведение референдума на двух территориях, которые были им захвачены, но с которых не была осуществлена незамедлительная и автоматическая эвакуация — Судеты и Австрия. Прямое соглашение между Германией и Польшей по Польскому коридору и по Гданьску. Помощь немецкой армии в деле освобождения востока Польши от большевиков в обмен на сохранение за Германией северной части коридора. Германия предлагает изгнать большевиков из Финляндии и Прибалтики, а также из Белоруссии и Украины силами немецко-польской армии при участии командного состава из Франции и Великобритании. Военные компенсации Польше и Чехословакии. Признание всех старых внешних займов Германии за исключением процентов по ним. Сокращение размеров основного долга путем ежегодных выплат, гарантированных передачей в аренду немецкой табачной монополии в руки международной компании».

Из всех этих пунктов дополнительных комментариев требуют только два.

Отто Штрассер рассматривает — в качестве жеста доброй воли, осуществляемого еще до начала мирных переговоров, — немедленную передачу территорий, которые Гитлер аннексировал вопреки часто провозглашавшейся им самим теории национальной независимости, а именно Чехословакии и польских земель. Речь идет здесь о землях, населенных чехами, словаками и поляками, но отнюдь не о тех регионах бывших чешского и польского государств, где большую часть населения составляли немцы — о Судетах и верхней части того самого неверно названного коридора. В этом вопросе, а также в том, что касается Австрии и Гданьска, он в известной степени выступает за то, чтобы сохранить часть из приобретенного Гитлером, тем самым противореча заявлению, что в Австрии и в Судетах нужно провести референдум и что полякам нужно помочь вернуть их восточные территории в обмен на разрешение Германии сохранить за собой коридор. В отношении последнего вопроса Отто Штрассер всегда занимал четкую и бескомпромиссную позицию. Он всегда выступал против предложений воевать с большевистской Россией при условии, что она не занимается расширением собственных границ и не нарушает условий мирных договоров. Он считает, что своими последними действиями она лишила себя статуса «врага агрессии» и что она, в частности, зашла на территорию Европы дальше, чем это необходимо для поддержания мира в Европе, так что ее нужно оттеснить назад.

В этой главе я показал, как он представляет себе окончание этой войны и на каком фундаменте он начнет, если придет к власти, строительство своего, Четвертого рейха. Мир, который он видит, должен будет обратиться к самым чувствительным струнам в душах тех прекраснодушных англичан, которые поверили, что Германия никогда не развяжет войну, но всегда будет действовать в рамках Версальских соглашений (которых они никогда не читали), что с Германией (по этому договору) поступили «не по-честному», что Гитлер «поступил нормально», возжелав часть территорий соседних стран, и что после этой войны не должно быть «второго Версаля» — и не потому, что эти люди возьмут и прочитают второй Версальский договор, нет. Вот просто не должно быть — и все.

Мне кажется, что все его предложения нужно свести воедино, но сделать это следует очень грамотно. Наш лорд Ллойд, глава Британского совета, который, как говорят, должен самым тщательным образом содействовать развитию наших отношений с зарубежными странами, объясняя «позиции Британии», сказал, что мы сражаемся за «независимость народов», но что мы не сражаемся за «границы по Версалью». Таким образом, получается, что мы не сражаемся за то единственное в Версальских соглашениях, за что действительно стоит сражаться. И скорее правдолюб найдет крохотную иголку даже в нескольких стогах сена, нежели пойдет из этого высказывания, в чем состоит позиция Британии и за что мы все-таки сражаемся.

Однако предложения Отто Штрассера можно совместить даже с этим высказыванием лорда Ллойда, что дает основания в очередной раз заявить, что Отто Штрассер, как я уже неоднократно показывал на страницах этой книги, выдающийся человек, который способен не только найти иголки в стогах сена, но даже заставить верблюда с легкостью пройти сквозь игольное ушко.

Я подверг эту концепцию европейского мира тщательному исследованию. И должен сказать, что она ставит Германию в гораздо более выигрышное положение, нежели то, в каком она находилась в 1914 году. И это будет в высшей степени справедливо — гораздо справедливее, чем простое соблюдение принципа «независимости наций» в отношении этой страны. Но, с другой стороны, нет также и ответа на вопрос, как — в случае если правители Англии и Франции по окончании этой войны окажутся столь же нерешительны, какими они показали себя по

окончании войны предыдущей — можно будет обеспечить «независимость наций» для таких небольших народов, как чехи и поляки, которые живут по границе с Германией. Ибо в такой ситуации, если наши правители будут столь же нерешительны, как и ранее, на сохранение мира нет никакой надежды, и тут уже совершенно не важно, какая концепция мира проявится по окончании этой войны.

Но если они проявят должную твердость, то тогда все предложения Отто Штрассера могут лечь в основу прочного мира между народами, долгого мира между государствами Европы. Но все это, повторюсь, будет зависеть от ситуации, которая сложится внутри Германии. Что это будут за условия? Как представляет их себе сам Отто Штрассер? Каким будет новое устройство и управление Германии? Каким будет его Четвертый рейх?

ПРИМЕЧАНИЕ

Думаю, что у меня есть право снабдить собственным небольшим комментарием мирный план Штрассера для всей Европы. Ну или хотя бы прокомментировать один-единственный пункт. Он предлагает автоматически вывести немецкие войска еще до начала мирных переговоров из Малой Чехии и Малопольши — в качестве этакой демонстрации добрых намерений и практического признания того, что все гитлеровские аннексии безнравственны в принципе. После этого получится так, что за Германией останутся следующие территории, аннексированные Гитлером: часть западной Польши, на которую немецкая пропаганда наклеила ярлык Польского коридора, часть Чехословакии, населенная судетскими немцами, Данциг (Гданьск) и Австрия. Настроения людей в этих регионах будут определены с помощью плебисцитов.

Должен сказать, что, с моей точки зрения, такое предложение нужно реализовать только в Данциге. Слово «плебисцит» или «референдум» оказывает поистине гипнотическое влияние на ту часть характера британца, которую обычно называют «чувство честной игры». В действительности же в стране, оккупированной чужими войсками, не может быть никакого свободного плебисцита или референдума, да и в неоккупированной стране крайне трудно обеспечить таковой. Исходя из своего знания Австрии, должен сказать, что в этом случае вывод с территории этого государства немецких войск должен быть осуществлен так же автоматически и безо всяких условий, как в случае с Чехословакией. А вот в варианте с Чехословакией «национальная независимость» этого государства, за которую, как нам говорили, мы воевали, нельзя обеспечить без восстановления старых чешских границ, которые охватывают и Судеты. Без этого эту страну нельзя будет защитить — ведь настоящий позор Мюнхенских соглашений заключается в том, что у чехов отняли возможность защищаться от очередного нападения. Польша, хотя я и не вижу, что у нее есть законные претензии на восточные территории, захваченные Советской Россией, не сможет быть независимой, если у нее не будет выхода к морю. На самом деле, все эти говорливые невежды, на протяжении последних лет с осуждением покачивавшие своими мудрыми седыми головами, как только заходил разговор о злонамеренности Версальских соглашений, увидят, что им станет еще хуже, когда вновь придется перекраивать карту Европы — ибо те границы были и остаются едва ли не лучшими, которые можно было придумать для Европы. Это был единственный плюс во всем Версальском мире — и самая важная часть всего этого договора.

Кроме того, если Германия сохранит свою мощную армию и еще что-нибудь из гитлеровского наследия, то в этом случае страна — в очередной раз — сохранит и осознание того, что в этой войне именно она вышла настоящим победителем, что война оплатила все расходы и что самой лучшей политикой для нее будет новая война, которую нужно развязать в будущем, но уже в погоне за мировым господством. Следующим руководителем этой страны — будет ли это Отто Штрассер или кто-то иной — может оказаться человек с хорошими намерениями, однако, будучи поставлен в подобные обстоятельства, он вскоре будет низвергнут сторонниками войны (как сделали в свое время с Брюнингом) или же ему придется вернуться к политике милитаризма и войны. При подобных обстоятельствах обрисованный вариант мира будет оправдан, если будет существовать определенный и четкий противовес, а именно: что Германии будет сразу же противопоставлена превосходящая ее мощь, если она вдруг попытается нарушить новый договор — однако в какой степени можно полагаться на подобную определенность, учитывая события 1933 и 1939 годов?

Меня не покидает ощущение, что если бы мне пришлось изложить эти предложения Отто Штрассера без какого-либо комментария, то я бы сделал вид, что поддерживаю их — но это стало бы отрицанием всего, во что я верю, и всего, что я написал о Германии. В результате его предложения сделали бы Германию, несмотря на две мировые войны, сильнее, чем она была в 1914 году. И это, на мой взгляд, настолько могло уверить немцев в практической пользе войны и настолько укрепить их в мысли, что судьбой им предназначено завоевание мира, что последняя надежда на мирную жизнь и свободу наций в Европе могла бы просто исчезнуть. Разрушение Пруссии никак не поможет делу обеспечения мира, если Германия увидит, что война приносит выгоду. Если бы я был Отто Штрассером и вел переговоры о мире, то я, конечно же, постарался решить вопрос именно так; но если бы я был переговорщиком с британской стороны, то на подобный вариант я никогда бы не согласился.

Глава 11

«ГЕРМАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

Отто Штрассер, немецкий эмигрант, которому нынче стукнуло сорок три года, свое «золотое время» посвятил, как я уже говорил, поискам «немецкого социализма». Я приложил массу усилий, чтобы показать, что это за человек. Теперь же я попробую показать, какую разновидность социализма он искал, ибо в стране, в которой должна увидеть свет эта книга, многие люди просто зачарованы или околдованы словами и даже не пытаются понять, какая реальность кроется за произносимыми звуками.

Такое отношение особенно справедливо для слова «социалистический». Островитяне, как говорит о нас сегодня один из популярных сатириков, в умственном плане находятся где-то на уровне четырнадцатилетнего подростка, ибо большинство людей при слове «социалист» представляют себе исключительно человека, лишённого всяких средств к существованию, который только и думает, как бы эти самые средства отобрать у них. Хотя многие даже и на такое умозаключение неспособны. Они просто ненавидят само слово, не позаботившись узнать, что оно все-таки означает в действительности.

(Если судить по жизненному пути Отто Штрассера, его социализм отчасти достался ему по наследству, отчасти же был порожден в нем тем миром, в котором этот человек рос. Большую роль сыграла и война: он питал отвращение к тем жестоким солдафонам, которые познакомили его с муштрой; да и сегодня он отнюдь не питает любви к подобному человеческому типу, который, как он видит, вполне неплохо чувствует себя в руководстве режима национал-социалистов. Однако в то же время война привила ему необычайное уважение по отношению к офицерскому составу старой, имперской немецкой армии; кроме того, он чувствовал глубокую симпатию и к своим подчиненным, людям, не чуравшимся размышлений над самыми важными жизненными вопросами. Никогда, даже ни на секунду, он не видел союзника для своего, немецкого социализма в лице, например, компартии — это и правда было невозможно, ибо эта партия была по сути своей интернациональной, а его социализм был социализмом патриотическим. И он много сделал для того, чтобы вытеснить коммунистов из своей родной Баварии. В тот момент, в поисках своего, немецкого, социализма он пришел сначала в социалистическую партию, потом в национал-социалистическую, но в итоге покинул их, преисполненный глубокого отвращения.

Себя он называл вполне определенно — революционный социалист. Однако в одной из его книг я заметил, что он назвал себя (правда, всего однажды) консервативным революционером, и я думаю, что именно это название, объединенное с историей его жизни, лучше всего поможет понять читателю, что это за человек.

Его нелюбовь к этим апологетам плаца и муштры образца 1914 года практически равна его глубокому неприятию бюрократии. Он не видит какой-то особой заслуги и блага в том, чтобы лишить всего представителей одного класса, класса богачей, занимавшего исключительное положение в обществе, ради того, чтобы заменить их аристократией бюрократов. А ведь именно так поступили большевики, и именно так поступило бы большинство социалистов. На деле же это означает всего лишь замену одной тирании на другую, без кардинального улучшения жизни беднейших слоев населения.

Он не считает лекарством от социальных зол современности и средством общественного прогресса простую конфискацию имущества у богатых, пауперизацию всех и провозглашение, в итоге, диктатуры пролетариата. На деле происходит лишь замена одной группировки, поживившейся в доходном месте, на такую же другую группировку. Более того, Штрассер считает, что подобное есть не что иное, как отрицание социализма.

Он видит социализм как процесс, в ходе которого происходит постепенное возвышение неимущих масс до уровня более успешных людей, а отнюдь не насильственное низведение класса собственников до уровня пролетариата. И не возведение пролетариата (который в моем словаре означает представителей низших слоев общества) на трон, настоящее или мнимое, но изживание такой пролетарскости, если можно так сказать — вот та цель, на которой он сосредоточен. Дать этому низшему классу, этим обездоленным слоям населения чувство независимости, совместного владения собственностью, совместной ответственности за происходящее в государстве — вот тот идеал, за который он ведет борьбу. Не поставить над всеми нового деспота, социалистическое государство с ордой его чиновников, вместо старого — кайзеров, Гитлеров, денежных тузов и т. п., а сократить разрыв, существующий между классами общества. Вот его цель.

Отто Штрассер отличается от большинства других претендентов, рисующих схемы будущего развития Германии, тем, что у него есть разработанный план построения немецкого социализма, который вот уже десять лет как не просто запечатлен на бумаге, но и отпечатан на типографском

станке. И называется он «Структура немецкого социализма». Кстати, Штрассер никогда серьезно не правил его. Этот план, как он говорит, явился ему, разработанный практически до последней детали, словно видение, во время поездки на поезде из Берлина в Мюнхен. Вот почему его «немецкий социализм» — это не нечто туманное, но конкретная политическая программа, с которой каждый может ознакомиться лично. И если ему удастся прорваться к власти, то этот документ станет документом первостепенной важности. Именно по этой причине я изложу ниже его основные положения.

Социализм, если говорить о его конкретном воплощении после войны, целиком или частично, в различных странах мира, отпугнул от себя многих людей, которые, как и я в душе своей хотели того, что олицетворяет само это слово. Московская форма социализма, подчинившая русский народ импортированному, чуждому режиму и за двадцать с лишним лет лишь ухудшившая его судьбу вместо того, чтобы улучшить ее, достаточно омерзительна сама по себе, чтобы вызвать законное отвращение. Социалистические же партии в других странах фактически выродились в организации, где спорят и сводят счеты друг с другом профессоры и профсоюзные деятели. Их взгляды на вопросы внутренней и внешней политики зачастую неотличимы от позиции консерваторов или других партий по аналогичным вопросам. В книге Дженни Ли «Завтра будет новый день» дано правдивое изображение переживаний искреннего человека и идеалиста, размышляющего о вырождении такой партии (речь идет о британских социалистах, партии лейбористов).

Но даже если подобные партии прорвутся не сегодня-завтра к власти и обобществлят все и вся, то все равно будет крайне трудно представить, что за этим воспоследует некое изменение в общественном устройстве. Насколько можно себе представить, это в очередной раз будет некий режим, который отберет имущество у тех, у кого оно есть, и не отдаст его тем, у кого его не было. Причем я даже не уверен, возьмет ли он его у тех, у кого его слишком много.

В Берлине по сути почти социалистическое правление означало, главным образом, необычайное возрастание еврейского влияния в городе и царство «свободы» — в смысле отсутствия любых ограничений и свободы распушенности. В числе прочего это означало и то, что наступила неограниченная свобода для эксплуататоров человеческого несчастья. А вот каких-то заметных улучшений в общественном устройстве так и не произошло. Единственными социалистами, по моему мнению, которые действительно сделали что-то, чтобы улучшить положение широких масс, которые действительно сделали то, что можно назвать социализмом в самом точном смысле этого слова — то есть на благо всего общества — были социалисты Вены, блестящим образом решившие вопросы, связанные с положением рабочих.

Думаю, что, наглядевшись за последние двенадцать лет на европейских политиков и их деяния, я буду последним, кто будет с восторженностью и огнем в глазах реагировать на какие-либо теории или программы этих самых политиков, политиков вчерашнего или сегодняшнего дня.

Понаблюдав несколько лет за тем, как готовилась эта война, я бы скорее сказал так: они все практически одинаковы, начиная от политиков самых бедных аграрных стран Балканского полуострова и заканчивая деятелями богатейших государств Запада. Все это люди, которым нет никакого дела до своих соотечественников; они лишены каких-либо принципов, так что именно они, всем скопом, и несут ответственность за эту скачку гадаринских свиней^{66}. Буквально каждого из них можно уличить в том, что своими устами они говорили и проповедовали одно, а делали другое. Фактически лишь один из них в самый тяжелый момент поступил как настоящий мужчина. Поразительно, что человеком, проявившим настоящее мужество в момент кризиса,

оказался самый никудышный, в плане расчетливости, политик — я говорю о Курте фон Шушнигге. Его поведение в те дни делает его по-настоящему видной политической фигурой — не то, что остальных.

Однако я — будучи своего рода ведущим и комментатором — считаю немецкий социализм Отто Штрассера наиболее побуждающей к действию и отчасти даже провокационной теорией. Мы же еще не знаем, что появится в итоге на свет после окончания этой войны — может быть, еще более худшая тирания и хаос. А может, она наконец вновь откроет путь здравому смыслу и человечности. Она может привести Штрассера к власти, вот почему я рекомендую исследовать этот вопрос самым тщательным образом. Я же могу дать здесь только самый общий набросок. Вот он.

Отто Штрассер начинает свою книгу «Немецкий социализм» с краткого философского исследования первоначал своих построений. У него нет теории о существовании сверхрасы нордических суперлюдей; он энергично протестует (и это в 1930 году!) против «поклонения расе». Он считает, что народы Европы (из числа коих он исключает русских) являются смесью, в которой в разной пропорции присутствуют представители четырех или пяти рас. Как бы то ни было, но к этому выводу пришла и наука.

Из всех этих смешанных в расовом отношении групп, тесно связанных между собой, географические, климатические и исторические условия сформировали различные «народы». И уже рост осознания своей индивидуальности привел к тому, что из народов постепенно сформировались «нации». Мировая война, говорит Отто Штрассер, слепила из немецкого народа нацию — самую последнюю из наций, сформировавшихся в регионе, который мы, по не совсем понятным причинам, называем «цивилизацией Запада».

Этот беглый обзор показывает, насколько видение Штрассером «европейской семьи» (это его собственное выражение) отличается от видения Гитлера и насколько оно гораздо ближе к пониманию этого вопроса обычным благонамеренным человеком.

В истории Европы, которую он изображает как сообщество находящихся в тесном контакте наций, Отто Штрассер различает определенную ритмичность в повторении эпох, эпох «общественных», когда человек исполнен тяготения и причастности к общему, и эпох индивидуалистических и эгоистических.

Он считает, что такие эпохи повторяются каждые 100–150 лет — первый раз это было в 1500 году в эпоху Реформации, затем в 1640–1649 годах во время Английской революции и затем уже в 1789–1799 годах во время революции во Франции.

В каждой из этих революций он видит возобновляющийся конфликт между двумя первичными инстинктами — инстинктом самосохранения и инстинктом сохранения вида. По его мнению, первый инстинкт соответствует тому, что мы называем либерализмом — когда каждый за себя. Второй же он отождествляет с тем, что мы называем консерватизмом — когда каждый за общество.

Маятник истории, пишет он, постоянно качается между этими двумя идеями — идеей индивидуума и рода человеческого в целом. Английская революция, считает Штрассер, принесла победу консервативной, а французская — либеральной идеям. Эпоха либерализма (пишет он в 1930 году) совершенно очевидно приближается к концу, ведя себе на смену эпоху социализма в том виде, как это понимали тогда, социалистического *Sehnsucht* или желания социализма, ибо это учение впервые проявило себя еще тогда, когда основная идея либерализма («каждый сам за

себя») находилась на пике популярности, позаимствовав у последнего достаточно много — и идею классовой борьбы, и принцип интернационализма, и материализм, поставив себя, таким образом, с ним в тесную взаимосвязь. (В 1930 году, когда он писал такие строки, подобный диагноз был достаточно смелым; потери, понесенные впоследствии соцпартиями Германии, Австрии и Испании, подтвердили это.)

Итак, Отто Штрассер полагает, что приближается новая эпоха, эпоха второй идеи, когда каждый работает для общества или для сохранения вида. Начиная с 1914 года, пишет он, маятник истории качнулся в сторону новой, консервативной эры со всеми сопутствующими ей идеями — социализмом, патриотизмом и национальным идеализмом, и ослепительный выброс этих идей в Германии будет называться немецкой революцией.

Исходя из подобных умозаключений, Штрассер говорит о приближающемся конце капитализма в том виде, в каком мы видим его сегодня. Капитализм же он связывает с либеральной эпохой. (Читатель должен понимать разницу насчет правильного использования терминов «консервативная эра» и «либеральная эра», а также нынешним использованием этих слов в отношении этих двух партий в Англии, которые, судя по всему, не имеют каких-то ощутимых различий в основных принципах своей политической деятельности.)

Капитализм, по его мнению, является плодом и экономическим выражением либеральной эры, и он считает, что ты экономическая система, которая существовала в Германии до наступления эпохи либерализма, имела много общего с его видением социализма. Однако он считает, что в наше время социализм в Европе был воспринят и отчасти воплощен в жизнь просто в иной форме капитализма — государственного капитализма. Уже присутствие огромных армий безработных, говорит он, является достаточным доказательством падения капитализма. Идеальная экономическая формула выражения либерализма — это теория «каждый за себя», теория «лисы в курятнике», демократического эксплуататора, демократически эксплуатирующего демократически эксплуатируемых во имя Свободы. Его девиз — «священный характер частной собственности», а условие существования заключается в том, что 80 % населения этой самой собственностью не обладают. Общественное сознание инстинктивно чувствует, что эта система аморальна и несправедлива, поскольку при ней общество разделено на эксплуататоров и эксплуатируемых, а подавляющее большинство населения собственностью не обладают.

Вот почему Отто Штрассер в своем «немецком социализме» и в своем «четвертом рейхе» упразднит «священное право частной собственности» — но по своей, особой методе.

Так что же он предпримет?

Он проводит четкое разделение между тем, что он называет «монопольными товарами» (то есть земля, уголь, другие полезные ископаемые и ресурсы и средства производства), которые существуют в ограниченных количествах, и товары, которые можно производить без каких-либо ограничений. Существование людей, пишет он, основано в первую и главную очередь именно на этих монопольных товарах, и тот факт, что они находятся в частном владении и что хозяин может сделать с ними все, что ему заблагорассудится, ставит население в зависимое положение по отношению к нему — и это «настоящее проклятие капитализма». Поэтому он намерен упразднить частное владение землей, полезными ископаемыми и прочими природными ресурсами, а также средствами производства.

Это он называет главным требованием, краеугольным камнем своей теории «немецкого социализма». Оно, отмечает он, в целом совпадает с требованием социализма по Марксу, но

совершенно расходится с ним в отношении вопроса дальнейшего развития. Вот в этом-то месте и появляется собственно «немецкий социализм».

Его решение основано на изучении немецкой истории и немецкого характера. Следовательно, это отнюдь не попытка воткнуть немцев в прокрустово ложе некоей экономической теории, но желание вычленив в немецком характере и Традициях немцев ту практическую экономическую систему, которая будет отвечать их характеру.

Немцы, пишет Штрассер, постоянно живут с *Sehnsucht* в душе. Это — желание независимого и созидательного существования. Отсутствие же средств и надежды на выполнение этого *Sehnsucht* является первейшей причиной неудовлетворенности и бесцельности, которые демонстрирует нам современная Германия. (Это было написано в 1930 году, и с тех пор Гитлеру неоднократно удавалось подкидывать немцам какие-то идеалы; но аргумент Штрассера состоит, как я уже объяснял ранее, в том, что Гитлер просто увел в сторону это *Sehnsucht*, обратив его на милитаризм, военщину и войну, так что отсутствие шансов на победу в этой войне вскоре снова канализирует эти чувства по направлению к социализму.) Немец, пишет Штрассер, страдает по поводу бедной жизни, отсутствия собственности, мрачных перспектив в старости и зависимости от дня сегодняшнего.

Подобное неискоренимое *Sehnsucht*, пишет Штрассер, у немца можно излечить, покончив с этим пролетарским существованием, а это станет возможно, если каждый немец примет участие в акционировании «священного права частной собственности», потому что лишь осознание того, что ты чем-то владеешь, дает независимость мысли, чувство ответственности и созидательную энергию, которая позволяет человеку чувствовать себя человеком.

Подобный ход мыслей приводит Отто Штрассера к двум первым положениям его теории немецкого социализма — тезисам о собственности. На первый взгляд, они кажутся противоречивыми, но при более близком рассмотрении они выглядят более чем интересно.

Первое: ни один немец в будущем не будет владеть на правах частной собственности ни землей, ни имением, ни полезными ископаемыми, ни средствами производства.

Второе: каждый немец будет владеть землей, имениями, полезными ископаемыми и средствами производства.

(Для дальнейшего понимания этого важнейшего принципа «Немецкого социализма» важно понимать разницу между термином «собственность», понятием, не ограниченным никакими рамками, и словом «владение», которое означает временное владение, подверженное определенным ограничениям.)

Решение этой проблемы, предложенное Отто Штрассером, заключается в следующем: он предлагает ввести наследное право. К этому выводу он пришел, проанализировав немецкую историю до эпохи либерализма. По-моему, это самая интересная попытка придумать систему, которая сможет сохранить лучшие черты социалистического учения, но без присущих ему основных негативных моментов.

«Народ, то есть сообщество немцев, — говорится в его программе, — становится единственным собственником земли и имений, полезных ископаемых и средств производства, управление которыми будет доверено отдельным лицам с учетом их способностей и заслуг».

Предлагая этот вариант, Отто Штрассер намеревался найти разумный и приемлемый средний путь между ничем не ограниченным правом одного человека эксплуатировать, продавать, закладывать, закрывать или продавать за рубеж, например, угольную шахту или разрез, ценность которой для всего общества была крайне высока, и монополистическим, руководимым

чиновниками социалистическим государством по марксистско-коммунистическому варианту. Его предложение, конечно, есть некий возврат к феодальным практикам, но при этом место баронов и князей занимают государство или общество.

«Владеть вещью, — пишет он, — означает иметь возможность делать с ней, что вам захочется: продавать ее, наносить ей вред, уничтожать. Владеть же означает управлять ею, пользоваться и использовать ее, получать доходы с нее от имени другого человека, в частности, «владельца».

Владельцем же в будущем будет исключительно само общество, нация. Но сама нация не будет управлять посредством своего внешнего проявления, внешней формы — государства. Она передаст землю отдельным людям или группам в *Erblehen*, наследное владение, чтобы те управляли ею».

Именно так Отто Штрассер предлагает решить застарелую проблему имущих и неимущих, немногих богачей и бедного большинства, общества и тунеядцев. Мне кажется, что Такой подход необычайно интересен, и я уверен, что многие люди, которые находятся в поисках практического социализма, но не находят для себя ничего привлекательного ни в марксизме, ни в советском варианте социализма, в данном случае найдут, над чем поразмыслить. Меня, в частности, привлекло его внимание к старым традициям и к старым общественным установлениям.

Отмену юридической концепции «неприкосновенности частной собственности» и замена ее в жизненно важных для нации вопросах на систему наследственного права названа Штрассером фундаментальной основой всей его «структуры немецкого социализма». Только такой подход, говорит он, обеспечит единение частной выгоды и всеобщего благосостояния, который и отвечает требованиям социалистического *Sehnsucht* и не нарушает законы человеческой природы. Капиталистическая система сама себе подписала смертный приговор, когда поставила на пути масс препоны, запретив им двигаться вперед, к владению собственностью. Раздел всего имущества среди членов общества вне зависимости от того, кто будет им распоряжаться — отдельный человек или коллектив, — необходимо для того, чтобы устранить то зло, к которому привел всех капитализм. Единственную возможность для этого предоставляет система наследственного владения, которая на протяжении веков была юридической формой выражения немецкой экономической системы.

«Немецкий социализм, — говорит Отто Штрассер, — согласен с госкапитализмом, который сегодня ошибочно называют государственным социализмом, в требовании передать все права собственности обществу, представителем коего является государство, но он абсолютно не согласен с тем, что деятельностью концернов руководит государство или его чиновники, поскольку это явно противоречит социалистическому учению. Такой подход не позволит ни вызволить людей из их пролетарского состояния, ни освободить их созидательную энергию, ни зародить в них чувство ответственности. С другой стороны, это усугубит все существующие язвы, так что рабочие получают еще меньше прав в отношении своего работодателя, Государства, чем при частнокапиталистических отношениях... И я слишком хорошо знаю (продолжает он), сколь сильно в разрушительном плане действует на человека чиновничество. Мне слишком хорошо известно сильное желание немецких крестьян и представителей среднего класса обрести независимость, поэтому я буду считать негативной любую реформу, которая осуждает подобное стремление к независимости и которое готово пустить его под тяжелый каток чиновничьего подхода. Я видел, какие страдания переживают люди, обитающие в стесненных условиях, которых

вечно угнетают, принижают, и им нужна эта независимость, вот почему я считаю самой важной задачей культивировать в рабочих осознание независимости, а не стремиться к ухудшению судьбы крестьян и представителей среднего класса».

Более того, при государственном капитализме — который, как совершенно справедливо указывает Штрассер, на самом деле является госкапитализмом, поскольку на место сотен или тысяч капиталистов, которые управляют страной сегодня, приходит один большой капиталист в виде государства — работник имеет еще меньше прав, чем при частнокапиталистическом укладе (большевики-евреи хорошо показали это), ибо государство совмещает в себе функции нанимателя и законодателя. При частном капитализме государству всегда приходится волея-неволей придерживаться принципа объективности, потому что рабочие, как ни крути, все-таки граждане, налогоплательщики и солдаты. Этот факт, пишет Штрассер, революционные марксисты пытаются опровергнуть, представляя государство как «диктатуру пролетариата», заявляя, что государство суть те же рабочие, а потому между ними и не может существовать никакого антагонизма. На самом деле, предлагаемая ими система приводит к господству нового привилегированного класса — чиновников, которые занимают место прежних аристократов, финансистов, царей и т. д., и т. п.

Данное возражение Штрассера абсолютно справедливо. Я видел все это в реальной жизни, будучи в Москве. Трудящиеся массы там еще сильнее погрузились в трясину невежества и угнетения по сравнению с тем, что было раньше, хоть в это и трудно поверить. Все это весьма наглядно говорит о том, на что способно советское государство, если оно этого захочет.

Единственный класс на земле, который получает всякого рода привилегии, продвигается по службе, имеет льготы и пользуется всеми материальными благами, это класс новых тиранов, чиновников; большинство из них — евреи, причем такие, что человек с самой буйной фантазией никогда не назовет их русскими. Они совершенно похожи на понаехавших в последнее время в Британию, которые уже умудрились стать стопроцентными англичанами, чье неважное знание английского и неустранимые отличия от нас самих столь очевидны на страницах книг и журналов, которые они издают, фильмов, которые они снимают. Большевицкая Россия являет собой, полагаю я, наиболее удивительный пример в истории, пример того, как чужеродная тирания была насажена в стране исключительно за счет ловкости рук и мимикрии ей под «русскость». Даже военачальник, который возглавил несчастную русскую армию в непонятную и гибельную для нее Финскую кампанию, Штерн, был евреем, родившимся за границей. Вряд ли он сможет послужить иллюстрацией к тезису об исключительных способностях евреев, которые их апологеты считают главной отличительной чертой этого народа.

Я постарался достаточно подробно показать прочное и враждебное отношение Отто Штрассера к идее о том, что все недостатки общества можно излечить, судьбу рабочих и крестьян улучшить и, тем самым, усовершенствовать жизнь всего общества путем простого создания некоего чудовищного механизма под названием «Государство», которое должно символизировать освобождение и триумф угнетенных масс, на самом деле оставаясь таким же тираном, как и все остальные тираны мира.

Для него самодовольное официальное государство всего лишь суперкапиталист; и в его глазах оно символизирует не триумф освобожденных масс, но триумф тех социальных групп, которые он ненавидел еще с тех времен, когда упражнялся на армейском плацу — мелких душонок и ограниченных тупиц, облеченных малой толикой власти; невежественных шутов, вообразивших себя пусть и маленькими, но божками всего лишь потому, что за ними стоит вся мощь

государства. Их невозможно сместить, а в конце службы их обязательно ожидает хорошая пенсия. «И фашизм, и коммунизм, — говорит Отто Штрассер, — соперничают друг с другом в вопросе возвеличения государства, в подавлении свободы экономической и свободы личности, в преувеличении роли силы и успешности организации, всякого рода постановлений, бесчисленных годовых планов и, особенно, полиции!»

Поэтому в качестве основания своей теории немецкого социализма Отто Штрассер кладет решающий аргумент: он отказывается от тезиса о священном характере частной собственности, он передает Государству как представителю всего немецкого общества титула владельца вещей, наиболее важных для народа — земли и имений, полезных ископаемых и средств производства. Кроме того, он говорит о повторном наделении предыдущих владельцев правом наследственного пользования, которое они будут осуществлять на правах владельца, полученных от государства.

Главный аргумент в пользу его плана заключается в том, что узурпаторы, несмотря на наследственный характер владения, не смогут продать, заложить или как-то иначе провести отчуждение того, чем они владеют. Таким образом, совместное владение общества будет гарантировано и самые важные для нации ресурсы будут защищены от тайных, направленных на нанесение ущерба и иных антипатриотических операций акул финансового мира, международных финансовых корпораций и биржевых дельцов.

Главная цель «немецкого социализма» Штрассера заключается в обеспечении возвращения народа на землю (как ни странно, но в Англии необходимость в этом еще острее, но никаких позитивных сдвигов в эту сторону пока не видно) и контроле за процессом гипериндустриализации, роста гигантских, поработавших человека заводов. «Идеал либерал-капитализма и либерал-марксизма, сводящий все к функционированию современной, громадных размеров фабрики и к выпуску максимально возможного объема товаров, — пишет он, — должен уступить путь консервативному идеалу свободного существования, реализованного в полной мере... консервативная мысль не может считать этот процесс каким-то отсталым, потому что он приведет к определенности сокращению производства фабричных товаров. В Германии наступает время, когда тирания машинного века будет сброшена. Нужно отменить этот порядок и заставить промышленность и машины вернуться «к их изначальной роли — роли помощников, от которой они, по стечению обстоятельств, были освобождены... Для консервативной революции работа — это средство поддержания жизни». Кроме того, Штрассер предлагает перенести столицу Германии из Берлина как гигантского, неблагоприятного в человеческом плане поселения в какой-нибудь исторический центр, хранящий культурные традиции немецкого народа — например, в Регенсбург или Гослар.

Итак, я пояснил, насколько то позволяют небольшие объемы этой книги, основные положения штрассеровской системы «немецкого социализма», которые находят свое концентрированное воплощение в стимулирующей идее *Erleben*, или наследственного владения. Теперь же перейдем к описанию механизма его реализации.

Первое: земли и сельское хозяйство, которые являются основой всех реформ, причем не только в Германии, но и во всех более-менее известных странах.

Все земли и все имения переходят во владение всего общества, которое представляет Государство. Они будут заново переданы в наследственное владение людям, способным на ней

работать (их кандидатуры определяет местный крестьянский совет). При распределении надлежит руководствоваться следующим принципом: никто не может владеть землей в большем количестве, чем он сможет обработать, но у него не должно ее быть меньше, чем необходимо для жизнеобеспечения его самого, его семьи (предусмотрена возможность получения небольшого дохода).

В этом вопросе Отто Штрассер оправдывает свои претензии на то, чтобы называться революционным социалистом или, чтобы быть точнее, революционером-консерватором. Ибо его предложение означает конфискацию земель у крупных землевладельцев с последующей передачей и разделом этих земель между небольшими крестьянскими хозяйствами в форме наследственного права, гарантированного государством. На практике, это нанесет сильнейший удар по интересам крупных землевладельцев Восточной Германии; на остальной части Германии уже существует крепко стоящее на ногах, со своими традициями, не бедное крестьянство. И свободное — если бы не долги.

В данном случае Отто Штрассер нападает на силы, которые вели Европу от войны к войне, которые привели к власти Гитлера, которые вызвали и нынешний конфликт. Он также ставит на кон свое политическое будущее, все свои надежды. Если бы ему пришлось пойти на компромисс по этому вопросу, хотя он никогда не шел на компромиссы, то в момент, когда нацистский режим вступил бы в стадию распада, все дороги к власти в Германии для него были бы открыты без каких-либо препятствий. Если же он не пойдет на компромисс, то самые могущественные группы в Германии будут сопротивляться его появлению на политической арене всеми имеющимися средствами, любыми доступными им способами. Но он считает, что немецкое общественное Sehnsucht неотступно требует этой реформы и не успокоится до тех пор, пока она не будет реализована.

Нужно помнить и о том, что те самые прусские магнаты, крупные землевладельцы востока Германии именно по этой причине свергли канцлера Брюнинга, человека, который имел все шансы привести Германию к мирному и плодотворному сотрудничеству с остальными государствами Европы. Он тоже хотел разделить эти крупные имения, многие из которых давно уже находились в состоянии банкротства и были по уши в долгах перед государством («Помогите крестьянину!»). Он хотел дать эти земли уволенным из армии. На самом деле это и было выполнение обещания, данного президентом, фельдмаршалом фон Гинденбургом солдатам, которых он привел с фронтов Первой мировой, во время выборной кампании, когда он выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Но когда он стал президентом, упомянутые землевладельцы Восточной Германии скинулись и купили для Гинденбурга большое имение на востоке. В результате он стал одним из них. А когда Брюнинг предложил разделить эти земли, они сказали Гинденбургу: «Это — сущий большевизм!» И он рассердился на Брюнинга, снял его с должности и поставил на пост канцлера выдвиженца от тяжелой промышленности, Франца фон Папена.

Вот так в Германии начался период политического хаоса, который закончился триумфом Гитлера. Но еще до его победоносного прихода во власть другой канцлер, генерал зфон Шлейхер, вновь попытался реализовать этот план в надежде собрать вокруг себя достаточно здравомыслящих немцев, чтобы противостоять Гитлеру и, в конце концов, удалить его с политической арены. И снова произошло то, что случилось с Брюнингом. Землевладельцы вновь шепнули стареющему президенту заветное слово: «Большевизм!», Шлейхер был отправлен в отставку (а потом и убит), а его место занял Гитлер.

Вот почему, принимая этот вызов, Штрассер совершает весьма храбрый поступок. Я говорю об этом так подробно потому, что это — ключ к пониманию общегерманской ситуации и проверка его искренности.

Еще до прихода к власти Гитлер заручился поддержкой упомянутых могущественных землевладельцев Восточной Германии, отменив в нужный момент пункт первоначального варианта программы национал-социалистов, тех самых «Двадцати пяти пунктов», который требовал конфискации крупных земельных владений. Придя к власти, он принял *Erbhofgesetz*, Закон о наследовании земли, единственный правовой акт из всего массива нацистских законов, имеющий отдаленное сходство с его социалистической программой и планами Отто Штрассера по возрождению жизни в аграрном секторе Германии. Согласно этому закону, на деревне создавалась система неотчуждаемого, наследственного владения. Однако среди крестьянства подобная практика уже существовала — правда, в той мере, в какой ей позволял это делать существовавший капиталистический строй. Но он не делал главного — не устранял те факторы, которые на деле работали против формирования процветающего, благополучного, наследственного крестьянства. Он оставлял капиталистическую систему без изменений, так что на деле крестьяне были не свободными людьми, но рабами кредитов, которые им приходилось брать в банках либо у частных лиц в ближайших городах. Закон также не изменил существовавшую систему налогообложения, которая была очень сложная и обременительная и требовала от крестьянина уплаты наличными, что, соответственно, периодически ввергало его в долговую кабалу. Не уменьшил он и груз закладных по фермам, которые на бумаге считались свободными, неотчуждаемыми и свободными для завещания. И самое главное — этот закон защищал крупных землевладельцев, разрушая таким образом, надежды второго и третьего сына крестьянина на получение ими независимости в плане обладания своим земельным участком.

Вот так Отто Штрассер выдвигает на первый план своей программы, своей системы «немецкого социализма» эту величайшую и крайне взрывоопасную реформу. Реформу, которую Гитлер обещал, но потом «забыл», как, впрочем, и все остальные свои обещания. Реформу, которую хотел реализовать консервативный католик-канцлер, ныне на протяжении многих лет находящийся в ссылке. Реформу, которую хотел процвести в жизнь один прусский генерал, ныне уже мертвый. Реформу, которой, вне всякого сомнения, ждет каждый немец.

Я уже говорил, что аграрная реформа — это своего рода необходимая лакмусовая бумажка, которая является доказательством искренности намерений Отто Штрассера. Потому что если он откажется от нее, то сразу получит огромную финансовую и политическую поддержку, дружеское отношение и участие влиятельных лиц — даже находясь в ссылке.

Крестьянин, хуторянин, мелкий земельный собственник и все остальные, кто, по системе, предложенной Штрассером, будут таким образом держать землю во владении, получив ее от государства, и передавать перед смертью своему сыну, будет платить государству единый сбор — десятину, выплачиваемую либо наличными, либо натурой. На практике эта реформа может означать, что основная масса крестьян останется при своих прежних владениях, ибо из 5 096 533 хозяйств, существовавших в Германии по переписи 1925 года, только 18 668 попадали под категорию крупных хозяйств, т. е. их площадь была 200 га и более. Но эти 18 668 землевладельцев имели в собственности почти пятую часть земель сельхозназначения. И именно эти земли предлагалось использовать для создания новых крестьянских хозяйств.

Согласно этой реформе, говорит Отто Штрассер, основная часть немецкого крестьянства останется владеть тем, что у них уже есть. Но они впервые станут по-настоящему свободными —

поскольку ликвидация юридического статуса «частной собственности» и введение вместо него статуса «наследственного держания», получаемого от государства, неизбежно и закономерно повлечет за собой отмену ипотечных залогов. Земля, которую дает в пользование государство, уже по определению не подлежит залогоу.

Таким образом, крестьяне, освобожденные от груза по выплате процентов и уже не являющиеся частными собственниками своего имущества, впервые станут по-настоящему свободными людьми и будут свободно пользоваться своей землей. Освобождение немецкого агрария от долгов и невозможность нового закабаления крестьян также является одним из основных компонентов «немецкого социализма». Для того чтобы спасти кредиторов от разорения, существующие залладные будут обменены на беспроцентные долговые обязательства, предусматривающие трехпроцентные амортизационные выплаты ежегодно, которые будут осуществляться за счет средств, получаемых от выплаты десятины. Крупные землевладельцы, лишенные права владения, останутся владельцами достаточно больших участков земли и будут также получать компенсацию из средств, направленных на ликвидацию залладных.

Этот процесс, как представляет его себе Отто Штрассер, займет несколько лет, но, полагает он, его практическая реализация будет достаточно легкой.

Однако достаточно о сельском хозяйстве, скале, на которой должно быть построено любое правильное и благополучное государство. Все эти идеи приводил и Гитлер, но он характеризовал их как путаницу, свойственную «недоумкам» — марксистам, большевикам, либералам, демократам и т. д., и т. п. Именно с помощью таких слов жулики и глупцы всегда хотят скомпрометировать устремления порядочных людей. Я же предоставлю читателю самому сравнить этих двух людей, их идеи, их деяния, их жизнь, наконец.

А как обстоит дело с промышленностью? Это, пишет Штрассер, очень сложный вопрос, который предполагает совсем другое решение. Сельхозпредприятие основано, главным образом, на труде одного человека и его родственников; промышленное же — на сотрудничестве владельца и рабочих. Сельское хозяйство зависит от качества земель и климатических условий; промышленность — от поставок сырья, комплектующих и сбыта продукции. Источники сырья расположены частично на территории Германии, а частично завозятся из-за рубежа. Желая организовать эффективную, но без разграбления, эксплуатацию первых и оправданные по размерам поставки вторых, Отто Штрассер предлагает выстроить экономическую и торговую политику страны с расчетом на максимально возможное самообеспечение, а внешнюю торговлю построить исходя из здоровой необходимости. Таким образом, государство сможет обрести достаточное влияние по вопросу поставок сырья, чтобы соблюсти интересы всей нации.

Именно по этой причине государство будет иметь своих представителей (наряду с другими участниками) в промышленных предприятиях. В этой сфере существуют три интереса, говорит Отто Штрассер — интерес собственника, рабочих и общества. Ни один из них не имеет абсолютной власти — ни собственник, как при капитализме; ни государство, как при фашизме (хотя на практике и при этой системе собственник сохраняет свои неограниченные права); ни рабочие, как при коммунизме (хотя и в этом случае это только декларация, поскольку реально управляют государство и его чиновники).

Общество, которое представляет государство, должно по мнению Штрассера, стать владельцем промышленных предприятий, которые, подобно сельхозугодиям, будут переданы в

наследственное владение государством же. Оно будет как бы вновь даровано владельцу, но уже в качестве узуфруктария, а вместо нынешних налогов государство будет получать единый платеж из прибыли предприятия, размер которого будет периодически определяться. Оно будет направлено на покрытие расходов государства и будет иметь первенство перед прибылями и запасами.

Вот так будет введен в промышленности порядок, предполагающий, что владельцем предприятия является общество при равном участии государства, узуфруктария и рабочих. Руководителя предприятия будут, как и сейчас, назначать, исходя из его энергии и профессиональных качеств, позволяющих предприятию развивать производство. Он, общество и трудовой коллектив будут владеть равными долями в управлении, капитале и прибылях предприятия. Со своей трети рабочие будут получать пусть и не очень большую доплату к своим зарплатам; но зато у них будет чувство совладения и ответственности. Они смогут подняться над положением рабов — придатков машин. Отто Штрассер пишет, что, с одной стороны, эта система породит класс ответственных промышленных лидеров, совершенно непохожих на капиталистов-грабителей дня сегодняшнего, а с другой — нынешняя масса неимущих, бедных, зависимых, живущих на одну зарплату фактически крепостных, которых никто не слышит и о которых никто не думает, уступит место классу свободных тружеников, которые будут обладать статусом совладельцев и чувствовать свою ответственность за судьбу предприятия.

Отто Штрассер поясняет и разницу между воздействием на экономику «немецкого социализма» и капитализма и социализма в современном понимании этих слов.

Его социализм отличается от капитализма тем, что частное владение средствами производства будет отменено — их нельзя будет ни купить, ни продать, а только получить в пользование от государства; поэтому как бы ни были велики у человека финансовые возможности (и это хорошо, когда они есть), но они, тем не менее, не смогут привести к возникновению тех негативных моментов, которые существуют при диком капитализме. Рабочие, государство и глава концерна становятся партнерами, причем последний — это не просто лишенный всего «капиталист», но — узуфруктарий, пользователь. Обязательства по воплощению здоровых экономических схем и учет интересов всех сторон в отношении главы концерна будут гарантированы двумя третями большинства — рабочими и государством.

От Марковского варианта социализма его схема отличается тем, что сохраняется личная инициатива руководителей промпроизводства. Она ограничивается только с учетом потребностей всего общества. Конкуренция между отдельными концернами осуществляется в рамках государственной экономической политики. отождествления понятий «государство» и «промышленность» или чиновничества с руководителями предприятий не происходит, так что нет здесь места и произвольной эксплуатации рабочих со стороны «государства».

Здесь встает вопрос о практическом выполнении этих обещаний в промышленности и на селе. Их реализация зависит в первую и главную очередь от Отто Штрассера или от человека, ему равного, если он придет к власти, а затем — от изменения законодательства, регулирующего экономическую систему Германии — то есть от ликвидации юридического принципа частной собственности, не ограниченного никакими национальными, социальными, моральными или иными соображениями.

Если это препятствие будет взято, говорит Штрассер, то никаких особых трудностей в воплощении принципов «немецкого социализма» в промышленном и аграрном секторах не будет. «Самый простой метод, — пишет он, — заключается в том, что надо преобразовать все

промышленные концерны и большие предприятия, предварительно установив планку по количеству сотрудников, в акционерные общества. В этом случае разделение на три части собственности, управления ею и прибыли можно будет осуществлять без особых хлопот. Но такое акционирование должно в корне отличаться от того, которое существует сегодня. Эти акции должны быть занесены в Национальный регистр собственности полностью на имя держателя; их нельзя будет ни продать, ни заложить, поскольку по природе своей эта собственность находится в держании от государства».

Очень часто по поводу тезиса о промышленности мне возражали, пишет Штрассер, следующее: мол, при таком порядке возникнет новая капиталистическая система. Но данное возражение, замечает он, не учитывает принципиальной разницы между капиталистом, который бесконтрольно распоряжается финансовыми средствами, и потенциальным руководителем, которому это предприятие дано в пользование. Да и вообще, оппоненты упускают из вида тот факт, что капитализм, то есть экономическая и финансовая власть, основанная на неограниченном владении монопольными товарами, не может просто повториться еще раз, потому что не одни богачи смогут покупать акции предприятия, поскольку оно будет дано в пользование государством. Он мог купить неограниченное количество товаров, которые производятся в огромных количествах, например, тюбиков с зубной пастой, но он не сможет купить то, что существует в ограниченных масштабах, то есть землю, полезные ископаемые, средства производства.

После сельского хозяйства и промышленности Отто Штрассер начинает рассмотрение третьей важной проблемы — проблемы мелких собственников, ремесленников и торговцев. Здесь он также определяет ряд задач и предлагает пути их решения.

В этом блоке он рассматривает «независимые небольшие компании, в которых трудится несколько человек — служащие, продавцы, работники, ученики, имеющих все основания стать в перспективе владельцами бизнеса. Подобные малые предприятия очень сильно отличаются от больших компаний. На большом заводе результат работы, а следовательно, и благополучие каждого зависит от сотрудничества всех участников процесса; на маленьких же предприятиях все зависит от личности владельца».

Так, на больших предприятиях (как я уже говорил) Отто Штрассер намерен предоставить равное право голоса по всем вопросам всем трем участникам — руководству, рабочим и государству, — но на малых предприятиях он полностью оставляет управление в руках хозяина. «Но, — говорит он, — при социалистической системе такая степень личной свободы возможна только в том случае, если личность подчинена обязательствам, которые стоят на защите интересов всего общества». С этой целью Штрассер предлагает возродить в новой, учитывающей реалии времени форме еще один проверенный и хорошо зарекомендовавший себя институт — немецкую гильдию.

Согласно штрассеровской системе «немецкого социализма», кустари или, если угодно, ремесленники, торговцы, люди свободных профессий будут объединены в гильдиях, которые получат от государства определенные права и, в свою очередь, будут гарантировать сбор со своих членов установленных сумм в качестве вклада в покрытие госрасходов. Гильдии будут выдавать право на звание хозяина и право заниматься определенным видом деятельности или ремеслом. Они также будут решать, сколько можно брать на работу учеников и т. д.

«Сделав это, мы лишим возможности любого человека бесконтрольно осуществлять какие-то свои планы или же неверным образом пользоваться экономической свободой». При такой

системе, говорит Отто Штрассер, рабочие малых компаний не будут, в отличие от работников больших предприятий, иметь долю в собственности, прибылях и управлении. Даже может показаться, что они поставлены тем самым в какое-то ущербное положение. На самом деле это не так. Будучи наемными работниками и учениками, они твердо уверены в том, что если они пройдут все необходимые испытания, то смогут и сами стать хозяевами.

«Выдвижение кандидатов и их направление в школы и университеты, а оттуда — в те сферы, где они более всего необходимы, должно регулироваться в соответствии с требованиями и потребностями всего общества; но такое вмешательство в свободу выбора, которое, увы, неизбежно, будет компенсировано тем, что для принявших эту схему будет гарантирована разного рода поддержка. Причем подобное регулирование будет осуществляться не со стороны государства, со стороны органов самоуправления, которые в самой малой степени подчинены контролю со стороны государства».

(Это один из самых интересных моментов, который обязательно нужно отметить. Дело в том, что в одной сфере жизни идеи, защищаемые Отто Штрассером, уже реализуются или, точнее, никогда и не переставали реализовываться. Речь идет о профессии аптекаря. В Германии только государство имеет право дать разрешение на открытие аптечного бизнеса, и это разрешение нельзя ни купить, ни продать, ни завещать, ни передать по наследству. По смерти владельца патента он возвращается государству для того, чтобы быть выданным следующему кандидату.)

Практическая реализация его предложений по организации небольших компаний и профессиональных гильдий, говорит Отто Штрассер, достигнет максимального результата, если использовать остатки механизма старой системы гильдий, которые еще существуют в Германии. Он снова видит стимул для большинства самых важных сфер немецкой экономики в устранении ужасно сложной и обременительной системы налогов, принявшей в наше время просто-таки нечеловеческие очертания. Гильдии будут платить единовременную сумму государству, которую будут составлять единовременные выплаты ее членов.

Юридический принцип неограниченной частной собственности при штрассеровском «немецком социализме» сохранится в неприкосновенности только в отношении владения жилой недвижимостью — но при условии, что все вновь возводимые дома будут строиться на участках, не находящихся в чьей-то безусловной собственности, но также полученных во владение от государства.

Я предоставил краткое, но, надеюсь, вполне достаточное описание «немецкого социализма» Отто Штрассера и той экономической системы, которую он намерен построить в своем Четвертом рейхе, о справедливом социальном устройстве, которое он замышляет.

Далее возникает вполне закономерный вопрос — а каково будет политическое устройство этого государства? Будет ли это монархия, республика, централизованное или децентрализованное государство? И по этому вопросу планы Отто Штрассера дают нам весьма интересную пищу для размышлений. Те, кто сегодня так или иначе изучает его теорию государства, обязательно должны помнить, что она была сформулирована десять лет назад, и это придает еще больше важности тому факту, что сегодня, в начале войны, когда будущее абсолютно неясно, некоторые его идеи, высказанные еще тогда и в самых общих чертах, сегодня вызревают в умах огромного числа людей во многих странах.

Итак, первое, о чем я скажу, так это о принципах, на которых Отто Штрассер основывает политическую структуру немецкого социалистического Четвертого рейха. Его главный принцип, золотое правило, говорит он (и в этой книге я уже показал, каким образом он пришел к данному заключению), состоит в том, чтобы любой ценой избежать этого ужасного господства чиновников, этой чудовищной бюрократии, сросшейся со своими местами, из которых, кажется, уже ничто не сможет их выгнать. Он просто одержим этой идеей, но это — правильная одержимость.

Во-вторых, — и это особенно интересно, потому что относится ко времени разрыва с Гитлером — максимально возможное самоуправление во всех областях немецкой жизни. Крестьяне, а не чиновники, будут решать, как доить коров; обувщики, а не чиновники, будут определять, как шить обувь; мясники, а не чиновники, будут решать, когда забивать скот; врачи, а не чиновники, будут решать, какая реформа необходима для здравоохранения; саксонцы, а не прусские чиновники, будут решать вопросы, связанные с Саксонией. (Гитлер посадил на шею своих соотечественников-австрийцев целую орду прусских чиновников.)

В-третьих, это — федерация. Это прямая противоположность гитлеровской теории о централизации, которую он воплощает на практике, о сосредоточении всей власти в руках одного человека, так что получается, что его слово является законом для самых отделанных уголков страны, теории об одной столице, одном парламенте и т. д.

Отто Штрассер намерен разрушить последние остатки этой системы (напомню, что его план датирован 1930 годом, до прихода Гитлера остается целых три года) и построить новую систему, основанную на принципе федерации. Он говорит, что местные различия в религии, традициях, обычаях и характере в Германии слишком велики, чтобы жестко централизованное управление имело шансы на успех.

Этот момент, как мне кажется, наиболее интересен во всей политической философии Штрассера — во всяком случае, сегодня-то уж точно. В настоящий момент государственные деятели, политики, заговорщики, интриганы ломают головы, пытаюсь ответить на вопрос: какой будет Германия по окончании этой войны — учитывая, что мы в ней в конечном итоге победим — и как сделать так, чтобы она заново не возродилась в своем ужасном военном облике, чтобы вновь нанести нам удар, и даже не пыталась это сделать.

Первым и самым важным, жизненным условием будущего мира, по моему убеждению, должно быть следующее: после этой войны все страны должны занять жесткую позицию и в корне пресечь любую попытку со стороны новой Германии, направленную на пересмотр границ силой. Они не должны бояться или сидеть и с равнодушием взирать на то, как она подминает одну страну за другой, и ждать, пока опасность возрастет до такой степени, что всем придется в панике бросаться в последний момент к оружию.

Если после этой войны у нас не будет подобной решимости, то никакие словесные выкрутасы, никакие обращения к здравому смыслу Германии, никакие призывы к третьим сторонам заключить с этой страной какие-нибудь договоры и даже никакой новый режим, который установится в Германии, не гарантирует нам мира. Этот момент мы все должны четко понимать, потому что без него мы не можем рассчитывать на то, что Германия, не важно, какая — Гитлера, Геринга, Гогенцоллернов и даже Германия Штрассера — будет проводить мирную политику, потому что миротворцы вновь будут объявлены вне закона, подвергнуты гонениям и казням, как это случилось при Гитлере. Не Германия, а мы должны после этой войны управлять мирным процессом, как было в 1918–1939 годах.

Допуская, что эта несложная мысль каким-то образом дойдет до сознания английского руководства и что они соответствующим образом выстроят свою политику, я, тем не менее, хочу подчеркнуть, что после этой войны на карте должна появиться новая Германия, которую будет возглавлять человек, желающий мира, и который будет понимать, что жить в мире гораздо выгоднее. Но какой должна быть эта Германия?

Сегодня люди, определяющие движение фигур на политической сцене мира, проигрывают разные сценарии. Одни Додумывают над тем, чтобы восстановить две Германии, Германию Гогенцоллернов и Германию Габсбургов, то есть вернуть к власти королевские фамилии, которые Первая мировая согнала со своих мест, князей, чей неутолимый милитаристский аппетит никогда нельзя было удовлетворить. Другие не против вернуть к жизни все немецкие монархии, возродить все «дорогие маленькие германии» милого XIX века, всех царей, князей и т. д. Но очень скоро все эти корольки будут в очередной раз поглощены королем Пруссии, все начнется сначала.

Взгляды Отто Штрассера на будущую структуру Германии крайне интересны, особенно с учетом проблем дня сегодняшнего. Такое впечатление, словно он видел на десять лет вперед, понимая, что рано или поздно мир задумается над этим вопросом. Ведь правление Гитлера лишний раз показало, что это не что иное, как триумф Пруссии. Его единоличное господство, указания, отдаваемые всем из Берлина, вполне подтверждают это. Его Grossdeutschland, Великая Германия есть не что иное, как Великая Пруссия, которой подчинены все остальные, готовая к новой завоевательной войне. Вот почему в высшей степени заслуживает внимания тот факт, что Отто Штрассер еще десять лет назад в качестве краеугольного камня своей схемы нового германского рейха предложил разрушить Пруссию. (И сегодня это — одно из главных его предложений.)

«Я знаю, — писал он, — что каждое предложение по расформированию Прусского государства подвергается нападкам, в упреках в непатриотизме, поскольку в результате этой меры якобы исчезнет созидательный прусский дух. Я слишком хорошо знаю о той роли, которую Пруссия и прусский дух сыграли в истории Германии, чтобы уступить каким-либо антипрусским настроениям, источником которых, быть может, является даже моя родная Бавария. Но внимательное изучение немецкого характера и немецкой истории показывает, что прусский вариант решения общегерманских проблем был лишь аварийным выходом, хотя это никак не умаляет всего того, что сделали с его помощью Фридрих Великий и Бисмарк. В либеральную эпоху только господство Пруссии дало возможность сформировать твердое основание для построения рейха. Но сегодня немецкий народ становится нацией, и это требует переплавки этого исключительного, малогерманского духа и всех его проявлений». Было ошибкой, продолжает он, автоматически ставить клеймо «сделано в Пруссии» на всех немцев. Время требует не подчинения всех типов немцев какому-то одному, но смешения этих типов, брака «прусского» и «австрийского» духа, чтобы из их союза на свет явился настоящий немец.

Этот настоящий немец, пророчески писал Штрассер (и эти его слова заслуживают восхищения, поскольку он писал их в то время, когда Гитлер говорил Германии, что весь мир и особенно Европа являются ее непримиримыми врагами), «будет обладать тем европейским сознанием, недостаток которого столь зловеще просвечивает в этом прусском продукте».

Я выделил курсивом эти слова потому, что они имеют непреходящее значение. Нужно было иметь большое мужество, чтобы произнести их в то время; они совершенно противоречили общему настроению, охватившему в тот момент Германию. Они показывают нам человека,

который думает так же, как думает любой нормальный человек в любой стране — как человек мирный.

Именно поэтому, пишет Отто Штрассер, Немецкий Союз будущего не может управляться централизованно из одного места. Да, это должен быть унифицированный рейх, но в его основе лежит федеральный принцип, деление на *Landschaften* (иначе говоря, кантоны), которые будут сформированы при условии изменения ныне существующих и закрепленных юридически границ. Таких кантонов будет двенадцать или пятнадцать, а их границы будут проведены с учетом религиозных, исторических, народных традиций, а также *stammes- und sigen* (родовых) особенностей.

В 1930 году подобное предложение звучало более чем смело. Сегодня оно уже переходит в разряд практической политики. Это единственное предложение, которое я когда-либо слышал, дающее Германии реальную надежду на то, что после этой войны она сможет влиться в европейскую семью. И если мы хотим, чтобы новая Германия черпала вдохновение в стремлении к миру, то реальность нашего желания зависит только от того, будет ли у других стран желание заставить ее соблюдать мир. Если же этого желания не будет, то даже штрассеровская Германия не будет придерживаться мирной линии, поскольку он, или другой, подобный ему человек со временем будет задавлен и смещен старыми, могущественными, желающими войны группировками, существующими в Германии. Но если мы обеспечим такую поддержку извне, то такой человек, как Отто Штрассер, сможет сделать из Германии страну, которая захочет сохранять мир, поскольку к руководству ею придут люди, которые хотят мира.

Итак, он выступал за разрушение Пруссии, и это был поистине единственно верный и правильный подход. Если Пруссия сохранится, сохранив за собой территорию, превышающую территорию всех остальных германских земель, то рано или поздно, говорил он, она вновь распространит на свою власть и вырвет их из европейской семьи и вновь приведет к войне — собственно, это и случилось при прямом участии Гитлера.

Поэтому Отто Штрассер хочет «распустить» Пруссию, Шавно как и другие большие и малые немецкие государства с их династиями, ликвидировать даже воспоминания о княжеском феодализме и нарисовать новую карту Германии — уже поделенной на кантоны. От Пруссии не останется ничего, за исключением Бранденбургских земель в границах исторической Бранденбургской Марки — *Landschaft* или Кантон г. Бавария будет разделена на три части по «племенному» признаку — Баварский кантон, Швабский и Франконский. Ганновер, Рейнланд и Гессен останутся теми же, но уже в форме кантонов. Тюрингия увеличит свою территорию за счет включения Эрфурта, а Саксония — за счет присоединения Магдебурга. Швабия поглотит Вюртемберг, Баден и нынешнюю баварскую провинцию Швабия.

Таким образом, рейх возникнет как федерация двенадцати или пятнадцати равнозначных кантонов. Старый жупел господства Пруссии, милитаризма и войны исчезнет, сделав при этом все (это уже мое дополнение), чтобы остальной мир был готов противостоять любому возрождению этого духа.

На мой взгляд, эта схема будет справедлива в отношении немцев и принесет надежду Европе, так что я бы отнесся к ней с максимальным вниманием.

Как, кем и с помощью каких механизмов эта немецкая федерация будет управляться?

Принцип, согласно которому к власти в стране должны прийти самые компетентные немцы, говорит Отто Штрассер, исключает наследственную монархию. Человеческий опыт не предполагает, а возможности человека опровергают тот факт, что личные качества могут быть унаследованы в такой степени, что сын руководителя автоматически становится следующим лидером нации. Система наследования руководства страной также противостоит принципу, согласно которому каждый представитель нации имеет одинаковые стартовые возможности. Система, которая гарантирует человеку высший пост в стране только исходя из его происхождения, в корне противоречит «немецкому социализму». Остается выбор между выборной монархией и республикой. У них много общего, например, то, что глава государства выбирается, в первом случае пожизненно, во втором обычно на определенный период.

Однако подобные ограниченные периоды, пишет Штрассер, несут за собой опасность, что кандидат, стремясь обеспечить себе повторное избрание, пойдет на уступки электорату, что, в свою очередь, создает опасность для самого принципа справедливости деятельности его правительства. Все это может привести к коррупции, к использованию грязных выборных технологий. Эта опасность исчезнет, если глава государства будет выбираться пожизненно. Это даст ему независимость от избирателей и предоставит возможность строить долгосрочные планы вне зависимости от переменчивости общественных настроений.

Поэтому Отто Штрассер видит во главе своего федерального Немецкого социалистического рейха пожизненно выбранного Reichspräsident. История снова голосует за этот выбор, потому что на протяжении столетий немцы выбирали себе правителей. А как его называть — император, президент — разницы никакой, говорит он.

Четвертый рейх, который Штрассер намерен построить на основании немецкого социализма, будет иметь рейхс-президента, Парламент и Федеральный совет. Аналогично и каждый кантон будет иметь президента и парламент. Федеральный же совет будет состоять из представителей кантонов, главным образом, из кантональных президентов. Федеральный совет будет избирать рейхспрезидента — как кардиналы папу римского.

Все парламенты, федеральный и кантональные, также будут избираться; но не политическими партиями, а пятью корпоративными группами — крестьянами, рабочими, служащими, чиновниками, людьми свободных профессий. Рабочие смогут выбирать только рабочего, люди свободных профессий — только своего сотоварища, и так далее.

Поэтому уже не будет ситуации, которая существует в большинстве стран сегодня, когда рабочих и крестьян представляют университетские профессора, журналисты, непонятного происхождения интеллигенты и прочая подобная публика. Ни одной группе не выделяют больше 49 процентов мест в парламенте, хотя каждая группа будет иметь свою квоту. Это позволит избежать диктатуры на местах — крестьян в аграрных районах, а рабочих — в районах индустриальных. Чиновники в кантонах будут назначаться из числа местных жителей.

Подводя итог краткому описанию системы «немецкого социализма», разработанной Отто Штрассером, хочу отметить вот что еще. При кантональной схеме Австрия — если на референдуме, который он предлагает провести, ее население выразит желание остаться в составе рейха — эта страна получит статус самоуправляющейся территории под названием Австрия, которой будут управлять исключительно лица австрийского происхождения.

Что касается еврейского вопроса, то по этой части Отто Штрассер испытывает глубокое презрение к методам Гитлера, и не только потому, что они грубы и отвратительны, но и потому, что они элементарно глупы. Этими методами еврейский вопрос решен не был, как, впрочем, и

основная масса других вопросов, за исключением вопросов, связанных с войной и военной промышленностью. Причем в результате он получил всемирную кампанию в защиту евреев, входе которой их жертвы и страдания были сильно преувеличены, а вред, который они причинили, был как-то забыт.

Выше я уже писал о том, что много лет назад Грегор Штрассер выгнал Юлиуса Штрайхера из партии. Гитлер же оказал Штрайхеру максимальные почести. Отто Штрассер резко критиковал методы Штрайхера в газетах, выпускаемых его издательством Kampfverlag, независимая позиция которого стала главной причиной его ссоры и разрыва с Гитлером задолго до победы последнего. Об этом, в частности, говорилось в статье под названием «Антисемитизм мертв; да здравствует национальная идея», опубликованной в 1928 году. В своей книге, посвященной немецкому социализму, он аналогичным образом критиковал восхищение расизмом — и действительно, как я уже показал в этой книге, он считал гитлеровскую расовую доктрину чем-то таким, что образованный или думающий человек даже и презирать не должен — настолько она стояла ниже него.

И действительно, все эти псевдорасистские заклинания Гитлера нельзя воспринимать серьезно, равно как и его антибольшевистские бредни, да и вообще все, что выходит из его уст. Несмотря на наличие антиеврейского законодательства, некая еврейка была его посредником на важных международных переговорах с политиками других стран. Он подарил ей свое фото с автографом и даже передал ей через своего адъютанта благодарность, в которой говорилось, что именно с ее помощью было заключено мюнхенское соглашение. Да и гестапо также то и дело использовало агентов-евреев.

Отношение Штрассера к еврейскому вопросу есть, по сути, отношение, которое сегодня завоевывает все больше и больше сторонников во всем мире — что евреи это чуждое сообщество с очень враждебной позицией по отношению религии не-евреев, которая наполняет их скрытым внутренним чувством антагонизма по отношению к нееврейским государствам, в которых они проживают, причем их религиозные законы, направленные против не-евреев, куда как фанатичнее, чем антиеврейские законы, принятые Гитлером, являющиеся лишь бледной их копией. Дело действительно обстоит именно так, и если они обладают такой врожденной, доминирующей, наднациональной, международной, направленной против не-евреев сплоченностью, то они не могут требовать, как они требуют сейчас, полных и неограниченных прав и привилегий, и не только от коренных граждан.

«Например, в Германии, — пишет он, — живет много англичан. Они занимаются торговлей, причем вполне успешно, но никто и представить не может, что они будут лезть в вожди немецкого народа, господствовать и просто монополизировать отдельные профессии и сферы деятельности, чтобы навязать чуждый строй мысли и образ жизни немецкому обществу, используя литературу, прессу и кинематограф. Так почему тогда евреи должны ощущать себя жертвами дискриминации?»

В Четвертом рейхе Отто Штрассера методы а 1а Штрайхер будут абсолютно неприемлемы и запрещены. Он введет некоторые ограничения, поскольку того требуют интересы всего общества, на неконтролируемое распространение еврейского влияния в духовной сфере страны, среди людей свободных профессий и, с учетом силы финансов, в сфере контроля за властью. По договоренности с евреями, он стремится найти средства, с помощью которых они могли бы вести достойную и нормальную жизнь в стране при условии наличия определенных ограничений,

которые установит их религия, неискоренимые черты характера и упорное нежелание ассимилироваться.

Он знает, что, конечно, определенное количество евреев может быть ассимилировано, ну или почти ассимилироваться, чтобы не возбуждать каких-то разногласий, особенно в Германии, стране, к которой почти все евреи испытывают глубокое уважение. Он также знает, что всегда останутся те, кто не будет ассимилироваться, и в их делах всегда будет проявляться скрытая враждебность в отношении того народа, среди которого они живут. Между тем, Отто Штрассер не испытывает каких-то антиеврейских настроений; я уже говорил об этом. У него были друзья-евреи, да и в Праге, как я уже писал, у него был (по крайней мере, он думал, что был) еврей-единомышленник. Правда, это едва не стоило жизни ему и уж точно стоило жизни его лучшему другу. Тем не менее, его позицию по отношению к евреям в его задуманном Четвертом рейхе можно квалифицировать как убеждение, но не как предубеждение.

Его позиция в данном вопросе является дальнейшим доказательством его искренности, ибо годы, проведенные в изгнании, были весьма экономными, а порой и просто жесткими в плане финансовом. И если бы он как-то смягчил свою позицию по этому вопросу, то он мог бы получить любую поддержку, которую пожелает политик. Но... по этому сюжету можно говорить еще очень долго.

В своей политической философии Отто Штрассер придерживается, в основном, принципов, сформулированных им при разработке теории «немецкого социализма». Он верит, и он имеет право на это, что он хорошо знает, что нужно Германии. Он не претендует на то, что ему известно, что нужно другим странам. Но он полагает, что та концепция федерации, которую он изложил на бумаге в отношении Германии много лет назад, в конечно итоге должна распространиться и на Европу. Сегодня так думают и так говорят многие; он думал об этом и заявлял еще десять лет назад. Он и правда думает, как европеец, он — один из немногих виденных мною немцев, которые на самом деле думают так.

Многие немцы говорят, как истовые европейцы, но задайте им один вопрос, как говорится, для проверки — и тотчас же наружу полезет тот дух, который Отто Штрассер называл «пруссачеством», который и весь мир зовет «пруссачеством». А вот у Отто Штрассера я этого не заметил. Я говорил это и повторю: единственной гарантией мира с Германией является осознание ей самой, что если она применит силу, то ответ на это будет более чем адекватный. И если этого понимания не будет в головах немцев, то рано или поздно они опять превратятся в игрушку в руках дельцов от войны, а такие люди, как Отто Штрассер, снова будут оттеснены на обочину истории. Но вся его жизнь и труды показывают, что он — хороший немец и хороший европеец. Думаю, что я нарисовал правдивый портрет Отто Штрассера, человека, его жизни, борьбы с Гитлером, его идеалов, его планов на мирную жизнь и на построение Немецкого социалистического рейха, о котором он так мечтает.

Со своей стороны (думаю, что мало найдется людей, которые были бы столь же осторожны в отношении немцев, как я, о чем говорят и мои книги) я полагаю, что это тот немец, который будет работать на благо своей страны и всей Европы, короче говоря — на дело мира. И как бы ни сложилась его судьба, что бы ни случилось с нами, я рад, что знал его и что смог написать эту книгу.

ПОСТСКРИПТУМ

С огромным чувством сожаления я в последний раз пожал Штрассеру руку (мы как раз весьма плодотворно — во всех смыслах — поужинали у Перуза), промолвив: «Ну а теперь я пойду и начну писать книгу». После чего, решив немного проветрить голову перед тем как засесть за письменный стол, направился пешком в сторону дома.

Полночь еще не наступила, но на улицах Парижа было непривычно безлюдно. В отличие от Лондона светомаскировки в городе не было — огни горели слегка приглушенным светом, но улицы, разбегавшиеся во все стороны, были абсолютно пусты. Ночь была тихая, на небе сияли звезды, дул приятный ветерок, и тут мне в голову закралась мысль, что, быть может, у меня уже не будет возможности увидеть вот такой Париж. И тогда я просто пошел гулять, и так я гулял несколько часов до тех пор, пока окончательно не потерялся и стал уже задумываться над тем, как же мне попасть домой, потому как даже в освещенных местах не было ни души, да и таксисты куда-то запропастились. Я начал свою прогулку где-то на Рив Гош{68} и постепенно добрался до авеню де л'Опера — как раз, чтобы потом успеть на восьмичасовой утренний поезд.

Впрочем, у меня не было повода для беспокойства — все складывалось хорошо. Все дороги ведут в Рим, сказал я себе, а потому я шел по парижским улицам, никуда не торопясь. Появилась луна, и в ее свете Париж приобрел просто сказочный вид. Что думает человек, видя раскинувшийся перед собой Париж, улицы которого залиты лунным светом? Я вышел к Сене, но, честно говоря, даже не знал, в каком месте. Поэтому я наугад повернул налево и через какое-то время подошел к Ситэ. Тут я уже ориентировался, а потому не задумываясь направился дальше по бульвару Сен-Мишель, вспоминая о произведении Анри Мюрже{69}. Я шел и шел, и наконец дошел до самой «Ротонды», окна которой были темны и пусты. Остались ли на ее стенах какие-нибудь знаменитые картины, подумал я...{70} Затем, пройдя узкими улочками Латинского квартала, я вновь вышел на берег Сены, прогулялся набережной, пожелал доброго утра зуаву, наверное, единственному человеческому существу, которое мне попалось за несколько часов ночных шатаний, затем перешел реку по мосту и вышел прямо к Триумфальной арке, одна опора которой была обложена мешками с песком, так что издали поминала подагрика. Очень хорошо, что ее обложили мешками с песком, подумал я; от этой войны будет хоть какой-то толк, если кому-нибудь придет в голову обложить метками с песком мемориал Принца Альберта{71}.

Как я уже говорил, никогда Париж не был так прекрасен, как в эту ночь, когда я часами бродил по его улицам, не встречая по дороге ни души. Я даже не мог представить, что в городе может стоять такая тишина, тем более — в Париже, который, по-моему, с самых давних времен никогда не спит. И все-таки за мной во время этой ночной прогулки постоянно следовали два призрака — призраки Победы и Мира, которых я уже видел здесь, в Париже, но только — двадцать лет назад. Я видел ныне пустые улицы полными людей, которых я знал — англичан со всех уголков земли, прибывших с фронта в краткосрочный отпуск. Я видел себя, там же, в Париже, очарованного и ошеломленного этим городом, всего за несколько дней до окончания войны. Кстати, тогда я впервые оказался в этом городе. Я видел девушку, радовавшуюся тем дням — черт возьми! Сколько силы и энергии было в ней, после четырех-то лет войны — и ее квартиру на авеню де Ваграм. Где-то она теперь, думал я... Я видел актерку, танцевавшую на столе в ресторане «Максим». Но теперь все эти улицы были пустыни, огни притушены, шум и гам толпы давно ушли

в прошлое, забытые некогда народом магазины закрыты, да и сама Победа уже давно была в прошлом — и снова, всего лишь двадцать лет спустя, политики снова бесстрашно провозглашали, что они не вложат меч в ножны и не отступятся от начатого.

Чтоб они все, эти жирующие «бесстрашные» деятели провалились в адское пекло, со всеми его чертями, серой и муками, подумал я.

Когда я добрался до площади Согласия, а затем до Вандомской площади и улицы Фобур Сент-Оноре, где снимали помещение чехи, а также церкви Марии Магдалины, Париж уже проснулся, а потому я не преминул съесть завтрак, который мне нравился больше всех завтраков на свете — кофе с круассаном, после чего уже направился собирать вещи.

Официант принес мне кофе, я немного расслабился, наслаждаясь его вкусом и ароматом, и подумал: «Ну вот, сейчас 1939 год, я сижу здесь точно так же, как сидел в 1918-м. Тогда была война, и сегодня война. И сколько же прошло между ними... суровое, голодное время в Англии, жизнь без работы в Лондоне, работа продавцом карт в Уилтшире, бессонные ночи на Флит-стрит, поглощавшие потоки чернил и чреватые деньгами, Берлин, Гинденбург, Бренда Мэри, Гитлер, Австрия, горы, Венский лес, Литл Рокет, вторжение, Будапешт, Белград, Москва, София, Прага, новое вторжение, поездка домой, а в результате всего этого получается снова: парижское кафе и чашка кофе с круассаном».

В Париже каждая вторая женщина носит черное. Здесь вы не увидите легкомысленных девиц, не мыслящих своей жизни без еженедельных журналов мод, ради которых, как мне кажется, они готовы не только жить, но и душу свою продать. Вы не увидите здесь привычных картинок с обнаженными актрисками из ревю, на первой картинке улыбающимися резиновой улыбкой до ушей и прикрывающими срам лишь бусами, а на второй, так и быть, приносящими жертву на алтарь отечества — уже одетые и в униформу, с касками на головах они делают вид, что несут службу в частях ПВО. Здесь нет таких газет и плакатов, которые заставили бы нас думать, что эта война — сугубо война для женщин, для Home Front или для людей, которым еще нужна в этих условиях реклама.

У французов есть чувство собственного достоинства и понимания вещей. В Париже не было этой губительной для души светомаскировки, которая была в Лондоне. Это и выглядит трусливо, да и, по сути, бесполезно. Гражданское население не носило с собой противогазов, да и военные практически тоже. Но на каждой улице были закрытые магазины, которые, как я думаю, работали на протяжении не одной сотни лет.

На Северном вокзале, откуда отходил мой поезд, я увидел настоящую маскировку, маскировку духа, плачущих женщин, которых я — пусть и очень давно — видел во всех странах Европы. Рядом с моим поездом стоял другой. В нем ехали и французские солдаты, возвращавшиеся из отпусков на фронт. И до тех пор, пока поезд не тронулся, они стояли на перроне, целуя, обнимая, лаская, нашептывая что-то на ушко своим женщинам. Затем паровоз окутался клубами дыма, состав тронулся, оставляя за собой одетые в черное фигуры на платформе, которые махали ему вслед, и вскоре исчез вдаль, тогда женщины повернулись и медленно, украдкой вытирая глаза, пошли к выходу. Скоро исчезли и они.

Итак, снова, после двадцатилетней паузы. И ничего практически не изменилось. Хотя нет, одна вещь точно изменилась — это молодые парни, уходившие на войну. А вот большая часть стариков-политиков осталась прежней. В первую очередь, оружейные бароны. И это очень важно. Я чувствовал себя очень неудобно, находясь на борту пересекавшего Ла-Манш парохода, старой, видавшей виды баржи. Шла война, вокруг были британские солдаты, а я солдатом не был... Я был

единственным гражданским лицом на этом борту, не считая двух настолько много поживших на этом свете леди, что, полагаю, их внешний вид немало веселил солдат.

Там, на борту я увидел какого-то человека, которого я знал, хотя он меня — вряд ли. Думаю, что многие в своей жизни сталкивались с подобного рода ситуациями. Где-то, когда-то им показывали этого человека и рассказывали о нем нечто, что заставляло взглянуть на него с симпатией или раздражением, и потом, так складывались обстоятельства, что они постоянно встречали этого человека, который даже не подозревал, что они смотрят на него или знают о нем что-то такое, но каждый раз, когда они видели его, они думали о нем именно то, о чем им было рассказано в первый раз.

Этот мужчина был как раз именно из этой серии. Я знал, что когда-то, во время Первой мировой, он был строевым офицером. Затем, при неясных обстоятельствах, по ее окончании он ушел в отставку (или его «ушли» в отставку), и устроиться на достойную работу «на гражданке» у него так и не получилось. Поэтому он жил на зарплату своей жены, которая работала не покладая рук; иногда кто-то видел, как он выходил на прогулку с собакой. Но он никогда не преминул напомнить собеседнику, что он принадлежит к высшей касте, что у него — звание капитана и что он считает себя настоящим начальником.

И вот теперь я видел этого человека воочию; на плечах у него горели три звездочки, которые он заработал на предыдущей войне. Я смотрел на него и думал: как, должно быть, он рад тому, что началась новая война и что ему уже не нужно водить собаку на прогулку. Я смотрел на него и видел, как он дружески болтает со старшиной. Подобное панибратство показалось мне несколько необычным.

Некоторое время спустя я зашел в столовую и, усевшись за стол, обнаружил, что неподалеку сидит тот самый старшина, а рядом с ним какой-то сержант. Вдруг я услышал, как сержант сказал: «Вон он!» и пренебрежительно махнул куда-то в сторону. Из любопытства я тоже посмотрел туда. Обернулся и старшина. В нашу сторону не торопясь направлялся тот самый человек. Старшина слегка привстал из-за стола и спросил: «Выпьете, сэр?» Человек, которого я знал, подошел поближе, нехотя наклонился над стулом, на котором сидел старшина, и так же как бы нехотя проговорил: «А у тебя уже открыто?» Судя по всему, он уже не раз, как говорится, принял на грудь. Старшина, старый служака, прошедший, как я понимаю, огонь, воду и медные трубы, весело отвечал: «У нас все схвачено». На что мой знакомый пробормотал: «Ну... тогда мне виски с содовой».

Да, подумал я, все это, конечно, не очень хорошо. Но думаю (во всяком случае, мне хочется верить), что это был всего лишь единичный случай; подобные типажи всегда могут найти того, кто нальет им стакан, так отчего бы не воспользоваться услугами своего старшины, ибо презрение своих подчиненных для них ровным счетом ничего не значит.

Я с интересом наблюдал за этим человеком из своего укромного уголка, потому что он хоть и не сильно, но очень напоминал мне тот тип людей, который я ненавидел очень сильно: тех, кто расцветает на войне. Когда я служил в армии, то такого рода людей нужно было еще поискать. Думаю, что сегодня их стало гораздо больше. Случай помог мне встретить его на этом суденышке, пересекавшем Ла-Манш, и увидеть, что он ведет себя так, что все, что я слышал о нем до того, оказалось сущей правдой. Но как бы то ни было, он был рядом со мной, и для него война означала

путь к славе, она украшала его золотыми звездами, а еще она означала для него выпивку за счет старшины.

Я смотрел на этих английских солдат. В последний раз я плыл в сторону дома на таком же пароходе с людьми в солдатской форме аккуратно после окончания Первой мировой войны. Дело было ночью, в небе стояла полная луна. Я стоял на верхней палубе и думал: «Ну вот, я — тут, война кончилась, я жив, а дальше-то что?» На корме парохода стояли солдаты, не «томми» (ненавижу это дурацкое слово). Их было много, они стояли тесной толпой, склонившись над бортом. На фоне залитой лунным светом поверхности моря четко виднелись их лица, и они негромко и очень слаженно пели:

«Мы поем хорошую шотландскую песню, песню, которую поют вокруг костра; поют хором, неумело, но с душой. И ты пойдешь по одной тропинке, а я — по другой...»

Не такая уж это была и шикарная песня, да и, думаю, среди певших и шотландцев не было вовсе, однако у нас, англичан, уж и песен совсем не осталось, так что в таких ситуациях приходится заимствовать чувства и мелодии у уроженцев Уэльса, ирландцев и шотландцев. Бесшабашная юность, тяжелая война и доставшаяся немалой ценой победа были позади; впереди лежало непонятное будущее; и этой песней, разносившейся в ночи над палубой направлявшегося к берегам Англии парохода, было сказано практически все. Это была песня возвращения и надежды. И вместе с тем, это была грустная песня.

И сейчас, двадцать лет спустя, я снова стоял на палубе точно такого же парохода, среди таких же людей. Я внимательно смотрел на них. Это были brave солдаты, выглядевшие даже лучше тех, кто прошел по этому же пути двадцать лет назад. Но в них не было того буйного, радостного, непосредственного духа, который я видел в тех солдатах, которые верили (по крайней мере, многие), что после победы начнется новая жизнь. Эти же солдаты вели себя спокойно и деловито. Мне казалось, что они напрочь лишены каких-либо иллюзий. И я подумал, что даже самый юный из них особо не думал, что их победа обеспечит свободу для малых стран или национальную независимость или что там еще... Они уже просто не верили в такие вещи — если только не родились слепыми и глухими ко всему, что творилось вокруг них.

Но в отличие от сотен политиков и разного рода писаек, которые каждый день претендовали на то, что вот они-то наверняка знают, за что сражаются эти люди, но никогда так и не сказали членораздельно, за что они сражаются на самом деле, так вот, в отличие от всех них эти ребята знали, за что они сражались. Тут и правда все очень просто, хотя по непонятным причинам ни один из наших политиков не сказал по этому поводу ни одного слова.

Если бы они не сражались сегодня, то завтра немцы были бы в Лондоне. Нам удалось ценой невероятных, нечеловеческих усилий успеть вскочить в последний вагон уходящего поезда. Думаю, что внутренний голос сказал это солдатам дня сегодняшнего, и они, вдохновившись, совершенно безропотно пошли на войну, которую, по идее, кто-то должен был предотвратить. Они уже показали, что, в случае чего, могут сражаться не хуже, а даже лучше, чем это делали их предшественники двадцать лет назад. Однако в душах их уже проросли семена скепсиса и неверия, посеянные той, прежней войной и событиями, произошедшими по ее окончании. И эти люди могут стать весьма опасными, если они увидят, что от нынешней войны польза лишь спекулянтам и что по ее окончании солдаты вновь окажутся в положении людей, с которыми мало кто считается.

Выйдя из салона, в котором невысокий капитан продолжал пить вместе со своим старшиной, в то время как товарищи последнего взирали на них с нескрываемой насмешкой, я прошел на палубу,

нашел самый наветренный уголок и, глядя на серую, покрытую клочками пены поверхность моря, погрузился в раздумья.

Я снова подумал о той войне, о тех огромных надеждах, с которыми молодежь Британской империи отправлялась на фронт, о людях со всех концов земли, которые были готовы вступить в бой только для того, чтобы сделать эту жизнь лучше. И разве это не впечатляет, разве не составляет разительный контраст с той неизбывной ложью, обманом, словоблудием, которые каждый день обрушивают на наши головы политики? Именно в этом кроется разница между идеальной верой и выжиданием тактика, между немцем-патриотом и Гитлером.

Кстати, введением всеобщей воинской обязанности в Англии, или, если угодно, Великобритании, духу нации было нанесено крайне сильно оскорбление. Ведь это та страна, пожалуй, одна из немногих стран мира, в которой нет нужды вводить всеобщую повинность, в которой вы можете буквально за считанные мгновения собрать нужное количество вполне пригодных мужчин-добровольцев. Через несколько месяцев после начала войны был опубликован призыв добровольцев для службы на минных тральщиках. Примерно в течение суток записалось свыше 24 000 человек. Помню, как в тот момент один знакомый немец, удивленно покачивая головой, сказал мне: «Вот этого я не понимаю. Немцы — патриоты, и они немедленно умрут за дело патриотизма, если им прикажут это сделать, но идти добровольцем...? Да, такое больше нигде не встретишь».

Утверждаю: в 1934, 1935, 1936, 1937, 1938 и даже в 1939 годах мы потеряли невероятную возможность показать миру, что он еще может верить в идеалы. Зачем обязывать к военной службе людей, которых можно просто призвать на фронт в качестве добровольцев, а затем еще упражняться в их адрес на отвратительном итонско-баллиолско-уайтхоллско-палестинском жаргоне, называя их «ополченцами»? Всеобщая военная обязанность является, если смотреть с точки зрения общества, системой справедливой и достойной уважения при условии, что ее и используют правильно и достойно — как, например, в Швейцарии. Но если вам пришлось действовать в стране, где положение о всеобщей воинской обязанности никогда не разъясняли населению и никто его, по сути, не понимает, и где все нормальные люди готовы в любой момент встать под ружье и без этой системы, то зачем делать из них призывников?

Если бы я мог принимать решения по данному вопросу, то я бы отменил эту норму, потому что, выражаясь фигурально, в течение пяти минут я бы явил миру одну из лучших армий на свете — армию добровольцев. Думаю, что ни один политик, рекламщик или дебиловатый кинопродюсер сможет придумать более эффективную кампанию — к несчастью, я должен использовать этот уличный жаргон нашего времени. Но они никогда не додумаются до такого, ибо их мозг слишком изощрен, чтобы поверить в нечто искреннее. И в их жизни никогда не было идеала.

Более того, им нравятся призывники. Им не нужны свободные люди, которые идут сражаться просто потому, что они — такие от рождения. Им нужны тупицы, которые будут делать то, что им скажут.

Кроме того, при моей схеме в мирное время эти добровольцы будут пользоваться преимуществами, например, при продвижении по служебной лестнице, но люди, которые разжигают войны, таких вещей не любят. Правда, сами они никогда и не воюют.

Стоя на открытой всем ветрам палубе и думая обо всем этом, я мысленно окидывал взором годы, прошедшие между двумя войнами, точнее, между двумя этапами одной войны. Теперь я думал о Германии.

Германию я видел по окончании Первой мировой, которую она откровенно проиграла. И вот буквально через десять лет после того сокрушительного разгрома она, скажу вам, была уже столь же мощной торговой державой, как и те государства, которые полагали, что разнесли эту страну на кусочки. Благодаря проделкам инфляции, она смогла избавиться от долгов. Затем она влезла в громадные долги, взяв денег у ведущих мировых держав и потратив их на улучшение замечательной и драгоценной собственности — самой Германии. Новые вокзалы, новые, современные предприятия, новые очистные сооружения, газовые станции, система коммунальных удобств в городах — все это делалось на те самые заграничные деньги, так что через пятнадцать лет, проведших после окончания той разрушительной войны, страна Германия (и я видел это своими глазами) выглядела куда лучше, чем любая другая страна, за исключением небольших, прижимистых, прилежных и процветающих демократий Северной Европы, а также Швейцарии.

Эти деньги также потеряны — ведь после нынешней войны Германия не будет уже платить по обязательствам, разве что в обмен на новые заимствования. Но все, что она уже приобрела, остается, и это делает Германию, как сказали бы агенты по недвижимости, элитной собственностью, оснащенной по последнему слову техники и в очень хорошем состоянии. В этой стране, проигравшей в той войне и, как мы думаем, кандидате на проигрыш в этой, нет трупов и заброшенных земель в привычном для нас понимании. Так неужели этот безумный процесс возобновится после войны? Неужели это и будет нашей наградой за нашу победу?

По завершении периода общественного благоустройства на зарубежные деньги Германия смогла наконец направить весь свой потенциал и все свои деньги на вооружение, и менее чем за двадцать лет после своего катастрофического поражения она стала самым мощным государством Европы в плане наземных вооружений, а также ВВС. Простым перемещением своего «веса» в ту или иную сторону она смогла постепенно порвать все путы, наложенные на нее мирным договором. В результате она смогла вернуть то, что потеряла, и даже приобрела больше, причем без каких-либо дополнительных затрат со своей стороны. Теперь она превосходила другие европейские государства не только в военном плане — не прошло и двадцати лет после поражения, как она заняла такие территории, каких не занимала никогда.

На данный момент — будем считать, по состоянию на август 1939 года — Германия была, по моему, самой завидной во всех отношениях страной в Европе. Мир, который, судя по всему, потерял совесть, был готов даже забыть аннексию Богемии и Моравии; он был готов отвернуться, если она захочет присоединить к своим владениям Гданьск; думаю, что он был готов ограничиться только протестом и осуждением, если она присоединит к себе кусочек Польши, а именно то, что называется «Польским коридором». И уж точно, в чем я уверен, мир готов так или иначе урегулировать с ней колониальный вопрос.

Мир был готов смотреть на все это сквозь пальцы, если бы Германия осталась поживать на лаврах и удержалась от дальнейших завоеваний. Иначе говоря — если бы она оставила великие державы в покое. И вот тут, полагаю я, ничто уже не могло бы помешать ей стать первой державой мира — если бы она, пусть даже на какое-то время, перешла от военных методов в политике к использованию механизмов торгового, политического или дипломатического давления. И тот факт, что Гитлер не пошел по такому пути, когда он набрал уже все что можно и был готов

получить и остальные, последние «дивиденды», как раз и свидетельствует, по моему мнению, о том, что в глубине души он был настоящим предателем немецкого народа.

И все-таки, как мировое сообщество могло полагать или думать, что Германия пойдет именно таким путем? Ведь немцы всегда обладали врожденной страстью к военной службе, к войне, и ничего странного в этом нет. И любой немец, который бы окинул взглядом прошедшие двадцать пять лет, волей-неволей сказал бы себе, что война заплатила Германии. Глупо говорить, что война ничего не решает — война ничего не достигает. А рядовой немец видел вокруг себя страну, которая, в сухом остатке, получила выгоду даже при поражении, которое все исследователи единодушно называют самым масштабным в истории. И он видит не только то, что его рейх стал более сильным, а его армия — более мощной, чем была до той войны; он видит, что и условия жизни в стране стали значительно лучше. И чего ради, говорит ему в таком случае внутренний голос, мы должны вступить на путь мира? Даже проигранная война уже не кажется ему совсем провальным вариантом, а уж война победоносная сулит ему и вовсе волшебную картину благополучия, прирастания территорий и славы.

Стоя на палубе парохода, шедшего через Ла-Манш, и обдумывая все эти вещи, я пришел к весьма мрачному заключению по поводу возможного мира. Допустим, хотя бы на мгновение, что мы сможем победить именно мирным путем, в самом точном понимании этого слова, так что война не переродится в полный бардак, участниками которого станут непримиримые генералиссимусы, местные диктаторы и всякого рода анархисты. Допустим, что каким-то образом мы сможем дожать Германию до такого состояния, что она пойдет на заключение мира, даже невзирая на помощь со стороны своих союзников-большевиков. Но не сыграет ли ей на руку такой мир опять, пусть и через несколько лет?

В этом-то и коренится главная опасность, ибо Англией правят те же самые люди, которые привели ее от состояния мнимого счастья к нынешней войне. Ведь те же лорды, политики, промышленные магнаты, о которых я говорил в этой книге, продолжают, причем в самый разгар войны, творить свои безумные заклинания: «Не допустим второго Версаля», «мы против кары во имя мира», «мы не боремся за границы, установленные Версальским договором», «мы не желаем устанавливать прежние погранпосты» и так далее до бесконечности.

Думаю, что на Британских островах живет свыше сорока миллионов человек. И вот этих сорок с лишком миллионов человек заставили, с помощью таких дурацких лозунгов, поверить в то, что к войне привел именно Версальский мирный договор, а никак не тупость наших собственных руководителей. И еще я предполагаю, что более сорока миллионов британцев никогда не читали текста Версальского договора и даже не подозревают, в чем он состоит.

Громкоголосая группа экспертов с Пэлл-Мэлл, которая так шумно и долго пытается нас убедить в том, что все будет хорошо, если только Франция поступит с Германией честь по чести, готовится с новой силой горланить о том же, буде воцарится мир.

И вот тут-то мы вновь сталкиваемся с очень серьезной опасностью. Французы ведут себя очень терпеливо по отношению к нам, но они не позабыли, как правители Британии на протяжении почти двадцати лет полагали, или делали вид, что полагают, что на пути удовлетворения Германии и умиротворения Европы стоит одна лишь злокозненная Франция. Они не позабыли, как в тот момент, когда Германия сбросила маску и открыто явила свою личину смертельного врага, причем не Франции, но Великобритании, Франция спокойно стояла на линии Мажино в ожидании, когда же Британия наконец снимет свой костюм для гольфа и натянет полевую форму.

Французы, которых я встречал, будучи в Париже, были готовы безо всяких колебаний пойти на фронт, хотя они и всей душой желали мира. Все они, как один, задавали мне следующий вопрос: «Когда наступит мир, вы будете с нами или вся эта болтовня начнется опять? Или мы снова станем козлами отпущения для ваших политиков? Или вы будете капать нам на мозги, чтобы мы вели себя смиренно по отношению к Германии, пока она не начнет новой войны — а потом будете смотреть, как мы обороняем линию Мажино, а сами будете неторопливо собираться на подмогу?» Я видел, что этих людей обуревают дурные предчувствия, и это, было очень опасно для нас, поскольку, как я уже говорил, война только началась, а французские крестьяне уже полугода томились на линии Мажино, думая о том, что делается там, у них дома, на фермах. Рядом с ними бок о бок стояли французские торговцы, которых терзали мысли о судьбе их дела, и все это, конечно, сказывалось на состоянии их духа не самым лучшим образом. И все это время немецкая пропаганда внушала им, что, собственно, Германия вовсе не хочет воевать с Францией, а просто намерена раз и навсегда разделаться с этими невыносимыми *Engländer*. Поэтому если на Британских островах найдется хоть один человек, который сможет убедить какого-нибудь политика прислушаться к себе и прочесть хотя бы пару книг по истории Европы да еще попытаться разобраться во взаимоотношениях Франции и Германии, то, надеюсь, что этот человек не отступится от своего и не «слезет» с этого политика до тех пор, пока тот не начнет понимать хоть что-нибудь в этом вопросе.

Все эти крики насчет «не допустить второго Версаля», «нет карающему миру», которые так беспокоят французов, являются, скорее всего, той сугубо британской формой христианства, которая, лелея в душе надежду, что ей простят ее собственные злоупотребления, готова простить и зло, которое причинила Германия полякам и чехам.

Лига Наций была тем недостижимым идеалом, которым размахивали перед британцами после последней войны. На этот раз роль такого идеала призван играть некий «Федеральный союз»^[72]. Новый лозунг и новое грядущее разочарование, если только не появится политическая воля к прекращению войны — ведь словами ее не остановить.

Когда же эта война уже разрослась до угрожающих размеров, наши правители принялись кричать, что Лига Наций не справилась с поставленной задачей. Все это напоминало ситуацию, когда управляющий директор большого концерна видит причину банкротства всей конторы в недостатках своей секретарши. Франция вместе с Британией держали в своих руках почти 70 % акций этого, с позволения сказать, «концерна», и его успех или крах зависели исключительно от них. Предприятие загнулось по причине именно их неумелого руководства, и говорить о том, что банкротство стало результатом политики таких малых «акционеров», как Исландия, Коста-Рика, Гаити или Болгария, по меньшей мере, нелепо.

Сама по себе Лига Наций была здоровой идеей, но при условии, что главные игроки были готовы выполнять все принятые на себя обязательства. Главное же обязательство заключалось в том, чтобы возглавить весь пул участников в вооруженном противостоянии с теми, кто нарушает мир. Если подобная решимость, направленная на выполнение этой цели, будет иметь место, то тогда Федеральный союз может рассчитывать на успех, хотя ровно то же самое могла сделать и Лига Наций. Если же такового намерения не будет, то лозунг сам по себе окажется пустым звуком, а организация — мертворожденным ребенком, как, впрочем, и та, прежняя. Само по себе изменение названия не приводит к совершенству; и под новым лозунгом Федерального союза может собраться крайне неприятная компания.

Этот вопрос крайне важен, потому что он всегда как-то уходит на второй план, вытесняемый красивыми лозунгами, которые, как отчего-то думают многие, неизбежно воплотятся и Европа еще к ним вернется. Вот почему все эти коварные фразы насчет того, что «Геринг — человек умеренный», «мы не воюем с народом Германии», «нет — второму Версалию», на самом деле говорят о том, что следующий мир, если мы его добьемся, может оказаться для нас более опасным, чем сама война.

В основе подобных разговоров лежит это ужасное классово-кастовое самосознание британцев, которое является настоящей причиной всех наших бед. Страшная мысль о том, что общественное развитие в странах Европы, в том числе и в Британии, может начаться с новой силой и что однажды наступит день, когда они получат, условно говоря, не два миллиона фунтов прибыли, а «всего» один, заставляет влиятельных людей в английском истеблишменте напрягать мозги и думать над тем, как бы «повесить» поражение на Германию и при этом сохранить в целостности и сохранности режим реальных хозяев этой страны — магнатов и оружейных баронов, тех, кто накануне 1914 года сумел сохранить режим кайзера Вильгельма, а в 1933-м привел к власти Гитлера.

Что это за люди, вы можете понять, если посмотрите на семью Круппов. Представители этого клана были среди тех олигархов, застрельщиков плана по приведению 30 января 1933 года Гитлера к власти, день, когда он открыто распрощался со своими социальными и социалистическими обещаниями, став канцлером хозяев тяжелой промышленности и крупных землевладельцев. Во время нынешней войны заводы Круппа поставляли артиллерию голландской армии. Если Гитлер вторгнется в эту страну, то его солдат будут убивать немецкие снаряды. Так что Круппу не стоит слишком беспокоиться по поводу того, кто выиграет в этой войне.

Подобное двоедушие наших руководителей, ставшее главной причиной мрачного приближения и начала этой войны, может привести к тому, что мы проиграем еще один мир. Их отношение к собственному народу, не к немцам, стало настоящей причиной нашего незавидного положения, нашей нерешительности, неуверенности, замешательством в отношении того, за что мы воюем. Все это сильно мучает нас и делает перспективы совершенно непонятными. Им нужно, наконец, понять, что в Англии неизбежно произойдет обновление общественной жизни и что они уже не смогут занимать двоякую позицию по вопросу заключения мира с Германией. «Нам нужно быть готовыми» вещал корявым английским языком грязный, мокрый от дождя транспарант, появившийся с началом войны на Марбл Арч. Но этого недостаточно. Нужно, чтобы мы были не только готовы, но чтобы нас еще и исправили.

История, рок или нечто иное, но сыграло свою зловещую шутку с человеком, когда тот изобрел машину. До того момента развитие человечества, во всяком случае, в ходе нашей цивилизации, как мы ее называем, шло по восходящей.

Постепенно, шаг за шагом росла и вера человека в чувство собственного достоинства, а учение о том, что его удел — вечно быть рабом кучки избранных, постепенно теряло почву под ногами. Тезис о том, что человек свободен, распространялся все больше и больше, до тех пор, пока он не получил признание фактически во всем мире. Противоположная же теория о том, что человек рожден, чтобы быть рабом других, тех, кто богат уже по рождению, нищим рабом, дети которого тоже будут рабами, встречает всеобщее осуждение. Это видят даже князья и аристократы; из их

рядов вышли даже самые просвещенные люди, например, Людовик I Баварский и венгр Лайош Кошут.

Освобождение крестьян, людей, обрабатывающих землю и являющихся, таким образом, самыми ценными гражданами государства, постепенно превратилось в некую тенденцию, которую все признавали неизбежной, за исключением, пожалуй, некоторых островков феодализма, которых, впрочем, со временем становилось все меньше и меньше. Мировая война способствовала развитию этой тенденции на территории Польши и Чехии.

И в тот самый момент, когда казалось, что человечество вовлечено вот в это самое поступательное движение вперед, движение медленное, но достаточно ощутимое, чтобы удовлетворить умам просвещенных людей, появилась машина, фабрика, шахта, которые ознаменовали наступление века черствых душой монополистов, укрывшихся за стеной из денег, а также новой расы ничего не имеющих и бесправных слуг — рабов машин. И вот, по праву богатства, миллионер, магнат, управляющий директор, король массового промышленного производства принял эстафетную палочку из рук князей и баронов. Старая, многовековая борьба возобновилась уже в новой форме.

Именно эта борьба лежит в основе всех наших войн, которые сбивают людей с толку и вносят в их сознание полную сумятицу. Ведь широкие массы совершенно не понимают, что происходит на самом деле. Их предводители, люди знающие, как «отформатировать» сознание простого человека, пичкают их фразами, которые должны удовлетворить их несформулированное желание прогресса, но, естественно, что при этом ничего не движется вперед. Люди в своей массе не слишком сообразительны, поэтому они думают, что они бодро движутся вперед, в то время как на самом деле они топчутся на месте.

Некоторые (смею полагать, что к ним отношусь и я) видят все эти фокусы и горько сожалеют по поводу сложившейся ситуации. Вот что говорил по этому поводу капитан Лиддел-Гарт в своей книге «Оборона Британии»: «Чем больше я смотрел на происходящее, чем пристальнее вглядывался в него, тем больше я утверждался во мнении, что большинство наших ошибок и трудностей происходит отнюдь не из-за каких-то естественных просчетов в суждениях. Но действительная причина лежит во всеобъемлющей привычке говорить чуть больше или чуть меньше правды. Эта поистине повсеместно встречающаяся практика искажения неоспоримых фактов, причем не важно, преувеличивают ли при этом или преуменьшают, коренится в озабоченности интересами партии, класса, профессии на худой конец — истинной причиной этой так называемой «лояльности» является самый обычный эгоизм. Мы больше заточены на то, чтобы «сделать дело», а не найти истину. Мы играем роль советника в делах защиты и делах наказания. Это гораздо легче и куда выигрышнее, чем заниматься тяжелым трудом ученого-исследователя. Результатом же всего этого, как я видел, наблюдая за деятельностью правительства и органов власти на местах, становится бесконечная череда решений, принятых крайне непрофессионально, и постановлений, содержимое которых сильно страдает от всякого рода предубеждений. Высшее достижение свободы — это свобода от предрассудков... Правду найти не так-то легко, и все мы об этом прекрасно знаем; но самая лучшая возможность хотя бы двигаться в правильном направлении — это постоянно заботиться о том, чтобы избегать несправедливых действий. Вот этот урок человечество усваивает крайне медленно. И тем не менее, именно это начертано на столбовой дорожке истории».

Я думаю, что именно эти слова в очень точной форме выражают то, что случилось с нами в последнее время. Ведь мы же такие умные, но наши правители поняли, как ввести в заблуждение

легковерные народные массы. Поэтому мы всегда слышим благородные слова, прикрывающие непристойное деяние. Слово «невмешательство» звучит великолепно; на самом же деле, то, что оно скрывало, было вмешательством в пользу той стороны, которая обращалась к правящим классам Британии. Мюнхен был «героическим усилием, направленным на сохранение мира». Таким его видят и сегодня. Но было ли это героизмом со стороны Британии — единственной из стран мира — посылать небольшому государству ультиматум, срок которого «истекает сегодня в двенадцать часов» и который требовал подчиниться соседнему могущественному государству?

Налицо вечное искажение простых предметов, в основе которого лежит необходимость учета интересов партии, класса или профессии. «Мы не были готовы воевать за Чехословакию» — да, с этим не поспоришь. «Наши военные приготовления еще не зашли настолько далеко, чтобы мы могли ввязаться в тот момент в конфликт по этому вопросу» — и с этим никто не будет спорить. «Мы полагали, что если заставить Германию, пусть и ценой независимости небольшого государства, обратиться на восток, то она войдет в столкновение с Советской Россией и мы, таким образом, будем избавлены от войны, которой мы так хотим избежать» — что ж, даже этот постулат внушает некоторое уважение. Но «героическое усилие по сохранению мира»? Фразы подобного рода вызывают у человека, пытающегося докопаться до истины и желающего лучшей жизни, только приступ рвоты.

Сегодня очень часто говорят о том, что доказательством существования демократии на Британских островах, наличия в Британии свободы слова является та свобода, с которой все пишущие могут рассуждать о таких вещах, о которых я говорил на страницах этой книги — о вещах, которые кажутся для меня настолько очевидными, что спорить об этом просто не имеет смысла. Возможно, это и доказывает наличие останков твердости и известного упрямства в британском характере.

Но я лично в этом не уверен. Я, скорее, полагаю, что правители Британии настолько уверены в себе, настолько крепко сидят на своих местах, настолько мало учитывают настроения масс и настолько сильно верят в свою способность вывернуться в любой, даже самой тяжелой ситуации, что им нет нужды обращать внимание на то, что кто-то там что-то сказал или написал. Парламент укомплектован сотнями людей настолько принципиально податливых, что, например, в понедельник они отдают все силы на поддержку правительства и с пеной у рта и завидной решимостью кричат о том, что никоим образом нельзя вводить всеобщую воинскую повинность, а неделю спустя с таким же энтузиазмом аплодируют решению того же правительства ввести в стране эту самую повинность.

Из песни слов не выкинешь...

Для нас крайне опасно то, что все эти шишки, занимающие ключевые посты в коридорах власти и при этом слепо доверяющие Адольфу Гитлеру, спасителю от большевизма, даже сегодня имеют огромный вес во всех наших делах. Недавно я слышал, как человек, которого они называют «лорд Гм-Гм» (уж и не знаю почему)^{73}, озвучивал ряд тезисов, которые лорд Лотиан^{74} написал и предал огласке еще три года назад. Я думал, что обо всем этом уже давно позабыли, но нет, все они хранились в нацистской картотеке и вот теперь, в 1940 году, эти более чем странные утверждения вновь явились на свет. Сегодня лорд Лотиан — наш посол в Вашингтоне.

Вот по этим-то причинам я и боюсь этого мира, если мы сможем довести дело до него — я имею в виду некую договоренность за столом переговоров, которая будет достигнута после того, как Германия намекнет, что она не имеет желаний продолжать эту войну. И вот, учитывая все эти факторы, я смотрел на солдат, возвращавшихся на пароходе через Ла-Манш домой, и видел среди

них призраки людей, проплывавших этим путем двадцать лет назад, охваченных энтузиазмом победы и преисполненных больших надежд на будущее, в котором такие герои будут жить.

Приехав в Лондон, я попал в мир светомаскировки. Я чувствовал себя так, словно меня с головой погрузили в бочку с чернилами. Ужасная вещь эта лондонская светомаскировка, но совершенно, по-моему, бессмысленная, потому что даже мой опыт полетов над городом показывал, что скрыть Лондон с широкой серебристой лентой Темзы от взоров подлетающего врага вполне мог даже небольшой туман. А вот если они придут по суше, то скрыть город уже не удастся. Но тогда вы можете отбить и изгнать их.

Я считаю, что лучший способ сбить с толку вражеских летчиков — это осветить как можно ярче прожекторами сам город и ближайшие окрестности. Тогда под брюхом вражеских самолетов окажется молочно-белая пелена, прикрывающая призрачную картину, в которой они вообще не смогут разобрать ни одной детали.

В Лондоне, который предстал передо мной, г-н Чемберлен произносил в Меншен-хаузе речи об опасности неконтролируемого роста заработной платы. Полагаю, что британский премьер, человек сам по себе богатый, руководствовался исключительно всемирно известным британским чувством юмора, когда выбирал в качестве аудитории собрание других состоятельных людей, а в качестве площадки для выступления — Меншен-хауз с его священными традициями, ароматом черепахового супа, и все это для того, чтобы сказать рабочим, чтобы они не боролись за повышение зарплат. Крохи со стола богачей...

И конечно же, г-н Чемберлен говорил, что «начнет раскручиваться ужасающая спираль», если зарплаты с криком «Повысьте нас!» ринутся в весьма рискованную гонку за ползущими вверх ценами. Думаю, что всем молодым людям, юношам ли, девушкам, стоящим на пороге взрослой жизни и грядущих трудностей, их благоразумные родители должны обязательно рассказать о том, что же на самом деле означает слово «зло». Когда растут цены — это позитивное движение вверх. Когда вслед за ними растут зарплаты — это уже ужасная спираль.

В той Англии, в которую я вернулся опять, некий любитель пострелять лис писал, жалуясь, в специализированный журнал (сам он находился в это время на передовой во Франции), что французы не разрешили ему поохотиться на лис в их полях. Ему даже показалось, что они не относятся серьезно к этой войне. И когда он обратился к ним с вопросом, желая прояснить свои сомнения, они ответили ему, что к этой войне они относятся более чем серьезно, потому что это война — за их родину. Как же мы, англичане и французы, любим и понимаем друг друга! В моем отеле в Париже рекламировали гренки с сыром по-валлийски. Кроме того, в Париже совсем недавно вышел на экраны один из первых британских пропагандистских фильмов, снятый для того, чтобы произвести впечатление на наших союзников и весь остальной мир, явив пред ними нашу боевую мощь. Начинался фильм со сражений при Креси и Азенкуре{75}...

Вот так!

Сегодня мы живем в ревушие сороковые{76}, в четвертом десятилетии двадцатого века, в 1940 году, и сегодня, когда гибнут тысячи людей, мы можем сказать, что перед новым поколением, детьми бури, теми, кто родился сегодня и лежит еще в колыбели, лежит самое бурное будущее, равного которому мы еще не видали. Война, которая хочет покончить с войной, никогда не заканчивалась. Вот и теперь она просто возобновилась. И нынешняя ее ипостась еще не миновала стадии «война ради войны»; она еще не оформилась вполне.

Что это будет за война? Война за свободу? Но свобода с каждым днем все уменьшается, а злоупотребления ею растут. В якобы лишенном каких-либо стеснений курятнике — при этом все передвижения в нем строго регламентированы и больших ограничений в нем вообще никогда не было — свободные лисы, эксплуатирующие массы, наслаждаются невиданной дотоле свободой.

Или это война, которая должна покончить с Гитлером, но после которой начнется эра Геринга? Стоило ли приносить в жертву миллионы людей в «ревущие двадцатые», чтобы устранить деспотический режим кайзера и двадцать лет спустя взрастить режим Гитлера? А в «ревущие сороковые» принести в жертву еще несколько миллионов людей, дабы уйти от гитлеровского режима, но вернуться к режиму Гогенцоллернов и Геринга?

А может, это война за выживание богатых? Война джентльменов или язычников, направленная на то, чтобы возвести на трон великодушного борца с язычеством? Так ради чего все это происходит? Наверное, об этом знают только инопланетяне. Мы — нет.

На протяжении столетий Европа двигалась, пусть медленно, но вполне ощутимо, в направлении идеалов человечности и правосудия. За первые четыре десятилетия двадцатого века Европа уже совершенно четко и определенно начала двигаться назад. Фактическое рабство, массовые ограничения свободы, эксплуатация населения, несправедливость вернулись в нашу жизнь. Конечно, они всегда маскировались под всякими благообразными масками, в первую очередь, под такими словами, как «патриотизм» и «национализм», но и паразиты, эксплуататоры, антипатриоты, надсмотрщики, губители человеческих душ точно так же использовали расцвет «либерализма», «гуманизма» и «справедливости» для своих собственных целей, внося свой вклад в общий процесс разложения. «Как? Вы хотите преследовать меня только за то, что у меня на предприятии потогонная система производства, или потому, что я соержу публичный дом? А как же насчет равенства, свободы, справедливости?»

Наконец, война покажет, можно ли будет возродить в Европе пусть медленное, но продвижение к благородным идеалам, которые многие, сознательно или нет, желают обрести всей душой и за которые борются. Или же мы увидим, что это всего лишь часть процесса упадка в условиях жизни, мысли и человеческого поведения, которое продолжается беспрерывно вот уже сорок лет.

От самого понятия свобода осталось уже столько мало, что все лозунги с этим словом уже больше напоминают неуместные остроты возле свежей могилы. До 1914 года каждый человек мог спокойно встать, собраться и отправиться на пароходе в любой уголок земли, не обременяя себя особыми формальностями. А перед этой войной ему уже был нужен паспорт, визы, разрешение на ввоз валюты и еще куча всяких разрешений, рекомендаций, справок и т. д., и т. п. Теперь же уехать из страны, находящейся в состоянии войны, практически невозможно — разве что приложив невероятные, поистине нечеловеческие усилия. Невозможно отправить за рубеж и деньги, буквально ни копейки — вам опять придется преодолевать точно такую же кучу препятствий. В одной стране вы не сможете купить чай или кофе, в другой — достать масла; в третьей — мяса. И это происходит в начале войны за свободу. А что же будет тогда в конце этой войны?

Эта война должна была начаться — потому что ее вовремя не остановили. Когда же она началась, мы купили ее по самой высокой цене, и это был не самый лучший вариант, ибо покупать такой товар, как война, на пике торгов — глупо. Победу при случае можно было бы прикупить и по более низкой цене. Учитывая три следующих обстоятельства, победу можно было бы купить пусть и не по самой низкой, но все же приемлемой цене. Победу в формате Ватерлоо сегодня купить, думаю, не получится никак, и, тем не менее, мы должны платить именно такую цену.

С самого начала я глядел на приближение этой войны с каким-то нехорошим и постоянно усиливающимся предчувствием. По ряду причин я острее ощущал ее, чем многие другие, и в итоге оказался в положении человека, который стоит у дороги и кричит другому «уходи!», потому что тот не видит, что к нему приближается грузовик, который вот-вот просто собьет его. Но в ответ получает лишь холодный и изумленный взгляд человека, который не обращает внимания на обращенные к нему слова только потому, что произносящего их ему не представили.

Когда война началась, я впервые за много лет испытал удивительное чувство — возрождение надежды. Эта гнусная, никому не нужная война уже шла, но через пару месяцев я почувствовал, что мои страхи пропали. Я перестал бояться главного — что мы проиграем. Конечно, я еще пока не видел и того, как мы выиграем, но уже понимал, что мы не проиграем — и это было главным.

Причина заключалась в том, что союз Гитлера с Москвой, который вполне можно было предугадать и который в должный момент состоялся, не был доведен до логического конца, а именно: полноценный военный союз двух армий, которые бы действовали в унисон, заключен не был.

Взять замуж женщину, лоб которой заклеен позорной буквой, и не насладиться удовольствиями, которые сулит брак? Самым непостижимым в этой ситуации оказалось как раз не то, что партнер бежал от брака, а что он отказался от утех на брачном ложе. Казалось, что Гитлер будет блюсти свою клятву насчет воздержания до невозможного. И только посмертное вскрытие или его личные признания могут на деле объяснить столь непонятный исход всего мероприятия.

И все-таки, это было хорошо, и, торжествуя, но, тем не менее, не веря своим глазам, я видел в первые недели войны, как медленно, но верно уходила в небытие вероятность нашего поражения.

Этому замечательному ощущению сопутствовало множество дополнительных подтверждающих факторов. Во-первых, качество снабжение и подготовки наших ВВС и ВМФ. Я боялся, что их тоже охватит зараза политической дряхлости, которая довела всех до войны, но я ошибался. При любых обстоятельствах люди, которые находятся на военной службе, никогда не забывают ни своих обязанностей, ни поставленных перед ними задач, которые заключались в том, чтобы поддерживать обороноспособность Британии на должном уровне.

Еще со времен моей жизни в Германии я помнил, что немцы всегда возлагали большие надежды на политику изоляции, следствием которой могла бы стать банальная нехватка продовольствия. И это была главная, хоть и вторая по счету, опасность для нас. Немцы всегда считали, что в 1917 году они фактически поставили нашу страну на грань голодной смерти, развязав на море боевые действия с помощью подводных лодок, и что нас спасло только вмешательство Америки, вступившей в войну. И в этот раз они надеялись добиться той же цели, еще более расширив масштабы войны на море. В их распоряжении было четыре рычага: подводные лодки, мины, самолеты и океанские рейдеры.

Когда же я увидел молодых офицеров-летчиков и моряков, то в душе сильно обрадовался. Мне было с кем сравнивать — с солдатами образца 1914–1918 годов, но вскоре я увидел, что они подготовлены гораздо лучше, чем их предшественники. Это и правда были отличные по всем статьям ребята, и когда наш флот начал неторопливо, но упорно одолевать немецкие подлодки,

затем научился бороться с минами, а наши ВВС научились сражаться с немцами в воздухе, когда те пытались бомбить стоящие в портах корабли, я почувствовал, что еще не все потеряно.

Но одно дело — возродиться, другое — вернуть право первородства. Я почувствовал, что в день, когда Graf Spee находился в гавани Монтевидео, во мне возродились те чувства, которые я, как и многие англичане, утерял после Мюнхена{77}.

Будучи в Германии, я видел этот корабль и разговаривал с офицером, который, думаю, участвовал и в тех событиях. Я видел, как спустили на воду аналогичный по классу корабль, Deutschland{78}. Я знал, что все немцы возлагали большие надежды на эти корабли, с помощью которых они намеревались укротить Великобританию. Я знал, что их сконструировали с целью участия в долговременной блокаде. Эти корабли могли наносить стремительный удар и очень быстро отступить. Их вооружение значительно превосходило огневую мощь тех кораблей, которые должны были с ними бороться; а скоростные характеристики были гораздо выше, чем у тех кораблей, которые могли нанести им непоправимый ущерб.

Теоретически, они должны были причинить нам громадный ущерб. Во французском и английском флоте, вместе взятых, было только четыре корабля подобного класса, которые могли бы и нагнать их, и сразиться на равных. Во время Первой мировой немецкий рейдер Wolf на протяжении пятнадцати месяцев ходил по семи морям, потопив кораблей союзников в общей сложности на 135 000 тонн, поставив сотни мин — а ведь это был всего-навсего пассажирский пароход водоизмещением 6000 тонн, делавший 11 узлов{79} и вооруженный 150-миллиметровыми пушками. Карманные крейсера{80}, специально предназначенные для таких задач, развивали скорость до 26 узлов{81} и были вооружены 280-миллиметровыми пушками. Как их можно было обнаружить? И даже если их находили, то как с ними справиться? Но даже если их захватить, то как их разрушить? В частных беседах немцы говорили, что каждый из этих кораблей должен будет в итоге потопить судов в сумме не меньше, чем на миллион тонн.

И тем не менее, британские корабли нашли Graf Spee, сражались с ним и победили. Последние надежды на то, что Англию удастся взять измором, улетучились как дым. Возможно, что в тот день задумалась и Италия, которая, быть может, и намеревалась выступить на стороне Германии. Об этом замечательном событии можно с полным основанием, большим, чем в каких-либо других случаях, сказать, что «Нельсон возвращается».

Наши летчики и моряки показали, что дух английского народа находится ныне на небывалой высоте (хотя накануне войны я в этом сильно сомневался). У них есть одно преимущество — команда «на взлет!» или «по местам» сразу определяет, что им надо делать, а именно: сражаться с врагом Британии. Вот такие, четкие вещи человек понимает сразу, и никакой неясности тут уже быть не может. Хотя, конечно, если перевести взгляд с Монтевидео на Вестминстер, то разница между ясностью и храбростью с одной стороны, и все окутывающим непонятным туманом с другой тут же бросится в глаза.

За что идет эта война? Почему политики, еще вчера бывшие вполне нормальными, сегодня уже бесстыдно врут, превращаясь в обычных мерзавцев? И станут ли наши сегодняшние враги нашими завтрашними друзьями? Куда же мы идем?

Я никогда не мог забыть вот этой разницы между британскими солдатами и британскими политиками и никогда не мог понять, почему приличные люди не могут прорваться к рычагам власти, чтобы управлять жизнью общества. Я думал: неужели и это поколение по окончании войны тоже будет отодвинуто на задний план? Из всего правительства, заявил кто-то в Парламенте, на войну, которую они же и развязали, ушли только лишь двое из числа лиц

призывного возраста. Мне кажется нелепым, когда такую нацию возглавляют какие-то старцы, берущие с собой в самолет зонтик, чтобы не промокнуть, если пойдет дождь. Да и новые министерства, институты, советы и прочие структуры были заполнены всякими «нужными людьми», чужестранными «специалистами» и тому подобными элементами. И эти два плана не могут звучать в унисон. Отвратительное жульничество и спекуляция образца 1914–1918 годов начинались снова...

Но тут с неба, все еще затянутого облаками, на меня упада два солнечных лучика. Первый — это ответ Империи, который, как я полагаю, которые не могли предполагать того, что предполагал я. Думаю, что только те, кто был во Франции в 1914-м и 1915 годах, смогут понять чувства, охватившие меня при виде австралийских, канадских, южноафриканских, новозеландских солдат в 1939 году. Это были не те солдаты, которых мы видели в Первую мировую. И радость от их появления была сродни веселящему опьянению от бокала шампанского.

Другим порождающим оптимизм моментом было то, что мы не совершили одной ошибки, которая могла привести нас к поражению. Призраки Соммы и Ипра, где миллионы британских солдат были брошены без всякого смысла, взаимодействия и надежды на победу против неприступных укреплений немцев, все еще бродили вдоль Западного вала. Меня охватывало кошмарное предчувствие, что желание воротил с Уолл-стрит «повоевать» или «оказать дружескую помощь» или одержимость некоторых выучившихся по книжкам командиров вновь приведут нас к этому. Никто не может сказать, как мы сможем выиграть эту войну, но мы точно проиграем, если поступим, как в прошлый раз. Но, слава Богу, этого не случилось, и надеюсь, что не случится в будущем.

Потому что в этой войне удача (или что-то иное) отвела от нас опасность поражения; сегодня мы можем лишь сами лишиться себя жизни, напоровшись на выставленный меч или позволив нашему врагу найти могущественного союзника, хотя, что касается последнего вопроса, то даже Россия после фантастического поражения в Финляндии, кажется в таком качестве менее грозной.

Наш враг не может победить нас — но его мощная армия и воздушный флот по-прежнему в целостности и сохранности и находятся за неприступным Западным валом. Ему ничего не надо — только бы мы напали на него. И это даст ему последний шанс на победу. Он не будет нападать на нас всей своей мощью. Не верьте людям, которые говорили вам, что он сделает это осенью 1939-го; тем, кто сегодня говорит вам, что он сделает это весной 1940-го, равно как и тем, кто будет говорить вам (в случае, если он не нападет весной), что он обязательно сделает это осенью 1940 года{82}. Эти мнения крайне подозрительны; это голоса оружейных баронов, которых интересуют только деньги. Они хотят, чтобы вы прониклись мыслью, что массовое убийство обязательно должно состояться тогда-то и там-то. Оно, возможно, и состоится, тем более что вокруг носится столько упырей, но никому, кроме этих кровососов, пользы оно не принесет.

Потому что для нас в этой войне лучшей формой нападения будет оборона. Еще задолго до начала войны капитан Лиддел Гарт говорил об этом. Пролить много крови отнюдь не означает выиграть войну. Кровопролитие только увеличивает чьи-то прибыли. Существует только надежда на то, что войну можно закончить (но не выиграть), без обильных жертв. Потому что наш лучший союзник, наша самая большая надежда на победу — это враг, живущий рядом с Гитлером: тиски голода, противники его режима, население оккупированных территорий и, наконец, эффект от воздушных рейдов, которые мы не должны откладывать, по возможности, ни на день.

Гитлер не нападет на нас со всеми своими силами. Еще со времени жизни в Германии я знаю, что стратегия нацистов, сформулированная еще задолго до войны, предполагала использование

мощи всех вооруженных сил только в том случае, если 1) Франция и Англия не выступят единым фронтом, но этого, как мы знаем, не случилось; и 2) если Германия сможет найти такого сильного союзника, который поможет ей победить и Англию, и Францию одновременно. Но этого также не произошло.

С учетом того, что ни первый, ни второй сценарий не сработал, нацистским стратегам теперь приходится отсиживаться за Западным валом и ждать, пока враги Германии пойдут в наступление, чтобы отобрать у нее награбленное Гитлером и решить заодно всякие побочные вопросы, которые могут случайно возникнуть. В этом и заключается смысл существования Западного вала, для этого он и был построен, именно поэтому Гитлер и называет его Западным валом, а не «линией Зигфрида».

За этим Западным валом размещена сильная армия, военно-воздушный флот и все еще сильный и единый народ. Я не знаю, можно ли приручить этих людей с помощью тяжкого поражения, но полагаю, что такая возможность все-таки есть — просто на это понадобится время и массированные бомбардировки.

Я не понимаю, каким образом Германии можно нанести военное поражение, даже если пройдет достаточное количество времени. Они же знают, что не смогут победить нас, и для них самих это было очевидно с самого начала войны. Но они думают, что мы не сможем победить их. Я думаю, что лучшая надежда на окончание войны, поскольку наши лишения, в любом случае, будут все-таки меньше, чем у них, это окружить их, зажать и долбить и бомбить их, пока они не сдадутся.

Вот такое завершение войны может стать настоящей победой, победой ради мира. В 1918 году мы добились победы военной, но не завоевали мир. Ошибочно думать, что чем более жестоки и кровопролитны сражения, тем лучшим и более выгодным будет окончание войны. Это сугубо армейский взгляд на вещи, который проповедают люди, так или иначе связанные с армией.

Если бы немецко-советское соглашение предусматривало ряд совместных, периодических, направленных на запад ударов, которые должны были быть нанесены в определенный момент, то в случае с провалом русских в Финляндии становится совершенно очевидно, что такая тактика потерпела неудачу. Хотя, с другой стороны, сегодня мы видим, что Румыния была разделена между Германией и большевиками, причем немцы забрали себе нефть, так что если бы большевики вдруг победили в финской кампании, то к этой схеме вполне могли бы и вернуться. Это означало бы новые завоевания в Юго-Восточной Европе. Но после финского разгрома даже совместное германо-советское наступление против Британии вряд ли возможно. И если Гитлер прикажет своим генералам начать его, то они явно задумаются над целесообразностью этого шага.

Впрочем, двое победителей в этой войне мне уже известны — это оружейное лобби Соединенных Штатов и Италия. Римская империя устроила мастерское представление — еще никому не удавалось с большей выгодой сидеть на двух стульях сразу, чем Муссолини. Он участвовал во всех военных предприятиях, если они обходились малой кровью, но зато давали хорошие территориальные приобретения. Эти войны были не настолько затратны, чтобы уничтожить его популярность среди народа; когда же они грозили превратиться в затяжные и весьма опасные кампании, он тут же превращался в голубя мира.

Во время войны 1914–1918 годов в соглашении между Италией и ее союзницей, Австро-Венгрией, был один тайный пункт, согласно которому, Италия не вступала в войну, если в ней участвовала

Британия. Подобное условие давало ей возможность в случае конфликта постоять в сторонке, но, как только исход войны становился более-менее ясен, она вполне могла примкнуть к победителю и в полной мере пожать плоды победы, удовлетворив свои территориальные претензии.

Однако Италия до сих пор не удовлетворила свои желания; у нее есть территориальные претензии, происхождение которых коренится еще в той войне. На этот раз, по словам зятя Муссолини, графа Чиано, в мае 1939 года Италия подписала с Германией тайное соглашение, согласно которому последняя обязалась не вовлекать ее в европейскую войну в первые три года с ее начала. То есть дуче снова отодвинулся в сторонку, и снова он внимательно следит за ходом борьбы. И снова она, посмотрев, как развиваются события, либо вмешается, чтобы обеспечить свои новоприобретения, либо она подсуется и предъявит на мирной конференции свои претензии, на которые нечего будет возразить.

Итак, что же нам делать в этой ситуации? Есть два варианта. Либо некие влиятельные круги в Германии отстраняют Гитлера в течение года и заключают сделку с Францией или Англией на основании того, что «гитлеризм разрушен». Либо же мы приступаем к длительной осаде Западного вала, при этом война разрастается во всех направлениях, не оказывая непосредственного влияния на ее исход, и мы воюем до последней степени изнеможения, доверия и отчаяния, короче говоря, до последней точки и тех условий, которые я называл «китайскими» в письме, которое я направил в редакцию родной газеты в 1936 году: случайные диктаторы, которых мы видим тут и там и которые удерживают определенные территории с помощью вооруженных бандитов подобно баронам прежних времен, которые жили в эпоху всеобщего хаоса.

Первый из этих двух вариантов будет предпочтительнее — если люди, которые придут на смену Гитлеру, окажутся лучше и более заслуживающими доверия. Но существует только один метод, позволяющий найти более приличного и заслуживающего доверия немца, а именно — сделать его таковым. Другими словами, мы должны вернуться на те рубежи, на которых мы оказались после войны 1914–1918 годов. Мы должны заключить договоренность с Германией и заранее условиться о мерах, которые нужно нам вместе предпринять против нее, если она нарушит взятые на себя обязательства.

И если в тот момент мы проявим твердость и сдержим свое слово и не смиремся с тем, что она постоянно нарушает свои обещания, если у нас будет всегда достаточно сил, чтобы сокрушить любое поползновение с ее стороны отказаться от них, и если мы всегда будем начеку — то тогда она в точности будет держать свое слово, соблюдая его до самой последней буквы. Если мы начнем спорить с французами, она почувствует силу и вновь ввяжется в битву. И тогда через несколько лет мы получим новую войну.

Мы находимся в начале периода, который должен показать нам, как ляжет на стол кость. При этом нужно помнить, что те, кто связан с армией и производством оружия, не заинтересованы в том, чтобы война закончилась как можно быстрее. Поэтому теперь я хочу сделать беглый обзор стран, непосредственно заинтересованных в этом: Англии, моей родины, и Германии, страны, которая будет с нами до последнего часа.

В Англии мы идем в армию для того, чтобы «защитить свободу». При этом наши древние вольности уже давно были отменены на бумаге одним министром внутренних дел, поскольку «ирландские террористы-республиканцы» посоветовали ему сделать это; другой же министр внутренних дел закрепил результат, потому что «некая антисемитская организация» призвала своих членов «подвергнуть осмеянию правила обороны», а также что «внезапное нападение на

Лондон» может «поставить евреев на колени». К сожалению, все это имеет к Гитлеру и Германии крайне опосредованное отношение.

Но, хотя бы на бумаге, свободы все-таки существуют. Более того, в жизни они играют очень большую роль. Но в любой момент их могут устранить, и при этом все аргументы, даже самые разумные, не будут приняты во внимание, в том числе и те, о которых я уже говорил.

И вот сегодня, в начале 1940 года, когда война длится лишь четвертый месяц, «промышленники» Британии через своего представителя сэра Патрика Хеннона, одного из самых горячих сторонников мистера Чемберлена в палате общин, который занимает пост Президента Национального совета промышленников, являясь, таким образом, фельдмаршалом большого бизнеса, привлекли внимание к «большой опасности, исходящей от так называемой спирали, сформировавшейся между уровнем цен и уровнем заработной платы». Даже «Таймс» писала о том, что «финансовые требования войны могут заставить людей отойти на более низкий уровень жизни... потому что то, что случилось во время прошлой войны, это предупреждение о том, что может быть, если его не предотвратить. Зарплаты выросли до нереальных размеров, но они никогда не превышали цен, а потому те, кто жил на одну зарплату, так никогда и не повысили свой уровень жизни. Приходится жертвовать во имя войны...»

Все эти аргументы были направлены против того, чего требовала в военное время Федерация шахтеров — то есть скользящего графика работы и соответствия заработной платы растущим ценам. Я самым внимательным образом постарался разобраться с этим вопросом. Вообще понятие «спираль» само по себе очень опасная вещь. «Спираль» — это попытка уравнивать заработную плату с растущими ценами. Однако война уже показала, что это, в принципе, невозможно и что нет смысла пытаться воплотить это в жизнь — поскольку это будет означать «большую опасность», да к тому же разве «финансовые нужды войны не приведут к обязательному понижению общего уровня жизни»? Другими словами, цены будут, могут, должны расти — но к зарплатам это не относится. За время последней войны наемные работники «оказались не в лучшем положении», хотя они таки получили большую зарплату; очевидно, что в эту войну они окажутся в лучшем положении, если не будут добиваться повышения заработной платы.

Видели ли вы когда-нибудь более подлую мысль в столь благородной словесной оболочке? Разве контраст между такими высказываниями и сражением у Монтевидео не бросается вам в глаза?

Мы сражаемся «за свободу», «за то, чтобы покончить с гитлеризмом» — в Северном море, у Западного вала, в Южной Атлантике. Но за что «мы» сражаемся дома?

Приведенные мною цитаты (я мог бы вспомнить еще кучу аналогичных высказываний) заставляют думать о том, что наши бойцы внутреннего фронта бьются исключительно против роста зарплат. И что же будет, если требование о повышении зарплат в соответствии с ростом цен (ужасная мысль!) станет более резким и настойчивым и если рабочие, многие из которых участвовали в Первой мировой, а некоторые еще до сих пор числятся в запасе, вдруг подумают, что те, кто получает прибыли (уподобившись тем, кто получает зарплаты), тоже должны «сократить свои потребности и понизить уровень жизни», должны «пожертвовать во имя войны»? Уж не об этом ли говорят члены палаты общин, составляя очередную повестку дня заседаний?

Вспомните, что симпатия, которую выражали наши правители в адрес национал-социалистических методов, которые сегодня называются гитлеризмом (на всякий случай напомню, что сегодня мы уже делаем все, чтобы с ним покончить), и является главной причиной нашей двоедушной политики, которая привела к войне. Помните, что самые отъявленные враги

британских рабочих находятся на территории Англии, не где-нибудь, причем даже не всегда среди зажиточных классов. И разве один из отказавшихся пойти на фронт, житель столичного предместья, не говорил, что британский рабочий класс «грязный, ленивый, глупый и неполноценный в физическом и умственном плане», хотя при этом тот же человек заявлял, что «представители высших классов нелепые, эгоистичные и безответственные снобы»?

А теперь, если вам интересны причины, последовательность событий и их результат, почитайте официальную брошюру «О положении Британии», написанную лордом Ллойдом. Лорд Ллойд занимает пост председателя исполнительного комитета Британского совета, органа, который, как считается, должен обеспечивать взаимодействие Британии с зарубежными странами. Деятельность его крайне разнообразна — например, он направляет дочерей пэров проводить демонстрацию новинок британской моды к диким обитателям Хорватии, устраивает в Лондоне коктейльные вечеринки для австрийских евреев, посылает в Румынию учителей английского языка (причем английскому там обучаются исключительно евреи из разных стран для того, чтобы потом тут же эмигрировать в Британию) — и всё это стоит британскому налогоплательщику, в том числе британскому рабочему, 386 000 фунтов в год. По крайней мере, эту цифру приводят газеты. Брошюрка лорда Ллойда «О положении Британии» предполагает крайне вдумчивое чтение, потому что уже само ее название сулит читателю ответ на часто задаваемый и безответный вопрос: «За что мы сражаемся?»

Лорд Ллойд (который в качестве главы структуры, отвечающей за международные отношения, должен в этих отношениях очень хорошо разбираться, но на самом деле он не знает, чем отличается глава государства от главы правительства, иначе бы он никогда не сказал «Президент Австрии Шушниг{83}»), заявляет, причем делает это дважды и с особым акцентом, что «мы не ведем войну за границы». Он уже разочаровался в национал-социализме (простите, «гитлеризме»), но не в фашизме. Последний, пишет он, «не угрожает ни религии, ни экономической свободе, ни безопасности других народов Европы». (Албания находится в Европе, но Лорд Ллойд не обращает внимания на такие мелочи, когда он занят крупными делами{84}.) Лорд Ллойд также говорит, что «политический механизм фашизма, на самом деле, основан на принципах тред-юнионизма», и так далее.

Таким образом, мы снова читаем сказку про белого бычка, которую нам на протяжении ряда лет рассказывали о гитлеризме (простите, тогда это был национал-социализм). «Этот великий социальный эксперимент», — говорил сэр Невил Хендерсон{85}, и т. д., и т. п.

Я специально привел эти высказывания, чтобы показать, что умонастроения некоторых британских политиков совершенно не изменились. Война началась именно потому, что им настолько нравились некоторые моменты в жизни гитлеровской Германии, что они даже не могли представить, как это они не будут с такой страной дружить. Более того, они не могли поверить в то, что в определенный момент Гитлер нападет на Британию и ничто его от этого не удержит. Нравилось же им в гитлеровской Германии следующее: дисциплинированность рабочего класса, четкие правила во всех сферах жизни, снижение заработной платы, развал профсоюзов, правящая роль большого бизнеса и получаемые им огромные дивиденды. Эти образы они хранят в своих сердцах и по сей день. Фашизм? Ну что вы... сегодня это нечто другое, Муссолини же никогда не заключал договора с русскими.

Но — хватит уже говорить об Англии, точнее, ее состоянии на начало этой войны. На всех ее фронтах британцы выполняют свой долг лучше, чем когда бы то ни было. Дома же, на своей территории, всей полнотой власти обладает правительство, и оно в любой момент может превратиться в правительство «тоталитарное» (если говорить на жутком жаргоне нашего времени). Для того чтобы это случилось, достаточно еще какой-нибудь штуки типа таинственного документа ирландских республиканцев, сфабрикованного Сэмьюэлом Хором, или загадочного антиеврейского заговора, автором которого стал не менее старательный сэр Джон Андерсон^{86}.

Предостережение о том, что «зарплата расти не должна, хотя цены, конечно же, должны», уже прозвучало. Отвратительный контраст между тем, что людям говорят, теми идеалами, за которые, как они думают, они сражаются, и правдой, тем, как используют их преданность, энтузиазм, их жизни, наконец, сегодня велик как никогда. Стоящие за кулисами старики, пытающиеся присвоить все, что можно, своими загребущими руками...

Более важные вещи содержат в себе более малые — и классовая борьба, как мне кажется, гораздо масштабнее по сути своей Первой мировой войны, неотъемлемой частью которой она и является.

В наступающем году (1940.— Пер.) мы увидим, будет ли английское правительство, желая удержать зарплаты на прежнем уровне, использовать все более жесткие, диктаторские методы, которые он приберегает на случай. Я не уверен, что подобные вещи можно с успехом провернуть в военное время. Это можно сделать в мирное время, но вот в военное? Еще никто не пытался...

Я думаю, что это опасно. Поживем — увидим.

Итак, это одна часть картины, английская. Теперь поговорим о Германии.

Гитлер сойдет со сцены гораздо раньше, чем я поначалу предполагал. Сказку об Адольфе в стране Грабежании можно, конечно, продлить еще на несколько глав, но конец уже виден. Я не могу сказать, как долго он еще пробудет у власти, будет ли он тянуть до последнего, но то, что ему осталось не очень долго, уже написано большими буквами. Более того, он сам написал эти буквы. Это и правда дело необычное, точнее, дело, для определения которого не существует слов. Брак с Москвой — но без брачной ночи. Выставить Москву в виде честной девушки — и не взять приданого. Некоторые из наиболее влиятельных генералов рейхсвера всегда выступали за военное сотрудничество с большевиками — но сотрудничество без военного союза... что это за непонятная двуличность? И затем этот военный фарс в Финляндии, где советские генералы во главе с генералом-евреем Штерном воевали так, словно малыш, играющий в солдатики в детской? Удивительный ход событий, предвещающий, в конце концов, падение Гитлера.

И венчает все это, на сегодняшний день, гибель «Графа Шпее». Адольф Гитлер сам наклеил на себя ярлык, который он заслуженно мог получить и от самой истории — Адольф Трус. Приказать такому мощному кораблю, имевшему все основания для победы в открытом бою, открыть кингстоны, чтобы затонуть в какой-то уругвайской гавани?

С этого момента Гитлер — уже отработанный материал. Конечно, с нашей Голгофы еще не видно конца, но даже если смотреть на окружающих нас чудовищ, мы скоро не увидим среди них Гитлера. Потому что если (допустим на минуту) с Германией будет заключен некий договор, договор, безусловно, честный и открытый, за столом переговоров, то наши руководители будут заключать его отнюдь не с Гитлером. Но даже мне трудно такое представить...

Гитлер — это уже выцветшая страница старой книги. Он слишком долго занимал наши мысли. Пришло время поставить эту книгу на самую верхнюю полку библиотечного стеллажа и поискать книгу о том, кто придет ему на смену.

Этот человек, преемник, может появиться либо из числа проживающих на территории Германии, либо же извне. Если Гитлера отстранят от власти могущественные группировки, находящиеся в Германии, то его преемником почти наверняка станет Геринг. Если же фюрер переживет эту опасность и его сметет с трона какой-нибудь взрыв общенародного недовольства, то этот человек, безусловно, придет извне. И этим человеком может оказаться Отто Штрассер.

Давайте рассмотрим вариант с Герингом. Выше я уже писал, что такой сценарий развития труднее предсказать в военное время, чем в мирное, потому что фактор пули играет огромную роль, а пуля во время войны летает много; они рикошетят, летают по касательной... Но все равно я должен сказать, что шансы Геринга на то, чтобы стать следующим правителем Германии, выше, чем у любого другого кандидата.

Однажды, примерно год назад, Гитлер, жалуясь на судьбу, сказал, что он уже выбрал себе преемника; тогда он думал, что безвредный полип, который обнаружили у него в горле и впоследствии удалили, был неоперабельной, злокачественной опухолью. Тогда он не сказал, что этим человеком является Геринг, но я рискнул высказать такую гипотезу в одной из своих статей, которую тогда никто не захотел напечатать, хотя за ее написание я получил кругленькую сумму. С началом войны Гитлер заявил, что Геринг и правда был выбран фюрером номер два.

Делая такой выбор, Гитлер как бы заранее нейтрализовывал неминуемое и, возможно даже предвидя его, спас свою собственную жизнь, ибо, поступая так, он гарантировал, что если время «Ч» наступит, то его преемник, по крайней мере, просто скажет ему спасибо и уж точно не убьет. Ему же самому для того, чтобы силой убрать Геринга, нужна будет неустроенная, коммунистическая Германия, но я не представляю, как это Гитлер может встать во главе коммунистической Германии, потому что слишком много немцев провело несколько лет в концлагерях за свою принадлежность к компартии.

Самый лучший образ Геринга нарисован не в книгах, посвященных ему, а в биографии его первой жены, Карин. В этой книге есть письма, написанные Карин в дни, когда Гитлер после неудачного путча 1923 года сидел в тюрьме, а Геринг лечился от ран в далеком Инсбруке, куда ему пришлось уехать, и будущий триумф Гитлера, который наступит через десять лет, казался плодом горячечного воображения, так вот, в этих письмах выражена абсолютная вера в Гитлера. Подобная лояльность, если, конечно, лояльность что-нибудь значила для Гитлера, могла предопределить выбор Гитлера: Геринг стал его ближайшим другом и был выбран в качестве преемника. Но Гитлером двигали другие соображения.

И вот сегодня Гитлер собирается постепенно на выход (хотя немцы, живущие в Германии, пока и задуматься об этом не могут). У него нет никаких шансов остаться. Он не сможет победить в этой войне; даже если ему пришлось заключить союз с большевиками против своего желания, ему все равно никто не поверит. На этой почве многие могли бы заключить договор с Германией — но только не с Гитлером, поскольку тот буквально через минуту может передумать.

Итак, на сцену выходит Геринг. Его всегда предпочитали Гитлеру, поскольку он выходец из офицерской среды. Своей карьерой он обязан армии, его отец был первым губернатором немецкой Юго-Западной Африки. Гитлеру никогда, на самом деле, не могли простить его происхождения и дилетантства, хотя на время предпочли забыть об этом — впрочем, до того момента, как он заключил пакт с большевиками. Очень многие влиятельные люди хотели, например, выманить Геринга в Англию — это человек, полагали они, похожий на нас, с ним можно иметь дело.

Вам может показаться странным, что война, которая должна покончить с эрой Гитлера, станет войной, которая положит начало эпохе Геринга. Отнюдь. Скорее, здесь мы видим обычную игру слов.

Посмотрите на Геринга. Как только он пришел к власти, он снял одежду штурмовика и облачился в форму рейхсвера или ВВС. Это сразу выставило его в правильном свете. Разве его не восхитил походный набор солдата, который он увидел у британского военно-воздушного атташе, причем настолько, что он тут же приказал сделать его неотъемлемой частью формы своих офицеров ВВС? Этот человек явно джентльмен. Или, как говорят трезвомыслящие крупные немецкие землевладельцы, с тревогой оглядываясь на большевиков, волею Адольфа Гитлера («спаси нас от большевиков») сделавшихся их соседями, «Er ist doch wenigstens ein Herr»{87}.

Сейчас Геринг держится несколько в тени. Он не заключал пакт с большевиками (разве не он говорил британскому послу, что когда фюрер принимает решения, то ничье мнение при этом не учитывалось). Но, возможно, он сможет вытащить нас из этого бардака. А что, если взять да согнать Адольфа с его места и посадить туда Германа? А уж после этого можно и уладить дела с Англией и Францией (с гитлеризмом-то покончено) и обсудить вопрос общего фронта против России, не правда ли?

Представьте на секунду, что у Геринга есть друзья или доброжелатели при многих дворах. Например, он дружит с Муссолини аж с 1924 года, когда был в ссылке в Италии. Его другом является и князь Филипп Гессенский, женатый на дочери короля Италии и получивший с подачи Геринга хорошую должность. Бывший кайзер любил его и как-то пригласил в Дорн. Бывший кронпринц наградил его всеми железными крестами. Князек, которого семья Гогенцоллернов направила в национал-социалистическую партию по случаю какой-то провинности, также является его старым другом. Герцог Саксен-Кобург-Готский, внук королевы Виктории, выпускник Итона и образчик аристократического представителя нацистской партии, тоже его близкий приятель. Герцогиня Кобургская даже специально поехала в Австрию, чтобы присутствовать при родах у сестры Геринга. Эдвард Виндзор играл с ним в изумительную модель железной дороги на верхнем этаже Каринхалле.

Он еще не испортил отношений со всеми этими людьми. И он может стать «делателем королей»{88}, творцом общего фронта против большевизма.

По мере развития военных действий понадобится поистине чудо, чтобы не дать этому человеку стать следующим правителем Германии. В частной жизни это очень веселый человек, любящий покровительствовать, приятель, о котором мечтает каждый. Он любит детей, цветы и животных, причем последних настолько сильно, что он ввел запрет на охоту на лис с охотничьими собаками, дрессировку медведей, а также на вивисекцию. Конечно, запрет охоты — это, пожалуй, самый серьезный минус в глазах британцев. Человек, который поступает подобным образом, думает какой-нибудь борец за права народа в Лестершире, наверняка в глубине души человек жестокий.

Есть еще пара интересных вещей, связанных с ним. Он — отец концентрационных лагерей. Автор приказа штурмовикам открывать огонь на поражение. Это человек, который отдал приказ убить одного прусского генерала с супругой в гостиной их дома прекрасным июньским днем{89}. Это человек, который поджег рейхстаг и угрожал повесить за это болгарских эмигрантов-коммунистов. Это человек, который, если когда Гитлер и уйдет, может оставить в целости и неприкосновенности немецкую армию и военно-воздушные силы, а также не забыть и о

территориальных приобретениях Гитлера. Возможно, что он будет не против возглавить крестовый поход против большевизма, но отнюдь не ценой отказа от того, что урвал Гитлер.

Самая моя любимая картина с участием Геринга, которой я был свидетелем, это заседание рейхстага 12 сентября 1932 года, когда он восседал в кресле спикера парламента. Именно в этот день его избрали спикером, и он тут же устроил незабываемый спектакль, явив себя пусть и новым, но уже опытным блюстителем парламентских правил и традиций.

Едва он уселся на месте спикера, коммунисты, самые ярые враги нацистов, вынесли предложение о незамедлительной отмене тех постановлений, с помощью которых протее Гинденбурга, Франц фон Папен, управлял в тот момент страной. Папен был уверен в том, что нацисты выступят против этого предложения, а потому он сидел на своем месте, улыбался и держал в руке постановление о роспуске рейхстага. Эту бумагу он загодя получил от Гинденбурга, желая напугать рейхстаг и подавить любые вражеские поползновения.

Документ лежал перед ним в красной папке. Но нацисты, быстро переговорив по телефону с Гитлером, решили не тормозить данное предложение коммунистов, и пока Папен пытался понять, что происходит на самом деле, Геринг приказал провести голосование. Тут Папен, который понимал, что если допустить такое голосование, то он будет выставлен на посмешище перед всем миром (результат был 512 голосов «против» и 42 «за»), вскочил и сунул папку с приказом о роспуске Герингу, дабы аннулировать результаты голосования. Геринг отвернулся от него, а когда папку положили на стол, демонстративно отодвинул ее в сторону. «Нет, нет, — сказал он, — сейчас голосование продолжается и его следует завершить. Меня не интересует, что там лежит в вашей красной папке. Вмешаться сейчас в ход голосования — значит, порушить веру, поломать все парламентские традиции, а это же противоречит конституции!» Растерявшийся Папен вынужден был забрать свою бумагу, потерпев столь нелепое поражение (впоследствии, конечно, роспуск был объявлен законным). Когда он вышел из зала, Геринг с самым честным и суровым выражением лица объявил: «Я твердо настроен поддерживать престиж парламента и, прежде всего, право этого выборного органа немецкого народа продолжать свою работу в полном соответствии с конституцией».

Пять месяцев спустя он поджег этот же самый рейхстаг.

Так что, с точки зрения внешнего мира, роза под именем Герман Геринг имеет всего несколько колючек. Это, конечно, не помешает ему стать следующим правителем Германии — если, конечно, скоро не произойдут какие-нибудь изменения, за которыми будут стоять те же самые могущественные группы крупных землевладельцев и предпринимателей, которые привели к власти Гитлера.

Но если подобного рода перемены пока откладываются, а немецкий народ начинает, подобно Везувия в хорошую погоду, выказывать признаки закипания и еле сдерживаемого гнева, то человек, идущий на смену Гитлеру, возможно, будет из-за рубежа. Его выберут из той группы людей, которые сегодня находятся в тени ссылки и о которых сегодня так же мало кто знает, как мало мы знали о Гитлере еще вчера.

Поэтому тогда мы и услышим новые имена, и среди них обязательно окажется имя Отто Штрассера. Именно по этим причинам, поскольку он может быть важен для нас, поскольку он имеет определенное значение, я и начал подумывать летом 1939 года, еще до начала войны, о том, чтобы написать книгу о Геринге и Отто Штрассере. Но потом я решил, что о Геринге написано уже предостаточно и если кто-то до сих пор испытывает насчет него какие-то иллюзии, то это просто неизлечимый человек; лучше я напишу об Отто Штрассере, решил я.

Поэтому когда я вернулся в Англию с твердым намерением написать книгу об этой войне, о грядущем мире, Германии и Отто Штрассере, я направился к морю, на юг и остановился там в большой гостинице.

В этом здании было невероятных размеров помещение, которое называлось «Комната отдыха». Там стояли кожаные кресла, и в них всегда с самым чинным видом восседало несколько человек. Посреди комнаты стоял большой аквариум, в котором тихо плавали какие-то тропические рыбы и, судя по всему, думали, какого черта делают тут все эти люди. Время от времени какой-нибудь обитатель большого, человеческого аквариума — ибо эта комната была прохладным, заставленным всякими растениями местом, в которое то и дело заглядывали полоумные старушки да апатичные джентльмены, так что я иной раз вздрагивал, когда обнаруживал кого-нибудь из них рядом со мной — случайно подходил к этому аквариуму и рассматривал его обитателей, издавая непонятные звуки, которые могли равно знаменовать удивление или удовольствие. Мне всегда было интересно, что в таких случаях думают рыбы, находящиеся в аквариуме...

Там был один весьма престарелый джентльмен с военной выправкой, который занимался вязанием (бригадный генерал в отставке, наугад подумал я); иногда к нему приезжал сын, которому он, сопя, сообщал новости, которые прочел в газетах, и свое мнение относительно них («Избаловали этих ополченцев, даже говорить об этом не хочется». «Да, папа»). Была там еще одна старушка, которая неверной походкой перемещалась от кресла к креслу, а в перерывах питалась юмором, который журнал «Панч» черпает в неистощимом источнике — различии между классами общества. Однажды в комнату отдыха забрел чей-то ребенок, но на него нашумела старушка-голландка — ребенок начал слишком громко смеяться, в результате чего она позвала слугу и сделала ему замечание.

Через пару дней я вышел из комнаты отдыха, которая мне уже совсем не нравилась.

И тут я решил купить билет на поезд, чтобы доехать до моей затерянной деревни. Так я и сделал. Пожилая женщина со сверкающим глазом по-прежнему жила там в окружении цыплят и развалин.

— Ну вот и я, — сказал я. — Приехал к вам на пару дней.

— А я уж думала, что вы не вернетесь сюда, мистер, — ответила она.

— Почему? — спросил я. — Я же сказал, что вернусь.

— Ну... я думала, что вы не приедете, — продолжала она. — Место тут уединенное, зимой у нас холодно, да к тому ж в это время года у меня никогда не было посетителей, да и невесело вам тут будет, среди развалин-то.

— На самом деле это единственное уцелевшее место во всей Британии, — сказал я. — У вас нет радио, киношек, забегаловок, где дают рыбу с картошкой. Нет у вас и всебританских контор по сбору всякой ерунды, которую изготавливают в Нью-Йорке польские евреи; у вас нет этих шикарных девиц, парней «из центра»; у вас нет гороскопов, футбольных площадок и у вас не танцуют джиттербаг. Здесь и правда может быть холодно, но подумайте, насколько холоднее в Финляндии или даже в Лондоне на репетиции эротического ревю, а у вас таких ревю нет, и хорошо — я достаточно насмотрелся на этот бедлам в свободной Германии и знаю, что это такое. У вас здесь нет беженцев, за исключением меня, и я — единственный настоящий беженец в Англии. У вас нет антикварных лавочек, где продают латунные канделябры, тысячами изготовленные на заводах в Бирмингеме. У вас нет даже чайной лавочки и кабачка, где мне подадут теплый виски и холодный портвейн, если я, по традиции, заскочу туда, чтобы пропустить глоток. Вы даже говорите по-английски, что сегодня — настоящая редкость. У вас нет бензозаправок с непременно кафе при них. У вас нет эстрадных певцов, этих любителей свинга,

и вам не приходится слушать, как ваши соотечественники и соотечественницы, забыв свое прошлое, подвывают «О, мой парекрасный, ты ваще парекрасны-ый». На ваших цыплятах нет противогазов. Так что более сохранившегося места мне лично видеть не приходилось.

— Вы так странно говорите, мистер, — с некоторым сомнением в голосе сказала женщина, но ее сверкающий глаз сиял еще более неукротимо, — здесь все в руинах. Все.

— А... — сказал я. — А вы видели Кентербери, о котором писал Чосер, и Плимут, откуда уходил Дрейк?

— И что там? — рассеянно спросила она. — Они их бомбили?

— Нет, — отвечал я. — Это мы их бомбили.

— Ну, ладно, — сказала женщина. — Вы же собираетесь здесь работать над своей книгой, мистер?

— Да, я напишу хотя бы часть, — отвечал я. — Эта книга уж слишком раззадорила меня. Когда я уезжал от вас в прошлый раз, то еще ничего толком не понимал, а вот теперь она меня захватила с головой. Я думаю, что Отто Штрассер — выдающийся человек, хороший немец, человек, который хочет мира. Так что, ведите меня, я хочу работать.

И мы вошли в дом.

Приложение 1

КНИГИ, НАПИСАННЫЕ ОТТО ШТРАССЕРОМ

Когда я уже какое-то время был знаком со Штрассером и проводил с ним много времени, обсуждая разные вопросы, в том числе беседа о его жизни, я с удивлением обнаружил, что этот человек является автором изрядного количества книги ни одна из которых, как я полагаю, не была переведена на английский язык. Две или три книги я прочитал, еще будучи за границей, и полагал, что они уже давно в ходу в Англии. Но я не знал, сколько всего написал этот человек, как, впрочем, и сегодня не могу понять, как мог столь занятой деятель находить еще время и на писательский труд. Но, как я уже говорил, среди его качеств на первом месте стоит невероятная, практически нечеловеческая энергия, вещь, конечно, часто встречающаяся у немцев, но отнюдь не в таких масштабах. Каким-то образом он умудрился написать несколько десятков книг. И это — в перерывах между кампаниями, которые он проводил по всей Германии сначала за, а потом против Гитлера; в перерывах между антигитлеровскими акциями, которые он проводил, уже находясь за границей, переезжая с места на место, из страны в страну, спасаясь от шедшего по пятам гестапо. Штрассер говорит, что, наверное, он единственный автор, который не знает, сколько книг написал. Возможно, он прав.

О его труде «Структура немецкого социализма» (Aufbau des Deutschen Sozialismus) я уже упоминал выше. На мой взгляд, это одно из самых выдающихся эссе в конструктивной политической мысли, причем детально проработанных, которые когда-либо попадались мне в руки. Кстати, в конце этой книги приведена запись двух обширных бесед с Гитлером, которые дают понимание лживости и истеричности этого человека. Почему-то за долгие годы никто из

множества читателей на этот фрагмент внимания не обратил. Книга была опубликована в 1931 году.

Другой его политический труд, «Европейская Федерация» (Europäische Föderation) увидел свет в 1935 году. Сегодня все говорят о федерации европейских государств, так что уже одна эта книга ставит Отто Штрассера в число пророков. Затем он написал «Немецкую ночь святого Варфоломея» (Die Deutsche Bartholomäusnacht)^{90}, описание резни, устроенной гитлеровцами 30 июня 1934 года, в ходе которой был убит и его брат Грегор, ставший главным героем этой книги. По правде говоря, мне показалось странным, что этот труд не был переведен на английский язык. Такой кровавый день несомненно вошел в историю и мысли на сей счет человека, столь близко знакомого со всеми основными персонажами этой трагедии, в особенности с одним из них, мысли самого Отто Штрассера, вне всякого сомнения, имеют огромную ценность для историков.

В 1938 году (я не представляю тут все книги в хронологическом порядке) он выпустил в Цюрихе под псевдонимом D.G. книгу *Erlebte Weltgeschichte*, что примерно можно перевести как «Всемирная история моими глазами»^{91}. Это хорошо написанное и увлекательное повествование о периоде с 28 июня 1914 года, со смерти эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево, и до триумфа Гитлера в 1933 году. Заканчивается книга словами: «Так появилась на свет гитлеровская система, которая потрясет Германию и Европу до самого основания».

Кроме того, увидели свет и другие книги — «Мы ищем Германию» (Wir suchen Deutschland), «Куда ведет Гитлер?» (Wohin treibt Hitler?), «Европа завтрашнего дня» (Europa von Morgen). Последняя работа весьма интересна; она основана на идеях Т. Масарика.

Еще будучи в Германии и уже выступая против Гитлера, Отто Штрассер опубликовал еще одну книгу, вышедшую под псевдонимом. Это была книга о брате, называлась она просто «Грегор Штрассер», а автором значился Михаэль Гайсмайер^{92}. Проект этот на самом деле был весьма сложный и деликатный — ведь Грегор все еще был главным помощником Гитлера. Он же, Отто, был главным антагонистом Гитлера. Все это сыграло роль в одном из характерных эпизодов того времени. Однажды Отто Штрассер появился на трибуне в известном берлинском *Spichern-Straße*. Там должны были состояться публичные дебаты, которые, собственно, он и ввел в моду в Германии. В этот вечер против него должен был выступать представитель коммунистов, один из тех таинственных чуждых «интеллектуалов», которые украшали собой тогдашнюю Компартию Германии — «профессор» Витфогель из Ленинского университета^{93}. В этом диспуте, проходившем в аудитории, на три четверти состоявшей из шумевших коммунистов, профессор проявил себя не лучшим образом, а потому он попытался переломить ситуацию и ввести Отто Штрассера в замешательство, внезапно обратившись к нему с таким вопросом: «Так это вы автор книги о Грегоре Штрассере, которая подписана Михаэлем Гайсмайером?» Для Отто Штрассера этот вопрос был весьма неприятен. Он написал эту книгу по двум причинам: во-первых, для того, чтобы заработать хоть немного денег, поскольку тот факт, что Гитлер выкупил принадлежавший ему издательский дом, а потом закрыл его, привел его к банкротству. А во-вторых, это был хитрый маневр, направленный на то, чтобы упрочить позиции Грегора Штрассера и, вообще, всего его дела в рамках национал-социалистической партии. В действительности, это был фрагмент политики «Черного фронта». Профессор Витфогель знал об этом; он понимал, что если он вытянет из Отто Штрассера признание в авторстве, то тогда Гитлер сразу запретит национал-социалистам покупать эту книгу, а положение Грегора Штрассера в партии сильно пошатнется. После минутного колебания Отто Штрассер ответил: «Вы прекрасно понимаете, что если я отвечу на ваш вопрос положительно, то книжке объявят бойкот и мои доходы от нее значительно сократятся.

Вы также знаете, что в ней нет ничего, что бы отличалось от того, что я говорил раньше, и от сказанного мною сегодня вечером здесь. Поэтому вы хотите причинить мне сугубо финансовый ущерб. И, тем не менее, я отвечаю «да». Я написал эту книгу, а вы — свинья».

Результат этой стычки был самый неожиданный: собравшиеся в зале 2000 человек разразились бурными аплодисментами, и профессору Витфогелю просто не дали продолжить дебаты.

Помимо этих книг (это было все, что он сумел вспомнить, если не все, что написал), в эти сумасшедшие годы Отто Штрассер создал безумное количество статей и брошюр. Все они, так или иначе, посвящены вопросам, затронутым мною в этой книге, за одним, весьма интересным исключением. Это брошюра, которой я, к сожалению, не смог раздобыть, посвящена революции в мужской одежде. Он считает (и в этом я с ним согласен), что современная мужская одежда уже дошла до максимальной степени некрасивости, однообразия, неудобства и непрактичности и что ранее такого не наблюдалось. Так что, упрямо следуя своему идеалу немецкой консервативной революции, он даже находил время защищать печатным словом другую революцию — революцию внешнего вида человека нашего времени.

В его книгах, в особенности в *Erlebte Weltgeschichte*, меня поразило его слогу. Он пишет очень хорошо, и меня поистине поражает тот факт, что эти книги до сих пор не переведены в Англии. Кроме того, у него, конечно, была уникальная возможность узнать Гитлера и других нацистских бонз, равно как и иных людей, которые играли первые роли в Германии в последние двадцать лет. Он имел информацию об истинной подоплеке великих событий, которая была недоступна для других людей. Вообще, это очень странное обстоятельство для современной мировой литературы — его книги так и не дошли до широкой публики, в то время как куча людей, источником для которых служат лишь газетные вырезки, тиражирует низкопробную чепуху о Гитлере, Геринге и прочих деятелях рейха.

Приложение 2

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ОТТО ШТРАССЕРА

Я приложил максимум усилий, чтобы проверить военную и гражданскую службу Отто Штрассера — его послужной список, если можно так сказать, во время войны 1914–1918 годов, и его деятельность на гражданской службе, особенно в области политики, во все остальное время.

Во-первых, мною правила страсть к фактам. Во-вторых, обычно я видел, что прошлое человека может послужить хорошим ключом к пониманию его характера. Например, если бы наши правители руководствовались именно этим принципом, то они никогда бы не впали в заблуждение и не стали бы верить — если они и правда верят в это, в чем я лично сомневаюсь — что Адольф Гитлер был человеком мягкосердечным, но непонятым и что если с ним обращаться терпеливо, то он выкажет себя честным партнером, борцом за мир и вообще станет первой скрипкой в сладкоголосом оркестре Европы.

Однако его прошлое слишком негативно, чтобы британские политики могли поверить в это. В биографии Гитлера слишком много пробелов, и объяснение им может быть только одно: Гитлеру было что скрывать. Он никогда не сообщал никаких сведений о своей жизни в довоенной Вене, которые можно было бы перепроверить. О его службе во время войны известно еще меньше, чем было бы известно, если бы все шло нормально. Показателен факт, что к концу войны, когда дела

на фронте шли хуже и хуже, он лежал в каком-то тыловом госпитале, страдая от какого-то недуга, который невнятно относили на счет действия газов. Впрочем, все это очень напоминало обычную тактику симулянтов, встречавшуюся в то время. Но самая мрачная лакуна в биографии Гитлера — это та, которую я подробно обсуждал в книге: отсутствие каких-либо объяснений того, как и зачем он проживал в Мюнхене во время торжества там еврейского коммунизма, в то время как все противники красных собирались в других местах, дабы сокрушить красный режим силой оружия.

То, что о Гитлере известно, вызывает осуждение в еще большей степени, нежели то, о чем я только что говорил. Ибо вся история его политической карьеры, независимо когда — до прихода к власти или после, — была историей обетов, даваемых с целью одурачить других и нарушаемых сразу по достижении цели. Исключений не было.

Так что биография Гитлера содержала множество вещей, позволявших иностранным государственным деятелям доверять ему. А пробелы в ней говорили о куда худших вещах, чем то, что было о нем известно. Тщательное изучение прошлого этого человека дало возможность множеству авторов очень точно определить суть его будущих поступков, а потому и вам, и мне, и всем нам крайне важно знать этого человека и его прошлое.

Все это в полной мере относится и к Герингу. В его биографии нет вообще никаких лакун. О нем известно все. Все его деяния поддаются проверке — их можно оценить, как поступки человека, целью жизни которого было унижить Британию и поставить Германию во главе народов мира. Для этого Геринг будет использовать все средства и методы; он не остановится ни перед чем. Поджог рейхстага; приказ полиции стрелять на поражение; убийство сотен своих сотоварищей; масштабное «нелегальное» или тайное перевооружение Германии, в котором очень обходительно разуверяли политиков Британии и прочих стран до тех пор, пока Германия не вышла по всем позициям на первое место; все это — безошибочные свидетельства и доказательства непреклонности Геринга, его жесткости и неприятия каких-либо колебаний при достижении цели, которую он считал патриотической.

Если британские государственные мужи вновь не обратят на это внимания и станут опять дурить английскую общественность словами о том, что Геринг, или любой такой же тип, станет другом Британии, если к нему относиться мягко и «тактично», то нас ожидают еще большие напасти. По сравнению с жизнью Гитлера биография Геринга — открытая книга; однако единственным законом для него является Германия и господство Германии в мире, для достижения которого можно разрушить все, и в первую очередь, Британию, стоящую у нее на пути.

Именно поэтому в своей книге я и уделил столько внимания деталям биографии Отто Штрассера, рассказав и о его службе во время Мировой войны 1914–18 годов. Здесь не было ни неясностей, ни лакун, которые, кстати, можно найти в его политической биографии в послевоенный период. Материалы и стихи находятся в «Истории Первого (принца-регента Луитпольда) Баварского полка полевой артиллерии». Четвертый том этой истории, опубликованный Баварским военным музеем Мюнхена в 1931 году, охватывает период с 1911 по 1920 год, в том числе и войну, которую мы называем Великой. Отто Штрассер — один из наиболее часто упоминаемых офицеров из сотен имен, фигурирующих на страницах книги. Ниже я приведу основные фрагменты, относящиеся к нему. Первый относится к последнему и самому крупному наступлению немцев в этой войне, 21 марта 1918 года. Там говорится следующее:

«24-й Баварский пехотный полк в условиях тумана захватил первую линию окопов неприятеля. Наступавшему слева Первому батальону была поставлена задача охватить Урвильер с юго-востока. В батальоне находился и лейтенант Штрассер, который занялся особым заданием: он должен был стремительным броском продвинуть пехоту за линию артогня. В этом месте наступления подобная тактика была оправданна. Ему удалось привести в замешательство солдат в первых вражеских траншеях, так что немногие смогли оказать сопротивление... Лейтенант Штрассер и офицер из разведки Первого батальона, лейтенант Зайлер (при продвижении их сдерживал огонь британского пулемета) вызвали несколько добровольцев и вместе с ними пробрались вдоль окопа к самому расположению британских солдат, которых они и атаковали, забросав ручными гранатами. Они захватили в плен три пулеметных расчета с оружием, не потеряв при этом ни одного человека... Лейтенант Штрассер прополз еще несколько сот метров и внезапно увидел, что буквально рядом с ним ведут огонь английские орудия. Он решил напасть на расчет. Английские артиллеристы были удивлены — он напал на них с севера, а они стреляли на восток; Штрассер убил нескольких человек (среди них оказались и приданные артиллеристам пехотинцы), а остальных взял в плен — они скрывались в блиндаже. Таким образом, два орудия англичан были выведены из строя... Затем лейтенант Штрассер присоединился к личному составу Первого батальона, который уже в полном составе перебрался в захваченные окопы британцев. Они увидели, что примерно в пятистах метрах от них ведет огонь еще одна английская батарея, и лейтенант Штрассер предложил лейтенанту Зайлеру напасть на них. Во главе взвода солдат они успешно преодолели открытое пространство и укрылись как раз между этими орудиями. В этом бою были захвачены четыре орудия и два пулемета вместе с расчетами. Пулеметный огонь мешал дальнейшему продвижению, и лейтенант Штрассер решил развернуть одно из захваченных орудий против пулемета. Однако поскольку англичане успели вывести их из строя, то понадобилось два часа, чтобы привести одно из них в рабочее состояние. Затем лейтенант Штрассер встал на место наводчика и стрелял прямой наводкой.

За свои подвиги в этот день лейтенант Штрассер был представлен к награждению военным орденом Макса-Иосифа».

Это был первый серьезный бой, в котором Отто Штрассер принял участие в звании офицера (он получил звание в конце 1917 года).

К августу наступление немецких войск приостановилось; американцы вступили на территорию Франции и немецкая армия была вынуждена обороняться. 9 августа началось крупномасштабное контрнаступление войск Антанты (которое в конечном итоге привело к краху Германии и, как считается, способствовало окончанию войны). Об этом дне в «Истории Первого Баварского полка полевой артиллерии» говорится так:

«Известие о начавшемся наступлении англичан к востоку от Амьена произвело на нас сильное впечатление. Лейтенант Штрассер, остававшийся в строю, несмотря на сильнейший ишиас, писал в это время в дневнике: «Когда я думаю о настроениях в тылу и о состоянии нашей пехоты, меня охватывает страх, дикий страх. Если бы вся армия была такой, как наша артиллерия, а особенно офицеры-артиллеристы... о, тогда бы!...»

20 августа 1918 года линия обороны немцев была сломана и германские войска начали отходить. В «Истории» рассказывается, как Отто Штрассер спасал свои орудия:

«Когда наступавший враг был всего лишь в восьмистах метрах, лейтенант Штрассер приказал отвести все орудия за исключением одного. Он направил в тыл связного, чтобы тот попросил дать ему передок для эвакуации орудия. Тем временем он вел огонь, израсходовав все заряды в

наступавшие подразделения французских колониальных войск. Вечером, в шесть часов пятнадцать минут, он вынул из орудия самые важные части и приказал всему расчету, за исключением двух человек, отходить. С одним из уходящих он передал записку, в которой просил прислать ему передки как можно скорее. Затем он подошел к дороге, чтобы подождать там передок, и в этот момент он увидел три немецких орудия, которые неизбежно попадали в руки неприятеля. Лейтенант Хибер, которого он оставил за старшего у своей пушки, подбежал к нему и сообщил, что огромное количество чернокожих солдат уже захватило батарею и продвигается к последнему орудью. В это время показались наконец передки для орудий. Они уже пронесли мимо последних рядов отступающих пехотинцев, которые пытались удержать их, крича, что они попадут в руки французов. Лейтенанту Штрассеру удалось запрячь шесть лошадей в два брошенных орудия, после чего он поспешил к лейтенанту Хиберу, чтобы помочь спасти свое последнее орудие. Враг был уже в нескольких десятках метров. Шум взрывов встревожил не только людей, но и лошадей. Казалось, что спастись уже невозможно. Говорит лейтенант Хибер: «Я отношу наш успех в спасении орудий в этот критический момент исключительно на счет хладнокровия и мужества лейтенанта Штрассера, который крикнул: «Осторожно! Не спешите. Пусть они бросят свои гранаты», так что, в конце концов, все четыре орудия, его собственное и три брошенных пушки были спасены». Лейтенант Штрассер последним ушел с позиций батареи и, уходя, проклинал французов».

За свои действия в этот день Штрассер, говорится в истории полка, был вторично награжден военным орденом Макса-Иосифа (6 июня он был ранен шальной пулей, но рана была несерьезной и он не покинул батарею).

Приложение 3

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЛАН ОТТО ШТРАССЕРА

В предложениях Отто Штрассера по реорганизации Германии меня особенно впечатлило то, что все они не относятся к тому бесчисленному множеству схем, которые то и дело появлялись на свет после сентября 1939 года. Когда война-таки началась, то все люди, а среди них было много тех, кто раньше говорил, что войны вообще не будет, что Гитлер не вторгнется в Австрию, Польшу и Чехословакию, и, в частности, что он никогда не будет договариваться с большевиками^{94}, стали предлагать свои планы по перекрою карты Германии и Европы после войны. Но если вспомнить, то вся история их заявлений, сделанных раньше, покажет, насколько неспособны они выстроить новую мирную жизнь, поскольку именно они выпустили из рук мирную жизнь старую.

Свое главное предложение — сохранить Германию, но расчленив Пруссию — Отто Штрассер сделал еще до начала войны, когда Гитлер себя еще никак не проявил и уж тем более был далек от власти. Впервые оно прозвучало после разрыва Штрассера с Гитлером в 1930 году и было обнародовано год спустя. Тот факт, что сегодня, в 1940 году, оно обрело необычайную политическую значимость, говорит о том, что Штрассер — человек исключительно дальновидный и настоящий знаток своего дела. Наверное, это предложение можно назвать самым важным фрагментом всей этой книги. Его нужно рассматривать в связи с другим, касающимся внутренних вопросов, предложением относительно экспроприации крупных землевладельцев Пруссии. Штрассер укреплял мир через разрушение тех сил внутри Германии, которые упорно и

непрестанно работали на войну, тех сил, которые привели Гитлера к власти и развязали войну нынешнюю.

Это, наверное, одно из самых интересных предложений и заслуживающих самого тщательного изучения, которые мне когда-либо встречались. Думаю, что Штрассера можно спокойно поместить в первые ряды политиков-мыслителей нашего времени. Ведь их сегодня, по сути, и нет — разве что только Муссолини. Оно дает право относиться ко всей политической программе Штрассера крайне серьезно и вдумчиво, придавая весу его мыслям по колониальному вопросу и праву Германии на колониальную активность.

Предложения Отто Штрассера касательно колоний также были разработаны давно, но опубликованы только в январе 1938 года. Сами предложения, равно как и аргументы, которыми он подкрепляет их, заслуживает сравнения с аналогичными замечаниями Гитлера по этому же вопросу.

В «Моей борьбе» и потом, на протяжении многих лет после публикации книги, Гитлер утверждал, что он — закоренелый враг колониальной активности Германии. В основание своей позиции он приводил аргумент, что, дескать, амбиции в этой сфере приведут Германию к столкновению с Британией, дружба с которой так важна для нее. Эта, открыто заявленная, позиция была столь же фальшивой, сколь и его враждебность к большевизму, равно как и, впрочем, все его остальные широко известные изречения. Он делал это специально, желая ублажить Британию, внушить ей, что ей ничего не грозит — и это в то время, когда перевооружение Германии шло полным ходом. Но наши правители совершенно спокойно попались на эту удочку.

Ко времени Мюнхенского соглашения Гитлер осмелел уже настолько, что стал говорить о своих претензиях на колонии (м-ру Чемберлену). В последние годы, предшествовавшие этой войне, подобные заявления стали открытой и официальной позицией гитлеровской Германии. В октябре 1937 года Римская империя^{95} также заявила о правах Германии на колонии в Африке. Сей благородный акт бескорыстной братской любви, который был просчитан самым тщательным образом, дабы не допустить отпадения Германии в руки Альбиона, стал самым хитрым маневром со стороны Муссолини.

В тот момент Отто Штрассер находился в ссылке и боролся с Гитлером. Однако он, не ища финансовой помощи в своей борьбе, ни, тем более, политической поддержки в зарубежных странах, ни малейшим образом не стал оппонировать Гитлеру. Он не стал критиковать его за ложь в колониальном вопросе, не стал призывать своих сторонников противостоять любым предложениям, которые будут сделаны Германии насчет территориальных приобретений. Вместо этого он выдвинул свои собственные предложения, написав следующее:

«Нет ничего более бессмысленного и несправедливого, чем объявить нынешнее распределение колониальных владений чем-то неизменным. Немецкие эмигранты из числа «левых» ставят себя в смешное положение, когда начинают решительно выступать против колониальных претензий Германии — тем самым, они становятся рупорами Британской и Французской колониальных империй. Фраза Муссолини по поводу «пролетарских наций», нищих, и их антагонистов — «капиталистических наций», имеющих, является простым переложением идеи Маркса о классовой борьбе, но только перенесенной на колонии. Но враг подобного классового разделения должен стать и врагом национального разделения. Он не может признать, что существуют «привилегированные нации», у которых есть колониальные владения, площадь которых в десять,

сто, тысячу раз больше, чем площадь доминиона, в то время как другие страны изнывают по причине ограниченности собственных территорий и недостаточности своих природных ресурсов. Кто будет спорить, что высокий уровень жизни жителей Британии и Голландии, стабильность промышленности Франции и Бельгии в первую очередь покоится именно на колониальном ресурсе. А низкий уровень жизни в Италии и Австрии, необеспеченность ресурсами Швейцарии и Судетов во многом зависит именно от того, что у этих стран нет колоний. Иначе по какому такому приказу Португалия, постоянное население которой составляет шесть или семь миллионов человек, обладает колониальной империей площадью два миллиона квадратных километров — то есть территорией в пять раз большей, чем вся Германия? А, например, Польша с растущим населением в 38 миллионов человек, колоний не имеет?

Но (добавляет Отто Штрассер) такое объективное и справедливое рассмотрение проблемы показывает чудовищное лицемерие колониальных претензий Гитлера, их абсолютно реакционную мотивировку и цель, ибо он не думает о том, как бы правильно решить всю проблему целиком, он не печется о справедливости, о новом, или лучшем устройении отношений между государствами. Для него это исключительно вопрос силы, вопрос дележа добычи. Если это случится, то Германия тут же примкнет к имущим и выступит, таким образом, против неимущих. Это точно так же, как рабочий исповедует принципы социализма, пока у него нет собственности. Как только он ее получает, он молниеносно становится защитником капиталистического строя и защищает его от нападков социалистов, доказывая тем самым, что он никогда и не был на деле социалистом.

Колониальный вопрос не может быть разрешен такими средствами. В результате мы получим непрекращающуюся борьбу за дележ добычи, а господствующий порядок вещей не приведет вообще ни к каким изменениям. Но вопрос-то здесь заключается не только в том, кому что достанется. Только фундаментальные изменения колониальной системы могут привести к настоящему решению данного вопроса, который столь важен для умиротворения Европы.

Каким образом правительство новой Германии, после Гитлера, будет рассматривать эту новую систему, чего оно будет добиваться? Ведь сразу же возникает вопрос о совместной деятельности в сфере колониального вопроса всех европейских государств, особенно промышленно развитых стран, то есть Германии, Австрии, Швейцарии, Чехословакии, Польши. И это устранит из данной проблемы факторы престижа, силы и противоборства, которые сейчас отравляют ее».

(В этом месте я должен прервать автора и сказать, что, с тех пор как Отто Штрассер написал эти слова по поводу участия европейских государств, Австрия, Чехословакия и Польша были поглощены Гитлером, так что даже в соответствии со штрассеровской концепцией устройства Европы индустриальные районы последних двух стран и, вероятно, вся Австрия, останутся все-таки в составе рейха, а потому участие в решении колониального вопроса, основанное на индустриальном могуществе, теперь будет крайне выгодно для Германии. Ранее на страницах этой книги я уже говорил, что не согласен с предложением Отто Штрассера относительно Австрии, той части Чехословакии, которую населяли судетские немцы, и района Польши, который в Германии ошибочно называют «польский коридор»[96]. Я просто записал его предложения.)

Опираясь на эти аргументы, Отто Штрассер предлагает в качестве главной меры по обеспечению справедливого распределения усилий в сфере колониального вопроса создать Европейскую колониальную компанию, объединив в ней все страны Европы за исключением Великобритании, Франции, Италии и Голландии, которые вряд ли захотят присоединиться к ней. Главными членами этой компании, писал он в январе 1938 года, станут Германия, Польша, Чехословакия, Бельгия,

Венгрия, Португалия, Австрия, Швейцария, а также страны Балканского полуострова и Скандинавии — если они, конечно, захотят присоединиться. В деятельности компании они будут участвовать пропорционально — в соответствии с численностью населения. В распоряжение этой структуры будут предоставлены бывшие германские владения в Африке, а также африканские колонии Бельгии и Португалии. Компания будет осуществлять свою деятельность под надзором Лиги Наций.

Бывшие владельцы земель на территории Африки, говорит Штрассер, которыми теперь управляет Европейская Колониальная компания, должны получать от нее ежегодную плату в размере того дохода, который они получали на протяжении последних десяти лет. Этот момент должен быть гарантирован Лигой Наций. Компания принимает на свой баланс все колониальные службы и сохраняет за чиновниками все пенсии и прочие права. Флаги и официальные языки не меняются, но вместе с ними вывешивается флаг Компании, и постепенно на территории всех владений Компании вводится двуязычие (французский и немецкий языки). Новые управленческие кадры страны-участницы будут готовить в новых колониальных школах.

Вот такие предложения «по справедливому решению колониального вопроса» были обрисованы Отто Штрассером до того момента, как Гитлер начал свою аннексионистскую политику. Сегодня они все еще выглядят довольно привлекательно — если, конечно, к ним относиться как к «справедливым предложениям». Однако, судя по всему, их практическая выполнимость стремится к нулю. Они, например, зависят от готовности Бельгии и Португалии предоставить свои обширные африканские владения в управление «Европейской Колониальной компании», а это вряд ли случится до тех пор, пока на какой-нибудь мирной конференции не будут разработаны основы того, что сегодня кажется практически невозможным. Они также зависят от готовности Британии поместить бывшие немецкие колонии в Африке под аналогичное управление. И если Германия проиграет эту войну или, лучше сказать — если она не ухитрится выиграть ее, то это вопрос станет еще менее реально выполнимым. Даже одним шагом — удержавшись от своей последней авантюры, нападения на Польшу — Гитлер мог бы почти наверняка организовать подобную концессию в отношении бывших немецких колоний в Африке. У меня есть серьезные основания полагать, что такая карта была запрятана в рукаве наших правительств. А что будет теперь?

Сегодня подобные предложения выглядят чересчур вольготными для Германии, которая приносит в мир одни лишь основания для вражды, но отнюдь не для действий доброй воли. Причем началось это всего лишь через два с половиной месяца после того, как Отто Штрассер набросал свой план — в марте 1938 года. В тот момент, когда его предложения записывались на бумагу, они имели какой-то смысл и, безусловно, они были справедливы. Но сегодня их роль заключается лишь в том, чтобы осветить еще одну грань человека, который, будем надеяться, сможет сыграть важную роль во всем, что касается Германии.

Приложение 4

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПУНКТОВ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Для того чтобы лучше уяснить главную тему этой книги — спор между Отто Штрассером и Гитлером — я привожу здесь «Двадцать пять пунктов» — программный документ Национал-

социалистической партии. Эта программа уже существовала, когда Гитлер, будучи полицейским агентом и человеком Рема, обнаружил в Мюнхене, в 1919 году небольшую Национал-социалистическую партию. Впоследствии, когда ему удалось вытеснить с помощью денег, которые давал ему Рем, прежних лидеров партии и занять главенствующее положение, «Двадцать пять пунктов» были названы официальной программой партии на первом большом собрании, состоявшемся 25 февраля 1920 года в мюнхенском Hofbrauhaus. 22 мая 1920 года на первом съезде партии эти тезисы были названы «неизменными». Таким образом, они представляют программу, которую предложили избирателям, и показывают то, чего хотели миллионы проголосовавших за Гитлера.

Первые десять и последние восемь из «Двадцати пяти пунктов» представляют национальную или патриотическую часть национал-социализма. Для того чтобы их понять, необходимо четко понимать, что в то время в Германии царил хаос; страна на ощупь двигалась вперед после пережитого недавно поражения. В Германии появилось огромное количество иммигрантов-иностранцев, главным образом, евреев, точно так же, как они появились в последние годы в Англии и в Британской империи в целом. Приезжие заняли места в торговле и в других сферах, они выдвинулись на первые места в политике и захватили прессу. Они преуспевали, а основная масса немцев едва не голодала, тщетно ища надежду на исправление сложившейся ситуации.

Первые десять Пунктов таковы:

1. Мы требуем объединения всех немцев на основе права народа на самоопределение, дабы построить Великую Германию. (Это требование было максимально выполнено с помощью силы, но никак не посредством добродетели самоопределения, во время вторжения в Австрию, Чехословакию и Польшу.)
2. Мы требуем равных прав для немецкого народа в его отношениях с другими народами, а также аннулирования мирных договоров, подписанных в Версале и Сен-Жермене. (Это требование было выполнено в отношении Версальского мирного договора, который Германия отказалась выполнять, а равенство ее прав было установлено благодаря молчаливому согласию со стороны других участников, не возразивших против ее политики в 20–30-е годы).
3. Мы требуем земли и территории [колоний] для пропитания нашего народа и для расселения нашего растущего населения.
4. Только представители нашего народа могут быть гражданами государства. Только те, в ком течет немецкая кровь, вне зависимости от веры, могут быть членами нашего народа. Следовательно, ни один еврей не может быть членом нации. (Это требование было выполнено через введение законов, ограничивающих права евреев.)
5. Человек, не являющийся гражданином государства, может проживать в Германии лишь в качестве гостя. К нему следует относиться как к лицу, подчиняющемуся законам другого государства.
6. Право голосования для участия в управленческой и законодательной деятельности принадлежит только гражданам государства. А потому мы требуем, чтобы все официальные назначения, независимо от сферы — в самом рейхе, провинции, общинах — давались только гражданам государства.

Мы выступаем против коррумпированного парламентского государства, когда на должности назначают исходя лишь из общепартийных соображений и не учитывая ни качеств, ни возможностей человека.

7. Мы требуем, чтобы государство поставило перед собой в качестве главной цели развитие промышленности и содействие в обеспечении высокого уровня жизни граждан государства. Если нет возможности обеспечить питанием все население государства, то жители иностранного происхождения (не-граждане государства) должны быть высланы за пределы рейха.

8. Необходимо остановить дальнейшую иммиграцию лиц не немецкого происхождения. Мы требуем, чтобы всем иностранцам, приехавшим в Германию после 2 августа 1914 года, незамедлительно предложили в ближайшее время покинуть рейх. [Первая часть этого требования была выполнена. Вторая — нет, хотя действительно начиная с 1914 года в Германию прибыли тысячные толпы ненавистных иммигрантов.]

9. Все граждане государства должны обладать равными правами и обязанностями.

10. Первой обязанностью каждого гражданина государства должна стать работа в интеллектуальной или физической сфере. Деятельность отдельных лиц не должна входить в противоречие с интересами всего общества, но должна протекать в рамках, определенных обществом, и быть направлена на всеобщее благоденствие.

Далее начинаются крайне важные семь пунктов, с 11 по 17, которые составляют социалистическую часть национал-социализма и, вместе с патриотической частью, предоставляют партии два блока, обращенных к избирателям. Без этих социалистических пунктов партия никогда бы не пришла к власти. Именно по этой причине эти тезисы были переняты Гитлером; его долгий спор с Отто Штрассером, приведенный в этой книге, показывает, что он никогда не относился к ним серьезно. А вот сам Штрассер, равно как и многие его последователи, относился к ним более чем уважительно. Это была та часть программы, которая упорно взывала к тому *Sehnsucht*^{97} социального плана, жившему в немцах, о котором я уже так подробно писал. Ни одно из этих обещаний социалистического толка выполнено не было. Итак, они заключались в следующем:

11. Мы требуем отмены доходов, полученных не в результате трудовой деятельности. (В этом направлении не было предпринято ни единого шага.)

12. Учитывая, что каждая война требует от нации больших жертв в виде человеческих жизней и имущества, личное обогащение на войне надлежит считать преступлением против нации. А потому мы требуем беспощадно конфисковывать всю прибыль, заработанную на войне. (Соответствующие шаги не предпринимались ни разу; в современной Германии — как и в ходе нынешней войны — производители оружия обогащаются так же свободно, как и в других странах.)

13. Мы требуем национализации всех акционерных обществ и концернов. [И в этой сфере ничего сделано не было.]

14. Мы требуем, чтобы в основных отраслях промышленности был введен принцип распределения доходов. (Никаких мер в этом отношении принято не было.)

15. Мы требуем максимально широкого развития системы обеспечения лиц старшего возраста. (Насколько я могу вспомнить, ни в вопросах страхования стариков, ни в отношении пенсионных схем, существовавших на момент прихода Гитлера к власти, никаких улучшений не произошло.)

16. Мы требуем создания и поддержки зажиточного среднего класса, незамедлительного обобществления оптовых торговых магазинов и баз, их сдаче внаем по низким ценам мелким торговцам. Мы требуем, чтобы мелким поставщикам, которые поставляют товары государству, местным администрациям и небольшим коммуна, счета оплачивались самым тщательным

образом. (Подобная трактовка универсальных магазинов, сетевых торговых заведений и магазинов одной цены, превращенных, по сути, в небольшой базар для мелких торговцев, в период, когда Гитлер боролся за власть, апеллировала к чувствам зажатых мелких торговцев. Это принесло ему громадную поддержку со стороны представителей данного класса. Однако для выполнения этого обещания также ничего не было сделано.)

17. Мы требуем проведения земельной реформы, соответствующей нашим национальным потребностям; принятия закона в отношении конфискации без компенсации земель для общественных нужд, ликвидации процента при ипотеке и запрещения всех спекуляций с землей. (Это требование было, на самом деле, наиболее важным во всей программе. «Конфискация без компенсации» была направлена непосредственно против воинственных прусских землевладельцев, многие из которых были уже совершенно несостоятельны. Цель всего этого была такова: создать прочную основу из мелких крестьянских хозяйств на этих, изъятых у обанкротившихся владельцев территориях. «Ликвидация процента при ипотеке и запрещение всех спекуляций с землей» были направлены против банкиров-евреев и ростовщиков в остальных сельскохозяйственных районах, где крестьянство превратилось, по сути, в их рабов. Однако и сегодня это один из самых больных вопросов среди прочих немецких проблем, что я, собственно, и показал в главе о «Немецком социализме» Отто Штрассера. Причем по этому пункту Программы не просто ничего не было сделано, но от него реально отказались еще до того, как партия пришла к власти. Ибо Гитлер 13 апреля 1928 года добавил к 17 пункту следующее примечание: «Необходимо ответить на те лживые интерпретации, которые исходят от наших оппонентов в части, касающейся пункта 17. Поскольку национал-социалистическая партия принимает принцип частной собственности, то очевидно, что выражение «конфискация без компенсации» относится исключительно к созданию возможных законных способов конфискации, при необходимости, незаконно приобретенных земель либо тех, которые не используются в видах национального благосостояния. Поэтому оно направлено в первую очередь против еврейских компаний, которые спекулируют землей». Это был своего рода поклон за те финансовые субсидии, которые Гитлер получал от землевладельцев и промышленников — один из них, Тиссен, сообщил об этом недавно в своем заявлении, которое он сделал после вынужденного отъезда из Германии. Никаких земельных реформ проведено не было, никаких законов о конфискации не принято, процент по земельной ипотеке отменен не был, да и спекуляции с землей запретить также не смогли. Соответственно, крупные землевладельцы заняли ключевые посты среди тех, кто привел Гитлера к диктатуре.)

Подобное сравнение насчет обещаний Гитлера в области социального блока программы и практики их выполнения было необходимо, чтобы понять основной смысл этой книги и ситуации в Германии в том виде, как она складывается в последнее время.

Оставшиеся восемь пунктов уже не так важны. Вот они:

18. Мы требуем беспощадной войны против всех, чья деятельность наносит ущерб общим интересам. Все преступники, ростовщики, спекулянты и пр. должны быть наказаны смертью независимо от их веры и национальной принадлежности. (Насколько я знаю, в гитлеровской Германии не наказали смертью ни одного ростовщика и спекулянта. Вообще, за эти преступления наказали в принципе очень немногих — так, в показательно-пропагандистских целях. К смерти

приговаривали только тех, кого обвиняли в государственной измене — например, при выдаче секретов, касающихся перевооружения Германии.)

19. Мы требуем заменить римское право, служащее этому меркантильному мировому порядку, на германское общее право.

20. С целью предоставления каждому способному и работающему немцу возможности получения высшего образования и последующего продвижения на ведущие позиции, государство должно рассмотреть схему тотальной перестройки нашей национальной системы образования. Программы всех образовательных учреждений должны быть выстроены в соответствии с требованиями реальной жизни. Как только у человека начинают развиваться умственные способности, школа должна быть нацелена на выработку у ученика понимания идеи государства. Мы требуем, чтобы особо одаренные дети из бедных семей вне зависимости от происхождения и рода деятельности обучались за счет государства. (Для выполнения первого и последнего предложений из этого пункта не было сделано ничего.)

21. Государство должно заняться повышением стандарта здоровья нации путем защиты материнства и детства, запрещения детского труда, повышения физического здоровья через обязательные занятия гимнастикой и спортом и расширенной поддержки клубов, занимающихся физической подготовкой молодежи. (Германия при всех режимах является одним из мировых лидеров по этим вопросам, и после того как Гитлер пришел к власти, было сделано очень многое, чтобы выполнить вторую часть этого заявления, однако, главным образом, по соображениям сугубо военного плана.)

22. Мы требуем упразднения наемных войск и образования национальной армии. (Этот пункт был выполнен полностью, абсолютно, с переизбытком и крайним энтузиазмом. Он даже был перевыполнен. История быстрого перевооружения Германии собственными силами — это отдельная и крайне богатая история.)

23. Мы требуем узаконенной борьбы против сознательной политической лжи и ее распространения в прессе. Желая способствовать созданию немецкой национальной прессы, мы требуем: а) чтобы все редакторы и сотрудники газет, выходящих на немецком языке, были членами нации; б) чтобы государство выдавало специальное разрешение не-немецким газетам до начала их выхода в свет (они не обязательно должны выходить на немецком языке); в) чтобы представителям иных национальностей было запрещено законом участвовать финансово или влиять каким-либо иным образом на немецкие газеты и что наказанием за нарушение этого закона должно стать закрытие любой такой газеты и незамедлительная депортация участвовавших в этом лиц иностранного происхождения. Выпуск газет, которые не работают на дело национального благосостояния, должен быть запрещен. Мы требуем закрепленного законодательством судебного преследования всех тенденций в искусстве и литературе, которые способствуют разрушению целостности нашей национальной жизни, и подавления всех организаций и учреждений, которые будут выступать против вышеупомянутых требований. (Читатели сами могут судить, насколько при Геббельсе со страниц немецкой прессы была изгнана ложь и насколько там воцарилась правда. Что касается последнего предложения этого пункта, то был реализован план, безусловно необходимый и здравый, который устранил всякое чуждое и тлетворное влияние.)

24. Мы требуем свободы для всех религиозных направлений в государстве, но настолько, насколько они не представляют для него опасности и не вступают против морали и духа немецкого народа. Сама партия выступает за христианство, однако она не привязывает себя в

вопросе веры к какой-то определенной конфессии. Она борется с еврейско-материалистическим духом внутри нас и вовне и убеждена, что наш народ может достичь здоровья духа только при условии, что благополучие всех будет основано на благополучии каждого.

25. Для того чтобы все вышеупомянутые предложения были реализованы, мы требуем создания в рейхе сильной центральной власти. Неограниченной политической власти центрального парламента над всем рейхом и всеми его структурами. Создание органов законодательной власти и профессиональных структур для выполнения общих законов, опубликованных рейхом в различных землях конфедерации. Лидеры партии клянутся делать все, независимо от последствий — если необходимо, даже ценой собственной жизни — для выполнения вышеуказанных пунктов.

(В отношении последнего пункта должен лишь сказать, что требование сильной центральной власти было выполнено наиболее полно и что лидеры национал-социализма не сделали все, невзирая на последствия, для выполнения этих пунктов, кроме, разве что, 1,2,4,22 и 25. Причем ни один из них не счел необходимым принести себя в жертву — если только на тех собраниях 25 февраля и 22 мая 1920 года не присутствовали Эрнст Рем и Грегор Штрассер, но я не могу проверить это. Если они были там, то они сдержали свое слово, хотя и не так, как они предполагали.)

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Люди склонны дрожать перед воображаемой опасностью и ленятся увидеть настоящую.

Дуглас Рид

Дугласу Риду крупно не повезло. Массовому современному читателю, и не только в нашей стране, его имя практически неизвестно. Этот интересный человек и глубокий, оригинально мыслящий журналист-аналитик стал настоящим *l'enfant terrible* второй половины XX века. И причина тому — не в объективных обстоятельствах, а во вполне сознательном желании определенных кругов позиционировать Дугласа Рида как очередного, не совсем здорового борца с мировым еврейством.

От журналистской братии Запада и постсоветской России Дугласу Риду досталось сильно. Стремление наклеить ярлык, не вдаваясь в изучение текстов и уж тем более не углубляясь в размышления над сутью исторических процессов, над тенденциями из разряда вечных, привели к тому, что образ британского журналиста быстро принял вполне определенные очертания. «Кадровый сотрудник Интеллидженс Сервис, мастер черного пиара», «разоблачитель мирового жидомасонского заговора», шарлатан, сторонник геббельсовских методов пропаганды{98}, параноик... Согласно методикам «черного пиара», подобные записные бойцы информационного словоблудия типа Дмитрия Галковского «добивали» образ Рида совершенно определенным выводом: книги этого автора читать не рекомендуется.

Подобный ход не нов и вполне понятен: смесь «девятого вала» клеветы и презрения («всерьез произведения Рида воспринимают 50–60-летние литераторы из провинции») должны заставить вдумчивого и просто мало-мальски мыслящего читателя устыдиться своего желания познакомиться с творчеством «изгоя» и брезгливо вернуть книги Рида на библиотечный стеллаж

или полку книжного магазина вне зависимости от того, о чем в них идет речь: о международной политике или о роли еврейского лобби в США. В том, что такое отношение сознательно культивируется, причем не без успеха, сомнений нет. Иначе как объяснить следующие слова современного историка Ричарда Турлоу: «Дуглас Рид — это ныне забытое имя, о чьей былой славе помнят лишь чудаковатые завсегда и букинистических магазинов»?⁹⁹

К сожалению, объективная информация о личности Рида для русского читателя ограничивается переводным предисловием Айвора Бенсона, известного южноафриканского журналиста и политического аналитика, к самой популярной книге Дугласа Рида «Спор о Сионе». Но и там она подана, в основном, в контексте проблемы, исследуемой автором. Постараемся хотя бы минимально восполнить существующий пробел, представив небольшую биографическую справку о человеке, написавшем эту книгу.

26 августа 1976 года в южноафриканском городе Дурбане в своем доме на 82-м году жизни скончался Дуглас Ланселот Рид. В кратком некрологе, опубликованном в британской «Таймс», газете, которой Рид отдал 18 лет жизни, журналиста охарактеризовали так: «Он был настойчив и упрям и от природы был человеком неумеренным». Автор заметки отдал — правда, весьма дозировано — дань профессиональным талантам Рида, назвав его «компетентным, информированным в вопросах, его интересовавших, и весьма умелым в своих описаниях».

Дуглас Рид родился 11 марта 1895 года в Лондоне. Когда мальчику исполнилось 13 лет, он поступил разнорабочим в издательство. Незадолго до начала Первой мировой войны Дуглас перешел на работу в банк, однако с началом боевых действий уволился и пошел добровольцем на фронт.

Сначала Рид служил в пехоте, затем — в авиации. Два раза был ранен и несколько раз отмечен в официальных донесениях за инициативу и мужество.

После демобилизации Рид столкнулся с тем же, что и тысячи молодых людей всех стран Европы, вернувшиеся домой с войны. Получить работу в эпоху кризиса, тем более не имея образования, было крайне сложно. Надежды на особые привилегии фронтовикам от государства улетучились в считанные дни. В нем, как и во многих его современниках, росло недовольство существующей несправедливостью, вызывавшее, в конечном итоге, вполне закономерную симпатию к социалистическим идеям, крайне популярным в тогдашней Европе¹⁰⁰.

В 1921 году ему удалось устроиться на работу в редакцию лондонской «Таймс». Рид считал это большой удачей, потому что, как он говорил о себе впоследствии, «в тот момент я был, в общем-то, человеком без образования». Сначала он работал простым телефонистом и был, что называется, на подхвате, но в 1925 году, в год своего тридцатилетия уже занимал пост помощника редактора.

Проходит три года, и Рида направляют корреспондентом в Берлин, где он задержится на долгих восемь лет. Именно там он стал свидетелем «явления» и роста популярности НСДАП вкуче с Адольфом Гитлером. Именно там он увидел, на что способен немецкий национал-социализм в политической борьбе — Рид стал автором корреспонденций по делу нацистской провокации с поджогом рейхстага и процессом над коммунистами, обвиненными в этом.

В 1934 году выходит первая книга — «Поджог рейхстага» (Reichstag Fire), в которой он продемонстрировал незаурядное умение распознавать политическое закулисье и те механизмы,

с помощью которых обрабатывалось и формировалось мировое общественное мнение в важнейших вопросах политики, войны и мира.

В 1935 году Рид переезжает в Австрию. Теперь он — корреспондент по Центральной Европе. В Вене Рид проведет три года, станет очевидцем аншлюса, напишет десятки корреспонденций из Варшавы, Москвы, Праги, Афин, Софии, Бухареста, Будапешта и других европейских столиц.

Уже тогда Рид понимал, чем чреват гитлеровский режим для Европы и системы международной безопасности. Даже скупой на похвалы автор некролога в «Таймс» вынужден был признать: «Рид был гораздо мудрее многих своих соотечественников в своем отношении к Гитлеру, в своей обеспокоенности насчет того, к каким результатам приведет тогдашняя политика «умиротворения». На самом деле он с прозорливостью пророка понял ситуацию в Берлине и Центральной Европе, анализируя события, которые происходили там изо дня в день».

В октябре 1938-го Рид увольняется из «Таймс». Уход из любимой газеты фактически совпал с оглушительным мировым успехом его книги «Ярмарка безумия» (Insanity Fair), в которой он не просто предоставил читателю захватывающую и динамичную картину Европы перед новой мировой войной, но и с необычайной для журналистов прозорливостью проанализировал тенденции, причины и скрытые пружины, определявшие причудливое движение механизма международной политики. Позднее он скажет об этой книге так: «Я просто решил не сдерживаться и сказать то, что я думал по поводу надвигающейся войны и людей, которые делают ее возможной». Написанная в синтетическом жанре автобиографии и политического репортажа, «Ярмарка» только в 1938-м выдержала не один десяток изданий, а всего до конца войны она была издана на английском языке около 100 (!) раз.

«Ярмарка безумия» стала итогом его наблюдений за европейской жизнью последних десяти лет. Книга была задумана в 1935 году, и писалась на протяжении последующих двух лет. В отличие от основной массы журналистов и репортеров, Рид имел доступ к первым лицам европейских государств, получал информацию, которая редко выходила за стены властных структур, а потому его анализ и выводы были сенсационны и отличались от репортажей, которыми газеты изо дня в день кормили европейского обывателя. В «Ярмарке безумия» он предрек будущую войну, обрисовав стратегию Гитлера и подвергнув критике действия европейских правительств, в том числе и британского. Его прогнозы — в частности, аншлюс и оккупация Чехии — сбывались с пугающей быстротой.

Наблюдая за тем, что происходит в Европе, Рид пришел к выводу, что в действительности за принятием решений стоят некие хорошо замаскированные силы. Позднее, во время Второй мировой, когда он будет жить в Лондоне, Рид скажет, что его наблюдения за европейской политикой последних двадцати лет подтверждают наличие мировой закулисы, которая очень дозированно выпускает во внешний мир информацию о движущих пружинах международных, и не только, отношений.

Но вернемся к уходу Рида из «Таймс». Покидая «Таймс», Рид достаточно громко хлопнул дверью. Уволился он в знак несогласия с политикой европейских государств и, в первую очередь, Великобритании в отношении гитлеровской Германии. 29 сентября 1938 года в Мюнхене между Германией, Италией, Францией и Англией были подписаны знаменитые соглашения, которые позволили Гитлеру присоединить к Германии Судетскую область Чехии. Чешская делегация была вынуждена уступить давлению британского премьера Невилла Чемберлена, который действительно считал, что, идя на уступки Гитлеру, он сможет обезопасить как минимум Англию

от перспективы войны. Не случайно, сойдя с трапа самолета в Лондоне, он заявил буквально следующее: «Я привез мир нашему поколению».

В отличие от Чемберлена Дуглас Рид понимал, чем чревата британская политика умиротворения, свое отношение к которой он и выразил в «увольнительном» письме в редакцию «Таймс». Более того, к столь решительному шагу автора привели многолетние наблюдения за тем, что на самом деле происходило в Европе, и тем, как это подавалось на страницах «Таймс». В 1938 году Рид заметил, что его корреспонденции из Германии редактируются и просто переписываются в соответствующем ключе, находясь в прямом противоречии с реальностью. Он лишней раз уверился в своих предположениях, что свобода слова за то время, что он работал в «Таймс», и особенно в конце 30-х, практически исчезла. Вопросы же, связанные с войной и миром, а также все, что касалось роли еврейства в мировом процессе, подвергалось жесточайшей, хоть и не декларированной цензуре.

Позднее, в 1946 году, он напишет в одной лондонской газете, что сила прессы используется для того, чтобы вводить людей в заблуждение, а не информировать.

Успех «Ярмарки безумия» и материальная свобода предоставили Риду возможность начать свое, не связанное никакими формальными узами исследование тайных механизмов мировой политики и истинных мотивов поведения лидеров стран Европы в первой половине XX века, особенно в связи с надвигавшейся Второй мировой.

Став независимым автором, Рид чуть ли не каждый год выпускает по политическому бестселлеру. За «Ярмаркой безумия» следует «Безмерный позор» (1939), а в 1941 году выходит в свет «Пророк в своем отечестве», завершающая эту политическую трилогию.

Во время войны Рид живет в Англии. Он продолжает работать свободным журналистом, в 1944 году уезжает на фронт в Нормандию корреспондентом.

В ноябре 1947-го Рид уезжает из Лондона в Южную Африку. Перемена места жительства объяснялась просто — журналист устал наблюдать отсутствие реакции на свои предостережения и от нежелания британского общества вникать в «неудобные» проблемы. Ему хотелось новых тем, новых ощущений.

Прожив два года с семьей, в 1950-м он отправляется в большое путешествие по США, которые к тому моменту стали настоящей землей обетованной для мирового еврейства. К этому моменту он определил для себя новый центр интереса — роль евреев в мировой политике, который, и в этом Рид был уверен, позволит дать правильную картину современного состояния человечества.

По итогам поездки он выпустил в августе 1951 года книгу «Здесь и там» (Far and wide). Вторая часть тома под заголовком «За кулисами» стала, по мнению некоторых исследователей творчества Рида, пробной публикацией тех построений, которые впоследствии войдут в его самый известный труд — «Спор о Сионе»^{101}. Именно после этой книги он стал персоной нон грата в издательском мире и журналистике. Рид, в частности, посмел аргументированно усомниться в массовых преследованиях евреев в нацистской Германии^{102}. Это обстоятельство и аналитический разбор «сложных» вопросов мировой истории, в т. ч. связанных с молодым государством Израиль, навлекли на голову Рида проклятия и голословные обвинения, не дававшие, однако, ответа на поставленные им вопросы. Конечно, куда как проще объявить Рида «непревзойденным клеветником и дилетантом в «еврейском вопросе»»^{103}. Или, как было написано в его некрологе в «Таймс», «у Рида было несколько своих любимых тем, которые, собственно говоря, не очень отличались от их нацистского варианта».

Это, конечно, глупости и откровенный бред — Рид не просто не любил Гитлера, он не любил его сознательно, аргументировано. Как писал Ревило Оливер, «нельзя ожидать от англичанина, пережившего войну 1939–1945 годов, перенесшего много страданий, выпавших на долю английского населения, потерявшего на этой войне родственников или друзей, какой-то нежности или любви к Гитлеру»{104}. Но такая реакция на попытки Рида разобраться в проблеме лишней раз демонстрируют правильность его подозрений.

Между тем, вопрос действительно был серьезный: «Никогда, вплоть до сегодняшнего дня, — писал он в 1950 году в своей книге «Где-то к югу от Суэца», — не было возможности свободно обсудить важнейший вопрос: сионистский национализм... когда я приехал в Америку, то увидел, что этот запрет, а это именно запрет, соблюдается здесь строже, чем на моей родине... Ни одна газета не осмелится напечатать ни строки, если она идет вразрез с сионистскими интересами... Вывод прост: сионистские националисты достаточно сильны, чтобы управлять правительствами великих государств Запада...».

Последующие годы прошли в работе над «Спором о Сионе» — этот эпохальный, хотя и противоречивый труд был завершен в конце 1956 года, однако увидел свет лишь 22 года спустя. Все переговоры с немногочисленными издательствами Рид вел заочно, т. е. не высылая рукопись для ознакомления. Слишком велик был шанс утратить ее и дать лишней козырь своим недругам.

О последних двадцати годах жизни Дугласа Рида известно очень мало. В 1966 году выходит его «Битва за Родезию» (он поехал в Родезию, когда та объявила о независимости от Великобритании; результатом поездки стала эта книга), в 1974 публикует «Осаду Южной Африки» и, наконец, за несколько месяцев до смерти делает «выжимку» «Спора о Сионе», которая выходит в свет в виде 45-страничной брошюры под названием «Великий замысел XX века». В книгах, посвященных Африке, Рид мало касался «еврейского вопроса». Он говорил, в основном, о проблемах противостояния «черной» и «белой» цивилизаций, предсказывая возвращение Африки к первобытному состоянию, волне насилия в отношении белого населения в освободившихся государствах континента. Говорил он и о том, какие минусы принесет Соединенным Штатам либеральная политика в отношении иммигрантов, которая превратит эту страну белых в страну цветных со всеми вытекающими из этого последствиями в культуре, быте, жизни в целом. Что мы сегодня и наблюдаем.

В последние годы жизни Дуглас Рид принципиально не менял своих взглядов на исходные движущие силы мирового политического закулисья. Он считал, что Запад сам несет ответственность за разрушение мировой цивилизации, за которым стоят талмудические силы, о которых он говорил в своем «Споре о Сионе».

Конечно, можно много спорить о темах, к которым обращался Рид, можно говорить о недостаточном понимании, обусловленном неполным знанием фактов; о тенденциозности, причиной которой стало множество факторов — от «британскости» автора до изначальной заданности некоторых построений. Можно спорить с Ридом о том, была ли советская власть и политический сионизм близнецами-братьями, преследующими близкие цели, о том, какие силы реально могли повлиять на будущее поствоенной Европы, о том, какое место займет на мировой арене США и т. д.

Все это так, но самое важное при чтении книг Дугласа Рида — это его живая, самостоятельная мысль. Мысль умного, думающего, задающего вопросы человека. Мысль, свойственная не

журналисту, но настоящему историку, который оценивает мировые явления на уровне тенденций, а не выхваченных из контекста имеющих сиюминутное значение фактов. Его теории и взгляды требуют спокойного и самого вдумчивого анализа, поскольку ответов на многие из поставленных им вопросов не получено до сих пор. Вопросов, важных для, как бы пафосно это ни звучало, судеб мира. Для каждого из нас.

И, конечно же, заслуживает безусловного уважения жизненный принцип Рида, определивший все его творчество: «В первую очередь я думаю о таких вещах, как религия, патриотизм, свобода, человеческое достоинство и честь...» Об этом он и писал в своих книгах.

М. Тимофеев

СОЧИНЕНИЯ ДУГЛАСА РИДА

Политическая публицистика

The Burning of the Reichstag (1934);
Insanity Fair: A European Cavalcade (1938);
Disgrace Abounding (1939);
Fire and Bomb: A comparison between the burning of the Reichstag and the bomb explosion at Munich (1940);
Nemesis? The Story of Otto Strasser (1940);
A Prophet at Home (1941);
All Our Tomorrows (1942);
Lest We Regret (1943);
From Smoke to Smother (1938–1948), (1948). Продолжение книг: Insanity Fair, Disgrace Abounding, A Prophet at Home;
Somewhere South of Suez (1949);
Far and Wide: A further survey of the grand design of the twentieth century (1951);
The Battle for Rhodesia (1966); The Siege of Southern Africa (1974);
Behind the Scene (Dolphin Press, 1975; Noontide Press, 1976). Отдельное издание второй части книги Far and Wide;
The Grand Design of the 20th Century (1977);
Prisoner of Ottawa (1953). Продолжение книги Nemesis? The Story of Otto Strasser;
The Controversy of Zion (1985).

Романы, пьесы

The Next Horizon: Or, Yeomans' Progress (1945);

Downfall (1945);
Galanty Show (1947);
Reasons of Health (1949);
Rule of Three.

Переводы на русский язык

Рид Д. Спор о Сионе. Краснодар, 1991 (сокращенный перевод); полные переводы — М., 1993 (переиздания: М., 1994; М., 1998; М., 2000; М., 2005);

Рид Д. Грандиозный план XX столетия (интернет-публикация перевода на сайте).

Комментарии

1 Вероятно, автор имеет в виду свои книги «Ярмарка безумия» и «Великий позор», посвященные предвоенной Европе. — Примеч. пер.

2 Эдуард Вуд, лорд Галифакс (16 апреля 1881 — 23 декабря 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. В 1925–1930 под именем лорда Ирвина был генерал-губернатором и вице-королем Индии. Стремился закрепить за ней статус доминиона, противодействуя Движению за независимость. Затем сторонник умиротворения — попыток Невилла Чемберлена удовлетворить требования держав оси. Был министром иностранных дел в его консервативном кабинете в 1938–1940 гг., после того как Энтони Иден подал в отставку из-за нежелания идти на переговоры с европейскими диктаторами. Согласился на присоединение к нацистской Германии Австрии в 1938 г. (аншлюс) и на оккупацию Гитлером части Чехословакии по Мюнхенскому соглашению. Отказался от приглашения приехать на переговоры в Москву, переданного советским руководством через посла И. М. Майского 12 июня 1939 г., возможно, упустив шанс достичь договоренности с СССР и предотвратить возможность заключения Гитлером и Сталиным в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Во время Второй мировой войны был послом в США. — Примеч. пер.

3 Аллюзия на одноименную поэму-эпигранию классика английской литературы Оливера Голдсмита (1728–1774). — Примеч. пер.

4 Дословно — «лестничная шутка». — Примеч. пер.

5 Raubtier — хищник (нем.). — Примеч. пер.

6 Описывая самое начало войны в своих Daily Sketch, леди Оксфорд приводит замечательный пример британского юмора, показав разницу между теми счастливыми британцами, у которых оно есть, и теми, кто его лишен.

В один прекрасный день, пишет она, ей посчастливилось сидеть рядом с Иоахимом фон Риббентропом на одном из званых обедов. И вдруг она, ничтоже сумняшеся — страшно даже представить такую непосредственность! — сказала ему: «Я нашла у немецкого народа один недостаток: у него никогда не было чувства юмора». Ни Гете, ни Вагнер, добавила она, не обладали им; единственный немецкий писатель, известный своим юмором, так и тот был еврей —

Гейне. На что Риббентроп заметил, что они с Гитлером частенько просто катаются со смеху, причем в прямом смысле этого слова. «Если бы он не сказал это серьезно, — подчеркнула леди Оксфорд, — то я бы подумала, что он просто дурачит меня». Я сказала: «Вы и правда думаете, что это говорит о наличии чувства юмора? Скажу только, что, если бы кто из моих детей повел себя таким образом, я бы отправила его спать». — Примеч. авт.

7 «Немецкий дом» — памятник средневековой архитектуры в г. Динкельсбюль в стиле фахверк. Построен в 1440 г. — Примеч. пер.

8 Хозяйка дома (нем.) — Примеч. пер.

9 Игра слов — field-marshal и field («поле»). — Примеч. пер.

10 Автор неточен — в это время Курт Эйснер отошел от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и создал свою партию, Независимую СДПГ. С самого начала он говорил о коренном расхождении с большевиками по вопросу частной собственности, которую он защищал. — Примеч. пер.

11 Во время революции 1918–1919 гг. Карл Гандорфер возглавлял т. н. левое крыло крестьянского союза, защищавшее зажиточных крестьян и рассчитывавшее добиться экспроприации крупных помещичьих хозяйств в свою пользу. Его брат Людвиг, также поддерживавший Эйснера, умер в ноябре 1918-го, так что на митинге явно мог быть только Карл. — Примеч. пер.

12 Сволочь, собачье отродье, подлецы, свиньи (нем.) — Примеч. пер.

13 Эйснер был убит 21 февраля 1919 г. в Мюнхене молодым националистом графом Антоном Арко-Валлей (мать, которого, кстати, была еврейкой, а сам он — членом Общества Туле). — Примеч. пер.

14 Автор имеет в виду Евгения Левина (Левине). Родился в 1883 г. в Санкт-Петербурге, через три года уехал с матерью в Германию. Участник революции 1905 г. в России. Приехал в марте 1919 г. в Мюнхен по заданию компартии Германии. Возглавлял правительство Баварской республики две недели (в апреле). Расстрелян 5 июня 1919 г. — Примеч. пер.

15 Это не совсем так. Общество Туле играло активную роль в подготовке почвы для продвижения арийской идеологии и не менее активно участвовало в событиях конца 1918 года. Оно было достаточно крупным — 1500 членов в Баварском отделении (о котором и идет речь). Общество создало лагеря для подготовки бойцов, чтобы бороться с Советской республикой. Были разработаны и два плана по устранению Эйснера. — Примеч. пер.

16 Цифры казненных, приводимые Д. Ридом, отличаются от имеющихся в другой исторической литературе. 26 апреля 1919 г. арестовали 7 человек, которых поместили в подвалы гимназии Леопольда, где располагался штаб местной Красной армии. Их же и расстреляли 30 апреля. В обвинении значилась такая формулировка: «банда преступников... из так называемых высших классов... лживые реакционеры, агенты и белые шпионы». — Примеч. пер.

17 Здесь — при этом (нем.). — Примеч. пер.

18 Макдональд, Джеймс Рамсей (1866–1937), премьер-министр Великобритании. Родился 12 октября 1866 г. в Лоссимуте (Шотландия). Работал помощником учителя, клерком, журналистом. В 1894 г. вступил в ряды Независимой рабочей партии. Впоследствии Макдональд убедился в необходимости создания самостоятельной Лейбористской партии, поддерживаемой тред-юнионами. В 1900 г., когда по инициативе тред-юнионов был учрежден Комитет рабочего представительства для организации избирательной кампании, стал его секретарем. В 1906 Комитет был переименован в лейбористскую партию.

В 1906 г. Макдональд был избран членом парламента, в 1911 г. стал лидером фракции лейбористов в палате общин. В 1914 г. выступил с заявлением об ошибочности вступления Англии в войну и был смещен с поста лидера фракции.

В 1922 был избран лидером партии. В январе — ноябре 1924 занимал посты премьер-министра, министра иностранных дел. С 1929 г. Макдональд вновь занял пост премьер-министра.

В 1931 из-за серьезных финансовых трудностей Макдональд вместе с другими лейбористскими лидерами вышел из партии и сформировал т. н. «национальное правительство» вместе с консерваторами и частью либералов. Оставался на посту премьер-министра до 1935. Умер Макдональд на борту судна по пути в Южную Америку 9 ноября 1937.

Сноуден Филипп (18.7.1864, Коулинг, графство Йоркшир, — 15.5.1937, Элм-Лодж, близ г. Тилфорд, графство Суррей), английский политический деятель. В 1894 вступил в Независимую рабочую партию. Вместе с Дж. Г. Томасом и Макдональдом — один из основателей Лейбористской партии (1900). Министр финансов в первом (1924) и втором (1929–1931) лейбористских правительствах. В 1931 в числе других лейбористских лидеров перешёл на сторону консерваторов, войдя в состав т. н. национального правительства Дж. Макдональда и заняв в нем пост лорда-хранителя печати. В 1931 получил титул виконта. С 1932 в отставке. — Примеч. пер.

19 Саймон, Джон (1873–1954), британский политический и государственный деятель, 1-й виконт Саймон Стекпол-Элидорский (1940). Окончил университет и в 1899 получил степень бакалавра. Успешно занимался юридической практикой, затем вступил в Либеральную партию и в 1906 был избран по ее списку членом палаты общин. В мае 1915 г. Саймон стал государственным секретарем по внутренним делам, но затем был вынужден уйти из-за несогласия с кабинетом по вопросу введения воинской повинности. После войны был одним из лидеров либералов, а затем возглавил национал-либералов и вошел в кабинет Р. Макдональда в качестве государственного секретаря по иностранным делам. Позиция национал-либералов Саймона фактически полностью совпадала с позицией консерваторов. В 1937 назначен канцлером казначейства в кабинете Н. Чемберлена. В мае 1940 с приходом на пост премьер-министра У. Черчилля занял в его правительстве пост лорда-канцлера. В 1945 вышел в отставку и оставил политику. — Примеч. пер.

20 Зеверинг Карл (1.6.1875, Херфорд, — 23.7.1952, Билефельд), германский политический деятель; социал-демократ. Журналист. В 1907–11 и с 1920 депутат рейхстага, в 1919–1920 депутат Национального собрания. В 1920–1926 и 1930–1932 возглавлял прусское, в 1928–1930 имперское министерство внутренних дел, вел борьбу против революционного движения. После расстрела полицией первомайской демонстрации 1929 в Берлине добился запрещения пролетарского Союза красных фронтовиков. Зеверинг не оказал сопротивления имперскому правительству Папена, совершившему в июле 1932 переворот в Пруссии. В годы фашистской диктатуры получал пенсию. После 2-й мировой войны 1939–1945 был членом ландтага западногерманской земли Северный Рейн-Вестфалия от социал-демократической партии. — Примеч. пер.

21 Отто Штрассер занимал должность помощника референта отдела искусственных удобрений. — Примеч. пер.

22 «Я сидел, словно добрый малый, в своем министерстве и в своей конторе и никоим образом не занимался политикой» — Примеч. пер.

23 На наш взгляд, в данном случае адекватно русское выражение «шибко умный». — Примеч. пер.

24 Эта газета («Народный обозреватель») была выкуплена, по разным сведениям, за 60–100 тыс. марок, которые Гитлеру дал Рем. Деньги были взяты частично из армейского бюджета, а частично — от меценатов, в т. ч. известной фирмы по производству роялей «Бехштейн». Д. Рид несколько неточен — газета не была такой уж малоизвестной — она принадлежала Обществу Туле вплоть до ноября 1921 г., когда права перешли к Гитлеру. На тот момент газета выходила еженедельно, с 1923 года — ежедневно. — Примеч. пер.

25 Альберт фон Грефе — мекленбургский землевладелец, основатель «Народного рабочего движения». — Примеч. пер.

26 В то время в Германской Республике каждая земля обладала своими реальными и независимыми органами власти. Территория Пруссии была больше, чем территория остальных 16 земель, вместе взятых, — ее населяло 38 миллионов человек из 62-миллионного населения Германии, а занимала она 113 000 квадратных миль из 181 000. Фактически Пруссия составляла почти 60 % рейха. Пруссия и другие северогерманские земли в то время запретили Гитлеру как осужденному за организацию путча въезд на свои территории, так что его деятельность оказалась ограничена пределами самой большой южногерманской земли — Баварии, где проживало 7 500 000 человек. Тем не менее, политическая борьба велась главным образом и преимущественно именно в Северной Германии, в частности, в Пруссии, которая не только превосходила всех по размерам и численности населения, но и была местонахождением столицы, резиденцией руководства рейха и крайне влиятельного правительства самой Пруссии. Учитывая невозможность самому вести активные действия там, где это действительно было нужно, то есть в Пруссии, Гитлер передал руководство в этом регионе Грегору Штрассеру (в этой книге термин «Северная Германия», обозначающий зону полномочий Грегора Штрассера, на самом деле является фактически синонимом слова «Пруссия», хотя, безусловно, подразумевает под собой и остальные небольшие земли севера страны). Это означало, что, хотя Грегор Штрассер был номинальным представителем Гитлера, в действительности он обладал огромными полномочиями и влиянием в партии на большей части территории рейха. Поскольку его взгляды на основные принципы сильно отличались от позиции Гитлера, немудрено, что между Штрассером, стоявшим во главе партии в северных районах, и Гитлером, находившимся в Мюнхене, разгорелся конфликт. Историю борьбы партии за власть и грядущую триумфальную победу вообще невозможно понять, если не знать о том противостоянии, которое существовало между Грегором Штрассером (Отто поддержал его) и Гитлером. В действительности это была борьба за дух партии. Через несколько лет запрет на появление Гитлера на севере и в Пруссии был снят. Личные позиции Грегора Штрассера в партии постепенно ослаблялись (как это делалось, я покажу в своей книге). Последняя схватка произошла накануне прихода к власти 30 января 1933 года, когда политическая линия, предлагавшаяся Грегором Штрассером, была отвергнута, а принята линия, предложенная Герингом. После чего главные соперники Грегора Штрассера по партии — Геринг и Геббельс — обвинили его в предательстве. Последовали унижения и изгнание, а его убийство 30 июня 1934 года стало очередным и последним актом этой драмы. — Примеч. авт.

27 Автор не точен — конференция состоялась 22 ноября 1925 года. — Примеч. пер.

28 Лютце Виктор (1890–1943), глава штурмовых отрядов СА. Родился в Бевергене, в Вестфалии, 28 декабря 1890 г. В 1914–1918 гг., в период Первой мировой войны, Лютце служил в 369-м пехотном полку, а затем был переведен в 15-й резервный пехотный полк. В 1922 г. Лютце вступил в национал-социалистскую партию, в феврале 1933 г. был назначен Гитлером полицай-президентом

Ганновера, а в марте 1934 г. стал префектом города. Летом 1943 г. Лютце и его дочь погибли в автокатастрофе или, как было сказано в официальном заключении, «в результате дорожно-транспортного происшествия», после чего начальником штаба СА был назначен Вильгельм Шеппманн.

Руст Бернхард (1883–1945), рейхсминистр по делам науки, образования и культуры в правительстве Гитлера с 1933 по 1945. Родился 30 сентября 1883 в Ганновере в старинной юнкерской семье. Закончив гимназию в Ганновере, изучал германистику, философию, филологию, историю искусств и музыку в университетах Мюнхена, Геттингена, Берлина и Галле. В 1909 стал директором гимназии в Ганновере. Участник 1-й мировой войны, был награжден Железным крестом II и I степени и Орденом Гогенцоллернов. Присоединившись после войны к нацистскому движению, Руст стал гауляйтером Ганновера-Брауншвейга. В 1930 был избран депутатом рейхстага от нацистской партии. В феврале 1933 Руст был назначен министром культуры Пруссии. В 1934 Гитлер назначил его министром по делам науки, образования и культуры. Этот пост он занимал до конца Третьего рейха. Покончил с собой в мае 1945.

Керрл Ханс (1887–1941), рейхсминистр без портфеля в первом кабинете Гитлера. Родился 11 декабря 1887 в Фаллерслебене в семье преподавателя лютеранской школы. Во время 1-й мировой войны служил лейтенантом, был награжден Железным крестом II и I степени и Брауншвейгской медалью. После прихода нацистов к власти Керрл был назначен прусским министром юстиции и одновременно рейхсминистром без портфеля. В июле 1935 также был назначен министром по делам церкви; проводил политику подчинения евангелической церкви государству. Умер 15 декабря 1941 в Берлине.

Лей Роберт (1890–1945), рейхсляйтер, заведующий Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта. Родился 15 февраля 1890 в Нидербрейденбахе в семье богатых землевладельцев. Был в числе первых членов НСДАП. Борясь за лидерство в партии, он был противником Грегора Штрассера и встал на сторону Гитлера, который никогда не забывал его верности и содействовал его карьере. В 1928 Лей был избран в прусский ландтаг, а в 1930 в рейхстаг. С 1931 по 1934 он был гауляйтером Рейнланда. Вскоре после прихода Гитлера к власти Лей возглавил прусский Государственный совет. 2 мая 1933, с одобрения Гитлера, Лей возглавил «Комитет действия по защите немецкого труда». По его распоряжению были заняты помещения всех профсоюзов и арестованы их лидеры. Через несколько дней все профсоюзные организации Германии были подчинены Лейу, который стал бесспорным диктатором на посту руководителя Германского трудового фронта. Покончил жизнь самоубийством 24 октября 1945 года.

Гильдебрандт Фридрих (1898–1947) — партийный деятель; обергруппенфюрер СС (1942). Был сельскохозяйственным и железнодорожным рабочим. Участник Первой мировой войны, за боевые заслуги награжден Железным крестом I и II класса. С 1921 г. председатель народной группы НСДАП, с 1924 г. депутат ландтага Мекленбурга. В 1925–1945 гг. гауляйтер Шекленбурга-Любека (с 1937 г. — Мекленбурга). Член СС. С 1933 г. имперский наместник Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица и Любека. С 1939 г. имперский комиссар II военного округа, с 1942 г. имперский комиссар обороны Мекленбурга. В мае 1945 г. арестован американскими войсками. На проходившем в Дахау (март — апрель 1947 г.) процессе Американского военного трибунала признан виновным в казни американских летчиков. Повешен. — Примеч. пер.

29 Так называлась штаб-квартира НСДАП. — Примеч. пер.

30 Аман Макс (24.11.1891 — 30.3.1957), партийный деятель, рейхслейтер (1932), обергруппенфюрер СС (1934). Получил торговое образование. С 1912 на военной службе. Участник 1-й мировой войны, служил в Баварском пехотном полку фельдфебелем, непосредственный командир ефрейтора Адольфа Гитлера. За боевые отличия награжден Железным крестом 2-го класса. После окончания войны работал в банке. В 1921 один из первых членов НСДАП (партбилет № 3), ревностный сторонник Гитлера. Способный организатор. В 1921 назначен управляющим делами НСДАП и стал руководить финансовыми делами «Фёлькише беобахтер» Довольно быстро привел в порядок финансовые средства партии и газеты. С 1922 директор Центрального издательства НСДАП «Эхер ферлаг», руководил всей издательской деятельностью партии. Участник «Пивного путча» 1923, за участие в котором был арестован и провел 4,5 месяца в тюрьме. Именно Аманн изменил название книги Гитлера «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости» на «Майн кампф». С 09.11.1924 член городского совета Мюнхена. С 12.06.1928 до 12.06.1930 ландтага Верхней Баварии. В 1933 избран депутатом рейхстага от Верхней Баварии — Швабии. После прихода нацистов к власти сосредоточил в своих руках руководство германской прессой, превратив «Эхер ферлаг» в монополиста — крупнейший в мире газетный концерн, а сам стал миллионером (его личный доход в 1942 составил 3,8 млн. марок). В собственность «Эхер ферлаг» перешли издательства, ранее принадлежавшие евреям, в т. ч. мощнейшее объединение Ульштейна. С 14.11.1933 председатель Германского объединения издателей газет, а с 15 ноября одновременно президент Имперской палаты печати. В 1935 стал членом Имперского сената культуры. На этих постах Аманн имел право запретить по своему усмотрению любое издание, что он и делал, покупая затем запрещенную газету за бесценно. В процессе работы у Аманна постоянно возникали конфликты с Имперским министерством народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса и пресс-службой О. Дитраха, т. к. все эти ведомства боролись за контроль над германской прессой. В ходе процесса денацификации 08.09.1948 приговорен к 10 годам рабочих лагерей. — Примеч. пер.

31 «Атака» (нем.) — Примеч. пер.

32 Хинкель Ганс (1901–1960), партийный деятель, один из руководителей нацистской пропаганды, группенфюрер СС. С 1921 г. — член НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г., во время которого был ранен. С 1930 г. сотрудник берлинского отдела «Фёлькишер беобахтер», вскоре возглавил «личное» издательство Й. Геббельса «Ангриф» и стал руководителем пропаганды гау Большой Берлин. Ближайший сотрудник и соратник Геббельса. В 1930 г. — депутат рейхстага. В 1933 г. — государственный комиссар Министерства науки, искусств и народного образования Пруссии и генеральный секретарь имперской палаты культуры и руководитель Общества германской культуры. В 1947 г. осужден в Польше за конфискацию культурных ценностей. — Примеч. пер.

33 Шульце-Наумбург Пауль (10 июня 1869, Альмрих— 19 мая 1949, Йена), гитлеровский архитектор, один из наиболее ярких критиков архитектурного модернизма. Входил в состав идейно близкой к НСДАП группы «Союз борьбы архитекторов и инженеров». Автор программных трудов «Искусство и раса», «Нордическая красота». — Примеч. пер.

34 Фрик Вильгельм (1877–1946), рейхсляйтер, руководитель депутатской группы НСДАП в рейхстаге, юрист, один из ближайших друзей Гитлера в первые годы борьбы за власть. Родился 12 марта 1877 в Альзенце в семье школьного учителя. Учился на юридических факультетах Мюнхенского, Гёттингенского и Берлинского университетов, получил докторскую степень в

Гейдельберге. В 1912 в Мюнхене начал юридическую практику. Из-за слабых легких Фрик не участвовал в 1-й мировой войне. В 1919–23 возглавлял отделение мюнхенской полиции и отдел уголовного розыска (до 1925). Фрик познакомился с Гитлером, когда тот обратился к нему за разрешением на проведение политического митинга в Мюнхене.

Участник «Пивного путча»; в 1924 году избран в рейхстаг как депутат нацистской партии. В 1930, после того как НСДАП сумела вернуть шесть членов в Тюрингский ландтаг, Фрик был назначен министром внутренних дел Тюрингии, и стал первым нацистом, занявшим важный пост в провинции. В этом качестве он превратил Тюрингию в очаг оппозиции социал-демократическому правительству в Берлине.

Став канцлером, Гитлер назначил Фрика рейхсминистром внутренних дел. Фрик рьяно принялся за дело, сразу же заявив, что большинство судей и юристов в Берлине являются евреями. Он распустил баварское правительство и установил там нацистский режим. 31 марта 1933, воспользовавшись Законом о чрезвычайных полномочиях, Фрик распустил парламенты всех земель, кроме Пруссии, и приказал сформировать новые на основе соотношения депутатов от разных фракций в рейхстаге. Это означало, что коммунистов в ландтагах больше не будет. 19 июня 1933 он издал приказ, запрещающий деятельность социал-демократической партии Германии. Фрик тщательно следил за тем, чтобы все без исключения вновь назначаемые рейхсштатгальтеры были нацистами. 7 апреля 1933 он поддержал проект Закона о восстановлении государственной службы (по сути, устранявший с официальных должностей всех негодных лиц). 15 сентября 1935 участвовал в составлении Нюрнбергских законов о гражданстве и расе, ограничивающих права евреев в Германии, запрещающих им вступать в брак с немцами и ставящих их в положение граждан второго сорта. Повешен в Нюрнберге 16 октября 1946 г. — Примеч. пер.

35 Ревентлов Эрнст (18.8.1869, Хусум, Шлезвиг-Гольштейн — 21.11.1943, Мюнхен), граф, политический деятель. Служил в ВМФ. В 1900-х гг. выступил в печати с рядом статей по политическим и военно-морским вопросам, выступал с позиций пангерманизма. Автор военно-теоретических трудов, в т. ч. «Русско-японская война» (в 3 томах). Руководитель Пангерманского союза. В 1913, после публикации книги «Кайзер и монархисты», в которой критиковал действия императора Вильгельма II, был вынужден выйти в отставку в чине капитан-лейтенанта. С 1920 редактор журнала «Рейхсварт» («Reichswart»). В 1924 избран депутатом рейхстага. В 1927 вступил в НСДАП и стал одним из немногих нацистских депутатов рейхстага. — Примеч. пер.

36 Речь идет о совместных боевых действиях армий России и союзников в 1813 году против армии Наполеона. Штейн Генрих Фридрих Карл (26.10.1757, Нассау, — 29.6.1831, замок Каппенберг, Вестфалия), имперский барон, немецкий государственный деятель. С начала 1780-х гг. занимал ряд важных постов в горной промышленности Вестфалии. В 1804–1807 Министр прусского правительства. Выдвинутая им идея широких государственных реформ натолкнулась на сопротивление короля и его окружения. В мае 1812 по приглашению русского царя Александра I прибыл в Россию. Разработал план подготовки всеобщего восстания против наполеоновского господства в Германии. Возглавил Комитет по немецким делам (Немецкий комитет) — независимую от германской монархов организацию, сыгравшую важную роль в борьбе за освобождение Германии от наполеоновского ига. В 1813–1814 Ш. руководил центральной комиссией по управлению освобожденными территориями Германии. Отстаивал идею создания национального германского государства. — Примеч. пер.

37 В этот день О. Штрассер и 25 его сподвижников покинули партию. — Примеч. пер.

38 «Боевое содружество» было организовано в июле 1930 г. В «Черный фронт» организация превратилась осенью 1931 г. — Примеч. пер.

39 Бухрукер Бруно Эрнст (1878–1966), майор, руководитель «Кюстринского путча» в 1923 году. Бланк Герберт (1899–1958), немецкий националист, публицист. — Примеч. пер.

40 Мараун Артур (30.12.1890, Кассель — 27.03.1950), создатель «Младогерманского ордена». Участник Первой мировой войны, кавалер Железного креста первой степени. Выступал за создание Великой Германии. Предложил план создания народного государства. После прихода Гитлера к власти орден ушел в оппозицию и был запрещен. Мараун был арестован и несколько дней подвергался избиениям в казармах СС. Выпущен благодаря посредничеству Гинденбурга. — Примеч. пер.

41 Группа *Tatkreis* («Группа действия»), одна из многочисленных консервативных народнических организаций Германии, действовавшая в период Веймарской республики. Проповедовала крайний национализм и расизм, подвергала нападкам демократические формы правления, выступала против равенства классов и религий, против «болтливых и безответственных парламентов, продажных и не способных к действию», против всего, что связывалось с Веймарской республикой. Отвергая любые традиционные формы правления, доводы и переговоры как устаревшие, члены *Tatkreis* приветствовали политический хаос как неизбежный и потому единственный путь к «возрождению и свободе» в Германском отечестве. Члены *Tatkreis* призывали интеллектуальную элиту страны проявить свой талант; при этом они намеревались единолично возглавить грядущую национальную революцию. Они надеялись объединить интересы привилегированного класса с интересами *Mittelstand* (среднего класса), который составлял 45 % населения Германии. Члены *Tatkreis* превозносили молодежь как образец, по которому будет построено будущее германское общество. Приверженцы *Tatkreis* призывали к уничтожению капитализма и построению вместо него плановой национальной экономики, полному самообеспечению, что должно было положить конец обязательствам Германии перед другими странами.

Официальным печатным органом *Tatkreis* была газета «*Die Tat*» — наиболее популярное народное издание в Германии.

Tatkreis и особенно ее ультраправое крыло оказали сильное влияние на Гитлера. Большинство членов организации вначале не испытывало никаких симпатий к этому австрийцу, и многие были убеждены, что раскол нацистской партии в 1932 является лишь началом ее конца. Приход Гитлера к власти в 1933 лишил многих членов *Tatkreis* иллюзий, а те из них, кто выступал против нацизма, были убиты. *Tatkreis* постепенно прекратила свое существование, растворившись в нацистском движении. — Примеч. пер.

42 Церер Ганс (1899–1966) — немецкий философ, публицист, теоретик консервативной революции. Главный редактор консервативного журнала «*Die Tat*» («Дело»). Сторонник объединения «правых» и «левых» в новом политическом фронте против буржуазной демократии, коррупции и отчуждения.

Фрид Фердинанд — псевдоним немецкого публициста Фердинанда Фридриха Циммерманна (1898–1967). С 1923 по 1934 год был экономическим редактором ряда крупных газет и журналов. После прихода Гитлера к власти — оберштурмбаннфюрер СС, сотрудник расового ведомства при рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере. — Примеч. пер.

43 Весной 1930 года трое молодых лейтенантов из Ульмского гарнизона — Лудин, Шерингер и Вендт были арестованы за попытку вовлечь сослуживцев в сговор: не стрелять в мятежников в случае вооруженного нацистского восстания. Эти действия квалифицировались как государственная измена, но генерал Тренер, не желая предавать огласке факт государственной измены, решил отдать лейтенантов под трибунал якобы за нарушение дисциплины. Однако вызывающее поведение лейтенанта Шерингера, тайно переславшего в газету «Фёлькишер беобахтер» крамольную статью, обрекло этот маневр на неудачу. Через неделю после успешных для нацистов сентябрьских выборов 1930 года трое младших офицеров предстали перед верховным судом в Лейпциге по обвинению в государственной измене. — Примеч. пер.

44 Здесь и далее Д. Рид несколько «выпрямляет» ситуацию. Обращаясь к председательствующему в суде, Гитлер на самом деле сказал следующее: «Могу вас заверить, что когда национал-социалистское движение одержит победу в этой борьбе, то появится и национал-социалистский суд и тогда покатаются головы тех, с кого спросят за Ноябрьскую революцию 1918 года». — Примеч. пер.

45 Гофман-Леов Вилли (25.01.1887 — 03.10.1937), уроженец г. Бранденбург. Союз красных фронтовиков был создан Компартией Германии в 1925 году. По приезду в СССР жил в г. Энгельсе, занимал должность редактора немецкого государственного издательства. Арестован 26.02.1936 г. НКВД СССР в рамках репрессий против эмигрировавших из Германии коммунистов (преимущественно еврейской национальности). Осужден 03.10.1937 г. Верховным судом СССР за антисоветскую агитацию к ВМН. Расстрелян 03.10.1937 г. в г. Москве. Реабилитирован 29.09.1988 г. Верховным судом СССР — Примеч. пер.

46 Лейпарт Теодор — сопредседатель Всеобщего немецкого объединения профсоюзов. После закрытия нацистами профсоюзов 2 мая 1933 г. заявил о своей согласии сотрудничать с Гитлером. — Примеч. пер.

47 «Старик» — прозвище П. фон Гинденбурга. — Примеч. пер.

48 Грегор Штрассер работал юрисконсультантом в химической компании. — Примеч. пер.

49 Уоллес Эдгар (1875–1932) — английский писатель, журналист, один из самых известных детективных писателей (самый издаваемый английский автор 20-х гг. XX века). Написал 173 романа, более 1000 рассказов. Умер в Голливуде во время работы на сценарием знаменитого «Кинг-Конга». — Примеч. пер.

Филлипс Оппенгейм Эдуард (1866–1946) — популярный английский писатель конца XIX — начала XX века, автор приключенческих романов. — Примеч. пер.

50 «Так!» (нем.) — Примеч. пер.

51 Кельнер, официант (нем.). — Примеч. пер.

52 Так в Вене называется Бульварное кольцо. — Примеч. пер.

53 Подобные закупки немецких почтовых марок, которые контрабандой доставлялись в Прагу Штрассеру, где использовались для новой партии «почтовой» пропаганды, которая, в свою очередь, так же нелегально доставлялась в Германию и рассылалась по почте, были самым опасным этапом, потому что тайная полиция прилагала массу усилий, чтобы выследить источник распространения этих листовок. Возможно, почтовые служащие уже получили указания обращать внимание на того, кто будет закупать большие партии марок.

Небезынтересно вспомнить, что именно подобная опасность заставила британские власти в 1914–1918 гг. подделывать огромное количество немецких, австрийских и баварских почтовых марок, чтобы английские агенты, пронесившие пропагандистские листовки через территорию

нейтральных государств на земли врага, не подвергали свою жизнь опасности, покупая марки в почтовых отделениях. Однако эти «пропагандистские подделки», по сути, так и не были использованы, поскольку война завершилась как раз в тот момент, когда партии марок подготовили к употреблению. Так что ни одного писмоносца с этими марками так и не задержали. Неиспользованные марки ушли на рынок коллекционеров, где пользуются большой популярностью среди любителей филателии. — Примеч. авт.

54 Гейден Конрад (07.08.1901 — 18.07.1966) немецкий журналист и общественный деятель, автор книг по истории фашизма. Отец — профсоюзный чиновник, мать — еврейка из России Лиина Дойчман. Выпускник Мюнхенского университета, член СДПГ. В начале 1930-х годов занялся изучением гитлеризма (первая книга вышла в 1932 г.). По сути, именно Гейден ввел в обиход и распропагандировал термин «нацизм». В 1933 г. эмигрирует из Германии в Швейцарию, потом в Саар, а в 1940 году — в США. В 1944 г. выпускает свою самую известную книгу «Фюрер: путь Гитлера к власти». — Примеч. пер.

55 В ряде книг фамилия пишется как Кесбах. — Примеч. пер.

56 Во времена Штрассера в этой деревне проживало около 2000 человек. В настоящее время население городка составляет 5000 человек. Местность известна своими виноградниками. Находится на берегу Цюрихского озера, в 12 км от Цюриха. — Примеч. пер.

57 Возможно, это аллюзия на фрагмент из 8 гл. второй части романа Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона», где Тартарен, находящийся в Швейцарии, представляет, как попадает в плен казакам и его ссылают на рудники. — Примеч. пер.

58 Ван дер Люббе Маринус (Ринус; 13 января 1909, Лейден, Нидерланды — 10 января 1934, Лейпциг, Германия) — голландский коммунист, обвиненный в поджоге рейхстага 27 февраля 1933 г. В 1925 г. вступил в Голландскую коммунистическую партию. В 1926 г. после попадания цемента в глаза почти ослеп и остался без работы. Участвовал в политических забастовках и организации рабочего движения. В начале 1930-х гг., разочаровавшись в ориентированных на Коминтерн коммунистах, примыкал к нескольким небольшим леворадикальным группировкам, предпочитавшим прямые действия. В 1933 г. отправился в Германию, чтобы как-то бороться с пришедшими к власти национал-социалистами. По официальной версии, в ночь с 26 на 27 февраля пытался поджечь несколько общественных зданий в Берлине. После поджога рейхстага (27 февраля 1933 г.) ван дер Люббе был схвачен. На Лейпцигском процессе (в сентябре — декабре 1933 г.) он отстраненно смотрел, на задаваемые вопросы не отвечал, временами выкрикивая «нет, нет...». Своих «однодельцев» ван дер Люббе не выдал, взяв всю вину на себя. Свои действия он мотивировал протестом против роста влияния нацистов. Нацисты считали его агентом Коминтерна, а коммунисты — нацистским провокатором. Был приговорен к смертной казни на гильотине. Реабилитирован в январе 2008 года. — Примеч. пер.

59 «Ярмарка безумия» — книга Дугласа Рида о предвоенной Европе, принесшая ему мировую известность. Издана в 1938 году. — Примеч. пер.

60 Несмотря на то что в январе 1938 г. Гитлер обещал не пересматривать статус Данцига, 24 ноября того же года, после отрицательного ответа министра иностранных дел Польши Бека на предложение И. Риббентропа «подумать» над темой возвращения Данцига Германии, фюрер издал директиву о подготовке к захвату города. — Примеч. пер.

61 «С этим надо покончить» (фр.). — Примеч. пер.

62 Рид, вероятно, имеет в виду пакт Молотова — Риббентропа. — Примеч. пер.

63 Невил Хендерсон был британским послом в Берлине в 1937–1939 годах. — Примеч. пер.

64 Иден в тот момент занимал должность лорда — хранителя печати, а Саймон — министра иностранных дел. Переговоры с Гитлером состоялись 24–26 марта. Личный переводчик Гитлера, П. Шмидт, в своих воспоминаниях освещает этот вопрос несколько иначе. ««По Вашему мнению, господин рейхсканцлер, — спросил он [Саймон. — Примеч. пер.], — какой должна быть мощь германских военно-воздушных сил?» Гитлер уклонился от конкретного заявления. «Нам нужно равенство с Великобританией и Францией, — сказал он, сразу же добавив: — Разумеется, если бы Советский Союз увеличил свои военно-воздушные силы, Германия соответственно нарастила бы свой военно-воздушный флот». Саймон хотел получить больше информации: «Могу я спросить, насколько велика мощь Германии в воздухе в настоящее время?» Гитлер поколебался, а потом сказал: «Мы уже достигли равенства с Великобританией». Саймон воздержался от комментариев» // Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. Гл.1.

65 Хирль Константин (24 февраля 1875 — 23 сентября 1955) — один из крупнейших деятелей Третьего рейха, райхсарбайтсфюрер (глава Имперской трудовой службы, RAD) и один из ближайших соратников Гитлера еще до прихода последнего к власти.

Служил в кайзеровской армии, затем в рейхсвере. В 1919 году майор Хирль направил своего подчиненного Гитлера на собрание Германской рабочей партии. Гитлер вступил в эту организацию, и под его руководством она вскоре превратилась в печально известную НСДАП.

5 июня 1931 Хирль возглавил Добровольную трудовую службу — существовавшую при поддержке государства организацию, обслуживающую крупные строительные и сельскохозяйственные проекты и мобилизовавшую для этого сезонных работников. Во времена Великой депрессии, ввиду наличия большого количества безработных, организация приобрела огромное влияние. В это время Хирль уже был высокопоставленным функционером НСДАП и использовал свое влияние в целях своей партии. В 1933 организация была переименована в Национал-социалистическую трудовую службу (Nationalsozialistischer Arbeitsdienst, NSAD), а в 1934 — в Имперскую трудовую службу (Reichsarbeitsdienst, RAD). Хирль возглавлял эту службу до самого конца Третьего рейха.

В 1943 году Хирль получил звание рейхслейтера НСДАП, в 1943 году — имперский министр. 24 февраля 1945 получил высшую награду — Германский орден.

Осужден после войны, отбыл несколько лет в трудовом лагере.

66 Аллюзия на Лк 8:26–39. Сюжет об излечении Христом гадаринского бесноватого и вселении бесов в стадо свиней, бросившихся в озеро.

67 Узуфруктарий — название обладателя личного сервитута, т. е. лица, имеющего персональное право пользоваться чужой вещью. — Ред.

68 Рив Гош — престижный квартал на левом берегу Сены. — Примеч. пер.

69 Дуглас Рид имеет в виду роман французского писателя Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» (1851). В 1885 г. по данному сюжету композитором Дж. Пуччини была написана знаменитая опера «Богема». — Прим. пер.

70 В начале XX века знаменитое кафе «Ротонда» было излюбленным местом сбора анархистов, в 1920-е годы — эмигрантов-американцев, художников-авангардистов. В нем выступала в качестве певицы Габриэль Данель, получившая от посетителей этого кафе прозвище Коко, его постоянными посетителями были Кандинский, Модильяни, Пикассо, Влажик. — Примеч. пер.

71 Памятник в Кенсингтонском саду в Лондоне, открыт в 1861 г. королевой Викторией в память о муже, скончавшемся от тифа. Выполнен в готическом стиле. — Примеч. пер.

72 Дуглас Рид имеет в виду т. н. «План пан-Европы», автором которого был министр иностранных дел Франции Аристид Бриан. С предложением об организации европейского Федерального союза Бриан обратился 17 мая 1930 года к 27 странам. По замыслу французского руководства, данная организация, не противопоставляя себя Лиге Наций, должна была создать на континенте противовес английскому влиянию, способствовать усилению влияния Франции и изоляции СССР. План предполагал создание общей системы безопасности, в т. ч. мир между Францией и Германией, устранение таможенных границ и т. д. План не был реализован из-за противодействия Великобритании и Италии. — Примеч. пер.

73 Лорд Гм-Гм (в русской литературе встречаются варианты: Хо-Хо, Хау-Хау, Гав-Гав) — прозвище Уильяма Джойса (1906, Нью-Йорк, США — январь 1946), одного из лидеров британских фашистов. Родился в ирландской семье, сын католика и протестантки. Его родители получили американское гражданство, но в 1909 вернулись в Ирландию. В 1921 Джойс переехал в Англию. Окончил Лондонский университет. В 1923 вступил в небольшую антикоммунистическую группу. В 1932 вступил в Британский фашистский союз (British Union of Fascists; БФС) О. Мосли, где занимался вопросами пропаганды. В 1937 разошелся с Мосли, вышел из БФС и вместе с депутатом парламента Дж. Беккетом основал Национал-социалистическую лигу (National Socialist League), которая проповедовала антиеврейские и антикапиталистические идеи. В августе 1939 вместе со своей второй женой переехал в Германию, где стал активно заниматься нацистской пропагандой на Великобританию. Был ведущим радиокomentатором германских программ на английском языке, автор передачи «Германский призыв» (Germany Calling), которая имела довольно много слушателей на Британских островах. Во время войны получил германское гражданство. В мае 1945 арестован британскими властями. Осужден британским судом за военные преступления и приговорен к смертной казни. — Примеч. пер.

74 Филипп Генри Керр, 11-й маркиз Лотиан (1882–1940) — английский политический деятель. Выпускник Оксфорда, в 1905–1910 гг. работал в Южной Африке, был секретарем Ллойда Джорджа, советником Невилла Чемберлена, в 1939–1940 гг. — послом Соединенного Королевства в США. Симпатизировал Германии и сделал многое для того, чтобы направить агрессию Третьего рейха на восток. — Примеч. пер.

75 Сарказм Д. Рида в адрес соотечественников вполне понятен. 26 августа 1346 г. в битве при Креси (шла Столетняя война между Англией и Францией) английское войско разбило вчетверо превосходящую армию французов. Победу англичанам обеспечила новая тактика и использование нового вооружения. Битву при Креси считают началом упадка рыцарства — впервые в столь масштабных размерах пехота одолела всадников и, кроме того, были нарушены основы кодекса рыцарства — англичане убивали раненых и взятых в плен. Битва при Азенкуре 24 октября 1415 года явилась фактически концентрированным повторением сражения при Креси. Французская рыцарская конница понесла колоссальные потери. Приказ «пленных не брать» выполнялся англичанами скрупулезно — в битве при Азенкуре часть пленных была сожжена на кораблях, часть просто расстреляна лучниками. — Примеч. пер.

76 Ревущие сороковые — традиционное название океанических пространств в 40-х широтах Южного полушария, где обычны сильные и устойчивые западные ветры и частые штормы. — Примеч. пер.

77 Дуглас Рид говорит о гибели тяжелого немецкого крейсера «Адмирал граф Шпее», который осенью 1939 года осуществлял крейсерские операции в Атлантике (им было потоплено 11 торговых кораблей). Крейсер был блокирован тремя английскими кораблями в устье Ла-Платы. С помощью радиоигры англичанам удалось создать видимость, что к ним на помощь подошла британская эскадра. Командир немецкого крейсера поверил в эту дезинформацию и, несмотря на то, что в действительности огневая мощь судна позволяла ему с боем выйти из окружения, по указанию Гитлера 17 декабря 1939 года затопил корабль. — Примеч. пер.

78 Тяжелый крейсер «Дойчланд» (позднее переименован в «Лютцов») был спущен на воду в мае 1931 года. В боевых действиях особо себя не проявил. В конце войны был затоплен на Балтике. Поднят советскими ВМС, и в дальнейшем использовался как мишень на учениях Балтфлота. — Примеч. пер.

79 Чуть более 20 км/ч. — Примеч. пер.

80 Это ироническое название британская пресса 30-х годов дала крейсерам типа «Граф Шпее». — Примеч. пер.

81 Около 47 км/ч. — Примеч. пер.

82 На этот раз Рид ошибся в прогнозах. Военные действия на Западном фронте (не считая войны в Атлантике) Германия начала 9 апреля 1940 года, вторгнувшись в Данию и Норвегию. — Примеч. пер.

83 Президентом Австрии был Вильгельм Миклас, Шушниг занимал пост федерального канцлера, главы правительства. — Примеч. пер.

84 7 апреля 1939 года итальянский морской десант высадился в албанских портах. На следующий день взята столица — г. Тирана, королевское семейство бежало в Грецию, а Италия заключила с новым правительством «личную унию». — Примеч. пер.

85 Посол Великобритании в Германии в 1937–1939 гг. — Примеч. пер.

86 Сэмюэль Хор (иногда пишется Самюэль Хоар) (24 февраля 1880 — 7 мая 1959) — английский разведчик, государственный деятель. Учился в элитарной школе Харроу и Новом колледже Оксфордского университета. В 1910 был избран в палату общин. Во время Первой мировой работал на должности, связанной с организацией призыва. Совершил поездку в Россию в марте — июне 1916 с целью оценки работы британской разведки там по заданию Директората военной разведки военного министерства. 16 июня 1916 возглавил британскую разведывательную миссию в России, сменив на этом посту майора Торнхилла. Затем работал в разведке в Италии.

В 1922–1929 годах был министром ВВС Великобритании. В 1931–1935 занимал пост государственного секретаря по Индии. В 1935 — министр иностранных дел. Вместе с французским министром иностранных дел Лавалем подписал Соглашение Хора — Лавалья о разделе Эфиопии. В 1936–1937 — Первый Лорд Адмиралтейства. В 1937–1939 — министр внутренних дел. В 1939–1940 — лорд — хранитель печати. В 1940 — министр ВВС. В 1941–1944 — посол в Испании.

Джон Андерсон (8 июля 1882 — 4 января 1958), английский политический деятель. Образование получил в Эдинбургском и Лейпцигском университетах. В 1905 поступил на службу в Министерство колоний. В 1920-х гг. служил в Ирландии. С 1922 парламентский унтер-секретарь Министерства внутренних дел. С 1926 председатель комитета, занимавшегося расследованием всеобщей забастовки 1926 г. С 1932 губернатор Бенгалии. В 1938 вернулся в Англию и был избран членом палаты общин. В ноябре 1938 Андерсону поручена организация гражданской противовоздушной обороны. В 1938–1939 лорд — хранитель печати, в 1939–1940

государственный секретарь по внутренним делам (министр внутренних дел). Вошел в состав «военного кабинета» У. Черчилля (в октябре 1945 заменен, Г. Моррисоном), обладал очень большим влиянием. Выдвинул и осуществил план строительства специальных бомбоубежищ, которые получили название «бомбоубежищ Андерсона» (во время массированных налетов германской авиации на Англию в 1940 ими смогло воспользоваться ок. 20 млн чел.). Отвечал также за организацию своевременного оповещения населения об авианалетах и за привлечение гражданского населения к несению трудовой повинности. В 1940–1943 лорд-президент Совета и член Комитета по трудовым ресурсам, кроме того, входил в состав Комитета по контролю за деятельностью правительственных учреждений. С октября 1943 канцлер казначейства (министр финансов). Руководил введением разработанной К. Вудом системы сбора подоходного налога по принципу «плати в соответствии с заработком». Кроме того, Андерсон курировал работы по созданию британского ядерного оружия. Был одним из ближайших соратников Черчилля и неоднократно заменял его во главе гражданского управления (т. к. приоритетным у Черчилля была, естественно, военная политика). После поражения консерваторов на выборах 1945 оставил работу в правительстве. — Примеч. пер.

87 Ну он хотя бы хозяин (нем.). — Примеч. пер.

88 Прозвище, данное Ричарду Невиллу, графу Уорику, свергнувшему английского короля Генриха VI из династии Ланкастеров для возведения на трон Эдуарда IV из династии Йорков во время Войны Алой и Белой Розы. — Примеч. пер.

89 Речь идет о Курте фон Шлейхере. — Примеч. пер.

90 В историю это событие вошло под названием «Ночь длинных ножей». — Примеч. пер.

91 Дуглас Рид приводит несколько иной вариант перевода — «Всемирная история моего времени». На наш взгляд, оно не совсем корректно передает смысл глагола *erleben*. — Примеч. пер.

92 Михаэль Гайсмайер — деятель времен немецкой Реформации, последователь Томаса Мюнцера. Возглавил восстание в Тироле в 1525–1526 гг. Вынужден был уйти в Венецию, где в 30-е годы XVI века погиб от руки наемного убийцы, подосланного Габсбургами — Примеч. пер.

93 Автор неточен. Карл Август Витфогель (1896–1988) не был сотрудником заведения с таким названием. В конце 20-х — начале 30-х годов он, тогда еще член компартии Германии, приезжал в СССР, где переводились его книги по китаистике, встречался с руководством Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Неоднократно приглашался в советское посольство в Берлине на празднование годовщины Октябрьской революции. В конце 30-х годов порвал с коммунизмом. С 1935 г. и до конца жизни живет в США. Считается одним из авторитетов в мировой синологии и исторической науке в целом. В книге Д. Рида, возможно, речь идет о диспуте О. Штрассера и К. Витфогеля, состоявшемся в январе 1933 года. — Примеч. пер.

94 Автор имеет в виду пакт Молотова — Риббентропа. — Примеч. пер.

95 Автор имеет в виду Италию при Муссолини. — Примеч. пер.

96 «Польский коридор» (он же — Данцигский коридор) — встречающееся в историографии 1919–1945 наименование узкой полосы польской территории, возвращенной Польше после 1-й мировой войны и дававшей ей выход к Балтийскому морю. Пл. 16 295 км², длина с севера на юг ок. 230 км, ширина в южной части до 200 км, в сев. части (в самом узком месте) 30 км, протяженность береговой линии 71 км. «Польский коридор» отделял Восточную Пруссию и «Вольный город

Данциг» (Гданьск) от остальной части послевоенной Германии. В 1933 правительство фашистской Германии заявило о своих притязаниях на этот участок земли. В 1938 оно потребовало присоединить к Восточной Пруссии район «Вольного города Данцига», находившийся под контролем Лиги Наций, и разрешить Германии постройку экстерриториальных ж.-д. и шоссейных магистралей через «Польский коридор». Отказ правительства Польши удовлетворить эти требования стал одним из предлогов нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. — Примеч. пер.

97 Стремление, страстное желание (нем.). — Примеч. пер.

98 Дмитрий Галковский. Три тезиса о хазарах // Газета «Завтра», № 40 (672) от 4 октября 2006 г.

99 Thurlow R. Anti-Nazi Antisemite: the Case of Douglas Reed / Patterns of Prejudice, vol. 18, n 1, 1984. P.34.

100 Современные критики Д. Рида, как правило, используют этот и другие факты его биографии для обоснования тезиса о «нацистских взглядах» журналиста. «Ранние этапы жизни Рида имеют много общего с социологическим портретом типичного фашиста или нациста... в его «Ярмарке безумия» есть пассажи по поводу Англии, которые словно написаны... воспитанником гитлерюгенда» // Thurlow R. Idem. P. 23–24.

101 Eriksen K. Ibid.

102 Weber M. Douglas Reed. // The Journal for Historical Review, vol. 10, n 6, nov.-dec. 2000. P.33.

103 Руслан Хазарзар (Смородинов Р. А.). Сын Человеческий. Волгоград,

104 Oliver R. Douglas Reed and The Controversy of Zion // National vanguard, june-july, 2004.